Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь
Русский дом в Гомеле

СЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИОЛОГИЯ

Сборник научных статей

Основан в 2020 году

Выпуск 6

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2025

УДК 811.16:398.9(082)

В сборнике представлены статьи, освещающие широкий круг вопросов славянской фразеологии и паремиологии: лингвокультурологическую специфику фразеологических и паремиологических единиц; теоретические и лингвометодические аспекты фразеологии и паремиологии; проблематику компонентного состава, варьирования и трансформации устойчивых выражений; вопросы фразеографии; функционирование фразеологизмов и паремий в художественном тексте и медийном пространстве; проблематику неологических явлений в сфере фразеологии; вопросы сопоставительного исследования фразеологических и паремиологических единиц.

Адресуется специалистам в области фразеологии, фразеографии, паремиологии, лингвокультурологии, преподавателям, аспирантам и студентам-филологам.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

Выпуски 1, 2 и 3 в 2020, 2021 и 2022 годах вышли без нумерации.

Сборник издан при финансовой поддержке
Филиала представительства Россотрудничества в Республике Беларусь –
Русского дома в Гомеле

Редколлегия:
И. Г. Гомонова (отв. ред.),
Е. В. Ничипорчик (зам. отв. ред.), А. А. Аксёнчикова-Бирюкова (отв. секр.),
Е. Ф. Асенчик, Е. И. Тимошенко

Рецензенты:
доктор филологических наук В. С. Новак,
кандидат филологических наук Л. В. Поплавная

Рекомендован к изданию научно-техническим советом учреждения
образования «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

ISBN 978-985-32-0142-0

© Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», 2025

УДК 811.161.1’373

О. Ю. Авдевнина

ФРАЗЕОЛОГИЯ И АФОРИСТИКА В РАЗВИТИИ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ

Аннотация. Статья посвящена лингвометодическому анализу фразеологии как языкового и лингвокультурного ресурса формирования языковой компетенции студентов юридических специальностей. Автор выделяет два основных направления как фразеологической компетенции студентов, так и освоения фразеологии в ходе преподавания языковых дисциплин: во-первых, развитие навыка осмысления значения и структурных особенностей фразеологизмов как языковых единиц, с целью профилактики ошибочного их употребления в речи, и, во-вторых, отбор и освоение фразеологизмов, маркирующих научное творчество и речевые традиции профессии, с целью развития мышления и вхождения в профессиональный дискурс.

Ключевые слова: фразеологизмы, устойчивые сочетания, речевая инерция, выразительные средства, интеллектуальная фразеология, научный стиль, иноязычная фразеология, латинская афористика.

Современные педагогические и развивающие целеустановки обучения студентов нефилологических специальностей языку, носителями которого они являются, представляется амбивалентным: с одной стороны, согласно федеральным образовательным стандартам, языковое образование ориентировано на формирование речевых и коммуникативных навыков, необходимых в профессиональной деятельности (например, у юристов это составление документов, деловое общение, консультирование, судоговорение и т. п.); с другой – оно является универсальным образованием, общим для подготовки профессионалов самых разных специальностей, поскольку сам язык – это та общекультурная универсалия, которая объединяет представителей самых разных национальностей и разных профессий, служит формированию их общей языковой и культурной идентичности.

Имея в виду эту двунаправленность современного языкового образования, можно так же двояко толковать и используемое в нашем исследовании понятие *языковая компетенция*: это не только знания о русском литературном языке, его нормах и правилах, стилях и жанрах, развитие навыков словоупотребления, формообразования, построения синтаксических и текстовых конструкций и т. д. в том объеме и в тех формах, в которых это необходимо для профессиональной деятельности, но и *компетенция лингвокультурная* – совокупность разнообразных знаний и умений, формирующихся на пересечении языка и культуры, в том числе и в профессиональной сфере, например, навыков общей культуры коммуникации, этики и этикета, профессионального и речевого мышления, представления о профессии как особой сфере культуры и т. п., в этом ряду и формирование общих представлений о профессиональном дискурсе, языковой картине мира, универсальных и национальных ее контурах, отражающихся как в структуре языка и его семантическом фонде, так и в созданном в результате речетворчества арсенале выразительных средств.

К последним, безусловно, относятся фразеологизмы, которые являются единицами и языка, и речи. От языка в них структурные характеристики, непредложенческий тип сочетания слов, идиоматичность, устойчивость, незамкнутость (открытость) структуры и т. п. [1 с. 5]. От речи – воспроизводимость, вплоть до автоматизма (см. нашу работу: [2]), обусловленность сферой, характером и целями коммуникации, параметрами языковой личности и, конечно, теснейшей связью с культурой, что позволяет отнести фразеологизмы к языковым маркерам концептосферы культуры, к «культурным слоям в знаковых структурах языка» [3, с. 777]: «Знаковые средства естественного языка – слова, фразеологизмы разных типов, высказывания и целые тексты обретают роль знаков «языка» культуры в единстве своей формы и содержания» [3, с. 777].

Следует начать с того, что понятием *фразеологизм* в расширительном толковании охватываются довольно разнородные по структуре и семантической характеристике языковые явления, обладающие признаком синтаксической слитности сочетающихся слов (см., например, подход В. В. Виноградова [4]), и не только словосочетания, но и другие идиоматические структурные образования: пословицы, поговорки, крылатые слова из художественных произведений, афоризмы, деловые клише, газетные штампы и т. д., и не только сочетания лексики несвободного образного значения, но и словосочетания, не характеризующиеся образностью совсем или характеризующиеся стертой метафоричностью, типа: *принять участие, нанести оскорбление, сделать выводы, паспортный стол, презумпция невиновности* и т. п., которые сейчас принято называть *устойчивыми сочетаниями*.

Говоря о педагогическом и лингвометодическом потенциале фразеологизмов, нельзя не отметить, что это трудно усвояемая для использования в речи категория языковых единиц. Современная действительность во множестве поставляет нам самые разные регулярно воспроизводимые, образные и не очень, устойчивые выражения, в том числе из юридической, деловой и политической речи: *красные линии, мягкая сила, встреча без галстуков, комплекс неполноценности, комплекс вины, социальный лифт, в коридорах власти, дорожная карта, зарплата в конвертах, зеленый коридор, кредит доверия, подрыв доверия, на просторах Интернета, оборотни в погонах, офисный планктон, разбор полетов, черные копатели, черный нал, белый шум, выстрелить себе в ногу, завести уголовное дело* и т. п.

И, как показывают наблюдения над использованием этого фразеологического или фразеологизированного ресурса современными студентами, фразеологизмы появляются в речи довольно активно, однако в основном по инерции, автоматически, часто как единственное, безальтернативное средство выражения того или иного смысла – готовое выражение, некритично принимаемое в речь. Речевой автоматизм приводит к ошибкам в употреблении фразеологизмов. Препятствием для корректного их использования становятся то образность, метафоричность фразеологизма, не постигаемая говорящим, то его стилистическая обусловленность, то структурная и грамматическая целостность. Анализ ошибочных употреблений фразеологизмов дан в нашей работе [5].

Эти многочисленные ошибки подтверждают парадоксальный вывод о том, что излишнее и инерционное употребление фразеологизмов может свидетельствовать о низком уровне языковой компетенции. Так, Ш. Балли, например, называет фразеологию зоной речевой инерции, языковых, речевых и культурных стереотипов, не творчески воспринятых, автоматически повторяемых штампов и клише: «Излишнее употребление традиционных, банальных фразеологических групп – признак отсутствия стилевой оригинальности. Легкий, творческий стиль избегает привычных фразеологических групп, избегает клише. (…) Там, где сочетание слов, безусловно, окаменело, окончательно фиксировано языком, требовать оригинальности было бы неуместно (…). Это – сфера стереотипных литературных фраз и образов, от повторения потерявших прелесть свежести и новизны. Часть их – осколки индивидуального художественного творчества, большая часть – неизвестного происхождения. В социальной атмосфере бескультурья или полуобразованности такие клише могут казаться эффектными. На самом же деле, они лишь условная декорация, прикрывающая недостаток оригинального стиля или красноречия» (Цит. по: [4, с. 142]).

Вопрос тогда заключается в том, стоит ли связывать овладение фразеологией с формированием и расширением языковой компетенции, измеряется ли эта компетенция количеством появляющихся в речи фразеологизмов? Очевидно, что нет. Выход из речевой инерции находится в переводе бессознательного употребления фразеологизма в «светлое поле» сознания, в осмыслении его образности, происхождения, связи с действительностью и культурой, с концептосферой языка, с эпохой, историей, жизнью общества и т. п. И задача состоит не только в том, чтобы минимизировать случаи ошибочного употребления фразеологизмов, но и в том, чтобы активизировать их содержательный ресурс.

Так, педагогический потенциал фразеологии видится, во-первых, в возможном ее влиянии, при условии осознанного к ней отношения, на развитие мыслительных способностей, ведь любой фразеологизм (в широком толковании – как устойчивое сочетание слов, о чем было сказано выше) – это всегда мыслительная структура: понятие, суждение (пословица, поговорка), оценка, обобщение обыденных или научных знаний, наблюдений, представлений.

За фразеологией языка всегда признавалась познавательная функция: как гносеологическая, так и ономасиологическая [1, с. 26–27] – способность фразеологизмов выступать в функции инструмента познания и средства номинации, например, терминологических и номенклатурных единиц: *наследственная масса, по духу закона, юридическое лицо, физическое лицо, замороженные активы, отмывание денег, вступить в наследство, злоупотребление служебным положением, конфликт интересов* и т. п.

Познавательный же потенциал фразеологии состоит не только в постижении накопленной в ней мудрости, но и в необходимости объяснения, толкования фразеологизма, в поиске возможностей семантического перевода, альтернативных средств выражения смысла, в самой рефлексии над его значением и употреблением, в тех мыслительных усилиях, которые развивают смысловое чутье и мышление в целом.

Так, характеризуя словарь «Золотые россыпи русского разговора. Пословицы, поговорки; фразеологизмы, меткие выражения» Ю. Ф. Овсянникова, К. Э. Штайн сравнивает их с логико-риторическими фигурами – топосами, общими местами [6, с. 15]: «Пословицы и поговорки так и просятся стать аргументами в споре, репликами в диалоге, ведь они – квинтэссенция житейской мудрости: сказанная вовремя пословица столь же стара, сколь и нова, традиционна и эволюционна. Живость, непосредственной разговорный склад – их свидетельство диалогичности народной культуры. (…) Некоторые их них – готовые темы для разговора. (…) Не сомневаюсь, можно построить интереснейшее руководство к применению пословиц, поговорок, фразеологизмов в различных речевых ситуациях, сообразно тому или иному речевому акту, теме» [6, с. 15–16].

К слову сказать, опыт составления такого руководства для обучающихся научному стилю речи в лингвометодике имеется, в том числе и у автора этой статьи: через вычленение так называемой *интеллектуальной фразеологии*: *красной нитью, краеугольный камень, во главу угла, рациональное зерно, прийти к общему знаменателю, как бы с водой не выплеснуть ребенка, запас прочности, клубок противоречий, в корне неверно, точка отсчета* и т. п. Существует множество работ, посвященных как исследовательскому, так и лингвометодическому аспекту фразеологии научного стиля. Общепризнан национальный характер фразеологии и ее связь, прежде всего, с простонародной культурой, однако имеющийся в языке арсенал интеллектуальной фразеологии, в том числе и переводной, осваивается именно на этапе получения образования, а значит, в большей степени способствует совершенствованию языковой компетенции.

Осмысление фразеологии может определяться и такой целеустановкой изучения языка, как «вхождение в профессиональный дискурс», под которым понимается формирование профессиональной идентичности через знакомство с культурно-речевым наследием профессии: традициями, обычаями, этикой и этикетом профессиональной коммуникации, жанрами словесности, образцами ораторского искусства, произведениями публицистики и т. п. Так, несмотря на всеохватный характер фразеологии с точки зрения отражения в ней национального культурного кода, так же, как и в случае со стилевой обусловленностью, существуют и предпочтения, продиктованные традициями общения в той или иной профессиональной сфере.

Именно на дискурсивность фразеологии обращает внимание, например, В. Н. Телия, когда, рассуждая о связи фразеологии с национальной культурой, различает разные ее виды, влияющие на культурную идентичность личности: «Установки культуры формируются «от младых ногтей». Но их принятие как морально-нравственных ориентиров

жизнедеятельности во многом зависит от «давления» того микро- или макросоциума, с которым ассоциирует себя личность (сравн. в этой связи разграничение культуры на высокую, массовую, молодежную, семейную, городскую, деревенскую и т. п., а также на идиокультуру, то есть культуру отдельной личности). Выбор и предпочтение тех или иных установок культуры колеблется в зависимости от идентификации личности с тем или иным социумом. И тем не менее, подобно тому, как существует «общий» для его носителей язык, так и общепонятны для носителей культуры общие же для этнического или национального сообщества установки. Именно поэтому небеспредметны такие, например, понятия-термины, как культура Древней Греции, культура Средневековья, общечеловеческая или национальная культура, в частности – русская культура» [3, с. 776].

Полезны для «вхождения в профессиональный дискурс» и освоения профессиональной (юридической, политической) и терминологической лексики задания, нацеленные на составление паспорта слова-понятия (*закон, конституция, санкция, полиция, прокурор, кредит, юстиция* и т. п.), которые предполагают работу с разными видами словарей и выявление разных форм употребления слова, в том числе в составе устойчивых выражений (подробнее см. [1]).

Юридический дискурс, с точки зрения использования фразеологического ресурса, отличается активным функционированием латиноязычной лексики и афористики. По мнению автора старейшего в России (первое издание относится к 1892–1893 гг.) фразеологического словаря «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и выражений» [7; 8] Морица Ильича Михельсона, достоянием русской мысли должны быть признаны метафоры и выражения не только на русском, но и на иностранных языках. В данном словаре приведены длинные словники выражений на английском, французском, немецком, итальянском, латинском языках, которые приводятся в одной словарной статье с русскоязычными выражениями, дополняя их толкование и демонстрируя универсальный, межъязыковой характер той или иной мысли. Например: «*Законъ назадъ не дѣйствует* (старин. посл. юрид.), т. е. всякий новый закон имѣет силу для будущих случаев, послѣ изданія его, а не за прошлое время. Ср. *Законъ обратного дѣйствия не имѣет*. Указ 1785 г. Дек. 18-го. Ср. *Lex ad praeteria trahi nequit* (Jur.)» [7, с. 323].

Иноязычные выражения, по убеждению М. И. Михельсона, это тоже «русская мысль», «ходячие» и «меткие» выражения русской речи, во множестве употребляющиеся «в сочинениях наших писателей», «всякими правдами и неправдами усевшиеся между аборигенами и получившие у нас право гражданства» [7, с. VI–VII].

Студентами-юристами они изучаются на занятиях не только по латинскому языку, но и по освоению научного стиля в курсе русского языка. Среди этих метафор и выражений как универсальные элементы письменной культуры, широко употребляемые в научной речи без перевода: *terra incognita, tabula rasa, a priori, a posteriori, homo sapiens, homo loquens, modus vivendi, pro et contra, perpetuum mobile, persona grata (persona non grata), alma mater, altera pars, alter ego, primus inter pares, tertium non datur, Nota bene, Post scriptum* и т. д., так и сугубо юридические, восходящие к употреблению в римском праве: *de facto, de jure, post factum, corpus juris, corpus delicti, intra leges, de dolo malo, cui prodest, pater familias, persona sui juris, modus vivendi; Testis unus, testis nullus; Res judicāta pro veritāte habētur; Lex retro non agit* и т. п. [9].

Повышает ли освоение иноязычной фразеологии и метафорики именно русскоязычную компетенцию? Без сомнения, ведь знакомство с ней развивает компаративистский и эстетический взгляд на выражение мысли средствами разных языков, приучает ценить красоту языковой формы суждения, образность и орнаментальность выражения мысли, находить удовольствие в знании и использовании фразеологизмов как выразительных средств языка.

Таким образом, можно выделить по крайней мере два взаимосвязанных направления работы с фразеологизмами в ходе обучения языку студентов неязыковых специальностей: во-первых, это преодоление инерции в употреблении фразеологизмов с целью предотвращения связанных с ними речевых ошибок посредством развития внимания к их форме и содержанию, привычки к рефлексии над их значением и традицией употребления в речи; во-вторых, через освоение фразеологического ресурса профессионального сегмента речевой культуры формирование культурно-языковой идентичности, общей и профессиональной культурной компетенции.

Список использованных источников

1. Золотые россыпи русского разговора. Пословицы, поговорки; фразеологизмы, меткие выражения / сост. Ю. Ф. Овсянников. – Ставрополь : Ставропольское книжное издательство, 1998. – 365 с.

2. Авдевнина, О. Ю. Проект «Все об одном слове»: о возрождении одной лингвометодической традиции / О. Ю. Авдевнина // Проблемы филологического образования : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Л. И. Черемисиновой. – Саратов : Изд-во «Саратовский источник», 2019. – Вып. 11. – С. 15–21.

3. Телия, В. Н. Замысел, цели и задачи словаря нового типа / В. Н. Телия // Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : АСТ – ПРЕСС КНИГА, 2014. – С. 776–782.

4. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Виноградов, В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М. : Наука, 1977. – С. 140–161.

5. Авдевнина, О. Ю. Роль фразеологии в развитии метафорического мышления и становлении культурно-языковой компетенции студентов-юристов / О. Ю. Авдевнина // Язык: теория, история и практика преподавания : сборник научных трудов. Вып. 3. / под ред. Е. Ю. Балашовой. – Саратов : ИП Коваль Ю.В., 2019. – С. 77–84.

6. Штайн, К. Э. О пословицах и поговорках / К. Э. Штайн // Золотые россыпи русского разговора. Пословицы, поговорки; фразеологизмы, меткие выражения / сост. Ю. Ф. Овсянников. − Ставрополь : Ставропольское книжное издательство, 1998. − 365 с.

7. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний : в 2-х тт. / М. И. Михельсон. – М. : Русские словари, 1994. – Т. 1. – 819 с.

8. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний : в 2-х тт. / М. И. Михельсон. – М. : Русские словари, 1994. – Т. 2. – 936 с.

9. Латинско-русский словарь юридических терминов и выражений для специалистов и переводчиков английского языка / автор-составитель М. Гамзатов. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2002. – 508 с.

Abstract. The article is devoted to the linguistic and methodological analysis of phraseology as a linguistic and linguocultural resource for the formation of linguistic competence of law students. The author identifies two main areas of both students' phraseological competence and the development of phraseology in the course of features of phraseological units as linguistic units, in order to prevent their erroneous use in speech, and, secondly, the selection and development of phraseological units marking scientific creativity and speech traditions of the profession, with the aim of developing thinking and entering professional discourse.

Keywords: phraseological units, stable combinations, speech inertia, expressive means, intellectual phraseology, scientific style, foreign phraseology, Latin aphoristics.

Авдевнина Ольга Юрьевна – доктор филологических наук, доцент; Саратовская государственная юридическая академия (olga.rosauz@gmail.com).

УДК 81’276.1:81’37:398.92

О. И. Авдеева

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СИНТАГМАТИКА УСТОЙЧИВОГО СОЧЕТАНИЯ *ТИХИЙ ДОН*

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности внутренней и внешней семантической синтагматики устойчивого сочетания *Тихий Дон* в его различных номинативных функциях. Данное устойчивое сочетание входит в периферийную зону фразеологического корпуса русского языка. Иллюстративный материал, взятый из Национального корпуса русского языка, позволил проанализировать внутреннюю и внешнюю семантическую синтагматику устойчивого сочетания *Тихий Дон* и выявить на основе внешней синтагматики сильные и слабые позиции реализации основных значений данного устойчивого сочетания, а также проиллюстрировать приращение его новых смыслов.

Ключевые слова: фразеология, фразеологизмы, фразеологическое сочетание, устойчивое сочетание, синтагматика, семантическая синтагматика, Тихий Дон.

Устойчивое сочетание *Тихий Дон* в русском языке употребляется для обозначения различных объектов действительности: 1) реки, 2) местности рядом с Доном, 3) жителей донского региона, 4) романа-эпопеи Михаила Александровича Шолохова, 5) фильма, 6) оперы, 7) поезда и др. Необходимо отметить вариантность правописания данного устойчивого сочетания: в случаях обозначения названия романа-эпопеи, фильма, оперы, санатория, поезда и т. п., когда устойчивое сочетание является с грамматической точки зрения несогласованным приложением, выраженным именем собственным, оно пишется с прописной буквы и в кавычках, а в случаях обозначения наименования реки, названия местности рядом с Доном, жителей донского региона наблюдается вариантность написания компонента *тихий* как с прописной, так и со строчной буквы. Это объясняется, на наш взгляд, позицией семантической переходности компонента *тихий* от имени нарицательного к имени собственному и слияния его с компонентом *Дон* как с бесспорным именем собственным: при использовании компонента *тихий* в качестве определения используется строчная буква, а в случаях слияния с именем собственным *Дон* компонент *Тихий* пишется с прописной буквы, хотя четкая граница между этими языковыми явлениями отсутствует и отмечено много переходных случаев, допускающих двоякое толкование и, как следствие, двоякий вариант написания.

Принадлежность устойчивого сочетания *Тихий Дон* к фразеологии решается посредством полевой модели фразеологического корпуса языка, разработанной Е. А. Добрыдневой. Согласно ее теории, данный корпус содержит три зоны: ядерную, околоядерную и периферийную. Ядерную зону образуют идиомы. Околоядерную зону образуют интеръективные (междометные) фразеологизмы, основное назначение которых – «непосредственное выражение открытого чувства» [1, с. 67]. Периферийная зона содержит разнообразные «устойчивые фразы» (В. Л. Архангельский), или устойчивые словесные комплексы: этикетные, или ритуальные, формулы, штампы и клише, составные термины и «номенклатурные названия» [2, с. 17], перифразы и эвфемизмы, тавтологические обороты, пословицы и поговорки, афоризмы и литературные цитаты [2, с. 9–19]. Таким образом, «устойчивые фразы», в том числе устойчивое сочетание *Тихий Дон*, относятся к периферийной зоне фразеологического корпуса языка.

Опора на классификацию фразеологических единиц В. В. Виноградова [3], а затем – на классификацию фразеологических оборотов Н. М. Шанского [4] позволяет определить устойчивое выражение *Тихий Дон* как фразеологическое сочетание, для которого характерно использование одного компонента – обычно опорного – в прямом значении, а второго – во фразеологически связанном: «во фразеологическом сочетании обычно лишь значение одного из слов воспринимается как значение несвободное, связанное» [3, с. 33].

Однако, учитывая разную степень фразеологизации компонента *тихий* в составе сочетания *Тихий Дон* в разных его значениях, считаем предпочтительным использовать не традиционный термин «фразеологическое сочетание», а термин «устойчивое сочетание» как более точно отражающий природу рассматриваемой единицы.

Цель данного исследования – выявить особенности синтагматики устойчивого сочетания *Тихий Дон* в каждом из его значений и определить роль внешней синтагматики как в реализации основного значения данной языковой единицы, так и в области приращения ее новых смыслов.

По определению Е. С. Кубряковой, термином «синтагматика» обозначаются отношения, возникающие между знаками языка «при их непосредственном сочетании друг с другом в реальном потоке речи или в тексте» [5, с. 447].

Основными видами синтагматики признаны семантическая и грамматическая. Предметом данного исследования является семантическая синтагматика устойчивого сочетания *Тихий Дон.*

Учитывая раздельнооформленность фразеологических единиц, следует отметить, что фразеологическая синтагматика исследуется на двух уровнях – внутреннем и внешнем. О необходимости взаимосвязанного их изучения писал Ю. А. Гвоздарев, рассматривая их как «два аспекта, тесно связанных между собой и в равной мере необходимых, поскольку эти стороны находятся в причинно-следственной связи» [6, с. 191]. При изучении внутренней синтагматики анализируются различные связи между компонентами фраземы, а при изучении внешней синтагматики анализу подвергаются аналогичные виды связей фраземы с окружающим контекстом. Таким образом, в данном исследовании анализируется внутренняя и внешняя разновидности семантической синтагматики устойчивого сочетания *Тихий Дон.*

Наименьшей единицей контекста фразеологизма является конфигурация, образованная, по мнению М. Т. Тагиева, совокупностью фразеологизма и окружающего контекста как ядра и окружения [7, с. 5]. Следует учитывать, что окружение образуется не любыми находящимися рядом словами или сочетаниями слов, а только теми, которые являются необходимыми и достаточными для создания конфигураций [8, с. 4], т. е. для минимальной семантической и грамматической реализации фраземы. Конфигурации, образованные фраземой и ее окружением, также представляют собой синтагму.

Устойчивое сочетание *Тихий Дон* с точки зрения его внутренней семантической синтагматики представляет собой синтагму, в которой можно выделить два компонента – $М_1$ и $М_2$, а в качестве синтагмемы (синтагмообразующей семы) выступает сема (а). В. Г. Гак в области синтагматики лексем выделил 3 вида отношений компонентов синтагмы: 1) семантическое согласование; 2) семантическое несогласование; 3) семантическое рассогласование [9, с. 284–285]. Исследование фразеологического материала в аспекте семантической синтагматики позволило нам выявить пригодность данной классификации к исследованию фразеологизмов, а также уточнить данную классификацию, определив виды отношений компонентов синтагмы, как 1) полное семантическое согласование; 2) неполное семантическое согласование; 3) семантическое рассогласование [10, с. 82].

Полное семантическое согласование предполагает наличие общей семы в обоих членах синтагмы, что выражается формулой: $М_1$ (а) + $М_2$ (а). Например, *сгореть от стыда*, где у обоих компонентов есть общая синтагмема «краснеть». В этом случае наблюдается взаимная детерминация компонентов: если *сгореть*, то *от стыда*, и наоборот, если *от стыда*, то чаще всего *сгореть, пылать, краснеть* и т. д.

Неполное семантическое согласование (по терминологии В. Г. Гака – семантическое несогласование) допускает отсутствие общей конкретной семы (а) в одном из слагаемых: $М_1$ (а) + $М_2$. Компоненты согласуются по абстрактной семе, что позволило нам изменить термин В. Г. Гака «семантическое несогласование» на термин «неполное семантическое согласование», который, на наш взгляд, более точно выражает взаимоотношения компонентов данной синтагмы. В этом случае компоненты синтагмы допускают сочетание

друг с другом, но оно не является обязательным. Именно такие отношения компонентов наблюдаются на уровне внутренней синтагматики у устойчивого сочетания *Тихий Дон.* Компонент *тихий* предполагает сочетание не только с компонентом *Дон,* но и с такими компонентами, как *час* (*тихий час*), *убийца* (*тихий убийца* – ‘о гипертонии’, ‘о гепатите’), в то время как компонент *Дон* предполагает сочетание не только с компонентом *тихий,* но и с компонентами *батюшка* (*Дон-батюшка*), *Иванович* (*Дон Иванович*).

Третий вид отношений – рассогласование – возникает при соединении в синтагме компонентов, несовместимых с точки зрения реальных предметных отношений [11, с. 285]. Синтагма в таком случае имеет следующую структурную формулу: M_1 (а) + M_2 ($\bar{а}$). В этом случае компоненты приспосабливаются друг к другу разными способами: либо у компонента M_2 появляется сема (а), либо у компонента M_1 угасает сема (а), что порождает семантическую совместимость компонентов. Рассогласование встречается у фразеологизмов двух видов: первый вид – фраземы, содержащие компоненты с противоположными, взаимоисключающими семами, т. е. фраземы оксиморонного характера: *белая ворона*; второй вид – фраземы, содержащие компоненты, не имеющие общих сем: *(нужен) как зайцу стоп-сигнал*.

Устойчивое сочетание *Тихий Дон* во всех своих значениях имеет одинаковую внутреннюю семантическую синтагматику. Причем в устойчивых сочетаниях, выступающих в качестве названия реки, названия местности рядом с Доном и жителей донского региона, проявляются живые семантические связи компонентов, так как наблюдается мотивация компонентов, а в устойчивых сочетаниях, выступающих в качестве названия романа-эпопеи М. А. Шолохова, названия фирменного поезда «Ростов-на-Дону – Москва», названия других объектов (фильмов, оперы, санатория и др.), просматриваются неживые, условные связи компонентов, основанные на связях первого типа, но такие, в которых уже отсутствует мотивация каждого компонента, а наблюдаются следы мотивации устойчивого сочетания в целом.

Внешняя семантическая синтагматика устойчивого сочетания *Тихий Дон* отличается в зависимости от значения данной языковой единицы. Однако во всех конфигурациях, образованных данной единицей и окружающим контекстом, выделяются сильные и слабые контекстуальные позиции рассматриваемого устойчивого сочетания.

Значение устойчивого сочетания *Тихий Дон*, обозначающего название реки, ближе всего можно передать описательным оборотом ‘родная, любимая спокойная река Дон’, причем компонент значения ‘спокойная’ как характеристика течения равнинных рек противопоставляется в сознании говорящих компоненту значения ‘бурная, буйная’ как характеристике течения горных рек. Устойчивое сочетание *Тихий Дон* в этом значении чаще всего употребляется в сильной контекстуальной позиции, которая помогает отграничить использование единицы в данном значении от использования ее в других, близких значениях. Например: *Поездная прислуга играет в три листика, а мы меланхолически созерцаем текущий справа от пути* ***тихий Дон*** *и единственную двухмачтовую старую шхуну, стоящую у берега* [А. И. Куприн. Путевые картинки (1900)] [12]. Конфигурация *текущий справа от пути* ***тихий Дон*** представляет собой пример сильной контекстуальной позиции, так как в обоих компонентах *текущий* и *тихий Дон* одной из главных сем является сема ‘река’. Здесь ближний контекст поддерживает основное значение устойчивого сочетания.

В другом примере сильная контекстуальная позиция образуется за счет и ближнего, и дальнего контекста. Например: *Илья Танцур взглянул еще раз назад к стороне Дона, откуда пришел, а потом на Волгу. Прощай, батюшка,* ***тихий Дон*** *Иваныч! Здравствуй, матушка Волга!* [Г. П. Данилевский. Воля (1863)] [12]. Ближний контекст сформирован конфигурацией *батюшка,* ***тихий Дон*** *Иваныч!*, компоненты которой *батюшка* и *Иваныч* в донской культуре традиционно используются при описании реки Дон. Кроме того, сема ‘река’ содержится в компонентах дальнего контекста *взглянул ... назад к стороне Дона* и *на Волгу.*

За счет компонентов *батюшка* и *Иваныч* происходит приращение новых смыслов ‘уважаемый’, ‘дорогой’ к основному значению ‘родная, любимая спокойная река Дон’.

Примером слабой контекстуальной позиции является следующий: *Еще несколько усилий и вы придете к цели – увидите ваши станицы и* ***тихий Дон*** [П. Н. Врангель. Записки (1916–1921)] [12]. В данном случае контекст не поддерживает основного значения сочетания *тихий Дон.*

Устойчивое сочетание *Тихий Дон* со значением ‘местность рядом с Доном’ также представлено примерами сильной и слабой контекстуальных позиций.

Задачею мятежа, как и при Стеньке Разине, было расширить область казачества. Средоточием его признавался Дон и донское казачье войско, которое на поэтическом русском народном языке носило название, как наименование своего отечества, ***Тихий Дон*** [Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск шестой: XVIII столетие (1862–1875)] [12]. Оба компонента конфигурации *наименование своего отечества* и *Тихий Дон* содержат сему ‘родина’, ‘родная земля’.

Примером слабой контекстуальной позиции является следующий: *Пишу из станицы из-под Ростова, пользуясь случаем – в Москву и Питер едет специальный курьер. Ириночка, буду с тобой откровенен… Наши дела неважны. Седой Дон,* ***тихий Дон****, чтобы его черт побрал! На Дону мы, русские офицеры, всю зиму отбивались от солдатни и матросов, защищали самостоятельность края и пытались не допустить его разорения, а само казачество, за малым исключением, проявило ко всей кутерьме величайшее равнодушие. Уходим за Дон, в степи… Щади маму, она ничего не должна знать* [Артем Веселый. Россия, кровью умытая (1924–1932)] [12]. Отсутствие четкой контекстуальной поддержки позволяет в данном примере соединить два значения устойчивого сочетания *тихий Дон*: ‘река’ и ‘местность рядом с Доном’, возможно, здесь есть приращение и третьего значения – ‘жители донского региона’. Находящийся рядом междометный фразеологизм *чтобы его черт побрал!* порождает приращение смысла – дает негативную оценку событиям, происходящим на Дону. Причем возникновению данного смысла способствует также ироничность употребления сочетания *тихий Дон* во всех его трех вышеперечисленных значениях: ‘родная, любимая спокойная река Дон’ не является для автора ни родной, ни любимой, и о спокойствии в это время в донском регионе даже речь не идет. Для автора это чужая сторона, с которой связаны только самые тяжелые, жестокие, неспокойные, и в его понимании – бессмысленные события, которые вызывают у него самые негативные чувства.

Устойчивое сочетания *Тихий Дон* со значением ‘жители донского региона’, также может образовывать конфигурации с сильной контекстуальной позицией. Например: *Вскипит, взволнуется и кликнет клич – клич чести и свободы… И взволновался* ***Тихий Дон****… Клубится по дорогам пыль, ржут кони, блещут пики…* [Ф. Д. Крюков. Край родной // «Донская волна», 1918] [12]. Здесь основное значение – ‘жители донского региона’ – поддерживается как близким контекстом (*взволновался*), так и дальним (*Вскипит, взволнуется и кликнет клич – клич чести и свободы*). Компоненты *взволновался*, *вскипит*, *кликнет клич* порождают приращение нового смысла – ‘беспокойное время, неспокойные события на Дону’.

В следующем отрывке: *Братцы и станичники! Спрашиваю я вас: что же это такое у нас происходит? И кто возмущает наш* ***тихий Дон****?.. Генерал уперся в бока кулаками и обвел вопрошающим взором залитый народом майдан* [Ф. Д. Крюков. Шквал // «Русское Богатство», 1909] [12] – в конфигурации *возмущает наш* ***тихий Дон*** сильная контекстуальная позиция сформирована ближним контекстом – лексемой *возмущает*, которая также порождает приращение новых смыслов о неспокойных событиях на Дону.

В Национальном корпусе русского языка [12] наибольшее количество примеров употребления устойчивого сочетания *Тихий Дон* связано с названием романа-эпопеи Михаила Александровича Шолохова. Примером сильной контекстуальной позиции

может служить следующий отрывок: *Оставим Шолохова; **«Тихий Дон»** – великая книга, и этого достаточно, что бы там вокруг нее ни говорилось* [Олег Афанасьев. О Союзе писателей // «Ковчег», 2014] [12], в котором ближним контекстом является словосочетание *великая книга.* В этом случае отсутствует приращение смысла.

Однако в ряде случаев ближний контекст дает такое приращение. Например: *Напиши он своего «Удэге» в 1920-х – это мог бы быть дальневосточный **«Тихий Дон»*** [В. О. Авченко. Фадеев (2017)] [12]. В данном отрывке компонент *дальневосточный* дает дополнительную информацию о месте событий романа А. А. Фадеева. В другом отрывке ближний контекст – компонент *фадеевский* – дает информацию об авторе произведения: *Оставшиеся в теле замысла так и погибли вместе с «матерью», не успев родиться. «Удэге» – незавершенный фадеевский **«Тихий Дон»**. Рваный, неровный, писавшийся с огромными перерывами, но занимавший мысли автора в течение трех с половиной десятилетий* [В. О. Авченко. Фадеев (2017)] [12].

Слабая контекстуальная позиция нашла отражение в следующем отрывке: *В юности, прочитав **«Тихий Дон»**, я прониклась особой любовью к творчеству Михаила Александровича Шолохова* [Переписка с читателями // «Наука и жизнь», 2007] [12].

Среди названий других объектов наиболее частотными являются названия фильмов по роману М. А. Шолохова, название оперы И. И. Дзержинского, спектаклей по этому же роману.

*Петр Глебов рассказывал о том, как он попал на роль Григория Мелехова в фильме С. А. Герасимова «**Тихий Дон**», где сперва начал сниматься в этой роли другой артист* [Владлен Давыдов. Театр моей мечты (2004)] [12].

*После концерта, уже в гардеробе, к Окуджаве подскочил именитый в те поры и обласканный властями Иван Дзержинский, автор популярной в сталинские годы оперы **«Тихий Дон»*** [С. Б. Рассадин. Книга прощаний. Воспоминания о друзьях и не только о них (2004–2008)] [12].

*22 мая. Репетировал **«Тихий Дон»**. Это может стать очень хорошим, выдающимся спектаклем, если у меня хватит сил преодолеть все препятствия и все палки в колеса, которые мне ставят в театре* [Б. А. Бабочкин. Дневник (1967)] [12].

Во всех этих примерах контекст определяет жанр произведения, названного устойчивым сочетанием *Тихий Дон*: фильм, опера, спектакль, давая таким образом дополнительную информацию об этом устойчивом сочетании. Причем в двух первых отрывках работает ближний контекст и только в третьем отрывке – дальний.

Все случаи употребления устойчивого сочетания *Тихий Дон* для обозначения различных объектов материального и духовного мира человека представляют собой отрывки, в которых сильная контекстуальная позиция обеспечивается ближним контекстом, дающим приращение нового смысла, а именно – информацию, конкретизирующую сам объект. Например:

***Поезд «Тихий Дон»** отходил от первого пути строго по расписанию* [Аркадий Мацанов. Горечь полыни на губах // «Ковчег», 2013] [12].

*В Лазаревском районе расположен **санаторий «Тихий Дон»*** [Елена Зенина. Морская симфония // «Туризм и образование», 2001.03.15] [12].

*Этнографический **музей** под открытым небом **«Тихий Дон»*** [Ольга Нельзина. Проблемы, возникающие при реализации проектов этнографических музеев, парков этнографической реконструкции и этнических деревень на региональной периферии в Российской Федерации // «Культурологический журнал», 2017] [12].

*Душа просит музыки, и я включаю авторский диск Аркадия Мацанова. Звучит его вторая **симфония «Тихий Дон»**. Широкие, раздольные наплывы казачьей старины* [Николай Скрёбов. До самой сути (2013) // «Ковчег», 2014] [12].

Например, на Боковский и Шолоховский районы издается одна ***газета «Тихий Дон»****, на Зерноградский и Кагальницкий – один «Донской маяк», тогда как газета «Родник» распространяется на территории сразу трех районов…* [31 письмо на тему НДС (2002) // «Витрина читающей России», 02.08.2002] [12].

Среди командированных, авточастников, разного курортного люда, валом валящего трассой Москва – Баку, притягательно место это придорожным рестораном «Сармат», где, во-первых, подаются донские ***вина*** *да новые какие-то («Ермак»,* ***«Тихий Дон»****, «Букет Аксиньи», разве только Пантелей Прокофьевич Мелехов в ход не пошел), во-вторых же – кормят вас на кургане, где раскопан клад сарматской царицы* [Ю. Д. Черниченко. Озимый клин (1975)] [12].

Таким образом, семантическая синтагматика устойчивого сочетания *Тихий Дон* зависит от его значения. Внутренняя синтагматика имеет одинаковую структуру для всех значений – она относится к типу неполного семантического согласования и допускает факультативную сочетаемость компонентов, т. е. возможность сочетания каждого из компонентов с другими компонентами в составе других фразеологических единиц. Однако внутренняя синтагматика устойчивого сочетания *Тихий Дон* с первой группой значений – ‘родная, любимая спокойная река Дон’, ‘местность рядом с Доном’ и ‘жители донского региона’ – характеризуется живыми мотивированными связями компонентов, в то время как синтагматика этого же сочетания со второй группой значений – ‘роман-эпопея Михаила Александровича Шолохова’, ‘фильмы по роману-эпопее М. А. Шолохова’, ‘поезд Москва – Ростов-на-Дону’ и другие значения, обозначающие материальные и культурные объекты, каким-то образом связанные с Доном, но чаще всего – с романом-эпопеей М. А. Шолохова, – репрезентирует неживые, условные связи компонентов, в которых отсутствует мотивация каждого компонента, а наблюдаются следы мотивации устойчивого сочетания в целом.

Особенности внешней синтагматики устойчивого сочетания *Тихий Дон* также зависят от значения данной языковой единицы. Внешняя синтагматика устойчивого сочетания *Тихий Дон* со значением ‘родная, любимая спокойная река Дон’, ‘местность рядом с Доном’ и ‘жители донского региона’ характеризуется наличием большего количества оппозиций «сильная/слабая контекстуальная позиция», а также большим количеством приращений оценочных смыслов, образуемых посредством конфигураций.

Внешняя синтагматика устойчивого сочетания *Тихий Дон* со значением ‘роман-эпопея Михаила Александровича Шолохова’, ‘фильмы по роману-эпопее М. А. Шолохова’, ‘поезд Москва – Ростов-на-Дону’ и с другими значениями, обозначающими материальные и культурные объекты, связанные с Доном или с романом-эпопеей М. А. Шолохова, характеризуется меньшим количеством слабых контекстуальных позиций, что объясняется необходимостью уточнения самого объекта именования, требующего сильной контекстуальной позиции. Однако в этом случае приращения смыслов посредством конфигураций ограничиваются чаще всего уточнением объекта (фильм, спектакль, поезд, опера, газета и т. д.) и характеризуются значительным сокращением оценочных смыслов по сравнению с первой группой значений данного устойчивого сочетания.

Кроме того, просматриваются хронологические рамки использования устойчивого сочетания *Тихий Дон*: обращение к первой группе значений характерно преимущественно для более раннего исторического периода (с конца 19 века до 30-х годов 20 века), обращение ко второй группе значений активизируется после выхода в свет романа-эпопеи Михаила Александровича Шолохова «Тихий Дон» (1–3 тома – в 1928–1932 гг., 4 том – в 1940 г.). В современном русском языке устойчивое сочетание *Тихий Дон* активно используется во всех рассмотренных значениях.

Список использованных источников

1. Алефиренко, Н. Ф. Теоретические вопросы фразеологии / Н. Ф. Алефиренко. – Харьков : Выща школа, 1987. – 135 с.

2. Добрыднева, Е. А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии / Е. А. Добрыднева. – Волгоград : Перемена, 2000. – 224 с.

3. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) ; под ред. Г. А. Золотовой / В. В. Виноградов. – изд. 4-е. – М. : Рус. яз., 2001. – 720 с.

4. Шанский, Н. М. Фразеология русского языка / Н. М. Шанский. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1985. – 160 с.

5. Кубрякова, Е. С. Синтагматика / Е. С. Кубрякова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 447–448.

6. Гвоздарев, Ю. А. Основы русского фразообразования / Ю. А. Гвоздарев. – Ростов н/Д. : НМЦ «Логос», 2010. – 246 с.

7. Тагиев, А. Т. Глагольная фразеология современного русского языка (проблемы окружения и распространения фразеологических единиц) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. Т. Тагиев. – Баку, 1967. – 53 с.

8. Хатунцева, Е. Б. Фразеологические единицы типа «прилагательное – существительное» в современном русском языке (Проблемы окружения и значения) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Б. Хатунцева. – Баку, 1969. – 16 с.

9. Гак, В. Г. К проблеме семантической синтагматики / В. Г. Гак // Языковые преобразования. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – С. 272–297.

10. Авдеева, О. И. Особенности синтагматических отношений глагольных фразем русского языка: семантический и грамматический аспекты / О. И. Авдеева // Журнал «Вестник Адыгейского государственного университета», 2012 г. – № 3 (105). – С. 79–85.

11. Гак, В. Г. К проблеме семантической синтагматики / В. Г. Гак // Языковые преобразования. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – С. 272–297.

12. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ruscorpora.ru. – Дата доступа : 29.09.2025.

Abstract. This article examines the internal and external semantic syntagmatics of the set phrase “Tikhyi Don” (The Quiet Don) in its various nominative functions. This set phrase belongs to the peripheral zone of the Russian phraseological corpus. Illustrative material taken from the National Corpus of the Russian Language allowed us to analyze the internal and external semantic syntagmatics of the set phrase “Tikhyi Don” (The Quiet Don) and, based on its external syntagmatics, identify the strengths and weaknesses of the implementation of its primary meanings, as well as illustrate the growth of its new meanings.

Keywords: phraseology, idioms, phraseological combinations, stable combinations, syntagmatics, semantic syntagmatics, Tikhyi Don (The Quiet Don).

Авдеева Ольга Ивановна – кандидат филологических наук, доцент; Московский педагогический государственный университет, Институт филологии (olavd@yandex.ru).

УДК 81’373.612.2:172.4(093)

М. Б. Адамович

ФОРМУЛЫ ПОСОЛЬСКОГО ЭТИКЕТА В ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА XVI–XVII ВЕКОВ

Аннотация. Рассматривается тематическая группа формул, связанных с официальным порядком и принятыми правилами приема послов в XVI–XVII вв. Выделяются отдельные тематические подгруппы (собственно этикетные формулы, перформативы и элементы посольского церемониала), каждая из которых подвергается анализу. Определяется место анализируемых единиц в структуре статейных списков, а также конкретные исторические реалии, которые стоят за этикетными формулами.

Ключевые слова: русский язык XVI–XVII вв., этикет, дипломатическая формула, статейный список, посольский обычай, тематическая группа.

В XVI–XVII вв. для Московской Руси наступает время важнейших внешнеполитических событий: русское государство выходит на мировую политическую арену и всё активнее налаживает дипломатические контакты как с европейскими державами, так и со странами Ближнего Востока и Азии. Данные процессы являются причиной активного формирования посольского церемониала. В работе В. П. Потемкина «История дипломатии» указывается, что к XVI–XVII вв. московский «посольский обряд» уже оформился, причем в его основе лежали западноевропейские образцы [1, с. 235–236].

Изучение посольского церемониала представлено большим количеством исторических исследований. Это уже упоминаемая работа В. П. Потемкина, а также монографические работы Л. А. Юзефовича [2; 3] и Н. М. Рогожина [4; 5], в которых очень подробно исследуются отдельные элементы дипломатического этикета и его общее развитие. Отметим также отдельные статьи, посвященные конкретным вопросам развития посольского церемониала [6; 7]. Следует сказать о центральном термине в данной работе – этикет. Под этикетом мы понимаем «совокупность правил поведения, регулирующих внешние проявления человеческих взаимоотношений (обхождение с окружающими, формы обращения и приветствий, поведение в общественных местах, манеры и одежда)» [8, с. 427].

Таким образом, формирование посольского этикета привлекало внимание историков, в то время как лингвистических работ, исследующих отражение этого явления в языке, практически нет. Отдельные замечания находим лишь в работе О. В. Никитина [9, с. 108–109]. При этом изучение данного вопроса с лингвистической точки зрения очень важно, так как элементы дипломатического церемониала описывались в памятниках этого периода.

Язык донационального периода характеризуется высокой степенью формульности, и фиксация в языке «посольского обряда» также часто реализуется в виде особых этикетных формул. Мы разделяем трактовку термина «формула», предложенную Е. И. Зиновьевой: «Стереотипная формула применительно к письменным памятникам XVI–XVII веков понимается нами как разной степени устойчивости языковая единица, представляющая собой словосочетание, номинирующее общепринятую норму, обычай, правила поведения, житейскую ситуацию, этикетное действие и заменяющая собой развернутое информативное описание» [10, с. 12–13].

Изучение этикетных формул проведено на материале статейных списков (далее – СтС) – отчетов русских послов о выполнении дипломатических и торговых поручений. Это самые объемные дипломатические документы XVI–XVII веков, в которых послы очень подробно описывают процесс переговоров и аудиенций, поэтому этикетные формулы и вообще элементы «посольского обряда» богато представлены в данных памятниках.

Из СтС И. П. Новосильцева в Турцию (1570 г.) [11, с. 63–100], Ф. А. Писемского в Англию (1582–1583 гг.) [11, с. 100–156], Б. П. Благово в Турцию (1584–1585 гг.) [12, с. 36–46], переговоров томского воеводы Н. И. Егупова-Черкасского с послами Алтын-хана и лабы Дайн Мерген-ланзы (1635 г.), П. И. Потемкина во Францию (1667–1668 гг.) [13] и Н. Д. Венюкова и И. Фаворова в Цинскую империю (1685 г.) [13] была выделена тематическая группа (далее – ТГ) этикетных формул и формул (в том числе перформативов), обозначающих элементы посольского церемониала. Данная ТГ разнообразна по содержанию, поэтому мы выделяем в ней тематические подгруппы (далее – ТПГ), каждую из которых будем рассматривать отдельно.

Первая ТПГ – собственно этикетные формулы (3 единицы). К данной ТПГ относятся ответные формулы на этикетные вопросы о здоровье главы государства и о дороге. Этот элемент посольского церемониала был обязателен [2, с. 113; 6, с. 147], и его отсутствие при первой аудиенции обязательно упоминалось послами в СтС как проявление неуважения. Указанный элемент церемониала в языке выражается с помощью формул *божиею милостию великий государь царь и великий князь здорово* ‘ответная

формула на вопрос о здоровье главы государства’; *слыша (слышав)* кого-л. (чье-л.) *здоровье рад(-а)* ‘ответная формула на вопрос о здоровье главы государства’ и в составе ответной формулы на официальный вопрос о пути до государства цели посольства *милостию господа бога и великого государя нашего, царя и великого князя, счастьем до сех мест доехали в добром здоровье*. Данные формулы строго закреплены в структуре СтС: они всегда находятся только во второй части (прием у правителя) при описании первой аудиенции у главы государства.

С данной группой формул тесно связаны перформативы (5 единиц). Часто этикетные вопросы сопровождались этикетными действиями; формулы-перформативы и представляют собой словесное описание этих действий. Важнейшим этикетным действием считалось снятие головного убора при вопросе о здоровье государя, причем делать это необходимо стоя. Важность этого этикетного действия иллюстрируется примером из СтС Н. Д. Венюкова и И. Фаворова в Цинскую империю (1685 г.). Хан одного из кочующих племен, территорию которого проезжали послы, не встал при вопросе о здоровье государя, что было указано послами в СтС: *А приняв грамоту, хан спросил великих государей о здоровье, сидя. И Никифор говорил, чтоб он, хан, про здоровье великих государей спросил встав. И хановы ближние люди говорили, чтоб он, Никифор, в том хана их не учил, а про здоровье царского величества сказал… А после того Никифор хану говорил, что он, Очирой-хан, великим государем, их царскому величеству, чести не учинил, про здоровье великих государей спросил сидя…* [13]. О необходимости снятия головного убора пишет Л. А. Юзефович [2, с. 113], важность этого элемента указывается и послами в уже цитируемом выше СтС: *И Никифор и Иван говорили, что в государстве государей наших обычай таков, поклоняются великим государем, их царскому величеству, сняв шапки* [13]. Само этикетное действие в языке отразилось в виде формул, обозначающих выражение уважения ко второй стороне с указанием конкретного действия: говорить (стоять, спрашивать) *сняв шляпу (шапки)*, (*в*)*стать и шляпу снять*, *поклониться* / *поклоняться сняв шапки*. Исполнение или не исполнение данного элемента церемониала обязательно указывалось послами в СтС. Например, в СтС П. И. Потемкина во Францию формула с компонентом *шапка* / *шляпа* употребляется более 20 раз при описании диалогов с представителями короля и самим королем.

К формулам-перформативам также относятся единицы с компонентом *чело*: *ударя челом* [*кому-л.*] пойти ‘уйти, выразив уважение’ и *приходить* (*приезжать*) *челом ударить* [*и спросить* [*про, о*] [чье-л.] *здоровье*] ‘посетить кого-л. с целью выразить свое признание, уважение’. Формулы с компонентом *чело* очень распространены в деловой письменности [13, с. 124–125], но указанные нами формулы встречаются только в дипломатических памятниках, так что их можно отнести к собственно дипломатическим, хотя они построены по модели и с использованием компонентов деловой письменности. Первая формула всегда фиксируется во второй части СтС при описании конца аудиенции у главы государства; у второй формулы нет привязки к определенной части аудиенции. В исторических исследованиях указывается на традицию «бить челом», но считается, что «…послы кланялись. Коленопреклонение не практиковалось» [2, с. 112].

Третья группа формул (7 единиц) включает единицы, обозначающие элементы посольского церемониала. В этой ТПГ можно выделить формулы, отсылающие к самому посольскому обряду – *по чину посольскому* ‘как подобает послам, соответствует их уровню’ и *в посольских обычаях имеется* ([*не*] *повелось*) ‘в соответствии (не в соответствии) с посольским церемониалом’ – и пять формул, обозначающих конкретные действия, элементы этикета. Эти пять этикетных формул соответствуют некоторым из указанных Н. С. Бажан церемониальным элементам аудиенции: «торжественное вхождение в Кремль и предварительные встречи по пути следования к государю; приветственная речь и поклон посла; вопрос о здоровье государя; передача грамоты; вопрос государя о здоровье монарха, направившего в Москву посла; целование руки государя; демонстрация привезенных подарков; угощения и пиры; отпускная аудиенция» [6, с. 147–148].

Важнейшим элементом церемониала было допущение послов к руке государя и ее поцелуй (первая аудиенция): *идти (водить / звать) к руке* кого-л. ‘приглашать кого-л. на церемонию поцелуя руки главы государства’, *(не) быть у руки* ‘(не) быть на приеме у главы государства’. Причем русские послы всегда добивались, чтобы они первые были приглашены к руке, если помимо их посольства к государю прибыло еще одно, а также обязательно на этой церемонии должны были присутствовать только они (сравн. в СтС Благова в Турцию: *и вы то ведаете ли, вместе ли венецейскому послу быть со мною у царя или наперед царь мне велит быти у руки?...И только велит царь венецейскому послу быти у себя со мною вместе, и царь бы велел быти у руки наперед мне* [12, с. 44]). Отказ послам в церемонии поцелуя руки считался бесчестьем для них и использовался как выражение недовольства поведением самих послов или характером их миссии [2, с. 46]. К первой аудиенции можно отнести и формулу *быть на поклоне* ‘быть на приеме у главы государства’.

Обязательным элементом посольства был пир. Важность этой церемонии указывает и Л. А. Юзефович, посвящая ей отдельную главу [2, с. 129]. Естественно, данный элемент этикета не мог не отразиться в языке в виде формулы, поэтому в СтС фиксируется единица *быть у стола* ‘быть на торжественном пире в качестве гостя’.

После приглашения к руке (на первой из трех аудиенций послов у государя), обсуждения вопросов посольства (на второй аудиенции) и торжественного пира послов ожидала третья прощальная встреча с главой государства – отпуск, что зафиксировано в языке формулой *быть на отпуске* ‘быть на третьей, прощальной аудиенции у главы государства’.

Как показывает анализ этикетных формул из статейных списков русских послов, посольский церемониал довольно подробно описан в памятниках дипломатической письменности. Часто данные единицы имеют строго закрепленное место в структуре статейного списка. Расширение объема исследуемого материала позволит обнаружить новые этикетные формулы и раскрыть особенности отражения данного исторического явления в языке.

Список использованных источников

1. История дипломатии. Т. 1 / под ред. В. П. Потемкина. – М. : Госполитиздат : Соцэкгиз, 1941. – 566 с.

2. Юзефович, Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...»: Рус. посол. обычай конца XV – нач. XVII в. / Л. А. Юзефович. – М. : Междунар. отношения, 1988. – 214 с.

3. Юзефович, Л. А. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал / Л. А. Юзефович. – СПб. : Изд-во Ивана Лмбаха, 2007. – 344 с.

4. Рогожин, Н. М. Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии / Н. М. Рогожин. – М. : Междунар. отношения, 2003. – 432 с.

5. Рогожин, Н. М. У государевых дел быть указано… / Н. М. Рогожин. – М. : РАГС, 2002. – 285 с.

6. Бажан, Н. С. Становление дипломатического церемониала в России (конец XV–XVII в.): цели и задачи / Н. С. Бажан // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2019. – № 3(21). – С. 140–158.

7. Манин, Д. О. Споры русских послов о титулатуре царя при дворе Людовика XIV / Д. О. Манин // Документ. Архив. История. Современность : сборник научных трудов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. – Вып. 21. – С. 32–40.

8. Словарь по этике / под ред. А. А. Гусейнова и И. С. Кона. – 6-е изд. – М. : Политиздат, 1989. – 447 с.

9. Никитин, О. В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVII вв.) / О. В. Никитин. – М. : Флинта, Наука, 2004. – 266 с.

10. Зиновьева, Е. И. Стереотипные формулы деловых документов и памятников обиходного языка Московской Руси XVI–XVII веков (систематизирующий подход) / Е. И. Зиновьева // Научный диалог. 2023. – № 2. – С. 9–26.

11. Путешествия русских послов XVI–XVII вв. : Статейные списки / отв. ред. Лихачев Д. С. ; ред. изд-ва Зикеев Г. И. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954. – 490 с.
12. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. : Документы и материалы. Т. 1 / ред. Кумыков Т. Х., Кушева Т. Х. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1957. – 477 с.
13. Восточная литература [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://vostlit.info/. – Дата доступа : 05.09.2025.
13. Зиновьева, Е. И. Стереотипная формула *бить челом* в старорусском языке XVI–XVII веков / Е. И. Зиновьева, М. С. Лобеева // Социогуманитарные коммуникации. 2024. – № 2 (8). – С. 124–135.

Abstract. A thematic group of formulas related to the official procedure and accepted rules for the reception of ambassadors in the XVI–XVII centuries is considered. There are separate thematic subgroups (proper etiquette formulas, performatives, and elements of embassy ceremonial), each of which is analyzed. The place of the analyzed units in the structure of the article lists will be determined, as well as the specific historical realities behind the label formulas.
Keywords: Russian language of the XVI–XVII centuries, etiquette, diplomatic formula, article list, embassy custom, thematic group.

Адамович Максим Борисович – аспирант; Санкт-Петербургский государственный университет (maksim.adamovich.00@inbox.ru).

УДК 81’373:81’25

А. Д. Бакина

ОЦЕНКА АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-АНТРОПОНИМОМ

Аннотация. Перевод фразеологических единиц представляет трудную задачу, сложность которой обусловливается рядом лингвистических и экстралингвистических факторов. Антропонимические компоненты в составе фразеологических единиц разных языков – частотный феномен, способствующий дальнейшему усложнению семантики и прагматики, а значит и переводу устойчивых воспроизводимых единиц. Чаще всего антропонимы являются прецедентными именами из разных источников. В статье выделяются специфические и универсальные характеристики фразеологизмов с компонентом-антропонимом; выявляются стратегии и приемы их перевода; обсуждается успешность перевода такого рода единиц; на основе детального анализа дается оценка адекватности перевода антропонимических фразеологизмов.
Ключевые слова: фразеологизм, компонент-антропоним, перевод, адекватность перевода, прагматика перевода, стратегии и приемы перевода фразеологизмов.

Фразеологизмы с компонентом-антропонимом являются «зеркалом» языкового и культурного опыта народа. В своей семантике они несут множество смыслов, отражая оценочно, эмоционально и экспрессивно жизнь, традиции, взгляды, мироощущение того лингвокультурного сообщества, частью которого они являются. Всё вышесказанное обусловливает их особую специфику как в контексте фразеологии вообще, так и в контексте множества лингвокультурных феноменов.

Методологическую основу нашего исследования составляют работы отечественных и зарубежных лингвистов в следующих областях: фразеологии ([1; 2; 3] и паремиологии ([4; 5]), лингвокультурологии ([6; 7; 3]), переводе и переводоведении ([8; 9; 10; 11]).

К особенностям фразеологической лексики, включающей антропонимический компонент, можно отнести лексические, семантические, стилистические, лингвокультурологические уникальные черты. Интересно отметить, что во фразеологизмах английского и русского языков очень частотны библейские мужские имена: *Judas – Иуда,*

Solomon – Соломон, David – Давид. Частотны также отантропонимические прилагательные, такие как, например, *потёмкинские, Solomon-like*, создающие емкие и яркие образы, которые способны транслировать культурно значимые характеристики. Эти прилагательные могут приобретать иронический или сатирический оттенок. Фразеологизмы с антропонимами с легкостью описывают человека: его поведение, характер, внутренний мир и эмоциональное состояние, отражая антропоцентризм культуры. Существуют фразеологизмы, объединенные способом отражения национально-культурного своеобразия. Различаются фразеологизмы, например, связанные с реальными историческими личностями (например, *мамаево нашествие, a Hobson's choice*) и литературными персонажами (например, *демьянова уха, Hamlet with Hamlet left out*). К стилистическим характеристикам, определяющим специфику антропонимической фразеологии, отнесем оценочность и эмоциональную окрашенность. Говоря о культурологической специфике фразеологизмов с компонентом-антропонимом, нельзя не отметить наличествование культурных и исторических коннотаций, которые уникальны именно для этого народа, т. е. такие фразеологизмы национально маркированы [7].

Всё вышесказанное обусловливает трудности, возникающие при передаче фразеологизмов с компонентом-антропонимом на другой язык.

К известным приемам перевода фразеологизмов относим [12]:

1. Перевод с помощью подбора фразеологического эквивалента. Подбор фразеологического эквивалента представляется наиболее удачной стратегией перевода, при которой в языке перевода уже есть фразеологизм, совпадающий по смыслу, стилистической окраске и образности с фразеологизмом исходного языка (включая антропонимический компонент, чаще всего интернациональное имя).

2. Перевод с помощью подбора фразеологического аналога. Если фразеологический элемент невозможно найти, в языке перевода подбирается фразеологический аналог, т. е. фразеологизм, значение которого похоже, но не идентично. Такой аналог имеет сходное переносное значение, но основанное на другом образе. Национальная специфичность антропонимов зачастую требует замены имени, не имеющего аналогов в языке перевода, на другое, более понятное выражение, сохраняя общий смысл. Например, *every Tom, Dick and Harry* можно перевести как *каждый встречный и поперечный*, отказываясь от антропонимов в угоду максимального сохранения смысла.

3. Калькирование. Калькирование, то есть буквальное перенесение структуры и значения фразеологизма из исходного языка в целевой, – наиболее рискованный способ перевода. Калькирование ограничено тем, что фразеологизмы идиоматичны. Использование калькирования в некоторых случаях всё еще может быть успешной стратегией, если нужно передать интернациональный фразеологизм, имеющий аналогичную структуру и общий корень в разных языках. Например, выражение *Achilles' heel* вполне приемлемо перевести как *ахиллесова пята*, так как эта метафора является широко распространенной и понятной в русской культуре, как и в англоязычной.

4. Описательный перевод. Описательный перевод – передача значения фразеологизма иными словами, что является одним из наиболее распространенных и, что важно, надежных способов перевода. В рамках описательного перевода можно выделить несколько подходов: перефразирование – передача значения фразеологизма другими словами при сохранении его эмоционального воздействия и основного значения; замена антропонима на описание, которое отразит характерные качества и черты, связанные с рассматриваемым антропонимом; добавление пояснений, раскрывающих смысл фразеологизма, что сделает его более понятным для читателя.

5. Трансформационный перевод. Метод трансформационного перевода подразумевает использование различных переводческих трансформаций (лексических, грамматических, стилистических). Такие трансформации позволяют перевести фразеологизм, передав адекватно его смысл. Трансформационный перевод включает в себя различные

типы преобразований, которые переводчик может использовать: перестановки (инверсии), замены (субституции), добавления, опущения (элиминации), грамматические и стилистические трансформации.

Проанализируем примеры перевода фразеологизмов с антропонимами, выявляя стратегии и оценивая их адекватность. Последующие контексты взяты из «Национального корпуса русского языка» (параллельный подкорпус) [13].

Пример 1. “Judas kiss” – «поцелуй Иуды» [14].

Оригинал: *And then another agonizing thought. What if Guiliano’s mother learned that it had been her beloved Aspanu who betrayed her son? What if one day she stood before him and spit in his face and called him traitor and murderer? They had wept in each other's arms and he had sworn to protect her son and he had given her a* ***Judas kiss****. For a moment he thought of killing the old man and thought too of killing himself. Zu Peppino said, “If you're looking for Turi, he's been and gone.” He took pity on Pisciotta; the man's face was white, he seemed to be gasping for air.*

Перевод: *И его пронзила страшная мысль. Что, если мать Гильяно узнала, что ее любимый Аспану предал ее сына? Что, если она плюнет ему в лицо и назовет его изменником и убийцей? Они же плакали вместе, обняв друг друга, и он поклялся защищать ее сына, а потом* ***поцеловал*** *ее. И этот поцелуй оказался* ***поцелуем Иуды****. Ему захотелось убить старика, а потом убить и себя. – Если ты ищешь Тури, – сказал дядюшка Пеппино, – то он был здесь и ушел. Ему вдруг стало жаль Пишотту. Он был белый, как полотно, и с трудом дышал* [13].

В данном случае при переводе автором была выбрана стратегия прямого эквивалентного перевода, а также были применены добавление и парцелляция (количество предложений увеличено, а сама фразеологическая единица вынесена в следующее предложение, что добавило переводу экспрессивности). Прямой эквивалентный перевод здесь оправдан, учитывая общеизвестность библейской истории об Иуде и наличие устойчивого выражения в русском языке. Смысловая точность сохранена.

Пример 2. “Socratic irony” – «сократовская ирония» [14].

Оригинал: *Perhaps this spirit was another play of the* ***Socratic irony****; if so, it was remarkably well sustained; and it is but one class of many appeals, in Socrates, to oracles and dreams as messages from the gods.*

Перевод: *Возможно, этот дух – еще одна из личин* ***сократовской иронии****; если так, то она поразительно хорошо выдержана и стоит на одном уровне с частыми отзывами Сократа об оракулах и снах как божественных вестниках* [13].

Примененная стратегия в представленном примере – калькирование. Оно допустимо, так как термин известен образованной аудитории. Но для широкого круга читателей следовало бы дать пояснение, чтобы обеспечить понимание.

Пример 3. «Фома неверующий» – “doubting Thomas” [2].

Оригинал: *На книге, которую он подарит Анне Афанасьевне, он напишет: «****Фоме неверующему*** *за добро и науку. Автор».*

Перевод: *The presentation copy of his book to Anna Afanasievna would contain the following inscription: “****To doubting Thomas*** *for your kindness and learning from the author”* [13].

Здесь также используется прямой эквивалент. Это оптимальный выбор, учитывая библейское происхождение и широкую распространенность этого выражения в обеих культурах.

Пример 4. “Achilles’ heel” – «ахиллесова пята» [15].

Оригинал: *He had somehow a fear that Tony's wisdom would have a gigantic* ***Achilles’ heel*** *somewhere.*

Перевод: *Он опасался того, что у мудрости Тони может обнаружиться гигантская* ***ахиллесова пята*** [5].

Прямой эквивалент снова является успешным решением, благодаря известности мифа об Ахиллесе и прецедентности онима.

Пример 5. “The average-Joe American” – «обычный американец» [14].

Оригинал: *Often seen wearing his signature tweed jacket and a trucker's cap, Walton was the embodiment of those he aimed to serve — **the average-Joe American**.*

Перевод: *Часто надевающий твидовый пиджак и водительскую кепку, Уолтон был воплощением тех людей, которым он служил, – **обычным американцем*** [13].

В данном случае переводчики применили описательный перевод. Это адекватный подход, так как прямого аналога в русском языке не существует.

Пример 6. “Jolly Roger” – «черное, пиратское знамя» [14].

Оригинал: *Why, in a place like this, where nobody puts in but gentlemen of fortune, Silver would fly the **Jolly Roger**, you don't make no doubt of that.*

Перевод: *На этом острове, в этой пустыне, где никого не бывает, кроме джентльменов удачи, Сильвер поднял бы черное, **пиратское знамя**, уж положись на меня, я эти дела понимаю* [13].

В данном примере снова видим описательный перевод. Прием вполне оправдан, так как нет устоявшегося русского фразеологизма с антропонимом для обозначения пиратского флага.

Пример 7. «Дядя Сэм» – “Uncle Sam” [14].

Оригинал: *Бррр! И это демократы… (Молчит.) Американский костюмчик примеряли, слушали **дядю Сэма**. А американский костюмчик не налазит.*

Перевод: *Ugh! And these are the democrats… [Silence.] They put on American suits and did what their **Uncle Sam** told them to do. But American suits don't fit them right* [13].

Осуществлен перевод с помощью эквивалента, который отлично «работает», благодаря узнаваемости образа «дяди Сэма».

Пример 8. “Every Tom, Dick and Harry” – «каждому Тому, Дику и Гарри» [15].

Оригинал: *You go around raking up the past and sharing it with **every Tom, Dick and Harry** you bump into.*

Перевод: *Ты бродишь повсюду, вынюхиваешь и рассказываешь все это **каждому Тому, Дику и Гарри**, какого только увидишь* [13].

Если предполагать, что в предложение заложена ирония, можно принять такой вариант перевода, однако уместнее было бы использовать *каждому встречному и поперечному*, *каждому встречному*, *всем подряд*.

Пример 9. “Nosey Parker” – «любопытный» [14].

Оригинал: *More importantly, it also allows **nosey-parker** anthropologists to formulate their prying questions in such a roundabout manner as to bypass the privacy rules.*

Перевод: *Что более важно, правило удаленности дает возможность **любопытным** антропологам формулировать свои нескромные вопросы иносказательно, не нарушая правил неприкосновенности частной жизни* [13].

Перевод можно считать только частично эквивалентным, потому что *Nosey Parker* подразумевает не просто «любопытный», а «излишне любопытный», то есть в данном случае перевод получился недостаточно экспрессивным.

Пример 10. «Каинова печать» – “mark of Cain” [14].

Оригинал: *Но если ставят **каинову печать** на человека-трудягу только за то, что его отец или дед были кулаками либо священниками, это совсем другое дело.*

Перевод: *But it's another matter altogether to stamp **the mark of Cain** on the forehead of an honest worker simply because his mother and father were kulaks or priests* [13].

Переводчик использовал эквивалентный перевод. Прямой эквивалент адекватно передает библейский образ.

В результате можно сделать вывод о том, что в большинстве случаев переводчики успешно справились с задачей. Там, где это возможно, использовались прямые эквиваленты, что обеспечило максимальное сохранение смысла и образности. В ситуациях, когда прямые эквиваленты отсутствовали, применялся описательный перевод или

калькирование с пояснениями. Оценивая адекватность перевода фразеологизмов с учетом смысловой точности, стилистической эквивалентности, культурной адаптации и контекстуальной уместности, выделяем следующие группы примеров.

Примеры адекватного перевода: контексты, содержащие фразеологизмы *Judas kiss, doubting Thomas, Achilles' heel, Uncle Sam, mark of Cain* и т. п. демонстрируют успешное использование прямых эквивалентов.

Примеры частично адекватного перевода (требующие пояснений или адаптации): *Socratic irony* (калькирование требует пояснения для широкой аудитории); *Every Tom, Dick and Harry* (калькирование может нуждаться в адаптации стилистической окраски (ирония)); *Teddy Boy* (транслитерация требует обязательного пояснения, так как это культурно-специфичный термин).

Примеры адекватного перевода с использованием компенсации: *Average-Joe* (описательный перевод хорошо передает смысл, хотя и теряется образность); *Jolly Roger* (описательный перевод точно передает значение, хотя и отказывается от антропонима); *Smart alec*: замена на разговорное выражение является оправданной в контексте разговорной речи, хотя и меняет тип фразеологизма.

Таким образом, оценка адекватности перевода фразеологизмов с антропонимами представляет собой многогранный и сложный процесс, требующий учета целого ряда взаимосвязанных факторов. Ключевую роль играет знание культурного контекста как исходного языка, так и языка перевода, поскольку понимание культурных нюансов и ассоциаций, связанных с антропонимом и фразеологизмом, необходимо для выбора наиболее подходящего подхода к переводу. Не менее важным является учет целевой аудитории, а именно уровня знаний и культурного бэкграунда читателей, для которых предназначен перевод, чтобы обеспечить максимальную понятность и избежать неверных интерпретаций. Стилистические особенности текста, включая его общий стиль, тон и жанр, также оказывают существенное влияние на выбор фразеологизмов, которые должны соответствовать общему стилю произведения. Наконец, переводчик должен четко определить цель перевода, то есть то, что является приоритетным – сохранение образности и стилистической окраски оригинала, максимально точная передача смысла или обеспечение наибольшей доступности и понятности для целевой аудитории. В целом, анализ рассмотренных примеров показывает, что переводчики продемонстрировали высокий уровень компетентности и применяли разнообразные стратегии для достижения адекватного перевода фразеологизмов с антропонимами. Однако стоит признать, что всегда существует возможность для дальнейшего совершенствования и адаптации перевода с учетом конкретных потребностей аудитории и целей перевода, следует стремится к оптимальному балансу между точностью, понятностью и выразительностью.

Таким образом, нами был проведен анализ практических аспектов перевода фразеологизмов с антропонимами; рассмотрены основные способы перевода таких фразеологизмов, такие как фразеологический эквивалент, фразеологический аналог, калькирование, описательный и трансформационный переводы. Было установлено, что фразеологический эквивалент, хотя и является наиболее точным методом, редко применяется из-за национально-культурной специфики антропонимов. Чаще используются фразеологические аналоги, позволяющие передать переносное значение через другой образ, а также описательный перевод, необходимый для разъяснения культурно-исторических коннотаций. Калькирование используется, когда образ фразеологизма легко воспринимается в языке перевода, а антропоним является интернациональным. Трансформационный перевод применяется в сочетании с другими методами для адаптации фразеологизма к языку перевода, что подтверждает факт влияния культурной специфики на выбор переводческой стратегии. Анализ практических аспектов показал, что переводчики используют разные стратегии, в зависимости от контекста, целевой аудитории и собственных

предпочтений: контекст определяет необходимость сохранения антропонима или замены его на более понятный аналог, а целевая аудитория влияет на степень детализации пояснений и адаптации культурных реалий. Антропонимы часто сохраняются, особенно если они являются именами известных персонажей, но всегда требуется учитывать контекст. Переводчики часто прибегают к описательному переводу и фразеологическим аналогам, когда необходимо передать специфику идиоматических выражений, особенно с учетом культурных и исторических особенностей, связанных с антропонимами. В целом, перевод фразеологизмов с антропонимами представляет собой сложный и творческий процесс, требующий от переводчика знания не только лингвистических особенностей, но и глубокого понимания культуры. Оценка адекватности таких переводов – сложная задача, требующая дальнейшего исследования критериев.

Список использованных источников

1. Гриднева, Т. В. Фразеологическая картина мира и ее семантическое пространство / Т. В. Гриднева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 7 (41). – С. 61–65.

2. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – М. : Высшая школа, 1996. – 331 с.

3. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 284 с.

4. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.

5. The Oxford Dictionary of Proverbs. Edited by Jennifer Speake. Fifth Edition. – Oxford University Press, 2008. – 383 p.

6. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. : Фолио-пресс, 1998. – 704 с.

7. Маркевич, В. И. Национально-культурная специфика фразеологизмов с компонентом-антропонимом в русском, белорусском и немецком языках / В. И. Маркевич // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 7–2. – С. 136–139.

8. Комиссаров, В. Н. Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М. : Высшая школа, 1990. – 254 с.

9. Комиссаров, В. Н. Лингвистика перевода; предисл. М. Я. Цвиллинг / В. Н. Комиссаров. – 3-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 176 с.

10. Коновалова, Э. К. Особенности способов и приемов перевода фразеологизмов различных языковых культур / Э. К. Коновалова, Е. О. Григорян // Филология и лингвистика в современном обществе : материалы I Междунар. науч. конф. (Москва, май 2012 г.). – М. : Ваш полиграфический партнер, 2012. – С. 109–113.

11. Крючкова, Л. А. Проблема отражения эмотивного компонента значения фразеологизма в переводе / Л. А. Крючкова // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – 2007. – С. 16–20.

12. Бакина, А. Д. Прагматические аспекты перевода библейских фразеологизмов / А. Д. Бакина // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 4 (101). – С. 384–387.

13. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ruscorpora.ru. – Дата доступа : 30.09.2024.

14. The Free Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://idioms.thefreedictionary.com. – Дата доступа : 30.09.2025.

15. Oxford Dictionary of Idioms. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 551 p.

Abstract. Translation of phraseological units is a difficult task, the complexity of which is due to a number of linguistic and extra-linguistic factors. Anthroponymic components in the phraseological units of different languages is a frequent phenomenon that contributes to further complexity of semantics and pragmatics, and therefore also to translation of stable reproducible units. Most often, anthroponyms are precedent names from different sources. The article highlights the

specific and universal characteristics of idioms with an anthroponymic component; identifies strategies and ways of their translation; discusses the success of translating such units; on the basis of a detailed analysis, assesses the adequacy of the translation of anthroponymic phraseological units.

Keywords: phraseologism, anthroponymic component, translation, adequacy of translation, translation pragmatics, strategies and methods of translation of phraseologisms.

Бакина Анна Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент; Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева (Heart-anna@yandex.ru).

УДК 811.16’42’373:398.92:355

А. И. Васильев

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ВОЕННЫХ СОЕДИНЕНИЙ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В данной статье анализируются терминологическая лексика и фразеологические единицы древнерусских памятников, обозначающие войсковые соединения древнерусского государства. Отмечается, что анализируемый материал относится к периоду активного формирования и развития лексико-фразеологической системы военной тематики.

Ключевые слова: фразеологическая единица, войсковое соединение, **вои, дроужина, сила, рать, полкъ, пѣшаıа рать (сила), коневаıа рать, соудоваıа рать (сила)**.

Для обозначения военных соединений в древнерусском языке использовались термины **вои, дроужина, сила, рать**, которые хотя и являлись праславянским наследием, но военное значение приобрели в древнерусском языке. Что же касается слова **полкъ**, то оно считается древнейшим заимствованием из др.-в.-нем. folk – *народ, толпа, войско* [1, с. 311]. Вышеназванные термины в большинстве случаев были синонимичны друг другу, обладали широкой способностью к полисемии, а также входили в состав устойчивых словосочетаний – фразеологических единиц (далее – ФЕ), обозначавших разные по количественному составу объединения древнерусских войск.

«Войско Киевской Руси состояло из княжеских дружин и из народного ополчения – воев. Дружины были постоянными воинскими организациями, которые содержались и вооружались за счет князей, богатых и знатных людей. В число воев входили главным образом сельчане и горожане. Для того, чтобы собрать их, требовалось решение веча. После окончания похода народное войско распускалось. Кроме воев и дружин были еще вспомогательные части, нанимаемые главным образом из тюркских кочевников» [2, с. 321].

Самыми древними, праславянскими словами из круга рассматриваемой лексики являются **вои** *гонщики* и образованное от него слово **воевати** *гнать, преследовать.* По истечении военных действий **вои** получали соответствующую оплату, после чего они распускались по местам их постоянного жительства [3, с. 271–272].

Вои – обобщенное название воинов независимо от их социального положения и воинской иерархии, название дружинников и ополченцев, составляющих собственно **полкъ** или **рать**; это наименование и русских воинов, и воинов союзных или противоборствующих народов [4, с. 76–77].

Как полагает А. С. Львов в «Повести временных лет» слово **дроужина** употреблено в значении ‘постоянный воинский отряд при князе’, в памятниках же старославянской письменности этим словом в основном переведено греческое – *спутники, товарищи, компания.* Это значение древнейшее, общеславянское, а **дроужина** – *воинский отряд* – древнерусское» [3, с.16].

По мнению Ф. П. Сороколетова, вторичным военным значением слова **дроужина** – как результат семантического развития первого значения – в древнерусском языке было ‘войско вообще’; в это значение включалось понятие и о дружине, постоянном войске князя, и о всех воях – *ополченцах*. Это значение синонимично соответствующим значениям терминов **полкъ** и **рать** [4, с. 70].

Одним из часто встречающихся наименований войска, воинских сил в древнерусском языке было слово **сила**. Семантика древнерусского слова **сила** не имела четкого определения. «Войско» различного характера – дружина, полк, вои, сторожа, застава и т. п., любой численности, русское, наемное из воинов других народностей, вражеское и союзное, участвующее и не принимающее участия в битве, в походе и на стоянке и т. д. – могло именоваться силой» [4, с. 84].

По имеющимся данным, рать является древнейшим словом, развившимся от корня *orts/*rets в первичном значении – *спор, состязание, ссора.* Эти значения зафиксированы в памятниках старославянской письменности (Син. Пат., Изб. 1076) [3, с. 278].

Ф. П. Филин писал, что по своей семантической структуре термин «рать» относится к такому периоду жизни славянских народов, когда понятия «войско», «война» и «бой», «сражение» представляли собой единое целое [5, с. 479]. Слово **рать** известно и другим славянским языкам, однако «значение *войско, вооруженные силы* термин **рать** приобрел на восточнославянской почве» [4, с. 54].

В древнерусском войске были представлены такие роды вооруженных сил, как пехота, конное войско и речной флот.

Для обозначения понятия пехоты, пешего войска в древнерусском языке использовалось устойчивое выражение **пѣшаıа рать (сила)**: Устюж. лет. свод, 1501, 364об.: **и поможе бог великомоу кніазю иваноу васильевичю и воєводѣ его кніазю данилоу васильевичю всеи силѣ московскои а литва побеже и мало их оутече за тростноу за рѣкоу занеже великако кніазıа сила пѣшаıа зашли за мост посѣкли на тростнѣ.**

В значении ‘военная конница’ в древнерусских памятниках употребляются устойчивые выражения **коневаıа рать** и **конныıа сила**: HIVЛ, 1471, 305 об.: **а коневаа рать не пошла к пѣшеи рати на срокъ в пособіе зане же владычнь стıагъ не хотıахоу оударитисıа на кніажю рать глаголюще владыка намъ ине велѣлъ на великого кніазıа роуки подъıноути**; Устюж. лет. свод, 1469, 296об.: **тое же винъı кніазь великии иван послал рать соудовоую на казань а братью свою кніазıа юрыа да кніазıа андрѣıа болшаго послал берегом с конною силою.**

ФЕ **соудоваıа рать (сила)** встречается в древнерусском языке в значении ‘речной военный флот’. HIVЛ, 1471, 305 об.: **и новгородци изъıдоша противоу на шалоноу а к роусѣ послаша новгородци соудовоую рать и пѣши бишасıа много и побиша москвичь много и пѣшеи рати паде многоа инъıи разбѣгошасıа а инъıхъ москвичи поимаша**; Устюж. лет. свод, 1436, 249 об.: **а вıатчıанıа оуслъıшали что под ıарославцем соудоваıа сила стоит.**

В условиях боя пешее войско и конница обычно взаимодействовали, составляя вместе большую силу. Для названия такой общей совокупности древнерусской пехоты и конницы использовался устойчивый оборот **конникъı и пѣшьци** *княжеская дружина (конное войско) и народное ополчение (пешие воины).* ИЛ, 1174, 204: **и тоу бѣ видити ломъ копиинъıи и звоукъ ѡроужьıнъıи ѡт множьства праха не знати ни конника ни пѣшьць и тако бивьшесıа крѣпко и разиидоша**; ИЛ, 1249, 269 об.: **даниловн же и василко не оумедлиста но скоро придоста рѣкоу исполчивша же коньникъı с пѣшьци поидоста с тихостью на брань.**

Для обозначения понятия «войско» в древнерусском языке употреблялись такие устойчивые словосочетания, как **вса сила (рать)** и **ратныıа сила**: ИЛ, 1174, 204 об.: **оуже сбъıстьса слово апостола павла рекша еже передъ написахомъ возносѧися смиритьсıа**

а смираисѧ възнесетьсѧ и тако възвратишасѧ вса сила андрѣа кнѧза соуждальского совокоупилъ бо бѣшеть всѣ землѣ и множествоу вои не бѣше числа; Лет. Авр., 1375, 99: мѣсіаца же августа въ 1 день взяша городъ микоулинъ а люди ис города в полон поведоша а в пѣтъı день в недѣлю в каноунъ спасова дни пораноу прiиде вса сила къ тфѣри и сташа вси рати около города всего вкроугъ; Псков. лет., 1465, 206 об.: псковичи обложиша стѣноу древіаноу около полоница и около запсковича а блюдоущисіа ратнои силѣ великого новагорода.

ФЕ вса сила очень часто встречается в вариантной форме творительного падежа: съ всею силою [своею] – *со всем войском.* ЛЛ, 1223, 231: и приде тоу вса земліа половецькаіа и вси ихъ кніази а ис киева кніазь мьстиславъ со всею силою а из галича кніазь мстиславъ со всею силою; НІЛМИ, 1270, 149: и се оуювъ кніазь василии іаросіавич присла послъı в новгород река тако кланіаюсіа свіатои софѣи и моужемъ новгородцемъ слъıшалъ есмь аже іаросіавъ идеть на новгородъ со всею силою своею и дмитрии с переіаславци и глѣбъ съ смолніанъı.

В значении ‘все части княжеской дружины, начиная от младшей и кончая старейшей’ в древнерусских памятниках зафиксирован фразеологизм вса дроужина. ЛЛ, 1175, 125 об.: оувѣдѣвше же смерть кніажю ростовци и соужьдальци и переіаславци и вса дроужина шт мала до велика съѣхашасіа к володимероу и рѣша се сіа оуже тако створило кніазь нашь оубьенъ а дѣтеи оу него нѣтоу сънокъ его в новѣгородѣ а братьıа его в роуси по кого хочемъ послати в своихъ кніазехъ; ЛЛ, 1186, 134 об.: шни же слъıшавше поидоша к ним а по дроузи послашасіа и сніашасіа с ними стрѣлци и бишасіа г днии стрѣлци а копьи сіа не снимали а дроужинъı шжидаючи а к водѣ не дадоуче имъ ити и приспѣ к ним дроужина вса.

Древнерусская дружина делилась на части, и для обозначения самой авторитетной части княжеской дружины употреблялся многовариантный лексический фразеологизм лоучшаіа (лоутшаіа) (передьніаіа, старѣишаіа, перваіа) дроужина – *представители военно-феодальной аристократии, старшие дружинники (бояре, княжьи мужи), игравшие видную роль в политической жизни Киевской Руси* [4, с. 69–70]. ЛЛ, 1136, 101: но воскорѣ побѣгоша половцн шлговичь и погнаша по нихъ володимерича дроужина лоучшаіа и биша и женоучи много и воротишасіа шпать на полчище; ИЛ, 1136, 110 об.: и бъıвъшю състоуплению обѣима полкома и бишасіа крѣпко но воскорѣ побѣгоша половци шлговѣ и погнаша по нихъ володимерича дроужина лоутшаіа; ИЛ, 1147, 130: володимиръ же посла къ свіатославоу олговичю и повѣда емоу брата ти игоря оубили он же съзва дроужиноу свою старѣишоую и іави имъ и тако плакасіа горко по братѣ своемъ; ЛЛ, 1172, 122 об.: бъıвшю же кніазю мстиславоу на городьци совкоуплъшюсіа со братома своима с моуромьскъım и с ріазаньскъım на оустьѣ окъı и ждаша дроужинъı в 2 недели и не дождавше ѣхаша с переднею дроужиною; ЛЛ, 1093, 72 об.: и приспѣвающе старость к симъ и нача любити смъıслъ оунъıхъ свѣтъ твориа с ними си же начаша заводити и негодовати дроужинъı своеіа первъıа и людемъ не доходити кніаже правдъı.

Самым употребительным названием дружины было устойчивое словосочетание старѣишаіа дроужина, составлявшая верхушечный слой княжеского профессионального войска, а люди, в нее входящие (бояре, княжьи мужи), составляли постоянный совет князя [4, с. 69–70]. «Старейшей дружине противопоставлена молотшаіа дроужина, более многочисленная часть дружины. Входившие в нее отроки, пасъınки, детские (дети боіарские), молодь (молодъıе люди) противопоставлены боіарамъ и моужамъ [4, с. 70]. ФЕ молотшаіа (моложьшаіа) дроужина встречается, в основном, в Лаврентьевской и в Ипатьевской летописи: ЛЛ, 1097, 89 об.: шже ми боудоуть берендичи и печенѣзи и торци рекоу

братоу своемоу володареви и давъидови даита ми дроужиноу свою молотшюю а сама пиита и веселитасіа; ИЛ, 1150, 150 об.: и рече изѧславъ братоу своемоу володимероу поѣди ты на бѣлгородъ передомъ а мы вси поущаемъ с тобои дроужиноу свою моложьшюю поѣди же напередъ къ бѣлоу городоу а мы по тобѣ идемъ.

Употреблявшиеся в качестве синонимов к ФЕ молотшаіа (моложь шаіа) дроужина устойчивые обороты люди молодъіе и дѣти боіарьские встречаются преимущественно в новгородских летописях: НІЛМИ, 1259, 137: и нача оканьнъіи боіатисіа смерти рече олександроу даи намъ сторожи ать не изобьють нас и повелѣ кніазь стеречи ихъ сыноу посадничю и всѣмъ дѣтемъ боіарьскъімъ по ночемъ; НІVЛ, 1377, 197: ходиша из новагорода людн молодъіи к новоугородкоу немѣчкомоу на овлѣна рѣцѣ и стоіаше подъ городомъ много днии и посадъ весь взіаша и волости вси потравиша и полона много приведоша в новгородъ; НІЛМИ, 1377, 224 об.: ходиша изъ новагорода люди молодъіи к новоу городкоу на овлѢ на рѣцѣ немѣчскомоу и стоіаша под городомъ много днии и посадъ весь взіаша и волость всю потравиша и полона много приведоша в новъгород а сами приидоша всѣ здрави в новъгородъ; НІЛМИ, 1386, 229: тои же зимъı ездиша за волокъ федоръ посадникъ тимофевич тимофеи юрьевич а с ними боіарьскии дети брати 5000 роублевъ что возложилъ новъгородна заволочкоую землю занеже заволочане бъıле же на волге.

«Сочетание въ малѣ дроужнне (съ малою дроужинъı) становится устойчивым для обозначения небольшого количества войска» [4, с. 73]: ЛЛ, 1097, 87 об.: и помъıсливъ си прекрьстисіа рекъ воліа господьніа да боудеть и приѣха въ малѣ дроужине на кніажь дворъ; Усп. сб., 13 об: онъ же въбързѣ въ мале дроужинѣ въ сѣдъ на конь поѣха и пришедъ на вългоу на поле потъче сіа под нимъ конь въ ров; ЛЛ, 945, 14 об.: идоуще же емоу въспіать размъıсливъ рече дроужинѣ своеи идѣте съ данью домови а іа возъвращюсіа похожю и еще поусти дроужиноу свою домови съ маломъ же дроужинъı возъвратисіа желаіа больша имѣныа; НІVЛ, 996, 48: по семъ же приидоша печенѣзи к василевоу и володимеръ с малою дроужиною изъидѣ противоу.

В значении ‘большое количество войска’ употреблялось несколько синонимичных ФЕ: въ силѣ въ велицѣ, съ многою силою, съ вои многими, съ множествомъ вои (рати): ЛЛ, 929, 43: приде семевонъ на царьградъ и поплѣнн фракию и макидонью и приде ко царюградоу въ силѣ въ велицѣ в гордости и створи миръ с рамономъ цесаремъ; ИЛ, 968, 26: и ѡстоупиша печенизи город въ силѣ тѫжьцѣ бещисленое множьство около города и не бѣ лзѣ вълѣсти из града ни вѣсти послати и изнемогахоу людие гладомъ и водою; Устюж. лет. свод, 1475, 319: кніазь великии ходил на миром в новъгород в силѣ велицѣ и заніал дворъı и манастъıри и юрьев и городище; НІЛМИ, 1240, 160: идоущоу же емоу изъ церкви оутираіа слезъı и нача крѣпити дроужиноу свою и рече не в силах богъ нь въ правдѣ поміанемъ пѣснословца давъıда сии въороужии а сии на конѣх мъı же въ иміа господа бога нашего призовем тѣ въспіати бъıша и падоша и идѣ на них в малѣ дроужинѣ не дождавъсіа съ многою силою своею нь оуповаіа на свіатоую троицю; Усп. сб., 100г: слъıшавъ же се цесарь въскочивъ сѣде на колесници своеи съ многъıми вои и приточивъше колесницами обидоша свіатъıіа трьми челъı и начаша сѣщи іа блаженъıи же христофоръ глаголлаше имъ прѣтерпимъ братие жизнь бо раискаіа наша есть; НІЛМИ, 1293, 189 об.: того же лѣта би чоломъ андрѣи кніазь цесареви съ инъıми кніази на дмитриа кніазіа с жалобами и отпоусти цесарь брата своего доуденіа съ множеством рати на дмитриа.

Для указания на очень большое количество войска в древнерусских памятниках употреблялись устойчивые словосочетания много (многое) множество и тмами тмъı,

которые не были чисто военными терминами. ИЛ, 1111, 100: **и побиша ꙗ в понедѣлникъ страстнъıи месıаца марта въ кз дьнь избьени бъıша иноплеменницѣ многое множество на рѣцѣ салницѣ и спасе богъ люди своıа**; НІЛМИ, 1266, 180: **и ıако оувѣдаша плесковици погоню отослаша полонъ а сами сташа крѣпко противоу им о сию страноу двинъı литва же начаша бродитисıа на сию страноу тогда плесковици сняшасıа с ними и пособи богъ кнıазю домонтоу со плесковици и много множество ихъ побиша**; ИЛ, 1111, 100: **наставъшю же понѣделникоу страстнъıа недѣли паки иноплеменници собраша полки своıа многое множество и въıстоупиша ıако борове велиции и тмами тмъı и ѡстоупиша полкъı роускъıи и посла господь богъ ангела в помощь роусьскъımъ кназемъ.**

С. Д. Ледяева указывает, что для обеспечения своего войска от внезапного нападения противника русские князья выделяли специальные отряды в сторожевое охранение (сторожа/стража)» [6, с. 16]. Для названия такого отряда употреблялась ФЕ **сторожевъıн (сторожовъıи) полк** со значением ‘передовое охранение, авангард войска, служба разведки и охранения’. Лет. Авр., 1372, 98: **слъıшавши же то кнıазь великъıи дмитрии поиде с москвѣ ратью противоу ихъ и стрѣтошасıа противоу града любоутьска преже всѣхъ москвицѣ съгнаша сторожовъıи полкъ а олгеръдовъ избѣжа и сташа противоу себе обѣ рати московьскаıа и литовьскаıа въороужившасıа.**

Устойчивое словосочетание **силнии полкъ** употреблялось для обозначения хорошо подготовленного и хорошо вооруженного войскового соединения. ИЛ, 1150, 150 об.: **оже нъı боудеть лзѣ на бѣлгородъ въѣхати то гюрги готовъ перед нами бѣгаеть а мъı поѣдемъ въ свои киевъ а въ силнии полкъ в киевьскии**; ЛЛ, 1216, 220 об.: **а кнıазь юрьи всеволодичь съ свıатославомъ и с володимеромъ въıшелъ бıаше из володимерıа съ всею братьею и бıахоу полъци силни велми моуромъци и бродници и городчане и вся сила соуздальскои земли.**

В условиях постоянных боевых действий, когда на защиту родной земли было вынуждено подниматься всё население древнерусского государства, включая как профессиональные военные отряды, так и простых жителей, происходило интенсивное развитие военной лексики и фразеологии, которая включает в себя 24 устойчивых выражения древнерусского языка, называющих различные как по количественному составу, так и по выполняемой функции войсковые соединения.

Список использованных источников

1. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – Т. 3 (Муза – Сят) / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – М. : Прогресс, 1987. – 832 с.

2. Греков, Б. Д. Киевская Русь / Б. Д. Греков. – М.-Л. : Учпедгиз, 1949. – 569 с.

3. Львов, А. С. Лексика «Повести временных лет» / А. С. Львов. – М. : Наука, 1975. – 367 с.

4. Сороколетов, Ф. П. История военной лексики в русском языке XI–XVII вв. / Ф. П. Сороколетов. – Л. : Наука, 1970. – 384 с.

5. Филин, Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей) : дис. ... докт. филол. наук / Ф. П. Филин ; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Л., 1949. – 288 с.

6. Ледяева, С. Д. Из истории формирования военной лексики XI–XIII вв. / С. Д. Ледяева // Очерк по исторической лексикологии русского языка. – Кишинев, 1980. – 111 с.

Принятые сокращения

1. ЛЛ – Лаврентьевская летопись (Полное собрание русских летописей. Том первый). – М. : Языки русской культуры, 1997.

2. ИЛ – Ипатьевская летопись (Полное собрание русских летописей. Том второй). – М. : Языки русской культуры, 1998.

3. НІЛСИ (Новгородская первая летопись старшего извода); НІЛМИ (Новгородская первая летопись младшего извода) – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (Полное собрание русских летописей. Том III). – М. : Языки русской культуры, 2000.

4. НІVЛ – Новгородская четвертая летопись. (Полное собрание русских летописей. Том IV. Часть 1) – М. : Языки русской культуры, 2000.

5. Псков. лет. – Псковские летописи. – Вып. II. – М. : Изд-во АН СССР, 1955.

6. Лет. Авр. – Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки (Полное собрание русских летописей. Том XVI) – М. : Языки русской культуры, 2000.

7. Уст. лет свод – Устюжский Летописный свод (Архангелогородский Летописец). – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1950.

8. Усп. сб. – Успенский сборник XII–XIII вв.; под ред. С. И. Коткова. – М. : Наука, 1971.

Absract. This article analyzes the terminology and phraseological units of ancient Russian monuments denoting military units of the ancient Russian state. It is noted that the analyzed material dates back to the period of active formation and development of the lexical and phraseological system of military subjects.

Keywords: body of troops, drugina, voji, armed forces, regiment, infantry, cavaltry, in land water, phraseological unit.

Васильев Александр Ибрагимович – кандидат филологических наук, доцент; Башкортостан (alev.vas2010@mail.ru).

УДК 811.111’373-161.1

И. И. Воронцова

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ И МЕТАФОРИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ЦВЕТА В ОБЛАСТИ ФИНАНСОВ

Аннотация. Анализ колористической лингвометафорики финансового дискурса вскрывает национально-историческую природу профессионального языка. Метасерия образований с параллельным использованием кодифицированной и некодифицированной образной лексики в настоящей статье демонстрируется на примерах из Британского национального корпуса (BNC) и Корпуса современного американского языка (COCA).

Ключевые слова: антропоцентричность, национальные реалии, колористическая лингвометафорика, терминокомпоненты-колоративы, финансовый дискурс, эмоциональная модальность.

Вопрос об образности в терминологии как непременном атрибуте национальной языковой картины мира широко обсуждается в современных терминоведческих исследованиях в силу своей очевидной антропоцентрической направленности. Ф. де Соссюр считал, что в метафорах наиболее «выражает себя дух народа, они вернее всего передают разницу в мышлении и чувствовании» [1, с. 76] представителей разных стран, так как различны не только языковые картины мира, но и образы, стоящие за словами, обозначающими одну и ту же реалию в разных языках. Колоративная образность применительно к терминологии понимается как системность, созданная на основе сем цвета и имеющая национальную специфику, а также обусловленная факторами национальных реалий, традиций, национальной литературы, мифологии и фольклора [2, с. 123]. Множественные научные изыскания (Арутюнова, Баранов, Воевода, Гак, Берлин и Кей, МакЛори, Стейнвал, Тресиддер) показали, что возможные причины сходства цветовой метафоры в родном и изучаемом иностранном языках могут быть отнесены к общему восприятию и культурному опыту, в то время как различия проистекают из разной среды обитания, религии, философии, обычаев и т. д.

На примере терминологических единиц, содержащих основные терминокомпоненты-колоративы, метафора рассматривается как важный источник пополнения терминологического словаря экономики, а прием метафоризации органично входит в финансовый дискурс в качестве инструмента научного анализа.

Сразу необходимо упомянуть, что и в английском, и в русском подъязыках финансов метафорическое использование черного цвета в подавляющем большинстве случаев имеет пейоративную окраску, мотивированную ассоциацией с темнотой, где черный цвет используется в переносном значении ‘тайный, неофициальный’ в описании незаконных операций: *currency black market – черная биржа*. Метафорика нелегального и законного бизнеса включает *black market* – черный рынок с нелегальной торговлей: *My monthly salary would buy me just four bottles of Johnny Walker whisky on the black market* [3] – *Моего месячного заработка хватает на четыре бутылки «Джонни Уолкера», да и то на черном рынке* (здесь и далее перевод автора – *И. В.*) и *white market – белый рынок*, разрешенные сделки или поставки; легальный, законный, официальный, санкционированный рынок товаров и услуг.

Т. А. Солдаткина утверждает, что это относительно недавнее дополнение к языку не встречается ни в Британском национальном корпусе (BNC), ни в Корпусе современного американского языка (COCA), в отличие от исходной метафоры черного рынка, которая присутствует в корпусах в большом количестве. Выражение *white market – белый рынок* впервые зафиксировано в 1943 г., тогда как *black market – черный рынок* был впервые упомянут в 1727 г., и даже *grey market – серый рынок* впервые употребляется в 1934 г. [4]. В этом контексте нельзя обойти вниманием и *red market – красный рынок*, т. е. рынок насилия и воровства.

Выражение *black economy – черная экономика* имеет два разных значения, одно из которых является кодифицированным и относится к официально не заявленной области экономической деятельности во избежание налогообложения: *What the government calls unregistered companies, is actually an enormous black economy worth several billion dollars a year – То, что правительство называет незарегистрированными компаниями, на самом деле представляет собой огромное поле черной экономики стоимостью несколько миллиардов долларов в год.* Второе, некодифицированное, значение *black economy – черной экономики* относится к экономике афроамериканского населения США. Подобным же образом используется и эвфемизм *brown majority – коричневое большинство*. *Black propaganda – черная пропаганда* – фальсифицированная информация якобы из собственных источников противника, призванная понизить моральный дух: *The programme was dismissed as ‘rubbish’ invented by paid liars coining black propaganda on behalf of the tycoons – Программа была отвергнута как «вздор», измышленный оплачиваемыми лжецами, штамповавшими фальшивку от имени магнатов.*

В русскоязычных и англоязычных финансовых документах *black hole – черная дыра* (финансовая пропасть) и *black box – черный ящик* манифестируют отсутствие прозрачности. *Black mark – черная метка, black list – черный список* и *black spot – черное пятно* таят в себе проблемы и опасности. Оказаться в *black list – черном списке* – явный признак неблагоприятного положения: *Along with many others in the Keynesian era, those researchers were apparently blacklisted – Наряду со многими другими в кейнсианскую эпоху, эти исследователи, по-видимому, попали в черный список*. Фраза *black spot – черное пятно* указывает на негативное состояние какой-либо области из-за особых проблем, таких как низкий уровень сигнала телесвязи, экологически загрязненные районы или зоны экономической депрессии: *He revealed there were black spots where reception was often poor – Он обнаружил, что были места низкого уровня сигнала, где связь зачастую пропадала.* Также *Black spot* может быть соотнесен с зоной высокого уровня безработицы: *To paint N. as a jobs black spot is not just factually wrong, it is also very damaging to the activities the council and local authorities are demonstrating to attract*

new investment – Изображать N. как место с отсутствующими рабочими местами не только некорректно, но и наносит серьезный ущерб тем движениям, которые совет и местные власти демонстрируют для привлечения новых инвестиций. Расширение значения коннотативно подразумевает нанесение ущерба репутации: *If your skills are not in demand or if you live in an economic black spot, you may find that your chances of landing an attractive position elsewhere are pretty slim – Если ваши навыки не востребованы или если вы живете в зоне экономической депрессии, выясняется, что ваши шансы получить привлекательную позицию в других местах довольно малы.*

Значение *black money – фальшивые деньги* помечается как устаревшее, и примеры с таким значением не встречаются в корпусах BNC и COCA. Однако в корпусах представлены примеры *black money* с обозначением денег, приобретенных незаконным путем и, соответственно, не декларируемых для целей налогообложения: *Dandavate promised a "sustained and multipronged drive against proliferation of blackmoney"* (BNC) – *Дандавате пообещал «упорную и разноплановую борьбу с распространением незаконных денег»*; *Much of it, however, is used to purchase gold, arms, drugs, electronic goods and gems, which are smuggled into the country and purchased by others flush with black money – Большая его часть, однако, используется для покупки золота, оружия, наркотиков, электронных товаров и драгоценных камней, которые контрабандой ввозятся в страну и покупаются другими лицами на черные деньги* (COCA).

Метафорика законного белого бизнеса в англоязычной финансовой среде включает и *white money* – честно заработанные и заявленные в налогах: *White money makes the transparent layer between the individual's income and the state and hence government can impose the tax for that money – Белые деньги образуют прозрачную прослойку между доходом человека и государством, и, следовательно, правительство может взимать налог на эти деньги.* Выражение *white money – белые деньги* – полученные незаконно, но затем отмытые деньги – восходит к метонимическому обозначению серебряных монет.

Представляется очевидным, что столь множественные полисемантические и полистилистические примеры демонстрируют расширение значения черного цвета как некоего агента влияния: *Black knight – черный рыцарь* – компания, делающая нежелательное для фирмы предложение о ее поглощении, и *white squire/ white knight – белый рыцарь* – дружественный инвестор, который делает новое, более выгодное предложение о поглощении компании, уже являющейся объектом попытки враждебного поглощения со стороны «черного рыцаря»: *Morgan has been looking for a white knight for the last two weeks since the insurance broker announced it was selling its 25 per cent stake. It was underscored by a half-dozen bids, clandestine talks* [3] – *Последние две недели, с того момента как страховой брокер объявил о продаже своей 25-процентной доли, Морган ищет себе белого рыцаря. Это явствует из полудюжины заявок, предложений и тайных переговоров*. *Yellow knight – желтый рыцарь* – в англоязычной практике это компания, которая предпринимает попытку враждебного поглощения, но затем отступает и вместо этого предлагает слияние с целевой компанией. Часто такая перемена происходит в результате понимания, что искомая компания будет стоить дороже и/или у нее будет лучшая защита от поглощения, чем ожидалось.

Локализация на парном сравнении выводит алгоритм, формулу, за которой обозначаются контуры коннотаций: термины согипонимы – *white knight* и *black knight* – выявляют моральную сторону поглощения компаний.

В период нестабильности, вызванной пандемией COVID-19, в США стала популярной *white label* – концепция, предусматривающая производство немарочных продуктов или услуг одной компанией и использование таких продуктов или услуг другой компанией под своим брендом; *white label product* – модель реализации товаров и услуг под брендом компании-продавца, но фактически произведенных или оказываемых другой компанией. В Оксфордском словаре английского языка [5] представлено употребление

фразы в контексте национального локдауна: *Want some ideas for the best white label products to sell in 2021? The possibilities are endless when it comes to white-label products, but it brings up so many questions. We'll look at why you should consider selling white-label products in the first place, where you can find suppliers, and some frequently asked questions, too – Хотите найти для продажи в 2021 г. лучшие продукты с белой этикеткой? Когда дело доходит до продуктов с белой этикеткой, возможности безграничны, но возникает слишком много вопросов. Мы разъясним, почему вам следует подумать о продаже продуктов с белой этикеткой, где вы можете найти поставщиков, а также рассмотрим некоторые часто задаваемые вопросы*.

Подобным же образом, к реалиям исключительно одной страны можно отнести *White paper – Белую книгу* (официальное издание, правительственный информационный или нормативный документ, официальный отчет; может писаться слитно – Whitepaper): *The government issued a white paper on food safety last month – В прошлом месяце правительство выпустило официальный документ по безопасности пищевых продуктов*; в отличие от *Green Paper*: *EU Green Paper – издание Европейского союза по проблемам энергетической политики*, уделяющее большое внимание экологически чистым энергетическим технологиям.

Grey – серый цвет может как смягчить отрицательную коннотацию черного, так и умалить положительные значения, связанные с белым [6]. Таким образом, всё неоднозначное можно назвать *grey area – серой зоной*. Дуализм *grey area – серой зоны* в том, что она не является ни черной, ни белой, но в то же время немного черной и немного белой, одновременно законной и незаконной: *Avoidance is a grey area at the boundaries of legality and illegality and though it is an approach employed in many areas of law, it is nowhere more clearly institutionalised than in tax law – Уклонение от ответственности – это серая зона на границах законности и незаконности, и хотя этот подход используется во многих областях права, он нигде не институционализирован более четко, чем в налоговом законодательстве.* Например, юридически сомнительный *grey market – серый рынок* – неофициальный рынок товаров, торговля которыми не может проводиться в рамках традиционно регулируемого рынка. Как правило, серый рынок формируется в случаях, когда цена товара в одной стране значительно выше, чем в другой: импортер закупает товар в стране с низким уровнем цены, на законных основаниях его импортирует, а затем перепродает на внутреннем рынке по цене ниже нормального уровня внутреннего рынка, но достаточной для получения прибыли; в отличие от операций на черном рынке, операции на сером рынке не считаются незаконными: *Grey-market perfumes and toiletries are now commonly sold by mail – Духи и туалетные принадлежности с серого рынка сей час обычно продаются через почтовые сервисы.* Существует и биржевой термин *серый рынок – grey market* – неофициальный рынок вновь выпущенных ценных бумаг, участниками которого являются дилеры; на этом рынке ценные бумаги покупаются и продаются до их официального предложения на бирже: *Grey market shares are sold to investors before they have been officially issued – Акции серого рынка продаются инвесторам еще до их официального выпуска*; *At one point last week shares in the grey market touched 230p – Раз на прошлой неделе цена акций на сером рынке скакнула до отметки 230.* Как видим, пограничено легитимный серый занимает промежуточное положение, как рубежный случай между тем, что законно и что незаконно, заимствуя таким образом метафорические значения от черного и одновременно находясь под влиянием значений белого: *Macedonians live in part on the remittances from overseas relatives, in part on their wits, and in part on their "grey economy" – Македонцы живут частично за счет денежных переводов от родственников из-за границы, частично за счет собственной смекалки, а частично за счет своей «серой экономики»*.

Неоднозначен взгляд на «разноцветную» британскую валюту, где *серый фунт – grey pound* (валюта, принятая в полулегальной структуре распространения товара)

и *розовый фунт – pink pound*, который составляет основу розовой экономики, отражают целевые аудитории либо, инвариантно, старшего поколения, либо гомосексуалов соответственно, например: *The example of corporate America waking up to the belated realisation that what has become known as 'the pink economy' represents significant purchasing power. Members will take out shares and the intention is gradually to build what the homosexuals call the "pink economy" – Деловая Америка (неофициальное выражение для описания тех компаний, которые, по мнению общественности, имеют значительное влияние на политические решения правительства США; обычно используется как синоним слова «Уолл-стрит») с ее запоздалым осознанием того, что стало известно как «розовая экономика», являет собой пример значительной покупательной способности. Корпоративные участники выкупят акции, и их намерение состоит в том, чтобы постепенно построить то, что гомосексуалы называют «розовой экономикой».* В отличие от серой экономики розовая экономика относится к коллективной покупательной способности группы, связанной с розовым: гомосексуалов [7, с. 57].

Игра с различающимися оттенками серого вызывает растущий интерес: *boring grey – скучный серый* – появляется в значении 'лишенный индивидуальности, невзрачный, безликий'; также 'анонимный'. Нередко в экономическом дискурсе подобная метафора возникает в контексте ортодоксальности, следования догмам или бюрократии, как в случае ношения серого костюма, когда обычная формальная одежда рассматривается как свидетельство консервативного, бюрократического или конформистского отношения, отсутствия индивидуальности: *The overwhelming greying of the City, one could euphemistically call it. Ever more grey matter, ever more grey suits, ever more grey faces. The City's once colourful financiers could still prove the theory wrong – Сити все нагляднее окрашивается в серый цвет, так можно было бы эвфемистически назвать этот тотальный тренд. Все больше интеллекта* (серого вещества головного мозга – *И.В.*)*, все больше серых костюмов, все больше серых лиц. А ведь было время, когда колоритные финансисты Сити еще могли доказать ошибочность этой теории. Intelligence grey – интеллектуальный серый* – наиболее частотная цветовая метафора с терминокомпонентом *серый*. *Серое вещество* и *белое вещество* встречаются как обозначения типов мозговой ткани. Поскольку активную часть мозга связывают с серым веществом, колоративный образ может метафорически восходить к интеллекту в самом широком смысле: *While some of the financial concepts and accounting issues just barely made it through my gray matter, something did seem off – Тогда как некоторые финансовые концепции и вопросы бухгалтерского учета, пусть с превеликим трудом, но все же проникали в мое серое вещество, суть других мне так и не удалось постичь.* На практике, однако, в большинстве примеров эта семантическая единица балансирует между буквальным (некодифицированным) и метафорическим (кодифицированным) применениями. Во всех рассмотренных примерах терминокомпонент-колоратив *grey* выявляет один и тот же когнитивный признак – сомнительность этической стороны [8, с. 285], а его образность несет антропоцентрический посыл и позволяет в компактной форме передать, в частности, и эмоциональную модальность.

Список использованных источников

1. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр // Соссюр Ф. Труды по языкознанию. – М. : Наука, 1977. – 423 с.

2. Росянова, Т. С. Колоративная экономическая терминология в современном английском языке / Т. С. Росянова // Управленческое консультирование. – 2016. – № 3 (87). – С. 121–128.

3. Hamilton, R.L. Colour in English: from metonymy to metaphor. 2016.

4. Солдаткина, Т. А. Семантика ахромных цветов в английском языке / Т. А. Солдаткина // Вестн. Марийского гос. ун-та. – 2020. – Т. 14. – № 2. – С. 216–223.

5. Oxford Dictionaries online [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https:// en.oxforddictionaries.com/definition/beautiful. – Дата доступа : 04.10.2025.

6. Phillip, G. Connotative meaning in English and Italian color word metaphor / G. Phillip // Metaphoric. – 2006. –No. 10. – P. 59–93.

7. Воронцова, И. И. Метафорическое мышление как расширение возможностей профессиональной англоязычной коммуникации (на примере цветовой метафорики подъязыка экономики) / И. И. Воронцова // Вопр. соврем. филологии в контексте взаимодействия языков и культур. III Междунар. науч.-практ. конф. Оренбург, 29–30 мая 2019 г. : сб. ст. / Мин-во науки и высшего образования Росс. Федерации; ФГБОУ ВО «Оренбургский гос. пед. ун-т», Фак. ин. яз. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2019. – С. 56–59.

8. Воронцова, И. И. Метаморфозы образа и смысла: метафорика англоязычного экономического дискурса / И. И. Воронцова; рецензенты: Т. В. Ковалевская, М. В. Мельничук; Российский государственный гуманитарный университет. – М. : РГГУ, 2023. – 384 с.: табл. – Библиогр.: с. 354–373. – ISBN 978-5-7281-3289-9.

Abstract. Analysing the coloristic linguistic metaphorics of financial discourse reveals the national-historical nature of professional language. The article demonstrates a metaseries of formations with the parallel use of codified and non-codified figurative lexis on the examples from the British National Corpus (BNC) and the Corpus of Contemporary American Language (COCA).

Keywords: anthropocentrism, national realities, coloristic linguistic metaphorics, color term components, financial discourse, emotional modality.

Воронцова Ирина Игоревна – кандидат филологических наук, доцент; Российский государственный гуманитарный университет (Iravorontsova1@gmail.com).

УДК 811.161.1’42’374:398.92

Е. В. Генералова

ИДЕОГРАФИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Статья посвящена идеографическим фразеологическим словарям. Рассматриваются принципы, положенные в основу построения понятийной матрицы «Идеографического словаря русской фразеологической неологии (1980-е–2020-е гг.)», разные типы соотношения идеографических рубрик в таком словаре, тематические доминанты современной русской фразеологии.

Ключевые слова: современный русский язык, фразеологический неологизм, идеографический словарь, идиома, перифраз.

Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ № 23-18-00141 «Идеографический словарь русской фразеологической неологии: динамика языка и мышления».

Идеографический подход высоко востребован в современной антропоцентрической парадигме лингвистики. Однако понятийная систематизация фразеофонда, как известно, имеет существенную специфику на фоне идеографирования лексики. Эта специфика обусловлена не только неоднозначностью понимания объема фразеологии, но прежде всего избирательностью фразеологии: «Если лексика в своей совокупности отражает всю сумму явлений, фактов, процессов действительности, то фразеология охватывает в первую очередь сферу переживаний и чувств, психологических состояний индивидуума» [1, с. 78]. Т. е. фразеология, в отличие от лексики, покрывает далеко не все тематические сферы, существует ряд понятийных областей, практически не отраженных фразеологией. С другой стороны, явления, обладающие высокой степенью социальной значимости, культурные доминанты, актуальные для определенного периода, характеризуются широким фразеологическим выражением, что приводит к обширности отдельных идеографических групп, развитию широкой фразеологической синонимии и семантическим пересечениям тематических подрубрик, что затрудняет системное описание материала и создает определенные сложности в области идеографирования фразеофонда.

В отечественной фразеографии есть определенный опыт создания идеографических фразеологических словарей и в настоящее время ведется серьезная исследовательская работа в этом направлении. Первым идеографическим фразеологическим словарем русского языка стал словарь-справочник Р. И. Яранцева [2], в первом издании (1981 г.) включавший 800 фразеологических единиц (ФЕ), распределенных по 47 тематическим рубрикам, а во втором издании (1997 г.) – около 1 500 фразеологизмов, распределенных по 96 рубрикам. Рубрики организованы по трем большим разделам: «Эмоции», «Свойства и качества человека», «Характеристика явлений и ситуаций», отражающим как раз те основные сферы действительности, которые покрывает фразеология.

Существенным продвижением в плане идеографирования фразеофонда стала работа по созданию словарей фразеологических синонимов [3; 4], поскольку она потребовала тематической систематизации материала.

В последние годы серьезная работа по понятийному представлению современной русской фразеологии в «Словаре-тезаурусе русской идиоматики» осуществляется А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским. Исследователями намечен масштабный план и предложена структура фундаментального идеографического описания фразеологических единиц в виде таксонов (где под таксоном подразумевается группа единиц, объединяемых на основании общих семантических свойств и признаков и упорядоченных с опорой на частные семантические различия) [5, с. 46].

Не менее значимой разработкой, реализуемой в настоящее время, является «Русский конструктикон» [6] – совместный проект Университета Тромсё – Норвежского арктического университета и Школы лингвистики НИУ ВШЭ. Принципиально, что в этом проекте получает описание не только идиоматика, но и фразеологизированные конструкции (см. подробнее [7]).

Исследование осуществляется и в Санкт-Петербургском государственном университете. В основе настоящего доклада лежит работа в составе группы по составлению «Идеографического словаря русской фразеологической неологии (1980-е – 2020-е гг.)», цель которого – отразить динамические процессы в языке и мышлении российского общества последних десятилетий. Особенность проектируемого словаря – новации в русской фразеосистеме, при этом выбор широкого временного отрезка в отношении неологики позволяет рассмотреть и старую новую, и новую новейшую фразеологию, т. е. фразеологизмы, обладающие признаками новизны у носителей языка старшего поколения и рождающиеся в речи младшего поколения [8, с. 139]. Объем словаря – около 8 000 устойчивых словосочетаний (УС), возникших в русском языке в конце XX–начале XXI вв., и словарь максимально широко включает разные типы устойчивых словесных комплексов: фразеологические единицы, эквивалентные слову (например, *танцы с бубнами* ‘различные сложные, трудоемкие попытки решения проблемы; ухищрения’), ответные реплики (*ясен пень* ‘согласие с утверждением’), перифразы (*чума XX в.* ‘о СПИДе или о наркомании’), паремии (*бабло побеждает зло; лучшая рыба – это колбаса*), фразеоконструкции (X *и в Африке* X).

Все устойчивые сочетания сгруппированы в соответствии со смысловой доминантой в идеографические подрубрики и рубрики, связанные многочисленными отсылками: словарь организован в виде следующих в алфавитном порядке около 600 различных по объему идеографических рубрик.

В основу выделения тематических рубрик словаря положен понятийный критерий распределения устойчивых словесных комплексов по денотативному компоненту в соответствии с положением В. Н. Телии о типовом представлении как основании идеографической классификации фразеологизмов [9, с. 157]. При выделении тематических рубрик учитывалось также основное категориальное значение единиц, в связи с чем различались обозначения действий, лиц, предметов, состояний, характеристик, ситуаций и т. п. Дополнительно принимался во внимание количественный параметр: не выделялись рубрики для

единичных ФЕ. Тематические рубрики формировались при одновременном исследовании материала снизу вверх (на основе анализа семантики ФЕ и выделении их понятийного ядра определялся смысловой макрокомпонент фразеологических неологизмов) и сверху вниз, по ономасиологическому принципу (в корпусе созданного ранее алфавитного словаря фразеологической неологики осуществлялся подбор, поиск УС в соответствии с заголовком темы по словарным дефинициям и ключевым словам).

Новаторский характер словаря и в связи с этим специфика решения задачи о создании идеографической матрицы фразеологической неологики заключается в том, что в проект включены и стилистико-функциональные, и семантико-функциональные ФЕ [10, с. 67–68], т. е., с одной стороны, обороты, обладающие экспрессивной функцией, традиционная идиоматика (например, *делать что-л. на автопил*оте ‘делать что-л. машинально, автоматически’, *по барабану* ‘все равно’, *денег не печатаю* ‘о затруднительном денежном положении’, *головная боль* ‘о том, что тревожит, беспокоит’), а с другой стороны, номинативные – перифрастика (*зеленые человечки* и *вежливые люди* ‘о российских военнослужащих в военной форме без знаков различия в Крыму в 2014 г.’, *золотые воротнички* ’высококвалифицированные работники умственного труда’), терминосочетания (*детские деньги, группа риска*). Эти два типа фразеологизмов (экспрессивные и номинативные) отражают состояние фразеологической неологики, поскольку фонд устойчивых сочетаний обогащается как за счет обозначения новых явлений (например, в сфере развития компьютерных технологий), так и путем активного пополнения экспрессивных ресурсов языка.

Часть рубрик является исключительно перифрастическими (МЕТРОПОЛИТЕН; ПОЛЕЗНЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ; АВИАЦИЯ), часть – содержит только идиоматику (БЕЗДЕЛЬНИЧАТЬ; БЕССОВЕСТНЫЙ, НАГЛЫЙ, НАХАЛЬНЫЙ; БИТЬ / ИЗБИТЬ (ПОБИТЬ), ДРАТЬСЯ / ПОДРАТЬСЯ, УДАРЯТЬ / УДАРИТЬ; МАКСИМУМ; МНОГО), наиболее же сложными по структуре и, как правило, содержащими значительное количество единиц, являются рубрики смешанного характера (например, ДЕНЬГИ).

На первом этапе работы при формировании общего списка тематических рубрик словаря была использована тематическая классификация «Словаря фразеологических синонимов русского языка» А. К. Бириха, В. М. Мокиенко, Л. И. Степановой [4] как типология, учитывающая избирательность отражения действительности фразеологическим фондом. Но эта классификация не исчерпывала собранный материал неологической фразеологии, обогащенной перифрастикой, так как базировалась на классификации как раз только идиоматического материала. Поэтому изначальная классификация была дополнена идеографической классификацией номинативных УС (отчасти коррелирующей с тематической типологией лексики) и актуализирована в соответствии с хронологическим фактором, т. е. с учетом неологического характера описываемых единиц. По сравнению с исходной идеографической классификацией некоторые рубрики пришлось упразднить, так как они не обнаруживались во фразеологической неологике (например, БЛЕДНЫЙ; РАСКАИВАТЬСЯ; СКОЛЬЗКИЙ), другие, наоборот, были добавлены в общий идеографический индекс (например, АВТОМОБИЛЬ; АКТИВНЫЙ; БЕЗНАДЕЖНО; БРАК; ИНТЕРНЕТ; КОВИД и др.).

Отсылки приобретают особую роль в идеографической систематизации, поскольку тематические пересечения и различные понятийные соотношения выделяемых квантов информации неизбежны. Специфика идеографической матрицы словаря заключается в сочетании двух типов организации (сетевого и иерархического). Так, А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский подчеркивают, что сама семантика фразеологии предопределяет ее организацию «не по иерархическому, а по сетевому принципу» [5, с. 40]. Действительно, оба эти типа организации имеют место в структуре проектируемого словаря, при этом к иерархическому упорядочиванию в большей степени тяготеют перифрастические УС, а к сетевому – идиоматические. В силу неоднородности материала в слова-

ре имеет место разная организация рубрик с максимальным трехступенчатым подчинением (например, блок КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО включает рубрики ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО; ЛИТЕРАТУРА; МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО; МУЗЫКА; НАУКА; ТЕАТР; КИНО; ЦИРК), каждая из которых разбита на подрубрики в соответсвии с тематикой неологических фразеологизмов (например, рубрика МУЗЫКА имеет следующую структуру:

О типе музыки
музыкальный китч
для ног
для ума
О певце
кремлёвский соловей).

Анализ продемонстрировал различные варианты соотношения рубрик:

1) совпадение: x=y, используется помета *см.*: выделенные тематические рубрики обнаруживают совпадение по значению, в этом случае они объединяются в единую рубрику с отсылкой на месте синонимичных, при этом имеется в виду прежде всего понятийная синонимичность: НАХАЛЬНЫЙ см. НАГЛЫЙ; СООБРАЗИТЕЛЬНЫЙ см. УМНЫЙ;

2) включение: x⊂y, используется помета *см.*: одна тематическая рубрика является частью другой, что имеет место при гиперо-гипонимических отношениях (как правило, в тематическом блоке: ЦИРК см. КУЛЬТУРА) или при других подчинительных отношениях (НАУДАЧУ см. УДАЧА, ВЕЗЕНИЕ; СПЕШИТЬ см. БЫСТРО; СПЬЯНУ см. ПЬЯНЫЙ);

3) пересечение: x∩y, используется помета *ср.*: разные рубрики обнаруживают частичное понятийное совпадение: МНОГО ср. ВДОВОЛЬ; СПЛЕТНИ; СПЛЕТНИЧАТЬ ср. БОЛТАТЬ; ТОРОПЛИВО ср. БЫСТРО).

На материале идеографического фразеологического словаря интересно исследование доминант фразеологической неологики и самых частотных рубрик. Выдающимися в количественном отношении являются идеографические группы РАБОТАТЬ, РАБОТА; ДЕНЬГИ; БИТЬ / ИЗБИВАТЬ, УДАРИТЬ / УДАРЯТЬ; НАРКОТИКИ, НАРКОМАНИЯ; ВОЕННОЕ ДЕЛО; НЕАДЕКВАТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ; ПЬЯНЫЙ.

В целом, лексикографическое структурирование понятийного пространства современной фразеологии дает возможность исследовать специфику фразеонеологики и получить представление о менталитете носителя современного русского языка и состоянии общества, отражением чего и становится набор тематических рубрик идеографического фразеологического словаря.

Список использованных источников

1. Ройзензон, Л. И. Современные аспекты изучения фразеологии / Л. И. Ройзензон, Ю. Ю. Авалиани // Проблемы фразеологии и задачи её изучения в высшей и средней школе : сборник научных статей. – Вологда : Вологод. гос. пед. ин-т, 1967. – С. 68–81.

2. Яранцев, Р. И. Русская фразеология. Словарь-справочник / Р. И. Яранцев. – М. : Русский язык, 1997. – 845 с.

3. Жуков, В. П. Словарь фразеологических синонимов русского языка / В. П. Жуков, М. И. Сидоренко, В. Т. Шкляров ; под ред. В. П. Жукова. – М. : Русский язык, 1987. – 440 с.

4. Бирих, А. К. Словарь фразеологических синонимов русского языка / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – М. : АСТ-Пресс, 2023. – 448 с.

5. Баранов, А. Н. Русская фразеология в идеографическом представлении / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Современное развитие славянской лексикологии и лексикографии : международная коллективная монография / отв. ред. М. И. Чернышева. – М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2022. – С. 38–49.

6. Конструктикон [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://constructicon.github.io/russian/. – Дата доступа : 22.09.2025.

7. Рахилина, Е. В. Фразеология в ракурсе «Русского конструктикона» / Е. В. Рахилина, В. А. Жукова, Д. А. Демидова, П. С. Кудрявцева, Г. П. Розовская, А. А. Эндресен, Л. А. Янда // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2022. – № 2. – С. 13–45.

8. Мокиенко, В. М. Старое новое и новое новейшее (к проекту «Большого словаря русских фразеологических неологизмов») / В. М. Мокиенко // Неология. Неография. 2021 : сборник научных статей Международной научной конференции. – СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2022. – С. 132–142.

9. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 287 с.

10. Мокиенко, В. М. Третье тысячелетие в зеркале словарей русских и немецких фразеологических неологизмов / В. М. Мокиенко, Х. Вальтер // Русский язык и культура. Взаимосвязи и взаимодействие : материалы VI Международного педагогического форума. – СПб. : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. – С. 58−72.

Abstract. The article is devoted to ideographic phraseological dictionaries of Russian language, and the conception of the “Ideographic Dictionary of Russian Phraseological Neology (1980s–2020s)” is in the centre. The principles underlying the organization of the conceptual matrix, different types of correlation of ideographic biocks in such a dictionary, and the thematic dominants of modern Russian phraseology are considered.

Keywords: modern Russian language, phraseological neologism, ideographic dictionary, idiom, periphrasis.

Генералова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет (elena-generalova@yandex.ru).

УДК 811.161.1’42’374:398.9:373.3.017:316.722

О. В. Данич

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ПАРЕМИИ КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. Рассматривается возможность использования фразеологизмов и паремий как материала для повышения уровня духовной культуры младших школьников. Акцент сделан на культурно-национальной окрашенности данных единиц языка и речи. Продемонстрированы возможности работы по формированию лингвокультурной грамотности лексикографическими средствами.

Ключевые слова: фразеологизмы, паремии, духовная культура, словарь лингвокультурной грамотности, младшие школьники.

Духовное здоровье нации всегда было залогом не просто процветания, а самого ее существования. Этот постулат является основой для организации целенаправленной работы над формированием, сохранением и трансляцией от поколения к поколению системы ценностей, как материальных, так и духовных, выработанных обществом. В этом отношении совершенно оправданным является беспрецедентное внимание к воспитанию духовной культуры именно детей, которые и будут определять траекторию развития своей страны и народа.

Предметом нашего интереса является формирование духовной культуры детей младшего школьного возраста как наиболее сенситивного к внешнему воздействию. Воздействие со стороны важных для ребенка взрослых (родителей, учителей, старших родственников и др.) оказывает серьезное влияние на формирование его личности, поскольку переход от наглядно-образного мышления к словесно-логическому позволяет ему осознанно воспринимать абстрактную информацию, ее критически осмысливать и принимать (или не принимать). Это определяет важность как формы, так и содержания любой информации, которая оказывается в поле зрения ребенка.

Основную информацию об окружающем мире младший школьник получает в процессе учебной деятельности. И здесь следует акцентировать внимание на основном средстве освоения действительности – на родном языке, который является и основным учебным предметом. Одной из целей изучения русского и белорусского языков на I ступени общего среднего образования является формирование лингвокультурологической компетенции, в рамках которой обозначено «…постижение национальной культуры белорусского и русского народов посредством русского языка» [1, с. 2]. Именно средства языка позволяют не просто получить предметные знания о различных предметах, явлениях и понятиях, но и осознать их важность и ценность для себя, в первую очередь.

Особым развивающим потенциалом обладают языковые единицы, способные оказать на человека, а тем более на ребенка, эмоционально окрашенное воздействие. К ним, в первую очередь, относятся фразеологизмы и паремии. Именно они формируют и аккумулируют духовный код нации, определяя систему нравственных ориентиров.

При организации изучения этих языковых единиц следует учитывать следующее:

– их безусловную сложность для понимания;

– их огромный нравственный потенциал;

– их информационную насыщенность.

Всё это делает фразеологизмы и паремии мощным обучающим и воспитательным средством, которое требует соответствующих форм работы с ними, приемов и дидактического обеспечения. Знакомство с этими уникальными единицами языка и речи осуществляется при изучении таких учебных предметов, как русский и белорусский языки, русская и белорусская литература (литературное чтение). Учебные пособия по этим учебным предметам (II–IV классы) содержат достаточно внушительное количество фразеологизмов, пословиц и поговорок.

Так, в учебном пособии по русской литературе (литературному чтению) для III–IV классов представлено около 50 пословиц и поговорок, включенных в рубрику «Жемчужины народной мысли», сопровождающую большинство тематических разделов пособия. Предметное изучение фразеологизмов происходит на страницах учебного пособия по русскому языку для III класса. Далее фразеологизмы встречаются достаточно редко. В целом, работа над этими единицами языка и речи сводится к элементарному пониманию их смысла («Что это означает?», «В каком случае так говорят?» и т. п.), главное, отсутствует совершенно необходимый лингвокультурологический комментарий, который и обеспечит прочное усвоение названного фразеологизмом или паремией понятия, предмета, поступка, поведения и др. как элемента национальной культуры. Такое включение в культурное поле своего народа будет обеспечивать формирование культурной грамотности, точнее, лингвокультурной грамотности (как культурной грамотности, формируемой и проявляемой средствами языка), и, как следствие, общей культуры детей.

Безусловно, педагогу (или любому заинтересованному взрослому) необходимо, как минимум, дидактическое сопровождение работы над формированием культурного уровня ребенка средствами фразеологизмов и паремий. В качестве одного из таких средств можно использовать разработанный нами «Учебный словарь лингвокультурной грамотности младших школьников» [2], содержащий комплексную работу над усвоением информации о важнейших объектах духовной и материальной культуры белорусского народа. Одним из обязательных элементов этого процесса является работа над фразеологическим и паремиологическим материалом.

Продемонстрируем сказанное на примере фрагментов словарных статей, посвященных таким важнейшим элементам духовной культуры, как белорусские народные праздники: Дожинки, Коляды, Купалье.

Дожинки. Сведения об этом осеннем празднике содержатся в информационной части, с содержанием которой часто связаны задания из других компонентов словарной

статьи. Как уже говорилось, обязательным компонентом всех словарных статей «Словаря» является фразеологический и паремиологический материал как наиболее культурно-национально- и эмоционально окрашенный, а значит, ориентированный на эффективное включение в национальную культуру.

«Долгожданный и веселый праздник нашел отражение в пословицах и поговорках. Все они связаны с главным делом каждого человека – трудом и осенью, когда собирают урожай и радуются каждому выращенному колоску, плоду или собранной ягоде.

Весна красна цветами, а осень снопами; что пожнешь, то и молотишь, а что смолотишь, то и в амбар положишь; холоден сентябрь, да сыт; день прозевал – урожай потерял; в осень и у вороны копны хлеба; весна красна, да голодна, осень дождлива, да сытна; урожай не от божьей милости, а от дружной работы; доброму урожая – и добрая уборка; рожь поспела – берись за дело» [2, с. 37–38].

Прочному усвоению знаний о каждом объекте культуры, включенном в содержание «Словаря», являются вопросы и задания частично-поискового, поискового и творческого характера, что безусловным образом оказывает положительное влияние как на устойчивость полученных учащимися знаний, так и на формирование универсальных учебных действий:

«– Назовите выражения, в которых говорится об осени как о самом щедром и сытном времени года.

– Какое из выражений можно связать со значением слова *толока*?

Подсказка: толока – это дружная, коллективная работа.

– Какое из выражений можно связать с этим рисунком?» [2, с. 37–38].

При работе над содержанием словарной статьи, посвященной осеннему празднику урожая, делается акцент на осознании ценности труда, его результатов, важности для себя и своей страны, на формировании у детей таких нравственных качеств, как трудолюбие, честность, патриотизм.

Коляды.

«Веселому зимнему празднику посвящены пословицы, поговорки, народные приметы.

Пришла Коляда накануне Рождества; как ни знобит мороз, а праздничек весёлый теплее печки пригреет; на Рождество Христово метель – пчёлы хорошо роиться будут; колядовщиков на порог сажают, чтобы куры неслись; пришли колядки – блины да оладки» [2, с. 64].

Задания и вопросы к этой части словарной статьи, как, впрочем, и всё остальное содержание, ориентированы на формирование чувства принадлежности к своему народу (национальную самоидентификацию), уважения к его традициям и ценностям.

«– В каком из выражений обозначено время празднования Коляд?

– Какие выражения дают нам понять, что Коляды – это веселый и любимый народный праздник?

– С каким выражением связан этот рисунок? Попробуйте догадаться, почему это так.

Подсказка: обратите внимание на примету, в которой снежинки похожи на пчёл» [2, с. 64].

Купалье. Словарная статья, посвященная этому празднику восточных славян, ориентирована на понимание общности славянских корней, единства славянских народов, которое нужно бережно хранить и защищать. Паремиологический материал и содержание работы с ним позволяют формировать у учащихся не только предметные знания, но и умения находить неочевидную информацию, причем из нескольких источников, интегрировать и интерпретировать ее.

«Волшебный праздник нашел отражение в пословицах, поговорках, народных приметах.

Иван Купала делит год пополам; Иванов день пришёл – траву собирать пошёл; Иван Купала – обливай кого попало; ивановские дожди лучше золотой горы; Иван Купала – хорошие травы; папоротник расцветает в полночь на Ивана Купала.

– В каком из выражений обозначено время празднования Купалья?

Подсказка: обратите внимание на дату Купалья по отношению к части года.

– Назовите выражения, в которых отражены два обычая из предыдущего текста.

– В каком из этих выражений названо то, чего не бывает на самом деле?

Подсказка: обратите внимание на одну из иллюстраций к тексту задания 1» [2, с. 73].

Проиллюстрируем работу над фразеологическим материалом на примере словарной статьи, посвященной такому объекту духовной культуры, как **книга**.

«А вот как представлено понятие *книга* в образных выражениях – фразеологизмах.

Книга за семью печатями; уткнуть нос в книгу; глотать книгу за книгой; жалобная книга; красная книга; ходячая книга; книга жизни; книга книг.

– Значение каких фразеологизмов вам непонятно?

Подсказка: можно обратиться за помощью ко взрослым или обсудить с одноклассниками. Обратите внимание на значение последнего фразеологизма!

– В каких фразеологизмах слово *книга* употреблено во втором значении?

– Выберите любой фразеологизм, который обозначает положительную характеристику человека, или правильное поведение, или полезный, на ваш взгляд, предмет, и составьте с ним предложение.

Подсказка: можно выбрать фразеологизмы, например, ***красная книга*** *или* ***ходячая книга****»* [2, с. 53–54].

Работа над этим материалом формирует у учащихся понимание ценности книги не просто как «источника знаний», а как важнейшего достижения всего человечества, что особенно актуально в период некоторого упадка книжной культуры.

Таким образом, фразеологизмы и паремии, обладая максимальной культурно-национальной окрашенностью, являются благодатным материалом не только для формирования у детей младшего школьного возраста знаний об объектах духовной культуры, но и для повышения культурного уровня, для осознания своей принадлежности к национальной и мировой культуре в целом. По-прежнему открытым остается вопрос создания учебно-методического обеспечения, адекватного важности поставленных задач.

Список использованных источников

1. Учебная программа по учебному предмету «Русский язык» для III–IV классов учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования, с белорусским и русским языками обучения и воспитания [Электронный ресурс]. – Минск, 2025. – Режим доступа : https://adu.by/images/2025/08/12/up-rus-yaz-3-4-kl.pdf. – Дата доступа : 14.10.2025.

2. Данич, О. В. Учебный словарь лингвокультурной грамотности младших школьников / О. В. Данич. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2023. – 145 с.

Abstract. The possibility of using phraseological units and paroemias as a material for improving the level of spiritual culture of younger schoolchildren is being considered. The emphasis is placed on the cultural and national coloring of these units of language and speech. The possibilities of work on the formation of linguistic and cultural literacy by lexicographic means are demonstrated.

Keywords: phraseological units, paroemias, spiritual culture, dictionary of linguistic and cultural literacy, primary school students.

Данич Оксана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент; Витебский государственный университет имени П. М. Машерова (odanich@mail.ru).

УДК 811.161.1’42’27:398.91

Е. М. Дубровская

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ТОПОНИМИЧЕСКИМИ КОМПОНЕНТАМИ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ТИПАЖИ

Аннотация. Статья посвящена изучению и анализу концептуализации образов, вербально выраженных в виде устойчивых сочетаний с топонимическими и этнонимическими компонентами – наименованиями географических объектов и национальностей соответственно. На наш взгляд, анализируемые устойчивые сочетания могут быть рассмотрены с позиции лингвокультурных типажей.

Ключевые слова: паремиология, топонимы, этнонимы, лингвокультурный типаж, устойчивые единицы, русская языковая картина мира.

Следуя за антропоцентрическими тенденциями развития науки о языке, ученые акцентируют свое внимание на исследованиях языковой картины мира в целом и языковой личности в частности. Детально изучить их особенности позволяют обобщенные типизируемые образы, которые воплощаются людьми или социальными группами, – лингвокультурные типажи.

Автором термина и основоположником теории лингвокультурных типажей (далее – ЛКТ) считается В. И. Карасик. По мысли ученого, «лингвокультурные типажи – узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [1, с. 13]. О. А. Дмитриева уточняет, что «лингвокультурный типаж – это обобщенный образ личности, чьи поведение и ценностные ориентации существенным образом влияют на культуру и являются показателем культурно-языкового, социального и этнического своеобразия общества» [2, с. 15].

Как подчеркивает В. И. Карасик, аксиологические ориентиры отдельно взятого общества и этнокультурную самобытность народа могут отражать ЛКТ с ярко выраженной этнокультурной значимостью (например, *английский аристократ, американский ковбой* или *русский интеллигент*). Мы полагаем, что этно- и лингвокультурные типажи с компонентом-топонимом, включенным в их лексический состав, играют значительную роль в репрезентации русской языковой картины мира. Такие типажи формируются на основе авто- и гетеростереотипов, поэтому дают четкое представление о тех или иных особенностях менталитета и характера носителей русского языка.

К моменту проведения данного исследования, учными была проведена работа по моделированию и описанию свыше 500 ЛКТ. Среди описанных преобладают лингвокультурные типажи с компонентом-этнонимом (*русский, американский, французский, китайский* и др.) – этнокультурные типажи. Современные исследования сфокусированы на типажах с ярко выраженным коммуникативным поведением представителей (см. типажи «душнила», «зануда», «правдолюб» и др.), а также на функционировании типажа в какой-либо языковой картине мира (в китайском языке, в американской лингвокультуре, в таджикском языке, в сознании русских и осетин и др.).

Как справедливо утверждают Н. В. Юдина и Е. А. Кузнецова, географические названия «являются одним из важнейших элементов истории любого народа и интереснейшим фрагментом его культуры, ведь в топонимах зафиксирован такой комплекс исторических, этнографических и культурологических сведений, которые не отражены порой ни в каких документальных источниках» [3, с. 19]. Так, из числа языковых единиц с компонентом-топонимом, к примеру, фразеологические обороты, как наиболее яркие устойчивые выражения, позволяющие делать выводы о менталитете, характере и быте народа, изучены тщательно и досконально. Мы полагаем, что изучение ЛКТ

с компонентами-топонимами не менее значимо для формирования комплексных представлений об этнической лингвокультуре. Принципиально важными в этой связи представляются устойчивые сочетания с компонентом-ойконимом. Этот лексический компонент в таких выражениях выступает в роли актуализатора историко-культрологических и экстралингвистических смыслов, заключенных в семантической структуре фразем.

В статье рассмотрены паремиологические единицы, в лексическом составе которых содержатся этнонимы – названия народов – и топонимы (в том числе ойконимы, урбанонимы и хоронимы) – наименования различных географических объектов. Устойчивые единицы отбирались приемом сплошной выборки из «Большого словаря русских поговорок» под редакцией В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной [4], «Словаря-тезауруса русских пословиц, поговорок и метких выражений» под редакцией В. И. Зимина [5].

При обращении к «Большому словарю русских поговорок» под редакцией В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной нами были обнаружены следующие потенциальные лингвокультурные типажи: *новый русский, наивная чукотская девушка, дама из Амстердама* и др. Все эти устойчивые сочетания связываются в сознании носителей русского языка с конкретными образами людей и/или характеристиками их поведения и поступков. Следовательно, будучи зафиксированными в узусе и, соответственно, предполагающими фиксацию в языковой картине мира русского человека, они могут быть описаны с позиции лингвокультурного типажа. При этом в словаре есть ряд единиц типа *японский бог*, которые представляют собой эвфемизацию ненормативных выражений, не имея отношения к человеку и личности. Хороним в составе выражения использован только для созвучия.

В «Словаре-тезаурусе русских пословиц, поговорок и метких выражений» под редакцией В. И. Зимина в разделе с так называемыми дразнилками фиксируются: 1) устойчивые сочетания с компонентами-ойконимами, описывающими жителей города или района по роду деятельности (см. *тульские самоварники, селивановские лаптёжники, владимирские богомазы, смоленские рожочники, одесские жулики, ростовские жулики*), которые могут быть смоделированы в качестве лингвокультурных типажей только при помощи обращения к письменным источникам определенных временных этапов, так как без отдельного изучения выявить типизируемые черты и качества, кроме занятий одним родом деятельности, не представляется возможным; 2) устойчивые сочетания, имеющие конкретный реальный или фикциональный прототип (см. *тульский мастер Левша*, *рязанский мужик* (так называют Сергея Есенина), *тамбовская казначейша* (жена, изменяющая мужу, пришедшая в язык из поэмы М. Ю. Лермонтова). Такие сочетания будут описываться, скорее, с позиций теории прецедентности, так как для корректного считывания смыслов, закладываемых теми, кто использует эти выражения, потребуется определенный набор фоновых знаний и представлений о том, что легло в основу подобной номинации; 3) устойчивые выражения, имеющие в своем составе ойконим и метафорическую оценку или представление об описываемой личности (см. *вологодская корова забодала паровоз* (девушки там здоровы), *орловские рысаки* (так называют бойких парней), *астраханская селёдка* (говорят о худых девушках), *воронежские молодки всё берут на глотки* (очень крикливы)). При обращении к подобным сочетаниям очень важным элементом анализа будет являться попытка установления степени значимости топонимической принадлежности, зафиксированной в составе выражения, не будет ли определяющим второе слово в словосочетании, какой оттенок значения добавит именно привязка к местности.

Проведенный анализ устойчивых выражений с компонентами-этнонимами и топонимами, представленных в «Большом словаре русских поговорок» и «Словаре-тезаурусе русских пословиц, поговорок и метких выражений», демонстрирует, что такие сочетания могут выступать в качестве потенциальных лингвокультурных типажей. Рассмотренные нами паремиологические единицы репрезентируют представления носителей языка о конкретных образах разных людей. За лаконичной вербальной формой

паремии скрывается глубокий план содержания единицы, описывающий поведение и характеристики репрезентируемого образа, которые осознанно или подсознательно считываются благодаря фоновым знаниям рецепиента. При этом, для того чтобы корректно смоделировать подобный типаж, в первую очередь нужно определить степень значимости этнонимического или топонимического компонента в его составе – насколько смыслообразующим он является. От этого зависит необходимость обращения к историко-культурному компоненту. Важность дальнейшего изучения подобных единиц можно обусловить тем, что в составе многих из них ойконимы выступают в роли маркеров культурных стереотипов и ассоциаций, что ярко демонстрирует их лингвокультурную специфику.

Анализ устойчивых выражений с ойконимами и этнонимами подтверждает их значимость как элементов, фиксирующих культурные и исторические особенности народа. Изучение лингвокультурных типажей с топонимическими компонентами в перспективе позволит не только расширить представления о языковой картине мира, но и углубить понимание взаимосвязи языка, культуры и географического пространства.

Список использованных источников

1. Карасик, В. И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия / В. И. Карасик, О. А. Дмитриева // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. – Волгоград : Парадигма – 2005. – С. 5–25.

2. Дмитриева, О. А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX в. : монография / О. А. Дмитриева. – Волгоград : Перемена, 2007. – 307 с.

3. Юдина, Н. В. Топонимический портрет Владимирского края / Н. В. Юдина, Е. А. Кузнецова. – Владимир : Транзит-ИКС, 2018. – 160 с.

4. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.

5. Зимин, В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений / В. И. Зимин. – М. : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2023. – 736 с. – (Настольные словари русского языка).

Abstract. The article is devoted to the study and analysis of the conceptualization of images, variably expressed in the form of stable combinations with toponymic and ethnonymic components – names of geographical objects and nationalities, respectively. In our opinion, the analyzed stable combinations can be considered from the perspective of linguistic and cultural types.

Keywords: paremiology, toponyms, ethnonyms, linguocultural type, stable units, Russian linguistic picture of the world.

Дубровская Елена Михайловна – кандидат филологических наук; Новосибирский государственный технический университет (schitat.do.sta@gmail.com).

УДК 811’42’371:398.91(=161.1):398.91(=111)

Е. В. Иванова

МОДЕЛИРОВАНИЕ ВАРИАТИВНОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ВРАГА В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

Аннотация. Цель статьи состоит в рассмотрении русской и английской паремиологической репрезентации концептов «Враг»/ «Enemy» и сравнении полученных характеристик с характеристиками соответствующих концептов, зафиксированных в конкордансах корпусов двух языков. Подчеркивается важность учитывать в процессе концептуального моделирования вариативность конструктов, вербализованных в различном языковом материале, что позволяет выявить как наиболее устойчивые, так и периферийные их характеристики, присущие мировосприятию социума.

Ключевые слова: паремия, корпус, частотность, конкорданс, сопоставительный анализ.

Корпусный подход активно проникает во все области лингвистических исследований, включая паремиологию и в целом фразеологию, расширяет возможности анализа и добавляет новый ракурс рассмотрения языкового материала. Так, корпусные данные используются для проверки результатов когнитивного исследования семантики фразеологических единиц [1], изучения закономерностей формирования актуального строения идиом [2], выявления частотности идиом определенного типа [3, с. 41], совершенствования практики перевода [4]. Корпусные данные полезны и при моделировании концептуализации мира паремиологическими и фразеологическими единицами, в частности, при описании наиболее значимых концептов в паремиологическом пространстве и образуемых ими оппозиций.

Архетипическое противопоставление «Свой – чужой» относится к одному из определяющих противопоставлений в мировосприятии любого языкового социума, охватывая различные аспекты его жизнедеятельности и формируя взаимодействие его членов как между собой, так и с представителями иных социумов. Это противопоставление, в частности, находит свое проявление и в более конкретной, гипонимической по отношении к исходной дихотомии «Друг – враг», обладающей огромной значимостью в истории, культуре, языке и в целом во всех сферах жизни каждого народа. Стереотипное представление народа о друзьях и врагах фиксируется языковыми единицами, входит в языковую картину мира, закрепляя в ней наиболее устойчивые характеристики двух противопоставленных концептов, присущие языковому сознанию на протяжении длительного периода. В то же время обращение к текстам, свойственным тому или иному периоду, позволяет выявить черты концептов, связанные с определенными хронологическими рамками. Интересный материал можно получить при обращении к корпусным данным и количественном сравнении характеристик концепта, зафиксированных в языковых единицах и в относительно современных текстах.

В данном исследовании осуществляется сопоставительное описание концептов «Враг»/ «Enemy» в паремиологическом пространстве русского и английского языков, позволяющее установить общие и национально-специфические концептуальные характеристики. Таким образом, в фокусе внимания находится только один компонент указанного выше противопоставления. Необходимо учитывать, что любой концепт – это сложная, многомерная структура, характеризующаяся своей собственной статикой и динамикой, требующая подхода одновременно с позиций нескольких лингвистических дисциплин. Задавая языковой материал репрезентации концепта, исследователи ограничивают концептуальное моделирование одним из вариантов этого многомерного образования. В настоящей статье характеристики паремиологических концептов двух языков рассматриваются на фоне данных соответствующих корпусов, что позволяет выявить тенденции в изменении и варьировании значимости отдельных признаков концептов.

Материал собран по словарям [5; 6; 7; 8] и корпусам [9; 10]. Объем паремиологического материала составляет 114 русских паремий и 82 английские паремии.

Для моделирования и сопоставления концептов используется понятие когнитемы как функционально-значимой единицы смысла, вычленяемой в содержательном пространстве языкового знака [11, с. 57].

Когнитемы выделяются в исследовании по двум направлениям. Во-первых, это когнитемы, соотнесенные с денотативным значением паремии и непосредственно выражающие отношение социума к связанному с концептом объекту. Наиболее частотные из них позволяют описать стереотипное восприятие объекта, установить прототипическое ядро концепта.

В русских паремиях первые три места занимают когнитемы «нужно бороться и побеждать врага» (17 ед. – 14,9 %); «явный враг менее опасен, чем мнимый друг» (17 ед. – 14,9 %); «враг опасен» (15 ед. – 13,2 %).

Врага бьют – поры не ждут.

Лучше явный враг, чем фальшивый друг.

Один враг делает больше зла, чем сто друзей добра.

В английских паремиях на первых трех местах представлены следующие характеристики: «враг опасен» (15 ед. – 18,5 %); «явный враг менее опасен, чем мнимый друг» (15 ед. – 18,5 %); «врага нужно победить, уничтожить» (13 ед. – 16 %).

There is no little enemy.

Better an open enemy than a false friend.

Do not boast until you see the enemy dead.

Как видим, в перечисленных выше частотных когнитемах паремий двух языков отмечается почти полное сходство, различия носят незначительный количественный характер. В обоих языках фиксируется необходимость бороться и побеждать врага, опасаться ложных друзей больше, чем явных врагов, а также опасаться врага и его действий. В английском языке подчеркивается опасность любого врага, даже не столь важного, на первый взгляд.

Сходство в периферийных когнитемах, не обладающих хоть сколько-то значимой частотностью, также может быть обнаружено. Так, когнитема «враг должен умереть» прослеживается в паремиях обоих языков:

Хорошо, когда враг бит, еще лучше, когда он убит.

The only good Indian is a dead Indian.

Другое направление выделения когнитем основано на анализе внутренней формы паремий. Например, можно установить те действия, которые совершает враг, те действия, которые производятся по отношению к врагу, атрибутивные признаки, присущие врагу, компаративные признаки и закрепленное в паремиях сопоставление концептов «Враг»/ «Enemy» с иными концептами. Особенностью этой группы когнитем является их единичный характер, крайне редко они встречаются два или более раз, что не позволяет включать их в прототипическое ядро концепта. Кроме того, они, как правило, не обнаруживают совпадения в двух языках и выступают как выражение национально-культурного своеобразия репрезентации концептов «Враг»/«Enemy» в двух языках. Это хорошо видно, например, в паремиях, построенных на сравнениях.

Лучше вода у друга, чем мёд у врага.

Though an enemy seem a mouse, watch him like a lion.

В русском паремиологическом пространстве враг более активен, совершает больше действий, обозначенных глагольными предикатами, чем в английском.

Так, в русских паремиях враг «боится», «рыщет», «поет», «не умирает», «остается», «льстит», «хулит», «жжет», «чернит», «мыслит злое», «не верит», «желает гибели», «рождается», «делает зло», «не сдается», «плутует», «не скроется», «проучит», «найдется» и пр. В английских паремиях враг “hurts”; “gives a blow”; “never agrees”; “envies”; “does not like”; “hates”; “eats”; “injures”; “mars”; “flies”; “kisses”; “smiles”; “perishes” и пр.

Действия, направленные на врага в русских паремиях: «бить», «сечь», «щадить», «говорить» и пр.

Врага сечь – не жалеть плеч.

Действия, направленные на врага в английских паремиях: “watch”, “not believe”, “tell”, “not trust”, “forgive” и пр.

Never tell your enemy that your foot aches.

Ввиду иносказательного характера паремий, частого строения их семантики на основе метафоры, выделяемые когнитемы нередко носят имплицитный характер, не получая непосредственного выражения с помощью языковых знаков.

For a flying enemy make a golden bridge.

Когнитема «не поощряй врага продолжать бороться» (discourage the enemy from fighting on) выделяется в содержательном пространстве паремии, но не выражена непосредственно языковыми единицами.

Обращение к конкордансам корпусов позволяет моделировать признаки концепта на основе относительно более современного хронологического материала, не уходящего

в глубь веков. Характерной чертой репрезентации корпусных концептов «Враг»/«Enemy» в обоих языках является фон военных действий или вооруженных столкновений между какими-то группами людей, хотя конкордансы, в которых враг выступает просто как опасный противник или недоброжелатель, также отмечены.

Твой друг строит тебе дом, а враг роет могилу.

I think you are your own worst enemy when it comes to talking yourself down from things.

И в русском, и в английском корпусах первое место занимает сочетаемость слов «враг / enemy» с леммами глаголов бытия: «являться» (312), «быть» (412), «to be» (888). Таким образом, главным оказывается факт наличия врага.

Среди глаголов, обозначающих направленные на врага активные действия, наиболее частотны леммы глаголов «победить» (132), бить (125), «уничтожить» (74).

Тогда мы все были объединены желанием победить врага, все были в равно опасных условиях – от солдата до генерала.

Действия, совершаемые врагом, обозначены леммами глаголов «не сдаваться» (97), «нападать» (14), «окружить» (13).

В английском языке среди глаголов, обозначающих действия, направленные на врага, преобладают леммы глаголов “destroy” (36), “kill” (33), “capture” (33).

Среди глаголов, именующих действия, совершаемые врагом, на первом месте находится глагол “know” (33).

Let's assume the enemy knows we're coming.

Remember, our enemy knows how to divide and conquer.

Далее с большим отрывом по частотности следуют “come” (17) и “make” (17).

Как видим, в центре концептов, моделируемых на основе данных двух корпусов, находятся когнитемы, указывающие на необходимость борьбы и уничтожения врага, что непосредственно соответствует прототипическим ядрам паремиологических концептов. Это представление о действиях по отношению к врагу является центральным для обоих языковых социумов. При этом отмечается сходство некоторых глагольных предикатов в паремиях и частотных/относительно частотных глаголов в корпусах: «бить», «говорить», “tell”. Однако в силу иносказательного характера паремий и отсутствия иносказательности в выборках конкордансов совпадения в языковой репрезентации вариантов концепта минимальные. В паремиологической репрезентации также отсутствует свойственный корпусной акцент на существовании врага / врагов и контексте военных действий.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. При моделировании концептов в рамках одного языка необходимо учитывать их вариативный характер, обусловленный спецификой репрезентирующего языкового материала. Подобный подход позволяет выделять наиболее устойчивые и значимые признаки концепта, а также его менее частотные характеристики.

2. При сопоставительном анализе концептов двух и более языков учет их внутренней вариативности также дает возможность получить дополнительную информацию о сходстве и различии исследуемых ментальных конструктов.

3. Проведенный анализ паремиологической репрезентации концептов «Враг»/«Enemy» в русском и английском языках с учетом данных соответствующих корпусов выявляет сходство наиболее устойчивых когнитем в пространстве как одного, так и двух языков, а также некоторое сходство среди периферийных когнитем, не входящих в прототипические ядра концептов. Это сходство весьма показательно и свидетельствует о едином восприятии объекта двумя социумами.

Отмечаемая вариативность когнитем свидетельствует, с одной стороны, о национально-специфических характеристиках концептов, с другой стороны, – об отличии паремиологической и корпусной фиксации концептов.

Список использованных источников

1. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Знак, 2008. – 656 с.
2. Иванова, Е. В. О важности корпусных данных для моделирования семантико-концептуального строения идиом (на материале английских идиом с компонентами eye/eyes) / Е. В. Иванова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2025, № 22 (1). – С. 105–123.
3. Minugh, D. Studies in Corpora and Idioms: Getting the cat out of the bag / D. Minugh. – Stockholm : University of Stockholm, 2014. – 217 p.
4. Пивоварова, Е. В. Корпусный анализ как инструмент для выявления семантических изменений у фразеологизмов – «ложных друзей» переводчика / Е. В. Пивоварова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Том 13. Выпуск 9. – С. 312–320.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 2 т. – Т. 1. / В. И. Даль. – М. : Олма-Пресс, 2002. – 1280 с.
6. Михайлова, Л. 20000 русских пословиц и поговорок / Л. Михайлова. – М. : Центрполиграф, 2009. – 384 с.
7. Cambridge Dictionary of American Idioms. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 498 p.
8. Fergusson, R. The Penguin Dictionary of Proverbs / R. Fergusson. – London : Penguin Books. Market House Books Ltd., 2001. – 384 p.
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ruscorpora.ru/. – Дата доступа: 29.09.2025.
10. Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.english-corpora.org/coca/. – Дата доступа : 25.09.2025.
11. Иванова, Е. В. Пословичные картины мира / Е. В. Иванова. – СПб. : Изд. филол. ф-та СПбГУ, 2002. – 160 с.

Abstract. The article is aimed at considering Russian and English paremiological representation of the concepts of the enemy and comparing their characteristic features with the features of the corresponding concepts represented in the corpora. The article highlights the importance of taking into account the variability of constructs being modelled, based on various language material, which results in revealing both their most stable and infrequent features perceived by the language community.

Keywords: paremia, corpus, frequency, concordance, cross-linguistic analysis.

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (e.v.ivanova@spbu.ru).

УДК 811.162.3’42’373:398.92

А. В. Кандыбина

ЧЕШСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ О ГЛУПОСТИ С КОМПОНЕНТАМИ-НАИМЕНОВАНИЯМИ ОДЕЖДЫ

Аннотация. В статье анализируются чешские фразеологизмы и устойчивые сравнения с общим значением ‘глупый человек, невежда’, включающие в себя названия одежды, головных уборов и обуви. В рамках исследуемого материала выявлены структурно-семантические модели и дан лингвокультурологический комментарий.

Ключевые слова: фразеологизмы, устойчивые сравнения, лингвокультурология, чешский язык, структурно-семантическое моделирование.

Во фразеологических системах разных языков единицы, репрезентирующие степень интеллектуальности человека, нередко содержат в своем составе наименования различных предметов одежды. Например, русское устойчивое сравнение *Глупый (тупой) как сибирский валенок*, обозначающее глупого человека, имеет «братьев» в других языках: польск. *Być głupi jak but*; чешск. *Blbý jako bačkora*; франц. *Raisonner comme une pantoufle* и т. д. Такое внимание к элементам костюма обусловлено особым отношением к одежде, которая представляет собой «один из главных знаков (наряду с речью, именем, нательным крестом) культурного статуса человека, его выделенности из мира природы» [1, с. 523]. Издавна по внешнему виду людей можно было определить их сословную принадлежность, род деятельности, социальное положение и иные характеристики, касающиеся индивидуальных качеств личности. В связи с этим за долгую историю развития одежда приобрела разнообразный набор символических значений, превратившись из простого предмета защиты тела в элемент культуры.

Устойчивые выражения в силу их природы, с одной стороны, могут нивелировать некоторые элементы в семантике наименований одежды, с другой, способны развивать ассоциативные потенции, которые ранее находились на периферии. Такую двойственность подчеркивает А. В. Тихомирова, изучая «процессы семантической деривации и фразеологизации» названий одежды, обуви и головных уборов [2, с. 4]. Безусловно, фразеологические единицы, содержащие в себе оценку интеллектуальных способностей, не стали исключением, что позволяет сделать предположение об особых отношениях между структурой и семантикой в рамках рассматриваемого тематического сектора.

В данной работе ядром исследовательского интереса являются структурно-семантические модели фразеологизмов чешского языка, характеризующих глупого человека и включающих в свой состав компоненты, обозначающие предметы одежды. В результате проведенного анализа удалось выявить модели, описанные ниже.

Первая модель представляет собой сочетание глагола *Nosit* или *Obkéknout se* и наименования предмета одежды: *Do Staškovy kukly se oblékl; Nosí bláznovskou kápi; Kuklu a zvonce nosí; Chodit v hloupých čižmách.* Стоит отметить, что в рассматриваемых фразеологизмах фигурируют наименования головных уборов *kukla* (русск. *шлем*), *kápě* (русск. *капюшон*), поскольку, по традиционным представлениям, сосредоточение ума и интеллекта происходит именно в голове, что дает основание для метонимического переноса: «…компоненты голова/ум, метонимически отождествляясь по функциональной сопредельности, как часть тела человека замещают самого человека в осуществлении им интеллектуальной деятельности и символизируют интеллектуальное пространство сознания» [3, с. 163]. Однако, как замечает М. Л. Ковшова, сам головной убор не служит индикатором, определяющим степень интеллектуальных способностей человека [4, с. 122]. В данных фразеологизмах именно этот предмет одежды становится символом глупости, на что указывает его характеристика, выраженная, например, при помощи прилагательного *bláznovská* (русск. *дурная, глупая*), образованного от существительного *blázen* (русск. *дурак, сумасшедший*).

Нередко фигурирующий во фразеологизме предмет одежды в силу своих функций и вида становится своеобразным символом. Например, лексема *kukla*, значение которой трактуется в словаре как «pokrývka hlavy zahalující i uši a krk» [5]. В рамках фразеологизма *Kuklu a zvonce nosí* реализуются те семантические возможности этого слова, которые указывают на закрытость данного головного убора, обусловленную его защитной функцией. В переносном плане такой элемент мешает воспринимать информацию, идущую извне, что ограничивает понимание и анализ. Прослеживается связь с русским фразеологизмом *Быть в танке* ‘не понимать суть разговора, не знать общеизвестное’. Кроме того, в рассматриваемом выражении компонент *zvonce* имплицитно указывает на животное, поскольку может обозначать колокольчик на шее коровы. Таким образом, обнаруживается традиционное отождествление глупого человека и животного:

«Человек отличается от животного тем, что имеет рассудок и руководствуется нравственным законом. Утрата нравственного закона, отклонение от социальных и человеческих норм ведут к тому, что человек может стать зверем…» [6, с. 9].

Сложнее дело обстоит с выражением *Do Staškovy kukly se oblékl*, поскольку в данном случае, вероятно, головной убор имеет связь с небольшой деревней *Staškov*, которая в настоящее время находится на территории современной Словакии. Дело в том, что отсылка к небольшим населенным пунктам, отдаленным от городских центров, нередко встречается во фразеологии. В первую очередь это связано с распространенным в разных культурах стереотипом о необразованности сельских жителей. Обращение к сравнению человека с сибирским валенком, с которого мы начали, служит подтверждением названного факта, поскольку с негативной точки зрения «оценивается прежде всего суровый климат Сибири и ее удаленность от Европейской России» [7, с. 53]. Если рассматривать чешский материал, то можно привести и некоторые другие примеры подобного функционирования топонимов: *Toho můžeš vyvést až na Kalenici; Je z Přelouče*. Указанные фразеологизмы также употребляются по отношению к глупому, ничего не смыслящему человеку. В данных случаях упоминаются названия чешской деревни *Kalenice* и ныне города *Přelouč*, бывшего в прошлые времена небольшим поселением, жители которого занимались сельским хозяйством.

Еще одним подтверждением стереотипного мнения о людях, живущих вдалеке от города, является фразеологизм *Sláma mu čouhá z bot*, в котором отсутствует прямое указание на топоним, но наличие посторонних элементов в виде соломы на обуви акцентирует внимание именно на деревенском происхождении человека.

Интересно, что «обувная тема» реализуется и в выражении *Chodit v hloupých čižmách,* которое также примыкает к рассматриваемой структурно-семантической модели. В данном случае сапоги (а не головные уборы, как это было в примерах, описанных выше) становятся символом глупого поведения. Возможно, противопоставление верхней и нижней частей костюма неслучайно и основывается на базовой антиномии верх (голова, т. е. умственная активность) / низ (ноги, т. е. физическая активность). Неслучайно в сказочных сюжетах сапоги-скороходы или семимильные сапоги выступают в качестве волшебной вещи, помогающей герою достичь цели при помощи быстрого перемещения во времени или пространстве: «Помощники, живые существа и волшебные предметы, принципиально функционируют совершенно одинаково. Так, конь переносит героя за тридевять земель, но то же достигается при помощи ковра-самолета или сапог-самоходов» [8, с. 161]. Однако во фразеологии сапоги обладают противоположными функциями и из «соратника» превращаются в главную причину глупого поведения.

Название обуви фигурирует и в рамках **второй структурно-семантической модели**, включающей в себя устойчивое сравнение *Blbý jako* и наименование предмета одежды: *Blbý jako bačkora; Blbý jako bota*. Вероятно, глупый человек сравнивается с домашними тапочками и ботинками по принципу отдаленности данных элементов костюма от головы как главного источника ума, поскольку «существенны такие признаки обуви, как ее связь с ногами и хождением; контакт с землей» [1, с. 476].

В иронических выражениях, относящихся к рассматриваемой модели, случается замена прилагательного *blbý* на *moudrý* с целью подчеркнуть низкий уровень интеллекта в шутливой форме: *Moudrý jako Šalomounové galaty; Moudrý jako Šalomounový gatě; Moudrý jako Šalomounův knoflík u gatí*. В качестве предмета для сравнения выбраны брюки и фурнитура от них, принадлежащие царю Соломону. Представления о мудрости и рассудительности еврейского правителя общеизвестны. Однако в данных выражениях предмет гардероба мудреца становится своего рода аллегорией глупости, поскольку во фразеологической картине мира одежда не обладает свойством замещения своего владельца.

Стоит отметить, что брюки так же, как и обувь, относятся к предметам костюма, предназначенным для нижней части человеческого тела, которая «отражает нечистые,

негативные свойства человека и его бытия» [9, с. 103]. В связи с этим можно сделать вывод о том, что репрезентация глупости как отрицательной характеристики в единицах фразеологии чешского языка может осуществляться через сравнение глупого человека с элементами одежды, которые связаны с нижними конечностями и ступнями.

К третьей структурно-семантической модели, включающей глагол (глагольную группу) и наименование головного убора с предлогом *pod*, можно отнести фразеологизмы, в которых неестественные свойства обнаруживаются в области «под головным убором»: *Straší mu pod kloboukem; Je lehký pod čepicí*. В данном случае наименование элемента одежды необходимо для уточнения локализации проблемной зоны. Глагол *strašit* (русск. *пугать*) подчеркивает наличие некоторого странного содержания в голове человека, которое прямо не называется. В отличие от фразеологизмов, в которых четко обозначены противоестественные детали (например, *Má v hlavě cvoček; Má cvrčky v hlavě* и др.), в рассматриваемом выражении только глагол «намекает» на нарушение работы мыслительного механизма, находящегося в районе головного убора.

Более прозрачным представляется фразеологизм *Je lehký pod čepicí*, в котором наименование головы заменяется сочетанием *pod čepicí*. Однако никаких аномальных процессов в мозге не происходит, наоборот, вместо лишних элементов обнаруживается недостаток необходимого для интеллектуальной деятельности содержания. Оба выражения помогают выявить представления о том, что для правильного с точки зрения обывателя функционирования мозга необходимо определенное естественное наполнение головы, а любое отклонение от нормы (в большую или меньшую сторону) считается аномальным и позволяет охарактеризовать человека как глупого.

Проанализированный чешский материал демонстрирует, что представления о глупости могут выражаться в рамках выявленных структурно-семантических моделей следующим образом:

1) одежда является символом глупости и негативно влияет на интеллектуальные способности человека: *Hloupé čižmy (глупые сапоги), Bláznovská kápě (дурной капюшон)*;

2) элемент одежды в силу своего внешнего вида или происхождения становится символом отчужденности человека от мира «мыслящих» людей: *Kuklu a zvonce nosí; Do Staškovy kukly se oblékl*;

3) обувь и одежда, предназначенная для нижней части тела человека, ассоциируется с глупостью и «приземленностью»: *Blbý jako bačkora; Moudrý jako Šalomounové galaty*;

4) название головного убора используется для уточнения локализации интеллектуального потенциала в теле человека: *Straší mu pod kloboukem; Je lehký pod čepicí*.

Наиболее активно в анализируемых единицах используются наименования головных уборов и обуви. Идея о неразрывной связи головы и ума активно эксплицируется в выражениях, касающихся оценки мыслительной деятельности людей.

Список использованных источников

1. Славянские древности : Этнолингвистический словарь в 5-ти томах ; под общ. ред. Н. И. Толстого. – Т. 3. – М. : Международные отношения, 2004. – 704 с.

2. Тихомирова, А. В. Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / А. В. Тихомирова ; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург, 2013. – 28 с.

3. Гудков, Д. Б. Телесный код русской культуры : материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М. : «Гнозис», 2007. – 288 с.

4. Ковшова, М. Л. Семантика головного убора в культуре и языке: костюмный код культуры / М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2015. – 368 с.

5. Internetová jazyková příručka [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://prirucka.ujc.cas.cz/. – Дата доступа : 05.09.2025.

6. Волохина, Г. А. Пословицы русского народа: человек и животный мир / Г. А. Волохина, С. А. Гостеева. – Воронеж : Факультет журналистики ВГУ, 2016. – 136 с.

7. Мокиенко, В. М. Сибирь в малых жанрах русского фольклора / В. М. Мокиенко // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2018. – № 53. – С. 48–60.

8. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 2000. – 336 с.

9. Ермакова, Е. Н. Экспрессивно-выразительные функции наименований обуви при формировании единиц производной номинации в русском и татарском языках / Е. Н. Ермакова, М. В. Прокопова, Г. Ч. Файзуллина // Жизнь фразеологии – фразеология в жизни : сборник научных статей к юбилею профессора А. М. Мелерович. – Кострома : Костромской государственный университет, 2018. – С. 99–106.

10. Zaorálek, Jaroslav. Lidová rčení / J. Zaorálek. – Praha : Nakladatelství Československé akademie věd, 1963. – 779 s.

11. Čermák, František. Slovník české frazeologie a idiomatiky: Výrazy slovesné / F. Čermák. – D. 1 : A–P. – Praha : Academia, 1994. – 757 s.

Abstract. The paper presents an analysis of Czech phraseological units and stable comparisons with the general meaning of “stupid person, ignoramus”, which include lexemes denoting the names of clothes, hats and shoes. Within the framework of the studied material, structural and semantic models are identified and a linguistic and cultural commentary is given.

Keywords: phraseological units, stable comparisons, linguoculturology, Czech language, structural and semantic modeling.

Кандыбина Анастасия Викторовна – аспирант; Санкт-Петербургский государственный университет (nastik18_can_na@mail.ru).

УДК 81’42:81’37:82’0

Н. П. Капшай, А. В. Данченко

РОЛЬ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ АКСИОЛОГИИ В ДЕКОДИРОВАНИИ ТЕКСТА ЭПОХИ МОДЕРНИЗМА (НА ПРИМЕРЕ СКАЗКИ О. УАЙЛЬДА «ПРЕДАННЫЙ ДРУГ»)

Аннотация. В статье раскрываются функции паремиологических единиц в декодировании смысла авторского текста, доказывается ключевая роль функционирующих в имплицитном виде паремий в определении особенностей речи, поведения и характерологии персонажей, аксиологического содержания литературной сказки.

Ключевые слова: паремия, семантика, полифункциональность, художественный текст, литературная сказка, модернизм, читатель, аксиология.

Изучение функций паремии, реализующихся в художественном тексте, лежит в зоне междисциплинарного взаимодействия наук, прежде всего лингвистики и литературоведения. Лингвистические и литературоведческие подходы интегрированы в методологии исследования, органично коррелируют, оперируют едиными междисциплинарными категориями, служат как выявлению особенностей функционирования языковых средств в тексте, так и глубинному пониманию ценностного потенциала оригинального авторского произведения.

Цель статьи – на примере структурно-семантического анализа литературной сказки Оскара Уайльда «Преданный друг» рассмотреть продуктивность обращения писателя к паремиологическому наследию, доказать функциональную значимость паремий в создании и расшифровке содержания художественного текста, написанного в эпоху модернизма.

В пословицах, поговорках и других паремиологических единицах создано и хранится коллективной памятью бесценное богатство смыслов и знаний, являющее собой результат скрытой духовной селекции, со временем претерпевающей множество трансформаций, но не теряющей ценностного капитала в разные исторические эпохи. Доказательство тому – художественные тексты, порожденные эпохой модернизма, авангардных направлений этого исторического явления и времени, в которое всё радикально переоценивалось, многое решительно сбрасывалось «с парохода современности», эпатажно представало в виде «пощечины общественному вкусу», модернизировалось в меняющихся языковых кодах.

В тексте сказки Уайльда «Преданный друг» паремии отводится специфическая роль. Паремиологические единицы минимально представлены в тексте, однако выполняют ключевую роль в смыслообразовании и концептуализации идейно-художественного содержания. Одна из задач нашего анализа – доказать, что именно паремиологический код является ключом к пониманию подтекстового содержания произведения, играющего определяющую роль в структуре и семантике концепта «Дружба», отличающегося оригинальным авторским толкованием и требующего от читателя напряженного интеллектуального усилия в адекватном понимании художественного смысла.

Надо сразу отметить, что перевод английского оригинала на русский язык, высокопрофессионально сделанный Ю. Кагарлицким**,** настолько точно рассчитан на восприятие русскоязычного читателя, что прочитывается как самостоятельное самодостаточное произведение, отделившееся от родительского прообраза и полноценно являющее собой пример модернистского произведения.

Смысловой центр идейного содержания произведения сфокусирован на постижении проблемных аспектов дружбы. Концепт «Дружба» на малом пространстве сказки находит многомерное освещение. Широкий семантический диапазон формируется благодаря тому, что в фабуле все действующие лица, прямо и косвенно, принимают участие в полемике о дружбе. По воле автора высказываниям персонажей сообщены самые противоположные точки зрения на феномен дружбы. Надо учесть и тот фактор, что восприятие читателя уже настроено на принципиальную многосмысленность, парадоксальность авторского стиля, так как читательский «горизонт ожидания» во многом предопределен поэтикой романа Уайльда «Портрет Дориана Грея».

Вызывает постановку проблемных вопросов само заглавие сказки «Преданный друг» (“The Devoted Friend”), наделенное двойственным смыслом. Первое значение определения *преданный* синонимично понятиям *близкий, верный, настоящий.* Второй смысл противоположен по значению: *преданный* – это тот, кто предал, изменил, выдает псевдодружбу за дружбу. Таким образом сразу задается вектор неоднозначного толкования значений художественного слова, создается читательская установка на поиск адекватных авторским интерпретаций.

Мощная интенция, пробуждающая интенсивную умственную деятельность читателя, сообщена речам Мельника, который слывет «добрым другом» садовника Ганса, не ведавшего «большего счастья, чем слушать занимательные речи Мельника о самоотверженности истинной дружбы» [1]. Речь персонажа пестрит меткими выражениями, которые восхищают окружающих, доставляют удовольствие прежде всего ему самому. Из «золотых слов» Мельника о дружбе можно составить каталог.

Мука – одно, а дружба другое, и нечего их смешивать.

Друзей не забывают. Тем и замечательна дружба.

Без щедрости, по-моему, нет дружбы.

Но, истинный друг говорит только самое неприятное и никогда не постоит за тем, чтобы доставить тебе огорчение.

Друг всегда предпочтет досадить тебе, ибо знает, что тем самым творит добро.

Щедрость всегда человеку во вред [1].

Характер, источник происхождения, суть речи персонажа позволяет понять именно паремия. В интерпретацию содержания через ассоциативные связи активно подключается затекстовый материал, отсылающий к известным паремиям. По структуре, содержанию, прагматической установке речевые обороты персонажа во многом схожи с пословицами. Проведем аналогию, воспользовавшись пословичным наследием, представленным в словаре В. И. Даля.

Друзей не забывают. Тем и замечательна дружба. – Старый друг – лучше новых двух. Старых друзей не забывают [2].

Мука – одно, а дружба другое, и нечего их смешивать. – Дружба дружбой, а табачок врозь. Счет дружбы не портит. Не в службу, а в дружбу [2].

Без щедрости, по-моему, нет дружбы. – Не пожалеть для друга последней рубашки [2].

Сопоставление вариантов – авторского и фольклорного – раскрывает различия между ними. Общеизвестные языковые выражения в речи Мельника редуцированы, усечены, трансформированы, целенаправленно видоизменены. В сопоставлении рельефно высвечивается различие между паремией и персональной риторикой. Паремиологические обороты содержательны, образны, художественны, и на их фоне речевые сентенции о дружбе предстают примитивно плоскими, лишенными образности, предельно назидательными, менее содержательными по смыслу.

Сопряженность текстового материала (речи действующих лиц) и внетекстового (общеизвестных пословиц) позволяет сделать первое наблюдение об активном присутствии и функционировании в авторской сказке паремии в имплицированном виде. Очевидно, что именно пословицы, выступающие я роли общезначимых истин, помогают маркировать индивидуальные качества речи персонажа.

Более глубокое осмысление механизмов функционирования имплицированных паремий дает рассмотрение образа садовника, Маленького Ганса. В отличие от Мельника, он мало говорит о дружбе. Но во всех его дружеских поступках как будто персонифицированы максимы концепта «Дружбы», сохранившиеся в пословичном наследии.

Например: Ганс сам остро нуждается в деньгах, но отдает первоцветы другу. – *Жить заодно, делиться пополам. У нас с тобой и лен неделен (всё вместе)* [2]. Или: садовник должен сделать срочную работу в собственном саду, но отправляется на базар, чтобы продать муку Мельника. – *Для друга всё не туго (не тяжело и не скудно*) [2]. Или: понимает, что может заблудиться и погибнуть ночью в лесу, но идет за доктором для сына Мельника – и погибает, завязнув в болоте. – *Больше той любви не бывает, как друг за друга умирает* [2].

Вербальная и невербальная формы выражения дружеских отношений гармонично сочетаются в сознании и поведении Ганса. Модель мышления персонажа, можно сказать, является художественной иллюстрацией к словам известного лингвиста Н. Д. Арутюновой: «человек живет в контексте культуры, она является для него «второй реальностью» [3]. В сознании Маленького Ганса языковая картина жизни скрыта за немногословием, за молчаливым одиноким образом жизни. Но все его дружеские поступки (невербальное выражение дружбы) говорят об устойчивости ценностных ориентиров, которыми руководствуется в жизни «маленький человек». За рамками текста, в экстралингвистическом пространстве угадываются ритуалы, обычаи, ценности, семантически сопряженные с этическим смыслом паремии. Они приоритетны для Ганса, «гипнотизируют своей языковой архаикой» [4, с. 174].

Как видим, паремия выполняет характерологическую функцию в произведении. В повествовании Ганс выступает заложником дружбы (по аналогии с идиомой *заложник совести*), Мельник же предстает ловким манипулятором. За красивыми фразами манипулятора Мельника скрыта эгоистичная натура. Парадоксально, но постоянные манипуляции Мельника как будто не замечаются «добрым другом» Гансом. В вере в величие дружбы, безусловно, проявляется благородство характера, наивность в восприятии высоких слов, в которых для него заключена неоспоримая нравственная правда.

Реконструируемый паремиологический пласт содержания активно задействован в интерпретационной деятельности читателя, который стремится разобраться в парадоксальной запутанности дружеских отношений. Речь персонажа позволяет воссоздать особенности языкового сознания и индивидуальную картину мира, смоделированную каждым персонажем. Выразительно вырисовывается она в монологах Мельника, ключевые позиции в которых занимают собственные сентенции по поводу дружбы. В новой форме, в «новой методе» (по словам персонажа-повествователя) выражены общеизвестные значимые истины, выдаваемые за нечто новое. В речи персонажа они дополнены личностными смыслами, выигрышно артикулированными интонацией, обусловлены коммуникативной ситуацией. Слово подчинено, приспособлено для достижения корыстных целей потребителя.

Трудность распознания истинных и ложных смыслов, сущности коммуникативного намерения действующих лиц прослеживается на протяжении всего повествования. Интерпретационное напряжение в толковании происходящего приближает читателя к познанию исторических реалий эпохи модернизма, свидетельствующих об усложнении художественного когнитивного процесса. Читатель оказывается в положении, когда необходимо приложить дополнительные когнитивные усилия для постижения сути события. Читатели, поверхностно воспринимающие текст, попадают в когнитивную ловушку. Персонажи произносят абсолютно правильные вещи, а следование слову оборачивается бедой. Словом побуждаются верные поступки, а реальные действия оказываются негативными, неэтичными. Явно требует глубокого осмысления нетрадиционная концовка сказки – гибель положительного героя.

Сложность когнитивного процесса, направленного на поиск правды, образно демонстрирует модель мышления Маленького Ганса, рельефно воспроизводящая особенность мыслительной деятельности простого обывателя. Демонстрируется, какой запутанный путь должна пройти мысль простого человека, пытающегося пробраться через каскад эпатажных фраз к пониманию истины. Необходимо удержать в памяти с трудом запоминающийся новый текст, найти различия сказанного с устоявшимися представлениями, сделать удовлетворяющий личным представлениям суммирующий вывод.

Иная модель порождения смыслов отображена в речах Мельника. Она типична для коммуникации, в которой действуют «новые методы»; в реальной действительности она испытана самим биографическим автором. Личностями, подобными Мельнику, имеющими более высокий социальный статус, обязательно учитываются архетипы и стереотипы народного мышления, отношение к нравственным ценностям простых людей, наивная святая вера в дружбу. Общеизвестное парадоксально обыгрывается, облекается в демагогическую форму, продуцирует труднопостигаемые новые смыслы.

В разрешении созданного автором когнитивного диссонанса именно паремии отводится ключевая роль. Реконструкция паремиологического контекста показывает, что манипуляция начинается с избирательного отношения к составу паремий, с прицельного отбора наиболее подходящего материала, игнорирования неудобных фактов, их перетасовки. Понимание силы и мощи воздействия паремии на сознание других (простого народа) позволяет сыграть на архетипах, наивной вере в четкое разграничение положительного и отрицательного начал, добра и зла. Так, в критических ситуациях Мельник, оправдывая имморализм собственного поведения, может апеллировать ко многим пословицам. Например: Забирает предназначенные для продажи цветы: *Give and take is the foundation of friendship. – Отдавай и бери – основа дружбы* [5]. Надо отправляться ночью за доктором: *When a friend ask there is no tomorrow. – Для друга не существует «завтра»* [5].

Обзор пословичного наследия показывает, насколько наполнение концепта «Дружба» в народной культуре шире того ряда паремий, к которому избирательно апеллируют коммуниканты-манипуляторы. В собрании пословиц В. И. Даля можно выделить, например, следующие пословицы, говорящие о многоаспектности дружбы:

Больше друзей – больше и врагов. Бойся друга, как врага. Дружиться дружись, а нож (а камень) за пазухой держи. Для друга всё не туго (не тяжело и не скудно) [2]. Показательно, что в народном сознании охвачены разные стороны понятия «дружба», и в этом отображается коллективный труд постижения сути явления, длительный и ведущий к многомерному познанию.

Первостепенная роль паремии выразительно проявляется на этапе синтеза, когда определяется аксиологическая позиция автора. Целостное единство мысли рождается в органическом синтезе выявленной семантики глубоко имплицированных в подтекстовое пространство паремиологических единиц, смысловой амбивалентности художественных компонентов, иронии автора, возникающей в противопоставлении неэтичности поступков и их благого прикрытия словами персонажа, находящего аналог в фольклоре. *Better friend all is common. – У друзей всё общее. Even reckoning makes long friends. – Счет дружбе не помеха* [5].

Читателю необходимо выйти за границы модернистского текста, воспользоваться экстралингвистической информацией, чтобы высветилась предельно ясно, как в фольклорной сказке, истина. Адекватна авторской концепции и идейному смыслу произведения мысль о непреходящей ценности народных представлений о настоящей дружбе, запечатленных в паремии, и той великой опасности манипуляции и обмана, которые возможны в расчетливом обществе для достижения собственных целей. Мысль сказки обнажает скрытые закономерности, типичные для социальных игр современности. Писатель-модернист демонстрирует, как усложняется отношение к традиционным ценностям, насколько развиты манипулятивные техники корыстного использования их, как в новом мышлении можно прийти к правильности парадоксального вывода, что всякое возможно: *Практика приводит к совершенству. – Practic emak es perfect* [5].

Таким образом**,** исследование функций паремии в художественном тексте продуктивно по нескольким параметрам: становятся доказательно очевидными полифункциональность использования паремии в художественном тексте; раскрываются особенности идеостиля прозаика-модерниста, для которого характерна модернистская тенденция всеобщего синтеза; определяется ценностная роль паремии в период модернизма, когда радикально меняются аксиологические ориентиры и глубоко переосмысляются фундаментальные основы культуры.

Список использованных источников

1. Уайльд, О. Преданный друг / О. Уайльд [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://skazkiwsem.fun/predannyj-drug/. – Дата доступа : 07.10.2025.

2. Даль, В. И. Пословицы и поговорки русского народа / В. И. Даль [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://traditio.wiki/Текст: Владимир_Даль: Пословицы_и_поговорки_русского_народа. – Дата доступа : 07.10.2025.

3. Арутюнова, Н. Д. Истина; фон и коннотация / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М. : Наука, 1991. – С. 21–31.

4. Мокиенко, В. М. Дружба и псевдодружба в баснях И. А. Крылова / В. М. Мокиенко // Славянская фразеология и паремиология: традиционные и новаторские решения проблем : К 80-летию со дня рождения профессора В. М. Мокиенко; Мин-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины , 2020. – С. 170–176.

5. Поговорки о дружбе на английском языке уровня Elementary-Englishdom [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.englishdom.com. – Дата доступа : 06.10.2025.

Abstract. The article reveals the functions of paremiological units in decoding the meaning of the author’s text, and proves the key role of implicit paremias in determining the speech, behavior, and characterology of the characters, as well as the axiological content of literary fairy tales.

Keywords: paremia, semantics, polyfunctionality, literary text, literary fairy tale, modernism, reader, axiology.

Капшай Наталья Павловна – кандидат филологических наук, доцент; Гомельский филиал Международного университета МИТСО (nkapshaj@gmail.com).

Данченко Анна Валентиновна – старший преподаватель; Гомельский филиал Международного университета МИТСО (annuschka@bk.ru).

УДК 811.161.1’38’42:398.92:27-23

В. И. Коваль

К ВОПРОСУ О ДЕСАКРАЛИЗАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Аннотация. Рассматривается явление десакрализации фразеологических единиц русского языка, имеющих библейское происхождение. Отмечается закономерный характер обесценивания религиозных представлений, обусловленный девальвацией священных понятий и ценностей. Указываются причины десакрализации устойчивых словосочетаний библейского происхождения, выявляются изменения в их семантике и стилистической окраске.

Ключевые слова: библейские фразеологизмы, десакрализация, происхождение, семантика, стилистическая окраска.

Десакрализация (от лат. *sacer* ‘священный’), понимаемая как «обесценивание сакральных (священных) образцов, религиозных представлений, мировоззренческих установок» [1, с. 407], относится к числу универсальных мировоззренческих категорий, которая на практике «обозначает потерю того трансцендентного свойства, обладание которым ставило что-либо в положение исключительной значимости, непреходящей ценности и на этом основании требовало к нему благоговейного священного отношения» [2, с. 298]. Десакрализация находила многочисленные проявления в самой сфере христианства еще в эпоху Средневековья, когда постепенно происходило «ослабление религиозного духа, девальвация священных понятий и ценностей, оскудение набожности и религиозного благочестия» [2, с. 293]. Во многом этому способствовали известные события общественной и религиозной жизни: «Достаточно вспомнить три определяющих фактора в истории западного христианства: крестовые походы, институт инквизиции и учение об индульгенциях, которые подорвали доверие к церкви, вызвали глубокое разочарование и духовное опустошение» [3, с. 31]. Явление десакрализации охватывает, несомненно, и язык, отражающий человеческое мышление во всем его многообразии. В таком случае «языковая десакрализация состоит в утрате и обесценивании сакрального компонента в семантике слова или фразеологизма» [4, с. 59].

Отмечая, что «сакральное имеет тенденцию к десакрализации», в результате чего «многие священные формулы, цитаты из священных книг, названия предметов культа в различных языках превращаются в иронические речения и даже в бранные слова», В. Г. Гак приводил два выразительных примера, иллюстрирующих рассматриваемое явление: франц. *sacre ‘священный’* → ‘проклятый’ и русск. *блаженный* [5, с. 60]. Действительно, слово *блаженный* первоначально имевшее значение ‘праведный, святой, обладающий даром прорицания’ [6, с. 232], в настоящее время утратило «высокую» стилевую окраску и используется в разговорном стиле для обозначения чудаковатого, со странностями человека [7, с. 82].

Показательно, что и сакральное слово *Библия*, обозначающее свод священных книг христианства, употребляется в медиаресурсах для отнюдь не религиозных, а светских книг, пособий или учебников для молодых людей: «Новейшая библия пользователя компьютера» (самоучитель работы на домашнем компьютере), «Библия бармена» (в книге предложено более 600 рецептов популярных коктейлей), «Библия хакера»

(в книге освещены вопросы передачи данных и секреты безопасности), «Библия велобайкера», представляющая собой иллюстрированное руководство по ремонту велосипедов и др. [8, с. 442].

Одним из центральных морально-этических понятий христианства является категория греха, под которым понимается ‘нарушение действием, словом или мыслью воли Бога, религиозных предписаний, правил’ [7, с. 227]. Расширение сферы использования сакрального слова *грех* в повседневном, непринужденном общении способствовало приобретению им не только «приземленных» значений (‘ошибки’, ‘недочеты, ‘погрешности’, ‘упущения’), но и характерного для разговорного стиля оттенка шутливости, сниженности, что иллюстрируется употреблением слова *грех* в следующих конструкциях: *финансовые грехи, политические грехи, грехи органов власти, педагогические грехи, научные грехи, спортивные грехи* и др. Подобное явление вполне закономерно, поскольку оно «отражает общую тенденцию к понижению ценностного регистра высоких понятий при переходе их из религиозной коммуникативной среды в коммуникативную среду светскую» [9, с. 211–212].

Особый интерес представляет рассмотрение особенностей десакрализации фразеологизмов, имеющих библейское происхождение («фразеологических библеизмов»). О. В. Шкуран, в частности, подробно характеризует десакрализацию употребленного в Библии фразеологического оборота *не хлебом единым жив человек*. Данное выражение восходит к той части Евангелия от Матфея, в котором речь идет об искушении Иисуса сатаной: *И приступил к Нему искуситель и сказал: «Если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами». Он же сказал ему в ответ: «Написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих»* (Мф. 3–4). В этом случае рассматриваемый фразеологизм означает, что человек живет благодаря не только земной пище и потреблению материальных благ, но и пище духовной, заключающейся в необходимости общения с Богом. При этом слово *хлеб* употребляется не в «узком» («продуктовом»), а в более «широком» – отвлеченном – значении ‘пища, пропитание’. Авторы же материалов, представленных на различных интернет-форумах, исходят из восприятия слова *хлеб* в значении ‘пищевой продукт, выпекаемый из муки’. Такая (весьма принципиальная в данном случае) «подмена понятий» приводит к десакрализации библейского фразеологизма *не хлебом единым жив человек*. Так, приводя в качестве примера «интернет-афоризм» *не хлебом единым будет жив человек, но всяким маслом, на него намазанным*, автор публикации замечает: «Форум рассчитан на общение юных участников, у которых в приоритете потребительские желания, приносящие удовольствие от жизни. Метафорически масло на этом насущном хлебе – это не духовная пища, а материальные потребности: новый ноутбук, наушники, модная сумка, смартфон и т. д.». Такова же «логика» других выражений, созданных в результате «гастрономического» наполнения содержания второй части исходного выражения: *Не хлебом единым жив человек: нужно что-то выпить; Не хлебом единым жив человек, нужна также сосиска и ветчина* [10, с. 58].

К десакрализации устойчивых словосочетаний библейского происхождения может приводить забвение носителями русского языка значения устаревшего слова, ставшего компонентом фразеологизма. Так, в устойчивом словосочетании *зарыть талант в землю* слово-компонент *талант* первоначально имело значение ‘античная денежно-расчетная единица’. Источником этого выражения является евангельская притча о неразумном рабе, который, боясь потери денег, зарыл врученный ему один талант в землю вместо того, чтобы «пустить в оборот» довольно значительные по тем временам средства, заключенные в серебряном или золотом слитке (Мф. 25:15–30).

Показательна динамика значения слова *талант* по данным различных словарей: если в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского это слово фиксируется только в устаревших значениях (‘вес и монета у древних греков и римлян’

и ‘кусок металла’ [11, стлб. 921]), то в «Словаре русского языка 11–17 веков» для слова *талант* приводятся не только устаревшие («конкретные») значения (‘мера веса в Греции и на Древнем Востоке’ и ‘название денежной единицы в Греции и на Древнем Востоке’), но и отвлеченное значение, непосредственно связанное с евангельской притчей и позволяющее понять формирование у этого слова абстрактной семантики: ‘то, что дано, послано человеку’; → ‘благодатный, божественный дар’; → ‘талант, способность, умение’ [12, с. 208]. В словаре В. И. Даля указывается вначале устаревшее, а после него – переносное значение этого слова: ‘вес и монета у древних греков и у римлян’ и ‘природный дар, дарование человека и способность к нему’ [13, с. 388]. В словаре М. И. Михельсона «Ходячие и меткие слова» приводится фрагмент стихотворения А. Н. Плещеева «Вперед», в котором фразеологизм *(не) зарыть талант в землю* употребляется, с одной стороны, для характеристики внутреннего дарования – самоотверженной борьбы, а с другой – на фоне упоминавшегося евангельского сюжета: *Блажен, кто жизнь в борьбе кровавой, / В заботах тяжких истощил! / Как раб ленивый и лукавый, /* ***Талант свой в землю не зарыл!*** [14, с. 122].

Согласно современному «Большому толковому словарю русского языка», за словом *талант* закрепились прежде всего современные значения – ‘выдающаяся врожденная способность, особая природная одаренность’ и ‘человек с такими способностями, дарованием’, а устаревшее значение – ‘единица веса и денежная единица в Древней Греции и Вавилоне’ – находится на периферии картины мира носителей русского языка [7, с. 1304]. Соответственно, в современных художественных и публицистических текстах библейский фразеологизм *зарыть талант в землю* употребляется исключительно в значении ‘загубить чьи-либо способности, не дать им развиться’, в чем проявляется его полная десакрализация: *Писать и писать! Подло* ***зарывать свой талант в землю!*** (А. П. Чехов. Водевиль, 1884–1885); *«****Свой талант в землю не закопаю!****» – решил я на больничной койке и бросился сочинять изо всех поэтических сил* (Е. Гаммер. Звезды в земле // «Ковчег», 2013); *«Ты только развивай свой* ***талант****,* ***в землю*** *его* ***не закапывай****», – сказала Толику Любовь Алексеевна, вручая ему свидетельство о среднем образовании* (А. Балашов. Ангелы приходят без стука // «Ковчег», 2015).

Происхождение фразеологизма *вносить свою лепту* (во что-либо) ‘принимать посильное участие в чем-либо’ связано с евангельским сюжетом о бедной вдове, положившей в сокровищницу две лепты (*лепта* – мелкая медная монета), которые составляли всё ее достояние (Мк. 12: 41–44). В библейском контексте пожертвованные вдовой две принадлежавшие ей монеты (лепты) осмысляются как поступок глубоко верующего человека, готового к самопожертвованию. Однако, в связи с переходом слова *лепта* ‘мелкая монета’ в пассивный словарный запас и приобретением им абстрактной семантики ‘посильный вклад в общее дело, посильное участие в чем-либо’; ‘то, что вносится куда-либо как часть общего’ [7, с. 439], библейский фразеологизм, в состав которого входит компонент *лепта*, употребляется не в церковно-религиозной, а в светской сфере с десакрализованным значением ‘принимать посильное участие в чем-либо’: *И, выбирая название для банка, мы остановились на слове «Возрождение» как раз потому, что хотели бы своей работой* ***внести лепту*** *в возрождение традиций российского третьего сословия* (Д. Орлов. «Банк – это не только деньги...» // «Родина», 1995); *«Это большая честь –* ***внести лепту*** *в воссоздание исторической памяти», – говорит ректор МГАХИ им. Сурикова Анатолий Любавин* (В Суздале на мемориале Пожарского восстановят мозаику «Спас на троне» // Vesti.ru, 02.10.2020).

Десакрализации библейского фразеологизма *всякой твари по паре* способствовало приобретение первоначально книжным словом *тварь* ‘живое существо’ стилистически сниженного оценочного значения ‘подлый, мерзкий человек’ [7, с. 1308]. Обращение к историческому словарю позволяет предположить, что негативная коннотация данной лексемы сформировалась под влиянием «обличения» христианской церковью

языческих представлений и стремление к «низвержению» языческих кумиров. Так, согласно «Словарю русского языка 11–17 веков», слово *тварь* употреблялось в церковно-религиозных и светских текстах со значениями, относящимися, как правило, к «высокому стилю» (‘созидание, сотворение, божественное творение’; ‘результат созидательной деятельности Бога’; ‘изделие’; ‘дело, деятельность, действие’; ‘вид, облик, форма’; ‘устав, обычай’), и лишь в одном случае это слово фиксируется со значением ‘языческий идол’, что подтверждается иллюстрацией из «Псковской летописи» XVI века: *Яко же бо идолжрьце* ***тварем*** *покланяются, а не Богу, тако и сребролюбче на сребро надеются* [12, с. 230–233]. Очевидно, что именно свойственное слову *тварь* значение ‘языческий идол’ выполнило роль «промежуточного звена» в эволюции его семантико-стилистической характеристики от «высокого» – «к низкому» и тем самым привело к его десакрализации.

Происхождение фразеологизма *всякой твари по паре* связано, как известно, с библейским сюжетом о праведнике Ное, который для сохранения жизни на земле после потопа взял на построенный им ковчег по одному самцу и одной самке от всех животных. В современных текстах это устойчивое словосочетание употребляется для шутливо-ироничной характеристики смешанного, пестрого состава какой-нибудь группы людей, толпы, «разношерстного» общества: *Вагон битком набит: тут и дамы, и военные, и студенты, и курсистки –* ***всякой твари по паре*** (А. П. Чехов. «Пассажир 1-го класса»). В некоторых случаях в контекстах при описании скопления людей присутствует параллель с Ноевым ковчегом, но, кроме рядовой, обычной публики, называются (не без влияния сниженных лексико-стилистических свойств слова *тварь*) негативно оцениваемые персонажи: *У нас, как в Ноевом ковчеге, «****всякой твари по паре****»: коммунисты, атеисты, христиане, правоверные иудеи и мусульмане, вегетарианцы, феминистки, лесбиянки, «зеленые», одинокий мирный анархист и даже капиталист, трезвенники и тайные выпивохи, старики и молодые* (Д. Асламова. Корабль «дураков» // Комсомольская правда, 14.07.2011); *На ковчеге* ***всякой твари по паре****: подлый политик и его сынок, гангстеры-беспредельщики, вульгарные проститутки и некоторое количество безликих людей, которым не поздоровится* (Лариса Малюкова. Шаровая молния в сезоне дьявола // Новая газета, 21.02.2018).

Библейские фразеологизмы могут подвергаться десакрализации в результате утраты первоначального сакрального значения, связанного с каким-либо событием или ритуалом. Так, фразеологизм *избиение младенцев* в значении ‘массовая расправа над беззащитными людьми’ сохраняет связь с библейским сюжетом об избиении (физическом уничтожении) по приказу царя Ирода всех младенцев в Вифлиеме. Например, ситуация, связанная с репрессиями 30-х годов прошлого века вполне адекватно описывается как «избиение младенцев», то есть расправа над оппонентами власти: *Если на предыдущих съездах шла речь об идейных разногласиях и было сражение оппонентов, то на этот раз ополчились на «войско», уже капитулировавшее. И началось* ***«избиение младенцев»****. Требовались покаяния и саморазоблачения* (А. Ларина (Бухарина). Незабываемое, 1986–1990). В переносном значении – ‘строгие меры по отношению к кому-либо’ – этот фразеологизм в еще большей степени десакрализуется и приобретает сниженную разговорно-шутливую окраску, поскольку речь может идти о сокращении штатов: *В Белом городе продолжается* ***избиение младенцев****: сегодня объявлен расчет двум машинистам и трем кочегарам, кроме того, по строительному отделу сократили 10 маляров и 7 плотников* (Р. Э. Классон. Дневник, 1902).

Фразеологизм *бить себя в грудь* встречается в библейских текстах в значении ‘сокрушаться, быть в горе, отчаянии’. Истоки соответствующего действия связаны с древними обычаями самоистязания из-за смерти вождей, царей и близких родственников [15, с. 139]. Так, в Евангелии от Луки [2: 292] описывается реакция людей, присутствовавших при распятии Христа на Голгофе: *И весь народ, сшедшийся на сие*

зрелище, видя происходившее, возвращался, ***бия себя в грудь***. Данный фразеологический библеизм употребляется для описания сакрального действия в документальной книге Ф. М. Достоевского «Записки из мертвого дома»: *Он немедленно объяснил мне, что плач и рыдания означают мысль о потере Иерусалима и что закон предписывает при этой мысли как можно сильнее рыдать и* ***бить себя в грудь***. В процессе десакрализации, будучи оторванным от соответствующего ритуала, это устойчивое словосочетание приобрело оценочное значение ‘выставлять себя напоказ, стремиться выделиться’: ***Бить себя в грудь*** *и кричать «я мужик!» у нас многие горазды, а доказать делом – меньшинство* (Е. Самойлова. Анна Прохорова: «Я не буду выходить в эфир в декольте» // Труд-7, 11.11.2009); *Мне не хотелось бы сейчас* ***бить себя в грудь****: «Смотрите, какой я независимый, какая яркая личность!»* (М. Садчиков. «Секрет» – и никаких секретов // Труд-7, 13.02.2007).

Приведенный материал наглядно иллюстрирует процесс десакрализации библейских фразеологизмов, который имеет закономерный характер.

Список использованных источников

1. Философия : Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. – М. : Гардарики, 2004. – 1072 с.

2. Горбунова, Е. В. Истоки и основы десакрализации в искусстве / Е. В. Горбунова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2025. – № 2. – С. 292–299.

3. Ивановская, О. В. Вера как феномен культуры : автореф. дис. … доктора филос. наук : 24.00.01 / Волгогр. гос. соц.-пед ун-т / О. В. Ивановская. – Волгоград, 2012. – 39 с.

4. Мед, Н. Г. Языковая десакрализация в испанской оценочной картине мира (на материале лексики и фразеологии) / Н. Г. Мед // Вопросы психолингвистики. – 2022. – № 4 (54). – С. 58–71.

5. Гак, В. Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими фразеологизмами) / В. Г. Гак // Вопросы языкознания. – 1997. – № 27. – С. 55–59.

6. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – М. : Наука, 1975. – Вып. 1. – 371 с.

7. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.

8. Шкуран, О. В. Десакрализация понятия *Библия* в русскоязычных медиаресурсах / О. В. Шкуран // Наука и мир в языковом пространстве : сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции (23 ноября 2016 г., Макеевка) / редкол.: Е. В. Горохов, Н. М. Зайченко и др. – Макеевка : ДонНАСА, 2016. – С. 439–444.

9. Сайгин, В. В. Эволюция концепта «грех» в современном русском языке (по данным Национального корпуса русского языка) / В. В. Сайгин // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 6 (2). – С. 210–213.

10. Шкуран, О. В. Десакрализация библейского фразеологизма *не хлебом единым жив человек* на материале интернет-, медиадискурса / О. В. Шкуран // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – Т. 42. – № 7. Языкознание. – 2020. – С. 54–63.

11. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Труд И. И. Срезневского. Издание отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. – Том третий и дополнения. – СПб. : Типогр. импер. Академии наук, 1912. – 1684 стлб.

12. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – М. : Азбуковник, 2011. – Вып. 29. – 480 с.

13. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Т. 4. – М. : Рус. яз., 1980. – 683 с.

14. Михельсон, М. И. Ходячие и меткие слова. Второе пересмотренное и значительно пополненное издание / М. И. Михельсон. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1896. – 598 с.

15. Шкуран, О. В. Десакрализация библеизмов в современном дискурсе как фактор признанности или легкословия? / О. В. Шкуран // Русин. 2023. – № 71. – С. 131–162.

Abstract. The article examines the phenomenon of desacralization of phraseological units of the Russian language that have a biblical origin. It notes the natural nature of the devaluation of religious beliefs, which is caused by the devaluation of sacred concepts and values. The article identifies the reasons for the desacralization of stable phrases of biblical origin and reveals changes in their semantics and stylistic coloring.
Keywords: biblical phraseological units, desacralization, origin, semantics, stylistic coloring.

Коваль Владимир Иванович – доктор филологических наук, профессор; Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины (vlad-kov@mail.ru).

УДК 811.161.1’42’286:398.92:271.22(8)

Е. В. Колесникова

ДИАЛЕКТНАЯ ВАРИАНТНОСТЬ ОБЩЕРУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ГОВОРАХ СТАРООБРЯДЦЕВ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

Аннотация. В статье представлен сопоставительный анализ диалектных фразеологизмов, отмеченных в говорах старообрядцев Южной Америки, и общерусских фразеологических единиц идентичной семантики. Рассматриваются различные виды вариативности диалектных идиом.
Ключевые слова: фразеология, говоры старообрядцев Южной Америки, вариантность фразеологических единиц.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01818, https://rscf.ru/project/24-28-01818/.

Вариантность лексического состава фразем – проявление взаимодействия фразеологических единиц с единицами других уровней в языковой системе. Любой компонент фразеологизма может варьироваться, т. е. допускать те или иные замены, поэтому «ни одна единица языка как таковая не представлена таким количеством вариантов, как идиома» [1, с. 70].

Варьирование фразеологической единицы обычно понимается как видоизменение его внешней стороны при сохранении лексического значения [2, с. 29]. Формальное (фонетическое, словообразовательное, морфологическое) варьирование компонентов фразеологической единицы не вызывает у исследователей сомнений, поскольку данное варьирование не нарушает целостность структуры фразеологизма и не меняет его семантику.

Вопрос о лексическом варьировании фразем остается дискуссионным. Ряд исследователей (Н. Н. Амосова, А. М. Бабкин и др.) отрицают понятие лексического варианта идиом, с их точки зрения, лексические замены компонентов фразеологизма приводят к образованию новых языковых единиц. Напротив, данный тип варьирования признается рядом авторитетных ученых (А. И. Молотков, В. М. Жуков, А. В. Жуков, Н. Ф. Алефиренко, Е. И. Диброва, Н. М. Шанский и др.).

В говорах отмечается более широкая вариантность фразеологизмов по сравнению с литературным языком, это связывается с особенностью их функционирования, а именно с употреблением в устной речи. С точки зрения А. И. Федорова, частотное диалектное варьирование обусловлено тем, что фраземы в говорах не закреплены в письменных текстах, а фиксируются только памятью носителей диалекта, поэтому при употреблении их в речи возможна более частая замена компонентов другими, синонимичными [3, с. 147]. И. А. Подюков отмечает: «Для народной фразеологии важной причиной постоянных структурных, компонентных, формальных преобразований является отсутствие фразеологической нормы. Отсюда и увеличение вариантных рядов в связи с отражением диалектной и разговорной фонетики и грамматики» [4, с. 18–19].

Проблеме варьирования общерусских фразеологических единиц в диалектном языке посвящены исследования Т. А. Бердниковой (якутские говоры), И. А. Урманчеевой (печорские говоры), И. А. Кобелевой (говоры республики Коми), Л. К. Алахвердиевой (донские говоры), С. О. Кипарисовой (рязанские говоры).

Наша работа представляет собой попытку описания вариантов общерусских фразеологизмов в говорах старообрядцев Южной Америки на материале их выборки из экспедиционных материалов О. Г. Ровновой (в тексте отмечены пометами: АРГ – Аргентина; УРГ – Уругвай), а также книг старообрядца Д. Т. Зайцева (ПЖ 2015 [5]). При описании диалектных эквивалентных фразеологизмов мы придерживаемся классификации Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко [6].

I. Формальное варьирование.

1. Фонетические варианты:

На востри́е ножа́ // общерус. **Быть на острие, быть на ножевом острие**.

Постоянно испытывать трудности, находиться в критической, угрожающей ситуации, в состоянии сдерживаемой вражды с кем-л. *Жила всегда на ноже,* ***на востри́е ножа.*** АРГ. 2012.

2. Словообразовательные варианты (варьирование аффикса):

Провести́ себя́ // общерус. **Вести себя**.

В какой-л. ситуации поступить, проявить себя каким-л. образом. *В 06:30 пришла судья, поблагодарила меня, обняла, поцеловала и сказала: «Твой ум, выдоржка и терпле́ние неоценимо, без тебя такого типа не поймать было бы. Все предали друг друга и заврались, но ты* ***провёл себя́*** *достойно».* […]. *Я* ***провёл себя́*** *со всеми вежливо и аккуратно, девчонкам ето понравилось, слухи прошли*. ПЖ. 2015.

Мура́шики бе́гают (забе́гали) по те́лу (по спине́) // общерус. **Мура́шки бе́гают (забе́гали) по те́лу (по спине́).**

Об ощущении озноба, дрожи от сильного волнения, страха. *Руслан попросил, чтобы оне́* (музыканты) *нам сыграли, и оне́ начали играть. Но ето поразительно красиво, даже* ***мура́шики бегают по телу****. Ето не музыка, а природа*. […]. *Всё ето слушашь, и* ***мура́шики по телу бегают***. […]. *Приезжаю домой, читаю ету книгу, перечитываю ишо́ на два раза́, и у меня* ***мура́шики по спине забегали***. ПЖ. 2015.

Взять (брать) взя́муж // общерус. **Взять (брать) за́муж**.

Жениться на ком-л. *Иван Филатович* ***взял взя́муж*** *Фатинью у Константина Артёмовича Ануфриева, а по матери Басаргина. Оне́ любили друг друга, но разобрались: оне́ живут в ро́дстве*. […]. *Моя крёстна, мамина сестра Марья, – её нихто* ***взя́муж не бра́л****, её прозвище было Царь-баба, все её боялись*. ПЖ. 2015.

Вы́йти (выходи́ть) взя́муж // общерус. **Вы́йти (выходи́ть) за́муж**.

Вступить в брак, стать женой. *А потом уж, когда побольше стали, да уже больши́ стали, я уже в школу ходила всё, приехал один кавалер, и маму сговорили там всей оравой, что «****выходи́*** *за его* ***взя́муж****», и поехала в Синьцзян*. АРГ. 2012. *Да ишо́ Парасковья промолвила: когда она* ***вы́йдет взя́муж*** *за Степана, она переучит его по-своему. Значит, пташку не поймала, а уже оттеребила*. ПЖ. 2015.

II. Важную роль играет лексическая вариантность, т. е. замена компонентов в рамках одной структурно-семантической модели. При таком варьировании тождество модели обеспечивается определенными ограничениями – прежде всего компактностью семантики (как внутренней, так и внешней) и синтаксической структуры [7, с. 125]. Лексическая замена, с точки зрения В. М. Мокиенко, в большинстве случаев несущественно меняет характер фразеологизма, поскольку замена происходит на синонимические компоненты или однородную по тематике лексику.

1. Заменяющий компонент – полный синоним заменяемого, семантически тождественная замена номинативного компонента:

Дать пова́дку (кому-л.) // общерус. **Дать волю (**кому-л.)

Перестать сдерживать, позволить совершать какие-л. поступки (обычно предосудительные). *Ты не должна ей* ***пова́дку дава́ть***. […]. *Мать* ***пова́дку да́ла***. […]. *Ему родители* ***не да́ли пова́дку***. УРГ. 2010. *Вот как чу́дно: Мишка во всём прав, а Петровой девчонке попало ото всех, она осталась во всём виновата, а Мишка прав. Таких надо холостить да в тюрмы садить, а тут, наоборот,* ***пова́дку даю́т***. ПЖ. 2015.

Задра́ть но́рку. // общерус. **Задрать нос**.

Стать высокомерным, загордиться, зазнаться. *А Андрей ишо́ выше* ***но́рку задра́л****, как какой-то вельможа: да, теперь он миллионер, всякия-разныя сауны доржит в Майами.* […]. *Толькя мня одно волнует — ето чиновники, все оне́ тупы и бестолковы.* […]. *Я точно чувствую, все страны смеются укладу русской жизни, а посмотришь на них в России:* ***задра́ли но́рки*** *ходют, чё же, таки́ интеллектуалы! Но подставь палочкю перед глазами, а дальше ничего не видют. Возми любого, брось в лес – помрёт с голоду, а выказыват, такой он грамотный!* ПЖ. 2015.

2. Заменяющий компонент синонимичен заменяемому, но отличается оттенком значения.

а) замена номинативного компонента:

Пасть на́ душу // общерус. **Пасть на сердце**.

Запомниться, оставить неизгладимое впечатление, понравиться. *За месяц празднования как-то мне* ***па́ла на́ душу*** *Марфа Фёдоровна Килина – красива, бо́йкя, шу́стра, весёла, песельница, да и слух про её хороший: сама старша, вся работа на ней стоит, да и можно сказать, она и подняла всю семью на ноги.* […]. *И вот что интересно: как-то он* ***пал*** *мягко* ***на́ душу****, какая у него душа – не рассказать, старается вести себя низко и быть незаметным, каждоя слово, что скажет, – ети слова ласковы, вежливы и приветливы.* […]. *Он мне* ***на душу пал****, и Герман подсказал, что с таким можно работать, он очень добрый.* ПЖ. 2015;

б) замена глагольного компонента:

Потеря́ться бе́з вести // общерус. **Пропасть без вести**.

Исчезнуть, пропасть бесследно, не давать о себе знать. *Два года, наверно, прожили, полущилася война. У ей муж и* ***потеря́лся бе́з вести***. АРГ. 2012. *Братьи Константина стали все на брата, и с каждым днём разгоралось у них пламя, схватили винтовки и за братом. Константин бего́м, взял семью, в машину, и убежали, и* ***потеря́лись бе́з вести***. […]. *Ну что, играйте свадьбу, но мне охота* ***потеря́ться бе́з вести*** *и никому больше не мешать в жизни*. ПЖ. 2015;

в) замена номинативного и глагольного компонентов в рамках неполной синонимии:

Виля́ть но́ркой // общерус. **Крутить носом.**

Проявлять недовольство, пренебрежение, привередничать. *Видал тестя с тёщай на свадьбе:* ***но́ркой виля́ют****, перед людями оправдываются. Тёща решила на свадьбе меня угостить, подходит со стаканом и говорит: «Зятёк, выпьем!» Я не стал, на уме: «Ах ты змея!»* […]. *«Но вот видишь, какая справедливость. Тут доржишься, молишься, правила несёшь – и я "другого собору", а оне́ развратники – им можно всё заодно. Я сам видел и́хну жизнь в США». – «Да я уже ето говорил Тимофею, но он* ***но́ркой виля́т****».* […]. *Приезжаем домой, у нас в гостях тесть с тёщай. Но как я знаю на память их, заметно, что* ***виля́ют но́ркой****. Я виду не показал и рассказал свою поездку, помянул толькя то, что их интересует*. ПЖ. 2015;

г) замена предлога:

Пасть на ноги // общерус. **Пасть в ноги**.

Умолять, униженно просить кого-л., о чем-л. *Он остановился,* ***пал*** *ему* ***на ноги*** *и стал просить прощение.* ПЖ. 2015.

3. Заменяющий компонент не является синонимом заменяемого, но относится к тематически однородной группе лексики:

а) замена номинативного компонента:

Па́хнуть говно́м // общерус. **Пахнуть жареным**.

О чем-л. нехорошем, не отвечающем представлениям о порядочности, о грозящей опасности, предчувствии беды. *Видим, что **па́хнет говно́м**, посудили, что делать, и решили в Пайжяко арендовать дом.* […]. *Иона ето узнал, раз приезжает, второй раз приезжает, я задумался: **па́хнет говно́м***. ПЖ. 2015.

Для зама́зки глаз // общерус. **Для отвода глаз**.

С целью отвлечь внимание от чего-л., скрыть истинное положение дел, отвлекая от главного, существенного. *Мы с ней етот вечер веселились, но я не пил – чуть **для замазки глаз**, она последовала моему примеру, поступила так же*. ПЖ. 2015;

б) замена глагольного компонента:

Моло́ть коро́вам хвосты́ // общерус. **Крутить коровам хвосты**.

Выполнять тяжелую, низкооплачиваемую работу. *Мы не ехали суда вашим **коро́вам хвосты́ моло́ть**, мы ехали сюда как хозяева. А теперь видим, что всё ето обман и вся ета программа – ложь. У нас в Южной Америке страны бе́дны, но нихто бы так не поступил. А для России ето позор.* […]. *По нашим деревням ездют консула, политики, убеждают, чтобы вернулись на родину и помогали подымать страну, а тут нас стречают бывшия председатели, скотоводы, чтобы **моло́ли** ихным **коро́вам хвосты́***. ПЖ. 2015.

Виля́ть глаза́ми (гла́зками) // общерус. **Бегать глазами**.

Постоянно отводить взгляд, стараясь не смотреть в глаза. *Стал просить Илью также обратиться в соборы, он тоже подтвердил: «Да, надо бы», но **глазами вилят**, и эти слова не по ему*. […]. *Их три компаньёна, етот агроном – звать Рауль Оняте, второй Марсело Конендимбур, хороший парень, мне он понравился, ловкий, кроткий, третий Карлос Сантос, бразильянин, пастырь евангелик-пятидесятник, мне он не понравился, не смотрит в глаза, но **вилят** своими **глазками**, и очень речистый, но речь не честна, какой-то заковырчитой*. ПЖ. 2015.

III. Квантитативное варьирование. Чередование полной и редуцированной формы фразеологизма [3, с. 149].

С пелённых времён // общерус. **С пеленок**.

С младенчества. *Почему у меня в семье ни одно́го левши нету, потому что пеленали – руку́ праву всегда сверху ложи́ли. Ле́ва всегда пушше привязана, она не имеет силу, пра́ва – она наверьху, она как-то боле свободне́е. Он ей, когда маленькяй, шевелил больше, чем левой. Уже **с пелённых времён** ты уже проповедуешь правое путь, понимаешь?* БЛВ. 2013.

Где пло́хо лежи́т, у него́ (у них) брю́хо боли́т // общерус. **Плохо лежит**.

О склонности к воровству. *Николай – парень весёлый, работяга, не пьёт лишна, в пьяным виде неспокойный и любит чужое: **где пло́хо лежи́т, у него́ брю́хо боли́т***. […]. *Боливья́нсы хороши рабочи, но **где пло́хо лежи́т – у ни́х брю́хо боли́т**, етим оне́ нас подорвали*. ПЖ. 2015.

IV. Смешанное варьирование (разнообразные сочетания квантитативного, лексического, грамматического типов варьирования):

а) видовое различие глагольных компонентов и лексическое варьирование глагольного компонента в рамках тематической общности при отсутствии факультативного компонента:

Не успевать мигать // общерус. **Не успеть и глазом моргнуть**.

Не иметь времени осознать что-л. (о событии, действии, происходящем мгновенно). *А потом оне́ уже практикованы, у них так полущается быстро, что ты **не успевашь мига́ть**, как он чё-то делат*. АРГ. 2012;

б) лексическое варьирование глагольного компонента в рамках тематической общности лексических единиц при наличии факультативного компонента:

Бе́лой свет кли́ном стал // общерус. **Свет клином сошелся**.

О ситуации, когда что-то является единственно возможным, желаемым, приемлемым. *Она видела, как обращаются Чупровы с братом, стала говорить: «Что тебе,*

*Степан, **бе́лый свет кли́ном стал**? Да пошли оне все подальше! Поехали в Аргентину, и будешь жить как человек».* […]. *Мы поехали, я говорю Андрияну: «Да брось ты (невесту), что, **бе́лый свет кли́ном стал**, что ли?»* ПЖ. 2015;

в) лексическое варьирование номинативного компонента в рамках тематической общности лексических единиц и грамматическое варьирование числа другого номинативного компонента:

Как сори́нка в глаза́х // общерус. **Как бельмо на глазу**.

О чем-л. вызывающем раздражение, неприятие. *Во-первых, тебе в Калуге не понравится, сам пойми: за бороду, за рубашку и поясок, не куришь, – ето будет **как соринка в глазах** у всех*. ПЖ. 2015;

г) лексическое варьирование глагольного компонента в рамках тематической общности лексических единиц и грамматическое варьирование числа номинативного компонента:

Жить на ноже́ // общерус. **Быть на ножах**.

Постоянно испытывать трудности, находиться в критической, угрожающей ситуации, в состоянии сдерживаемой вражды с кем-л. ***Жила** всегда **на ноже́**, на востри́е ножа.* АРГ. 2012;

д) грамматическое, словообразовательное и квантитативное варьирование лексических единиц:

Посту́кать в две́ри // общерус. **Стучаться во все двери**.

Постараться добиться чего-л., смело обратиться к кому-л. с просьбой. *Мы поблагодарили Евгения Степановича и пошли в бано́к, всё оформили на Алёшу, он удивляется, что так всё быстро сделали, без очереди. Он брал по программе один милливон на постройкю дома и месяцами ходил оформлял, а тут за каких-то два часа всё сделали. «Алёша, везде так делается. Са́мо главно – суметь **посту́кать в две́ри** и разгадать загадку. Сту́кать надо в самый верх*. ПЖ. 2015.

Между общерусскими и диалектными фразеологическими единицами идентичной семантики были выявлены системные отношения на разных языковых уровнях, наиболее частотными среди которых являются факты лексического варьирования компонентов фразеологических единиц. Ситуация варьирования фразем в говорах старообрядцев Южной Америки на фоне общерусских вариантов принципиально не отличается от подобной вариативности в других говорах и литературном языке. Многие из диалектных вариантов фразеологических единиц, зафиксированных в говорах южноамериканских старообрядцев, отмечены и в других русских говорах.

Список использованных источников

1. Телия, В. Н. Что такое фразеология / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1966. – 86 с.

2. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – М. : Высшая школа, 1989. – 287 с.

3. Федоров, А. И. Сибирская диалектная фразеология / А. И. Федоров. – Новосибирск : Наука: Сиб. отд-ние, 1980. – 191 с.

4. Подюков, И. А. Народная фразеология в зеркале народной культуры : учебное пособие / И. А. Подюков. – Пермь : ПГПИ, 1990. – 127 с.

5. Зайцев, Д. Т. Повесть и житие Данилы Терентьевича Зайцева / Д. Т. Зайцев. – М. : Альпина нон-фикшн, 2015. – 708 с.

6. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и паремиология : учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко. – М. : Флинта: Наука, 2009. – 342 с.

7. Мокиенко, В. М. Грамматическая регламентация варьирования фразеологизмов в русских говорах / В. М. Мокиенко // Севернорусские говоры. – Л., 1979. – Вып. 3. – С. 125–135.

Abstract. The article presents a comparative analysis of phraseological locutions marked in the dialects used by the Old Believers of South America and of the all-Russian phraseological units of identical semantics. The different types of variation of the dialect phraseological units are considered.

Keywords: phraseology, dialects used by the Old Believers of South America, variation of phraseological units.

Колесникова Елена Валентиновна – кандидат филологических наук; Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (el.kolesnikova@bk.ru).

УДК 811.161.1 + 81’367.7

М. И. Конюшкевич

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ И ПАРАДИГМАТИКА ИДИОМЫ *ДЕЛО В ТОМ, ЧТО*

Аннотация. В продолжение и развитие исследований идиомы *Дело в том, что* рассматриваются другие союзные соединения, образованные по модели данной идиомы – анализируются списки базовых существительных, лежащих в основе соединений; рассматривается функционально-грамматическое поле (ФГП), формирующееся вокруг идиомы; характеризуется парадигма конституентов ФГП.

Ключевые слова: идиома, союзное соединение, функционально-грамматическое поле, парадигма, базовое существительное.

Сочетание *Дело в том, что*, начиная с 1966 г. по настоящее время стало объектом пристального внимания многих авторитетных лингвистов (Е. Ф. Тарасенкова, Т. А. Колосова, М. И. Черемисина, Р. П. Рогожникова, Г. А. Золотова, М. В. Ляпон, Т. В. Шмелева, Н. Н. Лапынина (обзор и литературу см. в [1; 2]). Казалось бы, сказано о нем всё: выявлен механизм образования данного сочетания (вследствие редукции главной части сложноподчиненного предложения), его лингвистический статус (межфразовая скрепа союзного и несоюзного типа), его функции (акцентно-выделительная, текстообразующая [2, с. 124].

Но в 2018 году появляются еще две работы. На XVI съезде славистов в Белграде был представлен совместный доклад [3], в котором рассмотрены уже три сочетания – *Дело в том, что*; *Проблема в том, что* и *Правда в том, что*, причем не только в русском языке, а в сопоставлении с их соответствиями в английском, немецком и шведском языках. Выявлено, что в русском языке лишь *Дело в том, что* претерпело полную лексикализацию.

Почти одновременно с докладом указанных авторов выходит в журнале «Медиалингвистика» и статья [4]. Поскольку сегодня мы снова возвращаемся к этой популярной идиоме, то необходимо сделать краткий экскурс в содержание нашей предшествующей статьи.

Во-первых, было выявлено, что сочетаний, образованных по модели *Х в том, что*, функционирует в коммуникации намного больше – эмпирический список базовых компонентов (далее – БК) модели составил на то время 12 слов (*дело*, *проблема*, *вопрос*, *правда*, *беда*, *идея*, *штука*, *причина*, *гвоздь*, *закавыка*, *суть*, *секрет*) с разной степенью употребительности (от 25 тысяч употреблений сочетания *дело в том, что* до единичного *гвоздь в том, что*).

Уже по этому небольшому списку видно, что далекие по семантике в словаре имена в роли БК сочетания образуют своего рода контекстуальный синонимический ряд и во многих контекстах взаимозаменяемы с учетом разной степени их фразеологизации вплоть до свободного сочетания, в силу чего применительно ко всем единицам данной модели мы используем термин *фразеосхема*, а к доминанте *Дело в том, что* – идиома. Кроме того, не отрицая традиционных терминов «сложное синтаксическое

целое» и «сверхфразовое единство» (что фактически одно и то же) по отношению данных единиц к членимости текста, мы сочли целесообразным воспользоваться термином «диктема» [5] – прежде всего ради удобства изложения и возможности образования от него дериватов, а также в силу не только членения текста, но и интегрирующей функции диктемы по отношению к тексту.

Во-вторых, было также установлено, что текстообразующая функция идиомы *Дело в том, что* и фразеосхем реализуется в двух разновидностях. В пределах текста идиома *Дело в том, что* как редуцированная главная часть сложноподчиненного предложения выполняет функцию межфразового и внутридиктемного коннектора связи. Начиная же абзац (как правило), идиома *Дело в том* а) образует диктему – минимальную единицу текста, подобно тому как предлог образует синтаксему – минимальную единицу синтаксиса; б) обеспечивает междиктемные связи; в) выполняет функции анафоры к предшествующей диктеме и катафоры к развернутому содержанию образованной им диктемы; г) маркирует членимость текста.

В-третьих, фразеосхемы указанного типа обладают мощным иллокутивным и перлокутивным потенциалом в силу своей адресатно- и адресатоцентричности в коммуникации, чем и объясняется их численное преимущество в газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ). Отмечалось широкое распространение указанных фразеосхем в хедлайнах интернет-сообщений, а в традиционных СМИ они являются характерным языковым стандартом интервью – маркируют ответ интервьюируемого.

В-четвертых, языковой статус указанных фразеосхем подтверждается модельностью образования, вариативностью, синонимией с другими языковыми единицами, системностью, изоморфизмом с единицами других языковых уровней.

Обратиться вновь к идиоме *Дело в том, что* нас побудила активность подобных фразеосхем в коммуникации, а также продуктивность данной модели в образовании новых единиц. Использование возможностей НКРЯ позволило получить оптимальный на сегодня, но открытый в принципе список базовых существительных модели, который составил в основном подкорпусе **80** слов, а в газетном **63**.

Несмотря на значительные расхождения в лексическом значении слов оба списка БК представляют собой две количественные разновидности одного функционально-грамматического поля (ФГП), конституенты которого группируются вокруг ядерной идиомы *Дело в том, что*, образуя несколько зон по количественному и семантическому составу базовых компонентов.

По количественному параметру функционально-грамматическое поле идиомы имеет следующие шесть зон – по количеству знаков в числе плюс единичные употребления (данные НКРЯ на 21.09.2025 г.):

1) ядро, представленное пятизначным числом контекстов с одним базовым компонентом *дело* (*Дело в том, что*): **осн. 12840 / газ. 41738**;

2) приядерная зона, представленная четырехзначным числом контекстов с тем или иным БК: **осн. 0** БК / **газ. 3** БК – *проблема* 5520, *беда* 1775, *причина* 1453;

3) околоядерная зона, представленная трехзначным числом: **осн. 8** БК – *беда* 977, *проблема* 548, *суть* 254, *причина* 219, *главное*, *разница* 199, *штука* 130, *парадокс* 103 / **газ. 18** БК – *суть* 755, *вопрос* 515, *парадокс* 487, *разница* 366, *сложность* 342, *правда* 311, *главное* 260, *смысл* 235, *отличие* 188, *особенность* 175, *секрет* 169, *плюс* 162, *опасность* 162, *загвоздка* 165, *фокус* 160, *штука* 146, *факт* 141, *ирония* 102;

4) средняя периферия – зона двухзначных чисел: **осн. 26** БК – *вопрос* 87, *ужас* 86, *правда* 73, *смысл* 71, *ошибка* 61, *сложность* 47, *секрет* 46, *фокус* 44, *трагедия* 35, *ирония* 33, *сила* 32, *особенность* 29, *истина* 28, *загвоздка*, *прелесть* 25, *факт* 23, *фишка* 20, *идея* 18, *разгадка, тайна* 17, *соль* 12, *хитрость* 11, *логика*, *отличие*, *прикол* 10 / **газ. 35** БК – *идея* 95, *минус* 91, *фишка* 86, *ужас*, *ошибка* 85, *интрига* 74, *трагедия* 69, *логика* 56, *уникальность* 53, *недостаток* 50, *риск* 32, *сила* 31, *соль*, *прелесть*, *достоинство*,

хитрость 29, *различие*, *изюминка* 27, *драма*, *закавыка*, *реальность* 19, *тонкость* / *казус* 17, *ответ* 15, *урок*, *странность*, *прикол* 14, *новизна*, *опасение* 12, *разгадка*, *курьез*, *чудо* 11, *шутка*, *тенденция*, *интрига* 10;

5) крайняя периферия – зона однозначных чисел: **осн**. **16** БК – *ответ* 9, *закавыка*, *странность* 7, *изюминка*, *курьез*, *нюанс* 6, *плюс* 5, *недостаток*, *опасность*, *выход*, *шутка* 3, *ключ*, *новизна*, *гвоздь*, *фигня*, *чудо* 2 / **газ**. **11** БК – *неприятность* 9, *сюрприз* 8, *тайна*, *принцип* 6, *эффект* 5, *подоплека*, *мудрость* 4, *грех* 3, *жуть*, *горе*, *глупость*, *казус* 2;

6) зона единичных употреблений: **осн. 28** БК – *бред*, *подоплека*, *противоречие*, *пунктик*, *реальность*, *риск*, *ракурс*, *свойство*, *связь*, *специфика*, *тенденция*, *толк*, *тонкость*, *уникальность*, *урок*, *утешение*, *цимус*, *выигрыш*, *горе*, *грех*, *жуть*, *игра*, *эффект*, *лукавство*, *мерзость*, *неприятность*, *глупость*, *обман*; **газ. 4** БК – *фигня*, *цимес*, *обман*, *вещь*.

Как видно из списков, в основном подкорпусе репертуар базовых компонентов более широк при меньшем количестве контекстов с ними, в то время как в газетном подкорпусе список БК короче, однако количество контекстов с ними в разы больше, чем в основном подкорпусе. Количественное превышение газетных контекстов применительно к одному и тому же базовому компоненту отмечается во всех зонах функционально-грамматического поля: *проблема* в **10** раз, *сложность* в **7,2** раза, *интрига* в **7,4** раза, *причина* в **6,6** раза, *вопрос* в **6** раз, *факт* в **6** раз, *логика* в **5,6** раза, *идея* в **5,2** раза, *парадокс* в **4,7** раза, *правда* в **4,2** раза, *дело* в **3** раза, *суть* в **2,9** раза и т. п. Столь значительное превышение свидетельствует о том, что процесс грамматикализации фразеосхем в медиадискурсе происходит активнее.

В семантическом отношении базовые компоненты представляют, на первый взгляд, весьма разнородный конгломерат слов, но все они семантически «заряжены» на изъяснение содержания предшествующего высказывания со стороны придаточной части, оформленной союзом *что*. Это выражается в способности каждого БК сочетаться со словоформой *в том*, где местоимение *то*$_2$, вмещающая способность которого была открыта в свое время В. А. Белошапковой [6], является своего рода флексией придаточной части. Сравн.: *Дело / шутка / проблема / жуть / беда / фокус / причина…**в том**, что занятия отменили – Дело / шутка / проблема… **в отмене** занятий.* Иначе говоря, объединяет этот разнородный массив существительных их способность открывать при себе позицию актантной роли Каузатива в денотативной структуре предложения.

Едва ли эту способность можно назвать валентностью, ибо «чтобы как-нибудь обозначить ту большую смысловую потенцию, которая заложена в слове «*валентность*», необходимо придумать для нее такой термин, который исключал бы всякий намек на пассивный характер и на статику семантических элементов, проистекающих из языковой валентности. Таким названием нам представляется ***смысловая заряженность.*** Только с таким пониманием валентности она может быть введена в науку в виде чего-то вполне реального и в то же самое время в виде чего-то безусловно нового» [7].

Предложенный А. Ф. Лосевым термин «смысловая заряженность» точен с позиции семантической интерпретации языкового знака, суть которой – в признании существования к инварианту множества вариантов, причем ровно столько, сколько употреблений инварианта в коммуникации, ибо при каждом употреблении в коммуникации слово будет прирастать смыслом коммуникации (вмешательством субъективности коммуникантов). Но это не означает, что раз коммуникация бесконечна и порождает каждый раз новые формы знака, то возможность исчисления всех семантических вариантов языкового знака исключена.

Полагаем, что применительно к той или иной категории, слову или иному языковому знаку вероятность исчислимости должна опираться, по крайней мере, на два основания. Во-первых, опорой могут быть конкретные константы, то есть элемент или элементы, которые повторяются в каждом варианте и являются маркерами инварианта. Эти маркеры могут оказаться и за пределами самого знака – в других языковых знаках

контекста или в особенностях самой коммуникативной ситуации. В нашем случае это так и есть, ибо при мене базовых компонентов неизменной остается скрепа *в том, что*, целостность которой в свое время была доказана в [8].

Во-вторых, говоря об исчислимости вариантов языкового знака, следует учитывать бесконечность самого процесса коммуникации: абсолютная исчислимость возможна с концом существования человеческой коммуникации. Исчисление же оказывается возможным и точным при определенных условиях – по отношению к временному параметру коммуникации (на тот или иной период отсчета времени ее существования) или по отношению к ее ограниченному пространству (в пределах коммуникативной ситуации, текста и др.) или к так называемым мертвым языкам (без учета применения их знаков в существующей коммуникации).

Применительно к реляционным единицам (предлогам, союзам, союзным соединениям, скрепам) считаем возможным и нужным не только подобное исчисление вариантов, но и фиксацию их в контекстах, создание максимально полных на конкретный момент списков, манифестацию в словарях, желательно с указанием константы инварианта, маркеров этой константы и описания смысловых приращений. Конечно, эта работа время- и трудоемка и не под силу одному человеку. Но она напрашивается сама собой, если представить, мимо какого количества скреп, активно используемых в современной коммуникации во всех видах дискурсов, равнодушно проходит глаз лингвиста только потому, что многие из этих средств выходят за рамки морфологии, состоят из нескольких слов, нередко еще и отдаленных друг от друга в высказывании.

Возвращаясь к нашим единицам во главе с идиомой *Дело в том, что*, напомним, что, будучи межфразовыми скрепами, все они выполняют ту же функцию, что и классический союз: связывают две единицы строения, выражают между ними определенные отношения и конструируют более сложную единицу построения – диктему. При этом в процессе грамматикализации и в результате эллипсиса конструкция *Дело состоит в том* **не** «утрачивает свою пропозитивную семантику», как утверждается в [2]. Редукция одного пропозитивного знака (клаузы) привела к развитию другого пропозитивного знака (каузальной реляции). Пропозитивными знаками являются и предлоги, и союзы, ибо они выражают не свойства, а отношения, в нашем случае это отношения обусловленности.

Членение ФГП фразеосхем на зоны по характеру причинно-следственных отношений, равно как и по степени грамматикализации, осуществить довольно сложно, поскольку в силу лексического значения самого базового компонента фразеосхемы к отношению обусловленности примешиваются и другие семантические и прагматические оттенки значений – противопоставления, пояснения, оценки, возражения, рассуждения, аргументации, вывода, модальности и т. д.

Во многом чистота выражаемых отношений зависит и от вида связи – внутридиктемной или внедиктемной. Так, при внутридиктемной связи возможно объединение двух клауз в сложноподчиненное предложение, причем и с обратной каузативностью, например: *В мире наблюдается бум интереса к истории.* ***Причина в том, что*** *в трудные моменты бытия люди ищут в прошлом ответы на острые вопросы современности* (Парламентская газета, 2021.10.14). – *В мире наблюдается бум интереса к истории,* ***потому что*** *в трудные моменты бытия люди ищут в прошлом ответы на острые вопросы современности. – В трудные моменты бытия люди ответы на острые вопросы современности ищут в прошлом,* ***поэтому*** *в мире наблюдается бум интереса к истории.* (Все примеры извлечены из НКРЯ и приводятся здесь с необходимой и достаточной для иллюстрации редукцией.)

При междиктемной связи подобная трансформация затруднительна в силу множественности как предшествующих, так и последующих клауз, отчего каузативные отношения охватывают содержание всех клауз диктемы: *Инсулин по праву можно назвать*

популярнейшей молекулой XX в.: с исследованиями этого соединения связаны имена семи (!) нобелевских лауреатов. Белок, спасающий жизнь. В середине XX в. инсулин был одним из наиболее интенсивно изучаемых веществ. ***Причина*** (= *дело / суть / особенность / разгадка / секрет*) ***в том, что*** *удалось объяснить происхождение одного из тяжелейших заболеваний – сахарного диабета. Болезнь возникает, когда в организме недостаточно гормона инсулина. Инсулин запускает процессы, обеспечивающие вход глюкозы в клетки, а также стимулирует внутриклеточные механизмы, позволяющие усваивать глюкозу* (М. Левицкий. Карнавал молекул).

Более того, базовые компоненты избирательны в выражении того или иного дополнительного отношения в зависимости от цели высказывания. Сравн. их ограниченную взаимозаменяемость в одном и том же контексте:

1. *А для искусства не нужно ума и рассудка? А ученый может обойтись без фантазии? Неправда!* ***Истина*** (= *правда / смысл / главное / логика / принцип*) ***в том, что*** *в искусстве фантазия играет самую деятельную и первенствующую роль; а в науке – ум и рассудок… В творениях Шекспира не знаешь, чему больше дивиться – богатству ли творческой фантазии или богатству всеобъемлющего ума* (Н. Г. Чернышевский).

2. *С людьми надо считаться, разговаривать, а это трудно, потому что они неразумные и шумят на разные голоса. И кажется тогда, что самый эффективный способ управления этим разбродом – перепугать всех до такой степени, чтобы стояли у стены по струнке и кашлянуть боялись.* ***Фигня*** (= *дело / беда / парадокс / мерзость / закавыка / штука / жуть*) ***в том, что****, когда стоишь у стены по струнке и кашлянуть боишься, – учиться невозможно. И учить тоже невозможно. Хоть по ФГОСам, хоть по старинке. Познавательная активность – капризная штука: просыпается только тогда, когда человек не испытывает тревоги, когда он доверяет тому, кто ведет его по новому миру дальше в непознанное* (Новая газета, 03.05.2017).

3. *Станция, деятельность которой посвящена сохранению гигантских черепах – с каждой носятся здесь, как с инопланетянином, – носит имя Дарвина. В этом есть свой резон – не раструби Дарвин в «Происхождении видов» про научное значение, стоял бы на месте станции консервный завод по переработке рыбы; а уж черепах-гигантов переработали бы еще в середине XX века.* ***Ирония*** (= *прикол / странность / курьез / прелесть / парадокс / нюанс*) ***в том, что*** *сам Дарвин относился к черепахам без особого почтения – те не демонстрировали особую склонность меняться под воздействием обстоятельств и поэтому не представляли научной ценности* (Л. А. Данилкин. Рожденные эволюцией).

Объединяет рассматриваемые единицы еще и то, что все они способны сохранять напоминание о своем предложенческом прошлом – употребляться с союзами *а, но, только, однако, и все же*, строевыми глаголами *состоять*, *заключаться*, местоимением *весь*, прилагательными *главный, основной* и др.: ***Тонкость состоит в том, что*** *ощущение праздника максимально именно до праздника /* ***Но вся штука в том, что*** *утаить талант – еще сложнее /* ***А главная беда в том, что никто не несет ответственности / И все же правда в том, что*** *бизнес-образование и по сей день больше ориентировано на конкуренцию, чем на сотрудничество.*

Подобное сопровождение формирует парадигму каждой фразеосхемы в зависимости от ее «смысловой заряженности», и данное явление заслуживает отдельного исследовательского внимания.

Список использованных источников

1. Лапынина, Н. Н. *Дело в том, что…*: семантика и функции / Н. Н. Лапынина // Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц : сб. ст. в честь профессора Т. А. Колосовой. – Новосибирск, 2008. – С. 160–172.

2. Лапынина, Н. Н. О текстообразующей функции стандартизованной единицы *Дело в том, что* / Н. Н. Лапынина // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – №2. – С. 120–124.

3. Добровольский, Д. О. грамматикализации конструкций / Д. Добровольский, Л. Пёппель // Тезе и резимеи XVI међународн. Конгр. Слависта, Београд, 20–27.VIII. – 2018. – У 2 т. – Т. 1. – С. 273.

4. Конюшкевич, М. И. Влияние языка СМИ на образование фразеосхем типа «Дело в том, что…» / М. И. Конюшкевич // Медиалингвистика. – 2018. – Т. 5. – № 1.– С. 84–96.

5. Блох, М. Я. Диктема в уровневой структуре языка / М. Я. Блох // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 56–67.

6. Белошапкова, В. А. Современный русский язык. Синтаксис / В. А. Белошапкова. – М. : Высшая школа, 1977. – 248 с.

7. Лосев, А.Ф. Языковая структура : учеб. пособие / А. Ф. Лосев. – М. : МГПИ, 1983 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://litmir.club /br/?b=830442. – Дата доступа : 30.09.2025.

8. Черемисина, М. И. Очерки по теории сложного предложения / М. И. Черемисина, Т. А. Колосова. – Новосибирск : Наука, 1987. – 198 с.

Abstract. In continuation and development of the research of the idiom *Delo v tom, chto* other conjunction compounds formed according to the model of this idiom are considered – lists of basic nouns underlying the compounds are analyzed; the functional-grammatical field formed around the idiom is considered; the paradigm of functional-grammatical field constituents is characterized.

Keywords: idiom, conjunction, functional-grammatical field, paradigm, basic noun.

Конюшкевич Мария Иосифовна – доктор филологических наук, профессор; Беларусь (marikon9@mail.ru).

УДК 811.161.1’28(571.150)

Е. А. Косых, В. Ю. Краева

ЦВЕТОВОЙ КОМПОНЕНТ В УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЯХ ГОВОРОВ АЛТАЯ

Аннотация. В статье рассматриваются устойчивые сочетания говоров Алтая, одним из компонентов которых выступает атрибутивное цветообозначение. Анализируется 10 фразеологизмов, распространенных на территории Алтайского края, в аспекте их семантики и сохранения / утраты цветового значения.

Ключевые слова: диалектная фразеология, фразеологизм, цветообозначение, колоризм, семантика.

Русские говоры Алтая стали предметом исследования значительно позже других сибирских говоров и достаточно долго относились к малоизученным говорам Сибири. Лингвисты-диалектологи объясняли это спецификой региона, которую предопределила история его заселения: Алтайский край – территория позднего освоения и вторичного заселения [1, с. 252]. Совершенно очевидно, что большой поток переселенцев оказал существенное влияние на формирование языковой ситуации на Алтае. Доказано, что русские диалекты, функционируя в условиях диалектной неоднородности Алтая, в итоге имеют и монодиалектную, и полидиалектную основу. Отмеченные экстралингвистические признаки нашли отражение и в лингвистических особенностях языка региона, а язык региона представляет собой сложное и многогранное явление [2]. Переселенцы как выходцы из различных губерний России являлись носителями соответствующих говоров и по мере освоения земель региона контактировали друг с другом, а также с местными народами и/или ранее прибывшими переселенцами. Мы уже отмечали

в работах, что «фразеология русских говоров Алтая как пласт регионального языка в качестве отдельного предмета исследования до 2007 года не выступала. Диалектная фразеология рассматривалась исследователями преимущественно с двух позиций: с точки зрения предмета лексикографического описания и в рамках исследования идиостиля В. М. Шукшина в процессе работы над составлением словаря писателя (А. Д. Соловьева, Т. Ф. Байрамова, В. Ю. Полтинина (Краева) и др.)» [3, с. 98]. Позже диалектная фразеология русских говоров Алтая была описана с позиции лингвокультурологии [2].

Материалом исследования выступили: словник «Словаря русских говоров Алтая», полевые диалектные материалы вузов региона, а также тексты полевых диалектологических материалов, собранных в селах Алтайского края в 1993–2007 гг. В. Ю. Краевой. Всего было выявлено более 700 устойчивых сочетаний, которые представляют собой как собственно фразеологизмы, так и другие устойчивые словосочетания.

В представляемом исследовании термины «фразеологизм», «устойчивое сочетание», «устойчивое выражение», под которыми понимаем зафиксированные в указанных ранее источниках регулярные сочетания слов, выступающие в конкретном значении, проявляющемся в сочетании колоризма с приведенным словом, понимаются как синонимичные.

В качестве исследуемых единиц нами принято 10 устойчивых выражений, выступающих в различных сочетаниях, содержащих цветовой компонент и реализующих цветовое и ассоциативно-метафорическое значение: с ахроматическими компонентами (*белый, чёрный*) – 6 фразеологизмов, с цветовыми компонентами (*жёлтый, зелёный, лазоревый*) – 4 единицы:

1. БЕЛЫЙ ГРУЗДЬ. Сорт грибов. – *Особенно в смочный год: и бел груздь, и чёрный грузь – чёрный сверху, внутри белый* (Зар.; Кам.; Алейск.).

2. БЕЛЫМИ НЕ ЖИТЬ. Не носить чистой одежды, белья. – *Они белыми не живут, и дети такие же* (Бийск.).

3. КАК КНИГА БЕЛЫЙ. Седой человек. – *Ты совсем как книга белый* (Зар.).

4. НА БЕЛОЙ ЗАРЕ. Поздним утром, ближе к обеду. Из поговорки: *«Поднялась на поре, когда обед на дворе, на белой заре». – На белой заре уж работаем вовсю* (Бийск.).

5. ЧЁРНОЕ СЕНО. Испорченное, перепревшее, гнилое сено. – *Сено если подмочит, оно перепреет, сгниёт, чёрное уж станет. Так и зовут – чёрное сено* (Павл.).

6. ЧЁРНЫЙ ГРУЗДЬ. Сорт грибов. – *Особенно в смочный год: и бел груздь, и чёрный грузь. Чёрный сверху, внутри белый* (Зар.; Алейск.).

7. ЖЁЛТАЯ ДУШНАЯ ТРАВА. Название лекарственного растения. – *От надсады есть трава жёлтая душная* (Бийск.).

8. ЖЁЛТЫЙ ГРИБ. Гриб подберезовик. – *Подосиновик – оранжевый, а желтый под березой* (Бийск.).

9. ЗЕЛЁНЫЙ ГРИБ. Название вида грибов. – *Сыроежки, зеленые грыбы* (Зар.).

10. ЛАЗОРЕВЫ ЦВЕТЫ. Растение из семейства лютиковых, огоньки. – *Дом украшают на Троицу. Везде лазоревы цветы вешают. Они ярко оранжевые, растут по болотам, ещё их огоньками зовут* (Крут.).

Устойчивые сочетания с ахроматическими компонентами *белый* и *чёрный* выступают в приводимых фразеологизмах в прямом и переносном значениях, что соответствует общей картине функционирования прилагательных в русском языке. Отсутствующие в Словаре русских народных говоров устойчивые сочетания *белый груздь, чёрный груздь* реализуют производные значения ‘светлее других в этом роде’ и ‘темнее других в этом роде; тёмный’ соответственно. Цветовой компонент явно выражен, соотносится с представлением о внешнем виде грибов. Оценочный компонент, присущий семантике прилагательных *белый* и *чёрный* в указанных сочетаниях, выступает имплицитно, слабо представлен в примерах, в отличие от сочетания *чёрное сено*, характеризующегося приращением к цветовому компоненту оценочных сем: ‘испорченный’,

‘гнилой’, ‘прелый’, что отражается в появлении в объеме лексического значения прилагательного *чёрный* переносного значения. Ассоциативно-метафорический перенос наблюдается и в устойчивых сочетаниях *белыми не жить* ‘не носить чистой одежды, белья’ и *как книга белый* ‘седой человек’. Такое употребление прилагательного *белый* в значении ‘чистый’ в сочетании *белыми не жить* – частотное в узуальном и народно-поэтическом плане (*белая горница, белая баня, белая изба*), однако в говорах Алтая в устойчивых сочетаниях – единственный случай. Значение ‘седой’ традиционно для колоризма *белый* (например, *белый как лунь*), отсылает к сравнению седого человека именно с белой книгой – символом мудрости, источником знаний, так как *седой* – умудренный опытом – в дописьменную эпоху седой человек, как и книга, – источник / кладезь информации / знаний. Метафоризация цветового компонента на ассоциативно-бытийной основе – традиционный процесс формирования устойчивого сочетания и его дальнейшей фразеологизации.

Своеобразно реализуется цветовой компонент в сочетании *на белой заре.* Традиционно белая заря / зорька – первая, ранняя, в говорах же наоборот – время позднее, обеденное, когда солнце уже окончательно взошло. Вероятно, семантика фразеологизма развивает значение ‘светлый’, ‘яркий’ (*белый день*). Сравн. в Словаре русских народных говоров *до белой зари* в значении ‘допоздна’ [4]. Актуализация ассоциативной семы наблюдается и в сочетании *зелёный гриб* – название грибов сыроежек, которые могут быть любого цвета (розовые, желтые, синеватые, зеленоватые), но в названии представлен именно колоризм *зелёный*. Полагаем, что это связано со значением слова *зелёный* ‘неспелый’, чтобы подчеркнуть съедобность этих грибов даже в «незрелом» состоянии, поскольку отношение к данному виду грибов как условно съедобному неоднозначно.

Прилагательное *жёлтый* зафиксировано в цветовом значении в двух сочетаниях, связанных с репрезентацией в говорах фитонимов: *жёлтая душная трава, жёлтый гриб* (подберёзовик). В обоих фразеологизмах колоризм сохраняет цветовое значение, выступая не в прямом номинативном значении, а производном, указывающем на близкий к жёлтому цвет. Несмотря на наличие в Словаре русских народных говоров подобных оборотов, семантические региональные особенности приведенных сочетаний сохраняются, поскольку они обозначают особую лечебную траву (?) и гриб подберёзовик соответственно.

Наибольший интерес вызывает устойчивое сочетание *лазоревы цветы*: в поэтической и литературной речи на протяжении почти трехсот лет прилагательное *лазоревый* функционирует в значении ‘цвета лазури, ярко-синий, небесный’, а в народно-разговорной речи издавна употребляется и для обозначения цветов различной, чаще – ярко-жёлто-оранжевой окраски цветков. *Лазоревый*, обозначавший исходно оттенки синего цвета, вероятно, в истории пережил процесс контаминации с сочетанием *ала заря* (*алая заря, ала зорька*), *алазоревый – лазоревый* [5; 6]. Такая трактовка, опирающаяся на явление синкопы или аферезы [7], возможно, больше представляет собой народную этимологию. Однако объяснить развитие значения ‘оранжевый, красный, жёлтый’ у слова, возникшего из названия камня азурит (по мнению этимологов утрата начального звука) без изменений огласовки корня не представляется возможным, на что указывают не только словари, но и другие исследования. Например, в словаре В. И. Даля сочетание *лазоревый цветок* указывает на Tagetes, бархатцы [8]. В Большом толковом словаре донского казачества *лазоревый цветок* – это ярко-красно-жёлтый тюльпан Шренка (Tulipa schrenkii). То же самое – в Словаре русских народных говоров [9]. По мнению Л. А. Тульцевой, «цветосфера лазоревый – это самоорганизовавшийся этноментальный феномен русских народных говоров, принадлежит народным знаниям об избранных цветах дикой природы, ассоциативно соотносимых с зарей, светом, огнем, прозрением» [10]. А. П. Анисимова еще в 1959 году писала: «…лазоревый произошло от слова заря, зори, которое связано с восходом солнца: много оттенков в свете зари! Она и белая, она и алая, она и золотая. Яркие ало-бело-золотые и густо-красные краски

зари, очевидно, и дали названия лазоревым цветам и вообще слову – лазоревый» [5, с. 72–73]. Обратим внимание на белый оттенок зари, подтверждающий наличие фразеологизма *на белой заре.*

Таким образом, проведенный анализ устойчивых выражений с колористическим компонентом говоров Алтая демонстрирует, во-первых, слабую фиксацию подобных единиц и включение цветовых атрибутивов в речевую деятельность носителей территориальных диалектов; во-вторых, – развитие у цветообозначений дополнительных, ассоциативно-оценочных, метафорических значений; в третьих – фразеологизмы говоров Алтая сохраняют историческую основу цветовой картины мира региона, формировавшуюся в том числе под влиянием переселенцев.

Характеристика диалектных устойчивых сочетаний с компонентом цветообозначения представляет собой фрагмент лингвокультурологического описания региональной фразеологии как составляющей региональной фразеологической картины мира, моделирование которой не только является конечной целью региональной лингвокультурологии, отражающей ситуацию взаимодействия языков и культур в исторически сложившихся регионах, но и способствует воссозданию и сохранению общенациональной языковой картины мира [2].

Список использованных источников

1. Воробьева, И. А. Итоги и задачи изучения диалектов и топонимики Алтая / И. А. Воробьева // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. – С. 252-257.

2. Краева, В. Ю. Диалектная фразеология русских говоров Алтая (лингвокультурологический аспект) : дис. …канд. филол. наук / В. Ю. Краева. – Барнаул, 2007. – 255 с.

3. Краева, В. Ю. Изучение русских говоров Алтая: история и современность / В. Ю. Краева // Шахматовские чтения в Карелии : сборник статей по материалам докладов на всероссийской (с международным участием) научной конференции. – Петрозаводск, 2025. – С. 96–99.

4. Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. – Л. : Наука, Ленинградское отд-ние, 1976. – Вып. 11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-russkih-narodnyh-govorov/#source. – Дата доступа : 10.10.2025.

5. Народное красное слово : сборник загадок, пословиц и поговорок, побасенок, присказок, сказок-шуток и песен / сост. [и авт. вступ. статьи, с. 3–22] А. Анисимова. – Пенза : Кн. изд-во, 1959. – 158 с.

6. Сердюкова, Е. В. Названия растений как топоосновы в русских донских говорах / Е. В. Сердюкова // Научная мысль Кавказа. – 2021. – № 3(107). – С. 149–156.

7. Косых, Е. А. Русская ономасиология : учебное пособие / Е. А. Косых ; Алтайский государственный педагогический университет. – Барнаул : АлтГПУ, 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://library.altspu.ru/dc/pdf/kosih2.pdf. – Дата доступа : 10.10.2025.

8. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах / В. И. Даль. – М. : РИПОЛ классик, 2006. – Том 2 : И–О. – 784 с.

9. Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. – Л. : Наука, Ленинградское отд-ние, 1980. – Вып. 16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-russkih-narodnyh-govorov/#source. – Дата доступа : 10.10.2025.

10. Тульцева, Л. А. Лазоревые цветы России: антропосакральные концепты / Л. А. Тульцева // Институт этнологии и антропологии РАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ieas.ru. – Дата доступа : 31.12.2023.

Abstract. The article examines stable combinations of Altai dialects, one of the components of which is an attributive color designation. It analyzes 10 phraseological units common in the Altai Territory in terms of their semantics and the preservation or loss of their color meaning.

Keywords: dialectal phraseology, phraseological unit, color designation, colorism, semantics.

Косых Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент; Алтайский государственный педагогический университет (veko@mail.ru).

Краева Вероника Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент; Алтайский государственный педагогический университет (kraevaveronika@mail.ru).

УДК 811.16’42:398.91

М. Ю. Котова

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ЯДРЕ

Аннотация. На материале авторских паремиографических источников и социолингвистических паремиологических экспериментов рассматриваются славянские пословичные параллели, образующие общеславянское паремиологическое ядро. Раскрывается методика вычленения ядра и перспективы его исследования в аспекте лингвокультурологии и описания паремиологических картин мира славянских языков.

Ключевые слова: паремиологическая картина мира, паремиологический минимум 2022 года, славянские пословицы, общеславянское паремиологическое ядро, славянская паремиография.

Цель исследования: выявить русско-инославянское паремиологическое ядро (далее – ПЯ), опираясь на обновленную версию паремиологического минимума русского языка 2022 года (далее – ПМ).

Актуальность объясняется устойчиво высоким интересом к паремиологической и паремиографической проблематике в языкознании, фольклористике и сопоставительной лингвокультурологии.

Новизна обусловлена отсутствием подобных разработок на данном материале в современной славистике.

Использован метод социолингвистического паремиологического эксперимента (далее – СПЭ) и сопоставительного паремиографирования.

Материалы: авторский «Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями» – первое издание 2000 года (далее – РССПАС) и рукопись его второго, переработанного издания, а также восемь выпусков «Тетрадей паремиографа» (2013–2023), созданных на основе собственных СПЭ [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9]. Первые семь выпусков были нацелены на выявление активно используемых в настоящее время белорусских, болгарских, польских, сербских, словацких, чешских и английских пословичных параллелей русского паремиологического минимума Г. Л. Пермякова. Восьмой выпуск «Тетрадей паремиографа» (2023) представил скорректированный паремиологический минимум русского языка 2022 года [9]. Наш «Словарь современных активных восточнославянских пословиц», который в настоящее время готовится к публикации в Издательстве СПбГУ, дополнил и скорректировал имевшиеся материалы за счет результатов новых СПЭ среди носителей русского и украинского языков.

Теоретическая база: труды Г. Л. Пермякова (понятия паремиологического уровня языка, паремиологического минимума и гипотеза об интернациональном паремиологическом ядре), В. М. Мокиенко (принципы паремиографирования), последователей теории паремиологического минимума: С. Влахова, Д. Биттнеровой и Ф. Шиндлера и др.; школа Е. Бартминьского (сопоставительная лингвокультурология, рассматривающая паремиологию как аксиологический код лингвокультуры) и др.

Теоретическая значимость: выявление общего сегмента языковой картины мира на паремиологическом уровне для восьми славянских языков позволяет выделить общие для этих лингвокультур стереотипы, заложенные в паремиологических единицах (далее – ПЕ).

Результаты исследования найдут широкое применение в практике перевода с русского языка на славянские и в преподавании рассматриваемых славянских языков.

РССПАС был опубликован четверть века тому назад, и за этот период не прекращался процесс его дополнения и переработки для подготовки к переизданию – как в аспекте новых СПЭ, так и по линии освещения паремиологической и паремиографической проблематики. В настоящее время завершается подготовка к переизданию переработанного и дополненного варианта РССПАС.

Среди основных СПЭ следует назвать шесть на бумажных носителях (опросниках) в первом десятилетии XXI в. (с участием ста респондентов в каждом СПЭ): в Беларуси, Болгарии, Польше, Сербии, Словакии и Чехии и два СПЭ на Google-платформе в Интернете: среди украинских носителей (около 30 информантов) в 2021 году и среди носителей русского языка (340 информантов) в 2022 году.

Все параллельные паремиографические разработки велись на материале этих СПЭ, причем их результаты, дополненные контекстными иллюстрациями употребления пословиц в письменной речи, были опубликованы в форме «Тетрадей паремиографа».

В свою очередь наши паремиологические исследования опираются на РССПАС и эти «Тетради паремиографа» и затрагивают вопросы как теоретического, так и прикладного (методологического) характера, например:

– как следствие анализа истории славянской паремиографии признание приоритета словарей активно употребительных пословиц в противовес энциклопедическим пословичным сборникам В. И. Даля, Ф. Л. Челаковского, В. Караджича, А. П. Затурецкого, П. Славейкова, М. Номиса, Ю. Кшижановского, В. М. Мокиенко и др.;

– обоснование метода СПЭ как инструмента отбора ПЕ для словаря активно употребительных паремий – часто в полемике со сторонниками метода национальных корпусов (Ф. Чермак и др.) и паремиологического оптимума (П. Дюрчо, М. Метерц и др.);

– определение репертуара ПЕ как знаков ситуаций, дидактических стереотипов, функционирующих как афористические поучения и рекомендации (пословицы, некоторые поговорки, крылатые слова, прецедентные фразы) – в полемике со сторонниками различного понимания терминов «пословица», «поговорка», «крылатые слова»;

– проблема вычленения словарного инварианта ПЕ как результата анализа вариантности ПЕ, зафиксированной в ходе СПЭ;

– в рамках сопоставительной паремиографии принципы подбора иноязычных пословичных параллелей к заголовочной пословице в словарной статье, которые могут быть трех видов: а) полные параллели; б) близкие по образной основе параллели и в) не совпадающие по составу и внутренней форме пословичные параллели, являющиеся в разных языках знаками идентичных ситуаций;

– фиксация паремиологической лакунарности при сопоставлении различных языков;

– выявление ядра и периферии тематических групп ПЕ; рассмотрение синонимии и антонимии ПЕ как маркеров паремиологической системности;

– корректировка паремиологического минимума русского языка [9]; вычленение общеславянского паремиологического ядра.

В 2021–2022 гг. в качестве материала для анонимного СПЭ среди носителей русского языка был использован наш РССПАС [1].

Этот СПЭ был проведен на кафедре славянской филологии СПбГУ и был нацелен на то, чтобы скорректировать словник русских пословиц РССПАС, в который входит 500 русских пословиц. В состав РССПАС, изданного в 2000 г., вошел паремиологический минимум Г. Л. Пермякова, выявленный в 70-х гг. прошлого века, а также небольшая часть пословиц из личной картотеки автора РССПАС.

Респондентам при опросе предлагалось дописать укороченные пословицы, не обращаясь ни к каким посторонним источникам.

В СПЭ 2022 года участвовали респонденты-носители русского языка со следующими параметрами [9]:

– возраст и пол респондентов – от 16 до 88 лет, в том числе 56 мужчин (то есть 16,5 % от общего числа информантов) и 284 женщины:

а) 16–25 лет – 124 человека: среди них 19 юношей (то есть 15,3 %) и 105 девушек;

б) 26–40 лет – 99 человек, в том числе 18 мужчин (то есть 18,2 %) и 81 женщина;

в) 41–59 лет – 86 человек, в том числе 13 мужчин (то есть 15,1 %) и 73 женщины;

г) 60–88 лет – 31 человек, в том числе 6 мужчин (то есть 19,4 %) и 25 женщин;

– до 16-летнего возраста информанты проживали в различных городах и регионах, например: Амурская область, Белгород, Воронеж, Иркутск, Краснодар, Ленинградская область, Москва, Норильск, Омск, Пермь, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Тамбов, Тюмень, Хабаровск, Челябинск, Череповец, Ярославль и др. В Ленинграде (Санкт-Петербурге) с детства проживало 28 % информантов, в Орле с самого рождения проживало 9 % информантов, в Москве – 4 %, в остальных городах и регионах меньшее количество;

– информанты являлись представителями самых разнообразных профессий, например: администратор, артист балета, архитектор, бухгалтер, врач, гид-переводчик, дизайнер, инженер-электронщик, кондитер, маляр, официант, преподаватель вуза, режиссер, студент, теплоэнергетик, управляющий рестораном, учитель, художник-декоратор, электромонтер, юрист и др.

Приводятся также данные об информантах-носителях славянских языков, принявших участие в остальных семи СПЭ (в Беларуси, Болгарии, Польше, Сербии, Словакии, Украине и Чехии).

Выводы касаются процентного соотношения объемов русского паремиологического минимума и нашей версии общеславянского паремиологического ядра, а также квалификации типов выявленных межславянских пословичных параллелей: мы рассматриваем первые два вида параллелей вместе, то есть выделяем две группы параллелей: первую группу параллелей с идентичной или близкой образностью и вторую группу с различной образностью.

Приведем примеры каркаса словарных статей обеих групп из рукописи второго издания РССПАС (без контекстных иллюстраций и ссылок на источники):

Пословичные параллели с идентичной внутренней формой:

455. *Сытый голодного не разумеет*. 325 (95,6 %) инф.

белорус. *Сыты галоднаму не спагадае.*

болг. *Сит/ият/ на гладен (гладния) не вярва (вяра не хваща).*

пол. *Syty głodnego nie rozumie.*

серб. *Сит гладну не верује.*

словац. *Sýty hladnému neverí.*

укр. *Ситий голодному не вірить.*

чеш. *Sytý hladovému nevěří.*

Пословичные параллели с различной внутренней формой:

20. *Бог не Тимошка, видит немножко*. 61 (17,9 %) инф.

белорус. ср. *Бог не цяля, бачыць круцяля.*

болг. ср. *Господ забавя, но не забравя.*

серб. ср. *Онај одозго види све.*

словац. ср. *Božie mlyny melú pomaly, ale isto.*

чеш. ср. *Boží oko nikdy nespí.*

ср. *Boží mlýny melou pomalu, ale jistě.*

В ПМ русского языка 2022 года вошло 538 ПЕ.

В ходе паремиографирования в сопоставительном пословичном словаре (при подготовке РССПАС ко второму изданию) выяснилось, что около 50 % от ПМ русского языка входят в ПЯ, в том числе:

– параллели с идентичной или близкой образностью (эквиваленты) – 16 % от русского ПМ; 33 % от ПЯ;

– параллели с другой образностью (аналоги) – 33 % от русского ПМ; 67 % от ПЯ.

Данные выводы о содержании рассмотренной версии общего паремиологического ядра, полученные по методике СПЭ, послужат основой для продолжения наших исследований по сопоставительной славянской паремиографии и лингвокультурологии [10; 11; 12], а именно: изучения общих для нескольких славянских языков или специфических тематических сегментов языковой картины мира на паремиологическом уровне языка.

Список использованных источников

1. РССПАС = Котова, М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / М. Ю. Котова. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2000. – 360 с.
2. ТП 1 = Котова, М. Ю.Тетради паремиографа. Выпуск 1. Болгарские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума : учебно-методическое пособие для студентов / М. Ю. Котова, А. А. Колпакова, О. В. Раина; под ред. М. Ю. Котовой. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2013. – 240 с.
3. ТП 2 = Котова, М. Ю.Тетради паремиографа. Чешские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума : учебное пособие для студентов / М. Ю. Котова, О. С. Сергиенко; под ред. М. Ю. Котовой. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2013. – 278 с.
4. ТП 3 = Котова, М. Ю.Тетради паремиографа. Выпуск 3: Словацкие пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума / М. Ю. Котова, О. С. Сергиенко, О. Н. Тарараева; под ред. М. Ю. Котовой. – СПб. : Политехника-принт, 2017. – 286 с.
5. ТП 4 = Котова, М. Ю.Тетради паремиографа. Выпуск 4: Английские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума (на фоне болгарских, словацких и чешских пословиц) : учебное пособие для студентов / М. Ю. Котова, А. А. Колпакова; под ред. М. Ю. Котовой. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2018. – 188 с.
6. ТП 5 = Котова, М. Ю. Тетради паремиографа. Выпуск 5: Белорусские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума : учебно-методическое пособие для студентов / М. Ю. Котова, Н. Е. Боева; под ред. М. Ю. Котовой. – СПб. : Изд-во «ВВМ», 2019. – 304 с.
7. ТП 6 = Котова, М. Ю. Тетради паремиографа. Выпуск 6: Польские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума : учебно-методическое пособие для студентов / М. Ю. Котова, А. А. Колпакова, О. В. Раина, А. С. Шестакова-Стукун; под ред. М. Ю. Котовой. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2019. – 304 с.
8. ТП 7 = Котова, М. Ю. Тетради паремиографа. Выпуск 7. Сербские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума / М. Ю. Котова, И. В. Гучкова, К. Перич и др.; под редакцией М. Ю. Котовой : учебно-методическое пособие для студентов. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2021. – 440 с.
9. ТП 8 = Котова, М. Ю. Тетради паремиографа. Выпуск 8: Паремиологический минимум русских пословиц 2022 года / М. Ю. Котова, Н. Е. Боева, О. В. Гусева, В. В. Мущинская, О. В. Раина, О. С. Сергиенко; под ред. М. Ю. Котовой. – СПб. : Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2023. – 560 с.
10. Русская языковая картина мира в пословицах (на фоне других языков) : кол. монография / под ред. М. Ю. Котовой. – СПб. : Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2022. – 164 с.
11. Kotova M. Y., Lauhakangas O. (eds) Proverbs Are Never Neutral. Palgrave Macmillan, Cham, 2023. – 245 p.
12. Пословицы в театральной драматургии и кинематографе славянских стран : кол. монография / под ред. М. Ю. Котовой. – СПб. : Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2024. – 210 с.

Abstract. Based on the author's paremiographic works and sociolinguistic paremiological experiments, Slavonic proverbial parallels from the revealed common Slavic paremiological core of 2022 are considered. The article describes the method of revealing the core and the prospects of its research in the aspect of linguoculturology and the paremiological vision of the world of Slavonic languages.

Keywords: common Slavonic paremiological core, paremiological minimum of 2022, paremiological vision of the world, Slavonic proverbs, Slavonic paremiography.

Котова Марина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (m.kotova@spbu.ru).

УДК 811.161.1’42’373.23:398.92

М. И. Кравчук

ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ЭТНОНИМАМИ И ПРОИЗВОДНЫМИ ОТ НИХ

Аннотация. Фразеологические единицы русского и немецкого языков с этнонимами и производными от них, отобранные из Национального корпуса русского языка и фразеологических словарей, классифицируются по тематике. Проводится анализ сферы-источника происхождения фразеологических единиц с этнонимами и производными от них, в которых данные компоненты используются в их актуальном значении.

Ключевые слова: фразеологические единицы, этноним, тематическая классификация, фразеологическая семантика.

Статья подготовлена при финансовой поддержке МО РБ по договору №1410/2025 от 25.02.2025.

Изучение этнонимов всегда было важно для различных наук. Во все времена этнонимы привлекали внимание ученых, рождая поток догадок и домыслов, а с развитием науки становились предметом серьезного исследования. История любого народа всегда тесно связана с историей названия этого народа. Г. Ф. Ковалев утверждает, что этническое название (этноним) является специфической неотделимой частицей национального самосознания того или иного народа, народности или какой-либо еще этнической общности [1, с. 3].

Изучение славянских этнических названий началось еще в XVIII в. Несмотря на это, долгое время ни в советской, ни в зарубежной науке не было ни одного фундаментального исследования, ни одного сборника работ, посвященного этнонимии. Однако серьезные успехи в ее изучении, которые были сделаны славянскими исследователями начиная с 70-х годов прошлого века, позволяют выделить этнонимику в самостоятельный раздел славянской ономастики [1, с. 3–4].

Термином «этнонимика» следует обозначать ответвление исторической ономастики, которое содержит сведения о названиях племен, фратрий, родов, племенных союзов, различных этнографических групп, народностей, наций, а также связанные с этими данными некоторые наименования областей, земель и стран [2, с. 6].

Этнонимика теснейшим образом связана с топонимикой, так как этнические имена нередко образуются от географических и, наоборот, географические имена возникают из племенных и народных обозначений. Этнонимика связана также с антропонимикой («патронимикой»), потому что часто родовые и родоплеменные наименования и даже имена целых народов возникали на основе личных собственных имен вождей [2, с. 7].

Существенный вклад в развитие этнонимики внесли работы В. А. Никонова, А. В. Суперанской, В. И. Супруна, С. С. Иванова, Г. Ф. Ковалева, Р. А. Агеевой, А. С. Герда, Е. В. Богомяковой и др.

В. А. Никонов дает определение понятия «этноним» как «названия народов, племен, родов и т. п.» [3, с. 3]. Он различает «три плана значения» этнонима: доэтнонимическое (этимологическое), часто утраченное полностью или частично; собственно этнонимическое, т. е. соотнесенность с обозначаемым объектом; отэтнонимическое, т. е. новые значения этнонима, возникающие на основе каких-либо признаков обозначаемого объекта, например: цыган – о человеке смуглом или бродячем [3, с. 12; 4, с. 31].

Первым, кто решил классифицировать этнонимы по номинационным и словообразовательным признакам, был российский славист И. И. Срезневский. Он разделил древнерусские этнонимы на две группы: славянские народные имена и народные имена

чужеродцев. В первой группе он выделил три номинационных направления: «Славянские народные имена почти все такого образования: одни из них произошли от имен личных: Кривичи, Дреговичи, Радимичи: другие – от имен местных: Поляне, Деревляне, Полочане. Некоторые темного происхождения: Тиверьци, Хървати-Хървате» [1, с. 18].

Одни из первых научных разработок, специально посвященных проблеме номинации и классификации этнических названий, принадлежат А. Эрдманну и Г. Лангенфельту, предложившим классификации древнегерманских этнонимов по номинативно-семантическому критерию [5, s. 75; 6, s. 302]. А. Эрдманн выделил:

A – этнонимы, в основу названий которых положен географический принцип, например: *Marcomanni, Aviones, Vangiones* etc;

B – названия по характерному вооружению или внешнему виду представителей племен: *Saxones, Langobardi, Vandali*;

C – названия по духовным качествам и по первичным почетным прозвищам: *Frisii, Thuringi, Sugambri* etc;

D – названия, обозначающие единство в противоположность чужим племенам: *Alamanni, Silingi, Lugii, Gewisse* [1, с. 18–19].

Однако более удачной была признана классификация Г. Лангенфельта: 1) этнонимы со значением «народ»; 2) этнонимы со значением «мы, свои, союзники»; 3) этнонимы, происходящие от топонимов; 4) этнонимы, происходящие от антропонимов; 5) этнонимы, происходящие от тотемических названий; 6) этнонимы, происходящие от прозвищ.

При этом, как отмечает Г. Ф. Ковалев, Г. Лангенфельт заметил, что группы 4 и 6 не являются этнонимами в собственном смысле; несмотря на это, Г. Лангенфельт включил их в свою классификацию, поскольку названия этого типа активно используются этнографами [1, с. 19].

Еще две почти аналогичные классификации были разработаны советскими ономастами А. И. Поповым (1948) и В. А. Никоновым (1970).

Крупным шагом вперед стала классификация этнонимов (на материале славянских языков) В. И. Супруна. В отличие от предыдущих концепций, в его трактовке все этнонимы распределены по двум самостоятельным группам: «внутренние этнонимы», т. е. самоназвания, и «внешние этнонимы», т. е. эктоэтнонимы. Среди самоназваний В. И. Супрун выделил 7 моделей: 1) этнонимы со значением «человек, народ, свой, настоящий человек»; 2) этнонимы со значением «говорящие понятно, понимающие»; 3) этнонимы, происходящие из тотемных названий; 4) патронимические этнонимы; 5) ландшафтные этнонимы (по типу местности обитания); 6) топонимические этнонимы; 7) заимствованные этнонимы.

Среди внешних этнонимов В. И. Супрун выделяет 5 моделей номинации: 1) этнонимы со значением «чужие, враги, немые»; 2) этнонимы, называющие этнос по какому-либо внешнему признаку его представителей; 3) ландшафтные этнонимы; 4) топонимические этнонимы; 5) заимствованные этнонимы.

Критики данной классификации отмечают перспективность противопоставленности признаков, выявленных в самоназваниях, в противололожность «внешним этнонимам». Однако в целом считается, что в данной классификации не были затронуты такие существенные проблемы этнонимики, как последовательность этапов этнической номинации и причины появления того или иного номинанта этнической общности [1, с. 19–20]. Г. Ф. Ковалев отмечает также некоторый эклектизм данной классификации и целого ряда более ранних, который объясняется изолированным рассмотрением развития наименования этноса от конкретно-исторического развития того же этноса, в недостаточно диалектическом осмыслении проблем этнической номинации.

Попытку создания более последовательной этнонимической типологии можно найти у В. Н. Шапошникова. Он называет несколько критериев, по которым выделяются группы этнонимов.

Во-первых, по источнику возникновения, который обусловливает их культурные и хронологические различия. По этому критерию В. Н. Шапошников выделяет 1) самоназвания и 2) названия, данные этносу другими народами.

Во-вторых, по сфере распространения, которая подразумевает области их языкового использования. По данному критерию самоназвания разделяются на а) самоназвания, используемые и самим народом, и другими этносами (например, *французы*) и б) самоназвания, которые живут в среде данного народа, тогда как окружающие знают его под другим именем (жителей Германии русские называют *немцами*, французы – *алеманнами*, англичане – *германами*, самоназвание же их – *Deutsche*); этнонимы-несамоназвания разделяются на а) иноназвания, не только используемые соседями, но и закрепившиеся в обиходе самого названного этноса, например: *мордва, татары*, и б) этнонимы, которыми именуют данный народ соседи, в его собственной среде не употребляемые, например: *немцы* в славянской среде [4, с. 33–34].

Е. А. Голубовская выделила 3 критерия анализа этнонимов:

1) «позитивный – негативный» (положительная или негативная эмоциональная окраска);

2) «свой – чужой» (критерий, означающий соответствие или противостояние общепринятым нормам конкретной народности);

3) «про – анти» (соответствует характеристикам объекта или противостоит им).

Следует также сказать, что, кроме вышеупомянутых авторов, проблемами классификации этнонимов занимались и многие другие ученые: А. В. Суперанская, Р. А. Агеева, Я. В. Чеснов, Н. А. Баскаков, В. В. Иванов, В. Н. Топоров и др.

Для проведения классификации по сфере-источнику происхождения фразеологических единиц с этнонимами и производными о них были установлены ключевые семантические компоненты прототипов данных единиц и определена сфера их тематический отнесенности. В результате были выделены следующие тематические группы:

1) внешность, черты характера, поведение человека, например, *stolz wie ein Spanier, englisch / französisch / polnisch einkaufen [kaufen], sich (auf) englisch / französisch / polnisch verabschieden, shief ist [englisch und englisch ist modern], немецкая пунктуальность, английское терпение; уйти по-английски, развод по-итальянски, типичный / подлинная / настоящая француженка, еврейское лицо, греческий профиль*;

2) экономика и политика, например, *Holland ist in Not, «голландская болезнь», американское присутствие*;

3) умственные способности человека, например, *das ist Chinesisch für mich, j-m. böhmisch vorkommen, китайская грамота*;

4) традиции, образ жизни, специфические особенности быта, культура народа, например, *leben wie Gott in Frankreich, polnische Ehe, китайские церемонии, английский завтрак*;

5) исторические события, например, *ägyptische Plagen, как швед под Полтавой, турецкое иго, пропал, как француз в Москве*;

6) пища, например, *schweizer Käse, holländer Hering, кофе по-турецки, французская булка, швейцарский шоколад, шведский лосось*;

7) здания и сооружения (архитектура), интерьер, ландшафтный дизайн, например, *französisches Fenster, spanische Wand, английский сад, итальянское окно*;

8) медицина, например, *die englische Krankheit (рахит), mit den Chinesen Bruderschaft getrunken haben (болеть желтухой), французская болезнь, испанская болезнь (испанка)*;

9) спорт, например, *Apabersprung, шведская стенка*;

10) результаты достижений человека, например, *Sonne der russichen Dichtung, Vater der russischen Revolution, «русская ракета», «швейцарская точность»*;

11) природный мир, зоология, например, *Araber, ирландский ситтер, немецкая овчарка*;

12) предметный мир, результат труда человека, например, *английский замок, английская булавка, швейцарский нож*;

13) одежда, ткани, например, *englisches Köstum, spanische Stiefel, шотландская юбка, шотландская клетка* [9, с. 154–155].

Однако, несмотря на наличие целого ряда исследований, посвященных этнонимии, данная область до сих пор остается недостаточно изученной. Слабо освещены проблемы номинации в этнонимии, а также проблемы этнонимического словообразования. Это связано развитием этнонимии и познанием все новых закономерностей, присущих рассматриваемой системе языка, а также с уточнением методов исследования этнонимии.

Кроме этого, в более детальном рассмотрении, на наш взгляд, нуждается проблема отнесения этнонима к имени собственному или нарицательному, потому что в этом вопросе среди ученых-лингвистов до сих пор нет единого мнения. «Логичнее всего определение этнонимов как промежуточного звена между именами собственными и именами нарицательными» [7, с. 293; 8, с. 53–54].

Список использованных источников

1. Ковалев, Г. Ф. Этнонимия славянских языков: номинация и словообразование / Г. Ф. Ковалев. – Воронеж : ВГУ, 1991. – 176 с.

2. Попов, А. И. Названия народов СССР: Введение в этнонимику. Происхождение и история эволюции этнических имен на территории СССР / А. И. Попов. – М. : ЛЕНАНД, 2021. – 168 с.

3. Никонов, В. А. Этнонимия / В. А. Никонов // Этнонимы : сб. статей / Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР; отв. ред. В. А. Никонов. – М. : Наука, 1970. – С. 2–33.

4. Богомякова, Е. В. Этнонимы современного немецкого языка : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Богомякова. – СПб., 2005. – 222 с.

5. Erdmann, A. Über die Heimat und den Namen der Angeln / A. Erdmann. – Uppsala, 1890.

6. Langenfelt, G. On the origin of tribal names / G. Langenfelt // Anthropos. – Wien , 1919. – T. 14–15.

7. Кураш, С. Б. Этнонимы вне прямой референции в современных речевых практиках: семантика, неоконтексты (по данным интернет-источников на русском, немецком и французском языках) / С. Б. Кураш, В. Н. Сергей // Наукові записки Ніжинського державного університету ім. Миколи Гоголя. Серія: Філологічні науки. – 2013. – № 4. – С. 293–296.

8. Сироткина, Т. А. Актуальные проблемы современной этнонимики / Т. А. Сироткина // Вестник Пермского университета: российская филология. – Пермь : ПГУ, 2011. – № 4 (16). – С. 53–59.

9. Столярова, А. Н. Тематическая классификация неофразем / А. Н. Столярова // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та імя І. П. Шамякіна. – 2021. – №2 (58). – С. 153–157.

Abstract. Phraseological units of the Russian and German languages containing ethnonyms and their derivatives, selected from the Russian National Corpus and phraseological dictionaries, are classified based on their thematic affiliation. The analysis focuses on the source domain of origin of phraseological units with ethnonyms and their derivatives, in which these PUs are used in their actual meaning.

Keywords: phraseological units, ethnonym, thematic classification, phraseological semantics.

Кравчук Мария Ивановна – младший научный сотрудник НИС; Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина (kravchuk_masha@list.ru).

УДК 811.161.3’373

Я. И. Красовская

ИНСЕКТОНИМЫ В СОСТАВЕ БЕЛОРУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ

Аннотация. Целью данной статьи является лингвокультурологический анализ белорусских фразеологических единиц и устойчивых сравнений, центральным компонентом которых является название насекомого. В рамках проведенного исследования выделены высокочастотные образы, описаны специфичные коннотации инсектонимов, определены наиболее продуктивные признаки, формирующие вторичные значения.

Ключевые слова: фразеологизмы, зоолексика, насекомые, вторичная номинация, языковая картина мира, лингвокультурология.

Изучение процесса образования вторичного значения и его отражения в составе устойчивых сравнений, фразеологического и паремиологического фондов языка уже неоднократно становилось объектом лингвокультурологических исследований. Это связано с кумулятивной функцией фразеологизмов, которая позволяет фиксировать важные образы как элементы культуры и выявлять значимые ценностные эталоны языковой картины мира. Метафоризация, посредством которой формируются вторичные значения, основывается на ассоциативных связях и представляет собой результат сложных когнитивных процессов, «опредмечивания человеком объективной реальности» [1, с. 8].

Зооморфизмы являются одним из наиболее распространенных типов выразительной лексики ввиду того, что мифологическое, образное представление животных было свойственно еще древним людям. Изучение культурного контекста представляется обязательным в исследованиях фразеологии с анималистическим компонентом, так как зооморфные образы обладают высокой степенью символичности и часто являются эталонами конкретной лингвокультуры, а фразеология отражает в семантике устойчивых выражений набор культурных установок и стереотипов, передающихся от поколения к поколению. Учеными неоднократно подчеркивалось, что взаимосвязь языка и культуры наиболее ярко отражается именно во фразеологическом фонде языка [2, с. 215]. Данный подход также коррелирует с современными тенденциями междисциплинарных исследований.

Актуальность данного исследования заключается в недостаточной изученности семантической группы, обозначающей насекомых (инсектонимы), по сравнению с группами, обозначающими домашних животных, в составе фразеологических единиц и устойчивых сравнений. Материалом выступил корпус инсектонимов, составленный путем сплошной выборки из электронных источников и печатных изданий: толковых, фразеологических и культурологических словарей белорусского языка [3; 4; 5]. В результате исследования нами были выделены 14 инсектонимов, выступающих в качестве основы для формирования метафорического значения.

Проведя компонентный анализ данных инсектонимов, можно отметить антропоцентрический характер, свойственный большинству анималистических фразеологизмов. Большинство из них основаны на ассоциативных связях между типичным поведением насекомых и приписываемым человеку характером. Например, бабочка в белорусском языке является символом легкости и жизнерадостности: *рад лету як матылі квету, лёгкі бы матыль*. Эта символичность может восходить к мифологическим представлениям о бабочках как душах, улетающих при смерти [6, с. 309].

Позитивными коннотациями обладает образ стрекозы: так называют веселую непоседливую девочку и обозначают быстрое передвижение (*скакаць як страказа*). В данных примерах реализуются признаки умения летать и быстрой подвижности насекомых.

Некоторые фразеологические единицы (далее – ФЕ) образуются на основании внешнего признака насекомого и, соответственно, употребляются для описания внешнего вида человека – например, гусеница актуализируется в устойчивом сравнении *валасаты як вусень*.

Одним из наиболее продуктивных образов насекомых в белорусской языковой картине мира является образ мухи. Наиболее типично представление о мухе как воплощении назойливости: *баяцца як сабака мух, трэсці галавою як конь ад мух, бружжаць што худая муха ўвосень, буіць як муха, гудзець як надаедлівая муха, дакучлівы як асенняя муха перад здыханнем, лезці як муха на рану*. Недовольного, неразговорчивого человека характеризуют с помощью ФЕ *быццам муху праглынуў*; *сядзець як мух аб'еўшыся* на основе этого же признака. Здесь можно отметить, что образ мухи часто встречается в сравнениях с другими, как правило, крупными животными, для создания яркого контраста между ними. Еще одним частым приписываемым мухе свойством является чванливость, кичливость: *выдурвацца як муха на варэнні / на сцяне, выпендрывацца як муха на матацыкле, задавацца як муха на шклянцы з мёдам*. Образ мухи часто связан с продуктами, чаще всего сладкими (*завязнуць у сваім багацці як муха ў мёдзе, папасціся як муха ў кісель / ў саладуху, патрэбен як муха ў страве, прыліпнуць як муха да салодкага*), что связано с исторически тесным контактом насекомых с человеком.

Количество иных интерпретаций также разнообразно: актуализируются такие признаки, как небольшой размер / значимость (*з мухі зрабіць слана, сілы як у мухі, жывушчы як кот і слабы як муха, ляцеў як леў, а паў як муха*); безобидность (*мухі не пакрыўдзіць, зух з колам супраць мух*), беспомощность (*заплутацца бы муха ў павуцене*); одновременно и состояние скуки (*мухі дохнуць, лічыць мух, як сонная муха*) и вспыльчивости (*з мухамі, шалёная муха ўкусіла за вуха*). Сенсорное восприятие полета мух отражается в ФЕ *чуваць як муха пралятае*. В ряде выражений муха выступает как жертва паука, проживающего рядом с человеком: *заплутацца / кідацца як муха ў павуцене*.

Пауком в переносном значении называют того, кто эксплуатирует других – на основании представления о том, что он плетет паутину, оставаясь в углу. С умением плести паутину связаны основные представления о пауке в белорусской мифопоэтичной традиции: плохой приметой считалось убивать паука и разрывать паутину; с другой стороны, появление паука в доме предвещало приход гостей и прибыль, а наличие паутины помогало правильно выбрать место для жилья [6, с. 350]. При этом образ паука не является положительным (*праціўны як павук, з'есці павука* 'забеременеть'). Поскольку людей паук не кусает, с пищевыми привычками связано только представление о состоянии алкогольного опьянении (*набрацца / нашатырыцца як павук*).

Инсектонимы *блоха* и *вошь* употребляются в синонимичных значениях, актуализирующих паразитирующий образ жизни и антисанитарные условия: *набрацца як сабака блох, карміць блох, свая вош укусіць, уеліся злыдні як вошы ў цела, спаўзацца як вошы на струп'е*. В устойчивых сравнениях нашли отражение представления о блохе как мелком (*падкаваць блыху, лавіць блох*) и быстром насекомом, которое сложно поймать (*прыткі як блыха, скакаць як блыха*). Образ блохи в словарях встречается со стилистическими пометами, указывающими на пренебрежительное отношение: *усе блохі падохлі* (насм. об очень испуганном человеке). Вошь часто употребляется в сравнениях для обозначения незначительного человека, который пытается казаться важным (*надуцца як вош на марозі, блішчаць як вош на блясе, выкаблучвацца як вош на грабянцы, вылазіць як вош на лоб, задавацца як вош на грэбені*), а также имеет значение назойливости (*як вош на струп, дакучаць як вош у кажусе, лезці як вош на каўнер*).

Образ жука используется для обозначения хитрого, пронырливого человека. В составе ФЕ он чаще всего выступает со значением 'вредитель', поскольку жук питается сельскохозяйственными культурами: *спасу няма як ад калорадскіх жукоў, травіць як*

жукоў; а также для обозначения незначительного человека или вопроса (по признаку небольшого размера): *і жук і жаба*, *не жук на палачцы*. Внешний вид актуализируется в выражениях *чорны як жук, конь як жук* (конь черного цвета).

Сравнения с тараканом выражают однозначно пейоративную оценку и основаны на том, что данные насекомые являются синантропными вредителями и переносчиками болезней. Идиомы и устойчивые выражения актуализируют характеристики образа жизни тараканов, основанные на реальных наблюдениях за ними: привычку жить в щелях, углах помещений (*ціснуцца як прусакі ў шчыліну*, *як прусак у шчылінцы*); возле еды (*круціцца як прусак у заціpцы*, *трапіць як прусак у саладуху*, *ускочыць як прусак у пойла*) и непереносимость холода (*баяцца [холаду] як прусак*, *змёрзнуць як прусак*, *прапасці як прусак на марозе*).

Комар, в первую очередь, в народных сравнениях ассоциируется с кровожадностью: *напіцца як камар крыві*, *карчмар як камар: дзе сядзе, там і п'е*. С образом комара также связаны представления о надоедливом человеке: *надаедны як камар*, *гудзець над вухам як камар*, *скакаць бы камар у вочы*, *звінець як камар*, актуализируется специфичный звук насекомого. При этом в ФЕ и поговорках с компонентом *комар* (по аналогии с компонентом *муха*) неоднократно подчеркивается небольшой размер и физическая слабость: *рабіць з камара каня*, *лёгкі што камар*, *з камарыны нос*, *укол як камар укусіў*, *зла як у казла, а сілы як у камара*, *ядок ек той комар*.

Образ муравья в белорусской фразеологии обладает мелиоративными коннотациями: муравей является символом трудолюбия и умения работать совместно, положительно оцениваемых в белорусском лингвосообществе: *працаваць як мурашкі*, *мурашыная працавітасць*.

Схожей интерпретацией обладает образ пчелы: *узяцца за работу як пчолы ў цёплы дзень*, *руплівы як пчала*, *рабіць як Шыманелевы пчолы*. Их способность к добыче меда оказалась полезной для человека и способствовала созданию положительного образа: *жыць як пчола ў меду*, *ісці як пчола ў мёд*. Народное пожелание прибавления в семействе *каб пладзіліся як пчолы ў вулеі* подчеркивает коллективный характер проживания пчел. Помимо трудоспособности и коллективного способа жизни, при образовании сравнений с пчелой задействуется такой сенсорный признак, как характерный звук полета: *шумець як рой пчол у рэшаце*, *зызкаць бы пчола*, *загудзець як пчолы ў вуллі*.

При этом однозначно отрицательно оцениваются родственные пчелам шершни и осы: про злых, агрессивных людей говорят *злы / ліхі як шэршань*. Это коррелирует с мифологической версией о происхождении шершней, где они появились из-за вмешательства черта и противопоставляются пчелам как Божьим созданиям [6, с. 571], а также может быть связано с болезненностью их укусов. Осы также выступают как символ агрессии (*асінае гняздо*) и назойливости (*асою лезці ў вочы*). В схожей идиоме *лезці сляпіцай у вочы* для обозначения назойливости употребляется образ слепня. Данные ФЕ основаны на свободных словосочетаниях и наблюдениях за реальным поведением насекомого.

Стоит отметить, что для образов насекомых в устойчивых выражениях характерна реализация такого признака, как жизнь в колониях: большое скопление людей часто обозначается именно посредством инсектонимов: *людзей як мурашак*, *матыляцца як мухі*, *асінае гняздо*, *люду як пчол у караніку*, *узяцца за работу як пчолы ў цёплы дзень*, *сыпацца як прусакі*, *напасці як пчолы*, *таўчыся як камары на пагоду*. Инсектоним *саранча* в белорусском языке употребляется именно для обозначения большого количества, массовости: *наляцець як саранчы*, *есці бы саранча*.

Нами были выделены также отдельные фразеологизмы, которые устанавливают концептуальные связи, позволяющие интерпретировать одни объекты сквозь призму других. Среди идиом, описывающих посредством инсектонимов не внешность и поведение человека, а условные артефакты, можно выделить следующие: *матылі ў вачах* ‘мелькание перед глазами при недомогании’; *белыя мухі* ‘снег’; *мурашкі* (они также имплицируют признак коллективного существования насекомых).

На основании приведенных выше примеров можно сделать вывод, что большинство интерпретирующих значений устойчивых выражений формируются на основе концептуальных связей между областями «Насекомые» и «Человек». Интерпретируемые признаки в составе рассмотренных идиом и сравнений относятся к поведению насекомого (коллективный образ жизни, разделение труда, способ передвижения), их практической функции (приносящие пользу, как пчелы; паразитирующие, как блохи, вши; приносящие вред хозяйству, как жук, саранча), враждебности по отношению к человеку (комар, шершень, оса) и сенсорному восприятию (внешний вид, издаваемые звуки). Отрицательная и положительная оценка образа насекомого тесно связана с традиционным фольклорным восприятием насекомого в рамках белорусской языковой картины мира.

Список использованных источников

1. Уфимцева, А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) / А. А. Уфимцева. – 2-е изд. – М. : ЛИБРОКОМ, 2010. – 88 с.

2. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

3. Слоўнік беларускіх народных параўнанняў / Нац. акадэмія навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы; уклад. Т. В. Валодзіна, Л. М. Салавей; навук. рэд. В. М. Макіенка. – Мінск : Беларуская навука, 2011. – 482 с.

4. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭН, 2008. – Т. 1: А–Л. – 669 с.; Т. 2: М–Я. – 702 с.

5. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : https://verbum.by/rvblr. – Дата доступу : 13.10.2025.

6. Беларуская міфалогія : Энцыклапедычны слоўнік / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш. – Мінск : Беларусь, 2004. – 592 с.

Abstract. The purpose of this article is a linguistic and cultural analysis of Belarusian phraseological units and similes, the central component of which is the name of an insect. This study identifies most frequent images used in set expressions, describes the specific connotations of insectonyms, and reveals the most common features that form secondary meanings.

Keywords: phraseological units, zoonym, insects, secondary nomination, linguistic worldview, linguistic and cultural studies.

Красовская Яна Игоревна – старший преподаватель; Витебская ордена «Знак Почета» государственная академия ветеринарной медицины (belyana17@mail.ru).

УДК 811.161.1’42:398.91:34

С. В. Кулинская, М. Н. Кунина

ПАРЕМИОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ПРЕИМУЩЕСТВА И ОГРАНИЧЕНИЯ

Аннотация. В статье теоретически осмысливается функционирование паремий (пословиц, поговорок и иных устойчивых изречений) в юридическом дискурсе – как устном, так и письменном. Исследование носит междисциплинарный характер, используются подходы дискурс-анализа, прагматики, лингвистической семантики и социолингвистики. Обсуждаются преимущества использования паремий в правовой сфере (риторическая эффективность, культурная маркированность, экспрессивность) и связанные с ними ограничения (неоднозначность интерпретации, риск манипулятивного влияния, ограниченная юридическая релевантность). Особое внимание уделяется современным научным подходам и концепциям, критически оценивается роль паремий в юридическом дискурсе с учетом как исторической динамики, так и современных реалий.

Ключевые слова: паремиология, юридический дискурс, пословицы и поговорки, риторика права, прагматика, правовая коммуникация, устойчивые выражения, язык и право.

Паремиология как раздел лингвистики изучает паремии – различные жанры народных изречений, включая пословицы и поговорки. Эти устойчивые формулы речи представляют собой коллективное достояние культуры и языка, несут в себе образно выраженную мудрость и передают от поколения к поколению значимые ценности и опыт. Недаром их метафорически называют «энциклопедией жизни народа». Паремии обладают рядом характерных свойств: традиционной образностью, афористичной лаконичностью, устойчивостью формы, обобщенно-дидактическим содержанием и выраженной экспрессивностью [1; 2]. Современные исследования подчеркивают, что паремии образуют особый уровень языковой системы, отличающийся от других фразеологических единиц более сложной семантико-прагматической структурой [3]. Так, еще Г. Л. Пермяков отмечал, что пословицы и поговорки настолько сложны и самобытны, что их следует выделять в самостоятельный класс – паремиологический уровень языка [1, с. 99]. В последние десятилетия интерес лингвистов сместился с сугубо структурного описания пословиц к изучению их функций в речи и воздействия на адресата [4]. Паремии рассматриваются как инструменты речевого воздействия, способные выполнять функцию речевых актов совета, предостережения, оценки и т. д. и тем самым влиять на коммуникативную ситуацию. Например, отмечается прагматическая значимость пословиц в коммуникации (они привлекают внимание слушателя, усиливают эмоциональное воздействие и остаются в памяти благодаря образной форме) [5]. Такая функциональная сторона паремий особенно актуализирует их роль в различных институциональных дискурсах – политическом, педагогическом, медийном и, в том числе, юридическом.

Юридический дискурс понимается как особый тип институционального дискурса, связанный со сферой права. Его основной целью является регулирование социальных отношений, фиксация прав и обязанностей участников, установление норм и разрешение конфликтов [3]. Он включает множество жанров и ситуаций – от законов и судебных решений до судебных прений, законодательных дебатов и профессиональной юридической коммуникации. При внешней строгости и формализованности, юридический дискурс нередко содержит элементы риторики и аргументации, призванные убедить адресата (судью, присяжных, оппонента или общество) в справедливости той или иной правовой позиции. В этом контексте обращение к пословицам и поговоркам представляет особый интерес. С одной стороны, эти изречения привносят в сухой язык закона понятные широкому кругу образцы народной мудрости, с другой – их использование в правовых текстах и речах сопряжено с определенными рисками и ограничениями.

Присутствие паремий в юридическом дискурсе обусловлено глубокими культурными и историческими связями между правом и народным мировоззрением. Еще в XIX веке В. И. Даль [6], собравший тысячи пословиц, писал, что в народных изречениях отражается всё, что затронуло жизнь народа, а то, что не коснулось его быта, не найдет отражения в пословицах [2]. Поэтому правовые явления – справедливость наказания, отношение к закону, суду, воровству, чиновникам – издавна становились темами пословиц и поговорок. Действительно, в русском и мировом фольклоре существует значительный корпус «правовых» пословиц. Так, Г. П. Лупарев в монографии, посвященной юридическим пословицам народов мира, проанализировал свыше 11 тысяч пословичных изречений на правовую тематику [7]. Он определяет юридические пословицы и поговорки как народные изречения, которые «отражают правовые явления прошлой и настоящей жизни общества, раскрывают, комментируют и оценивают содержание любых правоотношений, а также статус и деяния их субъектов» [2]. Иными словами, паремии служат средством фиксации и передачи народных представлений о праве, законе и суде. Эти представления, оформленные в яркую афористичную форму, продолжают бытовать и в современном дискурсе, включая сферу юриспруденции. Однако для научного анализа необходимо трезво оценить, какую роль играют пословицы и поговорки в актуальном юридическом общении, каковы их потенциальные достоинства и недостатки.

Паремиологические выражения, будучи носителями коллективно признаваемой мудрости, могут выполнять в юридическом дискурсе целый ряд позитивных функций. Во-первых, они обладают высокой риторической эффективностью. Пословица, введенная в речь адвоката, прокурора или судьи, сразу привлекает внимание адресатов и делает сообщение более ярким и убедительным. Как отмечают исследователи, паремии помогают сделать речь эмоционально насыщенной, лаконичной и запоминающейся [5]. Короткая меткая пословица способна в сжатой форме выразить ту мысль, на объяснение которой обычными словами потребовалось бы гораздо больше времени. Например, утверждение «Не пойман – не вор» мгновенно апеллирует к принципу презумпции невиновности и понятно самой широкой аудитории. Благодаря афористичности и ритмической форме многие пословицы легко воспринимаются на слух и остаются в памяти судей или присяжных, что выгодно отличает их от громоздких канцелярских фраз. Тем самым, включение паремий в устную судебную речь может повысить ее убедительность и силу воздействия на слушателей.

Во-вторых, паремии несут в себе культурную маркированность, опираясь на коллективный опыт и ценности. Использование пословицы в юридическом тексте привносит оттенок народной легитимности аргумента. По сути, говорящий апеллирует не только к логике закона, но и к «голосу народа», к традиционной морали. Это может усиливать доверие аудитории. Так, обращаясь к пословице «Закон суров, но это закон» (латинское Dura lex, sed lex), юрист опирается на известную мудрость, внушая мысль о необходимости следовать закону, каким бы строгим он ни был. Паремия в данном случае выполняет прагматическую функцию аргументативного топоса, признанного основания, разделяемого большинством. В межкультурном аспекте многие правовые максимы и поговорки стали распространенными афоризмами, понятными далеко за пределами одной правовой системы. Апелляция к таким устоявшимся формулам позволяет связать конкретный юридический аргумент с более широкой системой ценностей и представлений о справедливости. Исследования показывают, что пословично-поговорочные паремии действительно могут выполнять функцию аргументативных средств языка, подкрепляя позицию говорящего общепринятыми истинами. С. Н. Аверина в своем диссертационном исследовании специально анализирует аргументативную функцию пословиц и поговорок и отмечает, что они часто используются как общие посылки силлогизмов и средства усиления доказательной базы [7]. Таким образом, введение паремии в юридическую аргументацию способно придать последней видимость объективной доказательности, опирающейся на вековой опыт.

В-третьих, паремии вносят в юридический дискурс экспрессивность и образность, что может быть полезно для разрядки напряженности и установления контакта с аудиторией. Официальная правовая речь обычно характеризуется нейтральным и сухим стилем, однако в нужный момент меткое народное слово может снять избыточное напряжение или подчеркнуть человеческий аспект обсуждаемой проблемы. Например, судья, комментируя затянутость процесса, может заметить: «Дело долго тянется, видимо, правда глаза колет». Последняя фраза – известная поговорка – добавляет образности и легкой иронии, делая речь менее формальной. Подобные вставки выполняют фатическую функцию, приближая говорящего к слушателям через общекультурные коды и снижая барьер официальности. Кроме того, образность пословиц способна иллюстрировать сложные юридические идеи на понятном житейском уровне, что особенно важно при общении с несведущими в праве участниками (например, с присяжными заседателями или свидетелями). Как отмечает А. И. Сидоров, пословицы и поговорки, будучи продуктом народного творчества, понятны психологии простых людей и соответствуют традиционному укладу мыслей [2]. Их дидактичность и народность делают их удобным инструментом для разъяснения моральной стороны правовых норм на бытовых примерах. В этом плане паремии выполняют и аксиологическую функцию, через них

в юридический дискурс привносятся народные представления о добре и зле, о справедливости и порядке. Не случайно многие пословицы прямо выражают правовые ценности («Правда в суде всего дороже», «Чужого не бери, своего не отдавай» и т. п.), тем самым подкрепляя закон нравственным авторитетом традиции.

Наконец, нельзя не отметить интертекстуальную ценность паремий для юридического дискурса. Пословицы и поговорки связывают официальные правовые тексты с широким культурным контекстом, делая их частью непрерывного диалога эпох и поколений. Цитирование известных пословиц в судебных решениях или докладах может служить своего рода мостом между прецедентами права и прецедентными текстами культуры. Более того, некоторые высказывания юристов сами превращаются в крылатые афоризмы, обогащая паремиологический фонд. Таким образом, паремии выполняют функцию своеобразной точки соприкосновения профессионального юридического мышления с массовым правосознанием. Их преимущества – выразительность, убедительность, культурная глубина – делают их привлекательным инструментом юридической риторики. Однако применение народных изречений в правовой сфере не лишено и существенных недостатков.

Несмотря на перечисленные достоинства, использование пословиц и поговорок в юридическом дискурсе сопряжено с рядом методологических и практических ограничений. Прежде всего, это проблема неоднозначности и контекстуальной зависимости паремий. Народная мудрость, выраженная в пословице, носит обобщенный характер и часто допускает несколько интерпретаций. Как отмечают исследователи, большинство пословиц употребляются образно, имеют многоплановый смысл и не привязаны жестко к одной тематике [7]. Отсюда вытекает риск неверного толкования пословицы вне привычного контекста. В судебном же или законодательном тексте двусмысленность недопустима – здесь ценится точность формулировок. Поэтому внесение пословицы в юридический документ может породить нежелательные толкования. Например, поговорка «Бог не выдаст – свинья не съест», употребленная в речи адвоката в значении «невиновного судьба хранит», может быть неправильно понята буквально и вызвать у части аудитории недоумение. Юридический дискурс требует однозначности, тогда как паремии нередко полисемантичны и требуют знания контекста и культурных коннотаций для правильного понимания. Кроме того, многие пословицы имеют узуальные переносные смыслы, которые не очевидны вне языковой среды носителей. В многонациональной или международной аудитории (например, в международном суде) цитирование пословицы из одной культуры может попросту не сработать или быть истолковано превратно. Таким образом, культурная специфичность паремий, являющаяся их достоинством, оборачивается ограничением в условиях, где отсутствует общий культурный фонд между коммуникантами.

Второе существенное ограничение – противоречивость и избирательность народных максим. Фольклор не является систематизированным сводом права; напротив, пословицы часто противоречат друг другу, отражая многогранность жизненных ситуаций [8]. Известно немало пар пословиц-антонимов, например, «Тише едешь – дальше будешь» и «Кто не рискует, тот не пьет шампанского» предлагают противоположные модели поведения. В правовом споре оппоненты теоретически могут подобрать каждому аргументу на основе пословицы контраргумент – другую пословицу с противоположным смыслом. Это показывает ограниченность доказательной силы паремий: их содержание ситуационно и нередко диалектично. В суде же требуется твердая логика, а не афористическая игра словами. С этой точки зрения, опора на пословицу в юридическом аргументе может вызвать критику как демагогический прием. Например, цитирующему «Не пойман – не вор» участник спора может противопоставить другую пословицу: «На нет и суда нет» – намекая на отсутствие доказанного факта нарушения. Подобная дуэль пословиц не способствует установлению истины, а скорее иллюстрирует, что

народная мудрость многогранна и не может служить однозначным критерием в праве. Юридическая аргументация должна основываться на нормах закона и фактах, тогда как паремиологические аргументы носят вспомогательный, иллюстративный характер и не являются строгим доказательством.

Еще один риск – манипулятивный потенциал паремий. Благодаря своей эмоциональной и оценочной окраске, пословицы могут использоваться ораторами для воздействия на чувства аудитории в обход рациональной аргументации. В судебной риторике это может привести к смещению фокуса с фактов на эмоциональные образы. Например, в прениях по делу о краже защитник, желая выгородить подсудимого, может прибегнуть к поговорке «Брала – да не воровала», апеллируя к сочувствию и намекая на малозначительность хищения. Такая фраза не имеет юридического значения, но может эмоционально расположить присяжных к снисхождению. По этой причине в некоторых судебных системах судьи ограничивают излишне риторические приемы адвокатов, чтобы те не увели обсуждение от фактов и закона. Пословица несет в себе оценку, зачастую скрытую, и потому ее применение может квалифицироваться как риторическая уловка. Кроме того, некоторые поговорки содержат откровенно архаичные или предвзятые суждения, не соответствующие современным правовым принципам. К примеру, известная фраза «Бьет – значит любит» явно противоречит современному пониманию недопустимости домашнего насилия. Ссылаться на подобного рода «народную мудрость» в наши дни было бы не просто неуместно, но и аморально. Таким образом, нормативная неоднородность паремий (их порой устаревший или стереотипный характер) создает ограничения для их употребления в современном юридическом дискурсе, основанном на ценностях равноправия и гуманизма.

Наконец, следует подчеркнуть и ограниченную юридическую применимость паремий. В правовой системе аргументация должна ссылаться на источники права – законы, судебные прецеденты, доктринальные толкования. Пословица, какой бы меткой и распространенной она ни была, не имеет юридической силы. Она не может служить основанием решения суда или положением закона. Поэтому употребление пословиц в официальных правовых документах сведено к минимуму. Мы практически не встречаем народных изречений в тексте нормативных актов или судебных решений (за редкими исключениями в виде эпиграфов или фигур речи в мотивировочной части). Это связано с требованиями юридической техники – строгой однозначности и формальности языка, о чем уже говорилось выше. Даже если норма права по смыслу близка к пословице (например, принцип «не навреди» коррелирует с поговоркой «Не делай другим того, чего себе не желаешь»), она будет сформулирована официально и нейтрально. Таким образом, пословицы имеют ограниченную сферу употребления в юридическом дискурсе. Преимущественно устная речь (риторика в суде, дискуссии, обучение праву) и популярно-правовые тексты (публицистика, разъяснения для населения). В рамках же собственно правотворчества и правоприменения их роль периферийна. Юрист, злоупотребляющий пословицами вместо указания норм права, рискует показать непрофессионализм. Поэтому использование паремий требует чувства меры и уместности.

Проанализировав преимущества и ограничения паремий в юридическом дискурсе, можно заключить, что пословицы и поговорки представляют собой двойственный по потенциалу инструмент правовой коммуникации. С одной стороны, будучи носителями коллективного опыта и афористичной формы, они обогащают юридическую речь, повышают ее убедительность и культурную глубину, выполняют важную аксиологическую и дидактическую функцию. Паремии помогают связать язык права с понятийным миром обыденного сознания, что особенно ценно в условиях, когда необходимо объяснить правовые идеи непосвященным или убедить широкую публику. С другой стороны, присущие паремиям образность и неоднозначность делают их «инородным телом» в строгой системе юридического языка. Их использование требует от коммуниканта высокого профессионализма, чтобы меткое слово дополняло аргумент, но не подменяло

его и не исказило смысл. Современные концепции в юрислингвистике указывают на необходимость осторожного обращения с междискурсивными элементами, такими как фольклорные изречения, в правовых текстах и институциональных коммуникациях.

В целом, преимущества паремий проявляются прежде всего в сфере юридической риторики и правовой популяризации – там, где важно воздействовать на убеждения и ценности людей. В официально-деловом же регистре их применение ограничено рамками стилистической уместности. Критический междисциплинарный анализ показывает, что паремии в праве – это мост между формальной нормой и культурным контекстом, по которому можно успешно перейти, обладая должной осторожностью. Их риторическая сила – в апелляции к вековой мудрости и ценностям, а их слабость – в отсутствии формальной авторитетности и потенциальной неоднозначности. Современное правоприменение в глобальном, мультикультурном обществе делает акцент на ясности и универсальности языка – качествах, не всегда достижимых при помощи локально окрашенных пословиц. Тем не менее, паремиологический компонент сохраняется в юридическом дискурсе как часть его исторической памяти и инструментария убеждения, а его исследование позволяет глубже понять, как слово народа сосуществует с буквой закона – и где пролегают границы целесообразности такого сосуществования в условиях современной правовой коммуникации.

Список использованных источников

1. Пермяков, Г. Л. Основы структурной паремиологии / Г. Л. Пермяков. – М. : Высшая школа, 1988. – 236 с.

2. Сидоров, А. И. Юридические пословицы и поговорки в правовой практике русского народа / А. И. Сидоров // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2012. – С. 148–154.

3. Тисленкова, И. А. Коммуникативная демонстративность в юридическом дискурсе / И. А. Тисленкова // Филология и человек. – 2024. – №3. – С. 7–21.

4. Аверина, С. Н. Пословично-поговорочные паремии как аргументативные средства языка : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / С. Н. Аверина ; Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 2005. – 159 с.

5. Гузова, А. В. Лингвистический статус паремий в российском и американском политическом дискурсе / А. В. Гузова, Н. В. Савицкая, О. В. Дедова, Т. В. Иволина // Филология: научные исследования. – 2020. – №2. – С. 26–36.

6. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – СПб. : Типография М. Ольхина, 1862. – 640 с.

7. Лупарев, Г. П. Юридические пословицы и поговорки народов мира / Г. П. Лупарев. – М. : Норма, 2008. – 624 с.

8. Сайфутдинова, М. И. Сущность и подходы к изучению классификации паремий и их функции / М. И. Сайфутдинова // Актуальные исследования. – 2022. – №44(123). – С. 45–50.

Abstract. The article provides a theoretical analysis of the functioning of paremias (proverbs, sayings and fixed expressions) in legal discourse, both oral and written. An interdisciplinary approach is employed, integrating discourse analysis, pragmatics, linguistics, semantics, and sociolinguistics. The paper discusses the advantages of using paremias in the legal sphere (rhetorical effectiveness, cultural markedness, expressiveness) as well as the limitations associated with them (ambiguity of interpretation, risk of manipulation, limited legal applicability). Special attention is paid to modern research and concepts, and a critical assessment is given of the role of paremias in legal discourse, taking into account both historical dynamics and present-day realities.

Keywords: paremiology, legal discourse, proverbs and sayings, legal rhetoric, pragmatics, legal communication, fixed expressions, language and law.

Кулинская Светлана Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент; Краснодарский университет МВД России (svietlana.kulinskaia@mail.ru).

Кунина Мария Николаевна – кандидат филологических наук, доцент; Краснодарский университет МВД России (mari.kunina@bk.ru).

УДК 811.161.1’373.2:398.92

А. А. Лавицкий, А. Л. Дединкин

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЕ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗАХ, РЕПРЕЗЕНТУЮЩИХ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. Фразеологические единицы рассматриваются как ключевой маркёр национально-культурной специфики языка. Объектом исследования является образ человека во фразеологизмах различных лингвокультур. В ходе анализа на примере славянских и германских языков выявлены как универсальные, так и национально-специфические образы, описывающие внешность, физические и умственные характеристики личности.

Ключевые слова: фразеологические единицы, лингвокультура, этнокультурная маркированность, универсальные и этноспецифические эталоны.

Фразеологические единицы справедливо принято считать одним из наиболее ярких феноменов лингвокультуры, маркированных на этническом уровне. Хотя в целом сегодня все обсуждения на тему национально-культурных особенностей фразеологизмов ведутся в рамках теоретической философско-лингвистической концепции этнокультурной специфики естественных языков, логичный вопрос о том, в чем конкретно проявляется их специфика, до сих пор остается предметом активной научной дискуссии. Проблему взаимоотношений языка и культуры еще в начале XIX века поднимали братья Гримм. Их идеи, дополненные В. Фон Гумбольдтом, получили широкое распространение, в том числе и в России, где в 60–70 годах XIX века проблематика нашла достойное отражение в работах А. Н. Афанасьева, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни и др. Однако вплоть до второй половины XX века из-за доминирования структурной лингвистики вопросы взаимодействия языка и культуры не получили серьезного научного развития. Начиная с 60–70-х годов прошлого столетия различные аспекты этнокультурной маркированности языка исследуются в рамках межкультурной коммуникации, антропологической лингвистики (лингвокультурологии), этнолингвистики и др. Обозначенные направления едины в постулате о том, что «язык тесным образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее» [1, с. 101].

На рубеже веков Н. И. Жинкин предложил термин «универсальный предметный код», под которым понимал систему всей совокупности ассоциаций, вызванных у представителей одной и той же лингвокультурной общности [2, с. 165]. В. Н. Телия называла это «культурными коннотациями», позволяющими «считывать» семантику фразеологии. Ю. А. Сорокин использовал более прагматичное наименование – «фоновые знания».

Закрепление ассоциативных признаков в значении фразеологизмов является процессом этнонациональным: из множества потенциально возможных ассоциаций язык закрепляет лишь незначительное количество. Эти ассоциации подвергаются прихотливому отбору, в соответствии с нравами и обычаями народа, особенностями его культуры и истории [3, с. 41] (например, русск. *белый как бумага* – бел. *белы як папера* – болг. *бял като вар* ‘белый как известь’; русск. *черный как сажа* – бел. *чорны як ноч* – болг. *черен като вампирин* ‘черный как вампир’, русск. *кроткий как ангел* – чешск. *tichý jako putička* ‘тихий как курица’, русск. *мрачный как демон* – англ. *as black as Hades* ‘черный как ад’).

Однако не следует забывать, что ассоциативные связи фразеологии могут быть не только этномаркированными, но универсальными, то есть обнаруживаться в нескольких языках (сравним: русск. *белый как снег* – бел. *белы як снег* – болг. *бял като сняг* – англ. *as white as snow* – швед. *vit som snö*; русск. *красный как (вареный) рак* – бел. *чырвоны як рак (вароны)* – англ. *as red as a (boiled) lobster* – швед. *röd som en kött kräfta*; русск. *длинный как жердь* – бел. *доўгі як жэрдка* – болг. *дълъг като върлина* – швед. *lång som humlestör*).

Возвращаясь к заявленной теме, следует отметить, что во фразеологизмах чаще всего «зафиксированы» характеристики внешности человека. Так, материал славянских (русского, белорусского, болгарского, чешского) и германских (английский, шведский) языков показывает, что здоровый цвет лица в лингвокультуре традиционно связан с румянцем, розовым цветом. Эта образная основа обнаруживается в ассоциативно схожих объектах окружающей действительности: русск. *румяный как яблоко* – чешск. *červený jako jablíčko* – болг. *румен като ябълк*; русск. *румяный как девушка* – чешск. *červený jako panenka*; русск. *румяная как роза* – англ. *as red as a rose*. Но только русские сравнивают румяна с цветком мака (русск. *румяная как маков цвет*). Национально-специфические образы румяного цвета лица обнаруживаются у русских (*румяная как заря* (*зорька*)) и белорусов (*румяны як пернік*).

Некрасивое лицо ассоциируется не с цветом, а с наличием морщин на коже, однако эту характеристику зафиксировали только славянские языки: русск. *морщинистый как печеное яблоко* – бел. *маршчыністы як печаны яблык* – чешск. *scvrklý jako křížala* – болг. *набръчкан като печена киселица*. В белорусской лингвокультуре морщинистое лицо сравнивается со сморчком (*маршчыністы як смаржок*). В болгарском языке как некрасивое также описывается лицо, пораженное оспой: *надупчен като решето* (‘продырявленный как решето’). Только в белорусском и чешском языках зафиксированы устойчивые фразеологические сравнения с положительной оценкой состояния кожи лица: *гладзенькі як лялька*, *гладзенькі як яблычка* и *svěží jako (orosená) broskev* (‘свежий как (орошенный) персик’).

Положительно коннотируются тактильные ощущения от прикосновения к коже на теле: русск. *мягкий как шелк* – чешск. *hebský jako hedvábí* – англ. *as soft as silk*, русск. *гладкий как атлас* – англ. *as smooth as satin*, русск. *нежный как шелковый* – англ. *as fine as silk*.

Достаточно часто фразеологизмы изучаемых лингвокультур фиксируют метафорическое описание тела человека. Здесь негативно характеризуются как полнота, так и излишняя худоба в сочетании с высоким ростом. Однако последняя характеристика реже отражается в устойчивых языковых формах. Универсальным для описания худого человека являются ассоциации с жердью, колом, щепкой: русск. *длинный как жердь* – бел. *доўгі як жэрдка* – чешск. *dlouhý jako tyčka* ‘жердь’ – болг. *дълъг като върлина* ‘жердь’ – швед. *lång som humlestör* букв. ‘кол для хмеля’; русск. *длинный как шест* – бел. *доўгі як тычка* – чешск. *dlouhý jako bidlo* ‘шест’; русск. *худой как щепка* – бел. *худы як шчэпачка* – чешск. *hubený jako tříska* – болг. *слаб като клечка* – англ. *as thin as a lath* – швед. *mager som en sticka*. Кроме того, худой человек сравнивается с разными птицами: русск. *худой как цыпленок* – болг. *слаб като щиглец* ‘щегол’ – швед. *mager som en skrika* ‘сойка’.

Универсальным эталоном полноты в лингвокультурах выступают свинья, шар: русск. *толстый как поросенок* – чешск. *tlustý jako prase* – болг. *дебел като прасе*; русск. *толстый как шар* – чешск. *tlustý jako koule*. В белорусском и чешском языках толстый человек сравнивается с бочкой (бел. *таўсты як кадушка* – чешск. *tlustý jako sud* ‘бочка’), а в болгарском языке кадушка наоборот является образом худого человека: *тънка като каца* букв. ‘тонкая как кадушка’.

Характеристика полноты человека отражается в многочисленных национально-специфических ассоциативных образах. Так, в русской лингвокультуре о толстом человеке говорят *круглый как колобок*; *толстая как копна*; *толстая как тумба*; *толстая, круглая как пышка*; *толстый, круглый как пузырь*; в белорусском – *круглы як бочка*; *круглы як калода*; *круглы як качан*; *круглы як кола*; *круглы як яйка*; *тоўстая як печ*; *тоўсты што бабёр*; *тоўсты як вяпрук*; *тоўсты як куль саломы*; *тоўсты як мех*; *тоўсты як хамяк*; в чешском – *tlustý jako basa* ‘толстый как контрабас’; *tlustý jako buřt* ‘толстый как

сарделька’; *tlustý jako valach* ‘толстый как мерин’; в болгарском – *дебел като* (*цигански*) *тъпан* ‘толстый как (цыганский) барабан’; *мазен като таралеж* ‘жирный как еж’; в английском – *as fat as an alderman* ‘толстый как член городской управы’; *as fat as butter* ‘жирный как масло’; *as plump as a partridge* ‘пухлый как куропатка’.

Фразеологизмы отражают не только образы внешности человека, но и его различные состояния. Чаще всего они связаны с физическими характеристиками личности. Так, здоровый человек во фразеологизмах ассоциативно связан с каким-либо животным (универсальным, например, можно признать быка: русск. *здоровый как бык* – бел. *здаровы што бык* – болг. *здрав като бик* – хорв). Однако некоторые народы связывают здоровье человека с другими животными (англ. *as sound as a roach* ‘здоровый как плотва’ – швед. *kry som abborre* ‘здоровый как окунь’), а иногда – и с представителями флоры (чешск. *zdravý jako hřib* ‘здоровый как гриб’, чешск. *zdravý jako řípa* ‘здоровый как репа’, бел. *здоровый как дуб* – чешск. *zdravý jako dub* ‘здоровый как дуб’). Крайне редко здоровый человек сравнивается с неодушевленными предметами: бел. *здаровы як камень* – болг. *здрав като камък*.

Этноспецифические эталоны здоровья связаны с объектами и предметами, ассоциирующимися с прочностью: бел. *мур*, *цвік*; чешск. *buk* ‘бук’; болг. *канара* ‘скала’, *челик* ‘сталь’; англ. *rain* ‘дождь’, швед. *nötkärna* ‘ядро ореха’). Среди людей эталонами здоровья стали *бурлак* в белорусском, *младенец* в болгарском.

В языке различных народов репрезентуются универсальные представления о голоде, ассоциативно связанные с образами животных, становящихся опасными, если они голодны: русск. *голодный как собака* – бел. *галодны як сабака* – чешск. *hladový jako pes* – болг. *гладен като куче*; русск. *голодный как волк* – бел. *галодны як воўк* – чешск. *hladový jako vlk* – болг. *гладен като вълк* – хорв. *gladan kao kurjak* – швед. *hungrig som en varg*.

Национально-маркированные представления о голодном человеке связаны с различными живыми существами: бел. *галодны як чорт*; чешск. *hladový jako čokl* ‘голодный как дворняжка’; болг. *гладен като църковна мишка* ‘голодный как церковная мышь’; англ. *as hungry as a hawk* ‘голодный как ястреб’; *as hungry as a hunter* ‘голодный как охотник’.

Вариативны зафиксированные во фразеологических единицах представления о состоянии пьяного человека. Количество совпадений здесь относительно невелико: бел. *п’яны як зямля* – хорв. *pijan kao zemlja*; болг. *пиян като дърво* – хорв. *pijan kao drvo* ‘пьяный как дерево’; русск. *пьяный как свинья* – бел. *п’яны як свіння* – чешск. *opilý jako prase* – швед. *full som ett svin*. Чаще всего образ пьяного человека в лингвокультуре национально-специфичен: швед. *full som en kanon* ‘пьяный как винная бутылка’, русск. *пьяный как сапожник*, бел. *п’яны як зямля*, болг. *пиян като пън* ‘пьяный как пень’.

Образ трезвого человека отражают многочисленные уникальные фразеологизмы: русск. *трезвый как огурчик, трезвый как стекло*; англ. *as sober as a judge* ‘трезвый как судья’. Пьяного сравнивают с различными людьми (бел. *дурны*, болг. *копач* ‘землекоп’, *казак* ‘казак’, англ. *bastard* ‘внебрачный ребенок’, *fiddler* ‘скрипач’, *lord* ‘лорд’), сказочными существами (болг. *нощно шкафче* ‘ночной гномик’), представителями фауны (русск. *зюзя*, бел. *бараны*, чешск. *(divoké) zvíře* ‘дикий зверь’, *čuně* ‘поросенок’, *štěně* ‘щенок’, болг. *бабер*, англ. *fish* ‘рыба’, *owl* ‘сова’, *fowl* ‘домашняя птица’, швед. *kaja* ‘галка’).

Умственные способности занимают значимый объем в корпусе фразеологизмов, характеризующих человека. При этом в языке чаще встречаются единицы, презентующие негативный образ умственных способностей личности. В качестве универсальных эталонов человека, не обладающего интеллектуальными способностями, выступают животные (русск. *глупый как баран* – бел. *дурны як баран* – болг. *глупав като овен* – англ. *as silly as a sheep* – швед. *dum som ett får*; русск. *глупый как осел* – чешск. *hloupý*

jako osel – хорв. *glup kao magarac* – англ. *as stupid as a donkey* – швед. *dum som en åsna*; бел. *дурное як цяля* – чешск. *hloupý jako tele* – болг. *глупав като теле*; русск. *умный как утка* – болг. *умен като гъска* ‘умный как гусь’).

Национально-специфические ассоциации фразеологизмов, отражающих умственные способности человека, также включают в качестве эталонов животных: бел. *дурны, глупы як варона*; *дурны як цецярук*; болг. *глупав*(*а*) *като патка* ‘глупый(ая) как утка’; *глупав като шаран* ‘глупый как карп’; *тъп като тапир* ‘тупой как тапир’; англ. *as stupid as an owl* ‘глупый как сова’; швед. *dum som en höna* ‘глупый как курица’; *dum som en ko* ‘глупый как корова’.

Однако интеллектуальные способности человека отражает и сравнение с объектами неживой природы: русск. *глупый как валенок* – бел. *дурны як бот* – чешск. *hloupý jako bota* ‘глупый как ботинок’ – болг. *тъп като галош* ‘тупой как галоша’; русск. *глупый как пень* – бел. *дурны як пень* – чешск. *hloupý jako pařez* ‘глупый как пень’ – болг. *глупав като пън* ‘глупый как пень’; русск. *глупый как чурка* – чешск. *tupý jako poleno* ‘тупой как полено’ – хорв. *glup kao klada* ‘глупый как колода’; русск. *глупый как пробка* – болг. *глупав като запушалка* ‘глупый как пробка’; русск. *глупый как бревно* – швед. *dum som en stock* ‘глупый как бревно’. Такая же группа этно-маркированных фразеологизмов менее частотна и насчитывает несколько единиц (бел. *дурны як абух*; *дурны як халява*; *дурны як хамут*; чешск. *blbej jako škopek* ‘глупый как лохань’; *blbej, tupý jako motyka* ‘глупый, тупой как мотыга’; хорв. *glup kao ćuskija* ‘глупый как лом’; швед. *dum som ett/en spån* ‘глупый как щепка’).

Таким образом, представленные примеры показывают, что фразеологические единицы, репрезентующие образ человека, обладают рядом общих и специфических черт. Человек в них представлен вариативно и чаще всего сравнивается с эталоном флоры и фауны, а также объектами быта. Фразеологические единицы зафиксировали различные образы человека (от физического состояния до интеллектуальных способностей).

Список использованных источников

1. Маслова, В. А. Сравнение-стереотип как фрагмент образа мира и его национальная специфика / В. А. Маслова // Языковое сознание и образ мира : докл. XII Междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 2–4 июня 1997 г. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, Моск. гос. лингвист. ун-т. – М., 1997. – С. 101–102.

2. Жинкин, Н. И. Некоторые положения для построения модели коммуникативной системы человека / Н. И. Жинкин // Язык. Речь. Творчество : избр. труды / Н. И. Жинкин. – М., 1998. – С. 163–167.

3. Подхомутников, В. Г. Лингвокультурологические особенности устойчивых сравнений в русском и английском языках: на примере идеографического поля «Внешность» : дис. … канд. филол. наук : 10.02.20 / В. Г. Подхомутников. – М., 2003. – 149 л.

Abstract. Phraseological units are considered as a key marker of the national and cultural specificity of a language. The object of the study is the image of a person in phraseological units of various linguistic cultures. Through the analysis of Slavic and Germanic languages, both universal and national-specific images have been identified that describe the appearance, physical, and mental characteristics of a person.

Keywords: phraseological units, linguoculture, ethno-cultural marking, universal and ethnospecific standards.

Лавицкий Антон Алексеевич – кандидат филологических наук, доцент; Гимназия № 2 г. Витебска (anton_lavitski@mail.ru).

Дединкин Александр Леонидович – кандидат исторических наук, доцент; Витебский филиал Международного университета МИТСО (alexanderdedinkin@yandex.by).

УДК 811.161.1’42:398.92:316.776

М. Л. Лаптева

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ НЕСОГЛАСИЯ

Аннотация. В статье выделяется и анализируется группа фразеологических единиц, с помощью которых в речи реализуется коммуникативная стратегия несогласия. Данные устойчивые сочетания объединяются в две группы: единицы, которые выражают возражение, и единицы, которые выражают отказ. Отмечается условность и подвижность границ между подобными фразеологизмами.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия несогласия, вербализация, коммуникативно-прагматическая фразеология, фразеологизм, возражение, отказ.

Коммуникативно-прагматическое направление в исследовании русской фразеологии позволяет рассматривать способы использования фразеологических средств языка в речевой деятельности, в процессе общения, раскрывать особенности межличностного взаимодействия, в том числе и деструктивного. По утверждению Е. А. Добрыдневой, «…коммуникативно-прагматическими свойствами устойчивых словесных комплексов различных полевых зон фразеологического состава языка является их назначение со стороны говорящего реализовать определенные коммуникативные намерения, <…> которые формируются за счет ситуативно-контекстуальных смыслов единиц косвенно-производного типа» [1, с. 27].

Следует признать, что речевые акты несогласия являются одними из сложнейших актов негативной реакции, а выражение несогласия в большинстве случаев сопровождается проявлением различных негативных эмоций: неодобрения, недовольства, гнева, опровержения и др.

В рамках нашего исследования за основу берется широкое понимание несогласия как коммуникативной стратегии, включающей такие интенции говорящего, как отрицание, возражение, отказ, неодобрение.

Основная прагматическая функция фразеологических единиц с семантикой несогласия – демонстрация коммуникативному партнеру (адресату) позиции противостояния. Данные единицы характеризуются тем, что (а) дают негативную оценку словам адресата или предмету речи; (б) выражают негативное эмоциональное состояние говорящего (возмущение, презрение, недоумение, негодование, неодобрение, возражение, опровержение и под.).

Корпус фразеологического материала с семантикой несогласия, собранного методом сплошной выборки из авторитетных фразеологических словарей [2; 3; 4; 5], составляет 124 единицы.

На наш взгляд, устойчивые сочетания с семантикой несогласия можно разделить на следующие группы:

1) единицы, которые выражают возражение против мнения коммуникативного партнера или ситуации в целом: *как бы не так, нет (уж) это извините, не скажи* и др.;

2) единицы, которые выражают отказ (что-либо делать, действовать по указанию и т. д.): *и не подумаю, бегу и падаю, вот еще, аж два (три) раза!* и др.

Границы между обозначенными группами, однако, весьма условны и подвижны, а в словарных дефинициях зачастую выделенные значения вовсе не разводятся. Например: *как бы не так* – ‘выражение несогласия, **возражения**, **отказа** и т. п.’ [5, с. 189].

По нашим данным, большинство устойчивых единиц характеризуется многозначностью и в процессе функционирования может передавать различные негативные смыслы.

Например, выражение ***А вот и нет!*** является разговорным и передает несогласие, обусловленное невозможностью выполнения действия – ‘не выходит, нельзя сделать то, что намечается, предполагается’: *Почему я покорно, словно раб, тащусь по этой пыльной дороге? Два шага в сторону и, пожалуйста, валяй себе на все четыре стороны!* ***А вот и нет!*** *Не могу!* (Н. Думбадзе. Кровь) [6].

В то же время данное выражение может употребляться как эмоциональная негативная реакция на другое, противоположное говорящему мнение: *Если по-разному думаешь – по-разному говоришь!* – ***А вот и нет!*** *– сказал Ежик. – Думать можно по-разному, а говорить одно и то же* (С. Козлов. Правда, мы будем всегда?) [6].

К подобным полисемантам относятся устойчивые единицы *вот еще, вот еще новости, еще чего, еще (ишь) чего захотел, ишь ты*, которые в разговорной речи служат для выражения крайнего несогласия с чем-либо – ‘совсем не согласен; отношусь резко отрицательно’, а также используются как ‘возглас, выражающий негодование, возмущение по отношению к какому-либо предложению, просьбе’. Например: 1. *«Послушай, Илья Фомич, знаешь ли что? Поезжай ты сам». «Ну,* ***вот еще****: с ума сошел разве?»* (Н. Гоголь. Женитьба) [6]. 2. *Но муж воспринял идею так, словно я собралась завести не собаку, а любовника. «****Еще чего!*** *А кто о ней будет заботиться?»* (Е. Орлова. Такой же хороший, как ты) [6]. В первом примере реализуется несогласие-отказ, во втором – несогласие-возражение. В обоих случаях актуализируются семы негодования и возмущения.

В отдельную группу нами выделены фразеологизмы, реализация значения несогласия-возражения которыми сопровождается демонстрацией неуважения к адресату, грубости и бестактности, что позволяет квалифицировать их как просторечные. Среди них: *жирно будет; мало каши ел; на-ка (нако, накась, на-кась, на кося, натко) выкуси; а тут (это) – умоешься; знаем мы вас; в рот тебе якорь; да за каким чертом* и т. д.

Например: *Молчи!.. Уйди с глаз… уйди! – крикнул Василий. – В деревню я не пойду… буду тут зимовать… – говорил Яков, не переставая следить за движениями отца <…>. Там ты бы надо мной верховодил, как хотел, а здесь –* ***на-ко выкуси****! Он показал отцу кукиш и засмеялся* (М. Горький. Мальва) [6]. В данном примере реализуется несогласие с волей, мнением и желаниями коммуникативного партнера, в качестве которого выступает отец – представитель старшего поколения. Вербальная реакция несогласия сопровождается невербальной – характерным грубым жестом, который усиливает передачу отношения адресанта к ситуации.

Подобное наблюдаем в процессе функционирования единицы *А это видел (видал (-а, -и)? (А это(-го) вы не видали?)*, используемой как ‘выражение грубого отрицания, несогласия в сочетании с пренебрежением, возмущением, злобой (с жестом)’: *Равнодушно посмотрев на толпившихся возле телеги эсеров, он вытер ладонью лоб, потом обвел глазами толпу, сложил огромный кулак дулею, выставил его так, чтобы он был всем виден, и спросил спокойно, громко и с издевкою: –* ***А этого вы не видали****?* (А. Гайдар. Школа) [6].

Грубо-просторечными единицами являются фразеологизмы *держи карман шире, черта с два, черта (беса) лысого, черта в стуле (в ступе), фиг (фига), шиш (кукиш) с маслом, нашел дурака (дураков), ищи дурака (дураков)*, которые в коммуникативной ситуации приравниваются к ответу «Не надейся, не рассчитывай на что-либо, не получишь». Например: 1. *– А коли не нравится, вы и свою мне отдайте, теплее будет… – Так я и отдала.* ***Держи карман шире!*** (= ‘отказываюсь отдавать’) (С. Маршак. Двенадцать месяцев) [6]. 2. *– Почем это знать? Он ее больше всех любит. – Ну, матушка, держи карман шире* (=‘не надейтесь на то, что его чувства искренние, это не любовь’)*: знаем мы, что такое их «особенная» любовь к девушке, которая на выходе* (Н. Лесков. Жемчужное ожерелье) [6].

Большую группу составляют фразеологизмы, выражающие категоричный отказ, накладывающие так называемые вербальные запреты: *только через мой труп, этот*

номер (фокус) не пройдет, не вздумайте, не может быть и речи, и разговора быть не может, даже не мечтай(-те) и др. Например: 1. *Но мама – юрисконсульт на хлебозаводе и диктатор в семье – заявила: –* ***Только через мой труп****. Сперва институт окончи, потом делай, что хочешь* (Е. Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание) [6]. 2. *Я так думаю, что Гарри кто-то ищет, – сказала она. – У меня могут быть проблемы, поэтому тебе стоит доплатить. –* ***Даже не мечтай.*** *И смотри не испорти мне мальчика* (И. Ковриков. Золото капитана Флинта) [6].

В живой разговорной речи встречаются разнообразные варианты устойчивых сочетаний, с помощью которых также выражается несогласие. Чаще всего такие единицы либо имеют сниженный, даже грубо-просторечный характер, либо используются в непринужденной беседе, свидетельствуют о фамильярности общения. В качестве примера можно привести устойчивые ответные формулы-возражения на реплику «Неудобно!»: *Неудобно спать на потолке! Неудобно зонтик в кармане раскрывать! Неудобно спать в почтовом ящике! Неудобно штаны через голову надевать!* и под.

Среди фразеологизмов со значением несогласия-отказа встречаются вопросительные фразы, чаще с ироническим оттенком, к примеру: *А больше тебе ничего не надо? А хо-хо не хи-хи? А ху-ху не хо-хо? А плохо не станет? А шнурки тебе не погладить?* и т. п., квалифицируемые нами как вульгаризмы.

К группе фразеологизмов с семантикой несогласия примыкают, на наш взгляд, устойчивые выражения, которые не характеризуют коммуникативное поведение говорящего и не являются его маркером, а оценивают занимаемую объектом речи позицию в межличностном взаимодействии. Например: *И он поймет, что вам это не нравится, и сразу перестанет* ***крутить носом*** *и задирать нос* (Журнал «Трамвай». Носария) [6]. В приведенном примере *крутить носом* может быть декодировано как ‘относиться с пренебрежением, с презрением’. Сравн.: *И вот, когда все подается мне буквально на тарелочке с золотой каемочкой, я начинаю* ***крутить носом*** (М. Милованов. Естественный отбор) [6]. В данном контексте актуализируется иной смысл – ‘отказываться с пренебрежением’.

В семантическую структуру некоторых фразеологизмов со значением несогласия входят семы качественной негативной характеристики предмета речи: *(Ну) вот еще глупость (глупости)! Ерунда какая! Что за вздор (чушь)!* Отрицательные смыслы в данном случае актуализируются за счет семантики переменных компонентов той или иной устойчивой фразеологической модели: *глупость, ерунда, вздор, чушь* соответственно.

На периферии поля фразеологических средств выражения несогласия находятся единицы с модальными смысловыми оттенками неуверенности и сомнения: *едва ли, вряд ли, не думаю* – ‘выражение сомнения в возможности, допустимости чего-либо’*, где там, где уж там* – ‘выражение отрицания, несогласия, сомнения’ и др. Например: *Теперь попался, быть бычку на веревочке, – говорил Алексей Александрович. –* ***Едва ли****, не таков он… Посмотрите, опять убежит… – заметил Михаил Дмитриевич* (Н. Гейнце. Самозванец) [6].

Кроме того, нельзя оставить без внимания группу передающих ироничное утверждение устойчивых единиц, которые рассматриваются в различных речевых актах как формы выражения несогласия, сопровождающегося эмоционально-оценочными семами раздражения, недоверия, скептицизма и под. Большинство таких реплик включает в себя коммуникатив *да* с частицами или модальными словами: *да ну, да уж, да нет, да ладно, да конечно, ну да, да сейчас, да-да* и др. Например: *Ужинать будешь? –* ***Да ну!*** *На ночь?...* (В. Шукшин. Брат мой); *Он жил в свое удовольствие. – За чужой счёт. –* ***Да уж****, конечно, ага, – скептически сморщилась Орли* (А. Иванов. Комьюнити) [6].

Таким образом, средствами выражения коммуникативной стратегии несогласия в русском языке является емкий класс многозначных фразеологизмов, передающих различные негативные коннотативные смыслы, связанные с позицией несогласия с чем-либо

или с кем-либо, которую занимает говорящий. Коммуникативная стратегия несогласия реализуется в двух речевых актах: возражения и отказа. Большинство фразеологизмов, вербализующих несогласие, находится на периферии фразеологического корпуса (квалифицируются как грамматические фразеологизмы) и относится к стилистически сниженным языковым ресурсам: от разговорных до грубо-просторечных и вульгарных. Фразеологическая семантика несогласия в русском языке зачастую усложняется модальными и ироническими смыслами.

Список использованных источников

1. Добрыднева, Е. А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии : монография / Е. А. Добрыднева. – Волгоград : Перемена, 2000. – 223 с.

2. Бирих, А. К. Словарь фразеологических синонимов русского языка / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – 448 с.

3. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. /Авт.-сост. И. С. Брилева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, И. В. Зыкова, С. В. Кабакова, М. Л. Ковшова, В. В. Красных, В. Н. Телия / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.

4. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.

5. Фразеологический словарь русского языка / сост.: Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров / под ред. А. И. Молоткова. – М. : Русский язык, 1978. – 543 с.

6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru. – Дата доступа : 08.10.2025.

Abstract. The article highlights and analyzes a group of phraseological units that are used to express disagreement in speech. These stable combinations are divided into two groups: units that express objection and units that express refusal. The article also notes the fluidity and conventionality of the boundaries between these phraseological units.

Keywords: communicative strategy of disagreement, verbalization, communicative-pragmatic phraseology, phraseological unit, objection, refusal.

Лаптева Мария Леонидовна – доктор филологических наук, доцент; Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева (hohlina2004@yandex.ru).

УДК 81’36:81’37:81.161.3

В. А. Ляшчынская

АКТУАЛЬНАСЦЬ ПЫТАННЯЎ ФРАЗЕАЛОГІІ Ў ГРАМАТЫЦЫ

Анатацыя. У артыкуле ўздымаецца пытанне аб неабходнасці выяўлення граматычных заканамернасцей, норм і адхіленняў ад іх у фразеалогіі і ўключэння пытанняў фразеалогіі ў склад зместу граматыкі як навуковага даведніка пра дзеянне сістэматычных норм, вызначаных тыпаў, што ўласцівы і выпрацаваны ў беларускай літаратурнай мове адносна фразеалагічных адзінак, указанне асаблівасцей, тыповых заканамернасцей, магчымых адхіленняў і наяўнасці парушэнняў у выкарыстанні ідыёмаў як асноўнага ядра фразеалогіі беларускай мовы.

Ключавыя словы: фразеалогія, граматыка, фразеалагічная адзінка, асаблівасці, норма, парадыгма, абмежаванне, застыласць.

Шматлікія даследаванні апошніх дзесяцігоддзяў, прысвечаныя фразеалагічнаму складу розных моў, сцвердзілі фразеалогію як самастойную лінгвістычную навуку, якая характарызуецца сваімі адзінкамі, задачамі, метадамі даследавання. Галоўнае

заключаецца ў тым, што за такі адносна кароткі час тэорыя фразеалогіі ўжо вызначаецца этапамі ў сваім развіцці і прайшла шлях, як заўважае даследчыца фразеалогіі рускай мовы М. Л. Каўшова, “ад структурна-семантычнай парадыгмы і сістэмна-класіфікацыйнага «вінаградаўскага» метаду даследавання да вывучэння фразеалагізмаў у функцыянальна-маўленчым выкарыстанні, ад даследавання намінатыўнай функцыі фразеалагізмаў і іх вобразнай унутранай формы да кагнітыўна-інтэрпрэтацыйнай парадыгмы і новага, лінгвакультуралагічнага, этапу ў фразеалогіі” [1, с. 13].

Менавіта значныя дасягненні і вынікі вывучэння шырокага кола пытанняў фразеалогіі выклікалі ў апошні час з’яўленне новых тэрмінаў, сярод якіх і “граматыка ідыём” [2, с. 227] ці “граматыка фразеалагізмаў”, і нават выказваецца меркаванне аб патрэбе існавання «граматыкі фразеалагізмаў», сістэме правіл і норм фразеалогіі, “якая часткова павінна быць адлюстравана ў акадэмічнай граматыцы, а часткова фіксавацца ў слоўніку” [3, с. 47].

Апошняе меркаванне і прапанова як нельга лепш стасуецца з такой жа патрэбай замацавання норм, вызначэння нарматыўнай ацэнкі, увогуле адлюстравання асаблівасцей функцыянавання фразеалагізмаў беларускай мовы ў розных сферах іх ужывання, ці неабходнасці асвятлення пытанняў фразеалогіі ў граматыцы з улікам тэарэтычных дасягненняў у гэтай галіне навукі аб мове і вынікаў моўнай практыкі беларусаў апошніх дзесяцігоддзяў.

Праведзены аналіз трох розных паслядоўных па часе выдання акадэмічных граматык беларускай мовы дазваляе адзначыць наступнае. “Граматыка беларускай мовы” (1962, у двух тамах) прызнана “найбольш поўнай і па ахопу навуковых праблем, і па разгляду фактычнага матэрыялу”, паколькі ў ёй “упершыню сістэматычна прааналізаваны характэрныя для пяцідзясятых – пачатку шасцідзясятых гадоў нормы беларускай літаратурнай мовы і розныя адхіленні ад норм” [4, с. 5]. Наступная акадэмічная “Беларуская граматыка” (1985, у дзвюх частках) “падрыхтавана з улікам моўнай практыкі двух апошніх дзесяцігоддзяў і вопыту раней выдадзеных граматык і даследаванняў”, а яе мэта – “паказаць нормы беларускай літаратурнай мовы сямідзясятых – васьмідзясятых гадоў, выявіць і прааналізаваць усе важнейшыя адхіленні ад норм літаратурнай мовы, устанавіць іх крыніцы, паказаць іх месца ў сістэме літаратурнай мовы” [6, с. 5]. І ўрэшце “Кароткая граматыка беларускай мовы” (2007, у дзвюх частках), як і папярэднія, прадстаўляе збор правіл, устаноўленых сістэмай тыпаў, якія вызначаюць літаратурную норму, суправаджаючы ў кожным канкрэтным выпадку існуючымі адхіленнямі ад вызначаных норм ці вызначаючы парушэнні рознага тыпу. Складальнікі граматыкі паставілі мэтай даць “нарматыўную ацэнку шматлікім інавацыям апошніх дзесяцігоддзяў у сферы марфалогіі і словаўтварэння, унесці пэўныя ўдакладненні” [6, с. 3], у ёй “істотная ўвага надаецца праблеме варыянтнасці, якая стала адметнай рысай развіцця і функцыянавання беларускай літаратурнай мовы на сучасным этапе” [6, с. 4]. У выніку можна канстатаваць, што амаль на двух тысячах старонках названых граматык можна знайсці дакладную і поўную інфармацыю аб правілах, устаноўленых у беларускай літаратурнай мове за працяглы час і з улікам змен, што датычаць фанетычных рэсурсаў, лексічных запасаў, лексіка-граматычных класаў слоў, пытанняў марфемікі і марфаналогіі, даволі падрабязна разгледжаны спосабы словаўтварэння і словаўтваральныя сродкі ўсіх паўназначных часцін мовы, пытанні націску і акцэнтныя тыпы, а таксама пытанні сінтаксісу ў межах спецыяльнага асвятлення такіх важнейшых пытанняў, як словазлучэнне, просты і складаны сказ, а таксама спосабаў перадачы чужаслоўя. Аднак у граматыках абыдзены ўвагай пытанні фразеалогіі з яе адзінкамі, што нароўні з лексічнымі адзінкамі выступаюць у якасці будаўнічага матэрыялу, з’яўляюцца састаўным кампанентам, самастойным ярусам беларускай мовы і складаюць пэўную сістэму адзінак.

Зусім магчыма думаць, што гэта абумоўлена недастатковым узроўнем даследавання фразеалагічных адзінак беларускай літаратурнай мовы з іх сістэмнымі сувязямі

на час падрыхтоўкі акадэмічных граматык. Да гэтага варта дадаць і такую прычыну, як адсутнасць збору і лексікаграфічнай апрацоўкі і прадстаўленасці шырокім колам насельніцтва фразеалагічных адзінак менавіта беларускай літаратурнай мовы, так як першы і найбольш поўны слоўнік фразеалагізмаў у двух тамах, падрыхтаваны І. Я. Лепешавым, датуецца 1993 г., а па сутнасці другое выданне гэтага ж слоўніка, праўда, дапоўненае на 800 фразеалагічных адзінак і дэталёва дапрацаванае гэтым жа аўтарам, датуецца 2008 годам.

Відавочна і тое, што ў большай ступені, як можна меркаваць, абыход пытанняў фразеалогіі адносна граматычных норм і правіл ужывання фразеалагічных адзінак можа быць патлумачаным адметнасцю гэтых адзінак паводле структуры, нерэгулярнасці форм іх кампанентаў-лексем, своеасаблівасцю фразеалагічнай семантыкі, што не выцякае з сумы семантыкі слоў-кампанентаў, і іншымі. Асаблівая адметнасць фразеалагічных адзінак і ўвогуле фразеалогіі ў тым, што яна знаходзіцца паміж лексікай (лексемы як кампаненты фразеалагімаў захоўваюць сваю фармальную прыналежнасць да лексічнага ўзроўня сістэмы мовы) і граматыкай, пры гэтым заўважаецца, што «інтарэсы граматыкі канструкцый і тэорыі фразеалогіі перасякаюцца» [7, с. 7].

Паводле сваёй структуры фразеалагічныя адзінкі нярэдка набліжаюцца да адзінак сінтаксісу, яны могуць суадносіцца са словазлучэннямі рознага тыпу (*другая маладосць, падбіраць ключык, паўтара людскога, сам сабе, пад адкрытым небам*), з рознымі відамі сказаў (*аж толькі пяткі блішчаць, бяры вышэй, зух супраць мух, раса вочы выядае, куды вочы вядуць, хоць ікону пішы, шалёны поп хрысціў, язык адняўся*). Акрамя таго, вызначаюцца фразеалагічныя адзінкі са структурай рознага тыпу спалучэння слоў (*ад дошкі да дошкі, з парога, з-пад прылаўка, збор-дружына, з-пад іголачкі, і паранага і варанага і так кускамі, ні даць ні ўзяць, хлеб ды соль, як укопаны*). Пры выкарыстанні фразеалагічныя адзінкі ў сказе выступаюць у ролі пэўнага члена сказа, за выключэннем мадальных і выклічнікавых.

У адных фразеалагізмах, асабліва рыфмаваных, маецца прамы парадак слоў-кампанентаў (*за дзедам шведам, раз-два і гатова, тады-сяды, у абрэз*). Нязменным парадкам слоў-кампанентаў вызначаюцца нават групы адзінак, напрыкдад, фразеалагізмы-спалучэнні слоў са злучнікамі (*ні два ні паўтара, ні жывы ні мёртвы, ні бэ ні мя ні кукарэку, і ў коле і ў мяле, і туды і сюды* і інш.). Удругіх фразеалагізмах замацааны адваротны парадак слоў-кампанентаў (*да трох не гавары, раса вочы выядае, чорту рогі скруціць, як камень з сэрца звалiўся*), у трэціх можа быць то прамы, то адваротны, ці зменлівы, варыянтны парадак (*вадзіць за нос – за нос вадзіць, ні рыба ні мяса – ні мяса ні рыба, рукі не даходзяць – не даходзяць рукі*).

Як будаўнічы матэрыял сказаў фразеалагічныя адзінкі ў сказах вызначаюць самыя разнастайныя сувязі і адносіны. Адны з іх шырока спалучаюцца з іншымі словамі, другія маюць абмежаваныя спалучэнні са строга акрэсленымі словамі і нават адным словам, ці валентна абмежаваныя, і абмежаваныя толькі пэўнай канстукцыяй, ці канструктыўна абмежаваныя.

У залежнасці ад спалучальнасці з іншымі словамі нават адна і тая ж фразеалагічная адзінка нярэдка можа суадносіцца з рознымі часцінамі мовы і адпаведна выконваць розныя сінтаксічныя функцыі. Напрыклад, фразеалагізм *хоць рэпу сей* са значэннем ‘вельмі брудны’ выконвае ролю выказніка і суадносіцца з прыметнікам, але калі гэтая ж адзінка спалучаецца з назоўнікам *рукі* ці *ногі*, то яна паводле свайго граматычнага значэння суадносіцца з прыслоўем і адпаведна рэалізуе фразеалагічнае значэнне ‘вельмі брудна’.

Да месца тут будзе ўзгадаць Ф. М. Янкоўскага, якога па праву лічаць першаадкрывальнікам беларускай фразеалогіі і які яшчэ ў сямідзясятых гадах мінулага стагоддзя ў сваім грунтоўным аглядзе навуковага асвятлення пытанняў фразеалогіі беларускай мовы, па-першае, дае тэзіснае, але дакладнае вызначэнне амаль усіх аспектаў тэорыі фразеалогіі, якія пазней былі больш дэталёва і поўна разгледжаны яго пасля-

доўнікамі, па-другое, адносна нашага пытання адзначае, што “фразеалагізмы ўтвараюцца не са слоў, … а са словазлучэнняў”, што “ў кампанентахфразеалагізмаў (зрашчэнняў, адзінстваў) у той ці іншай меры аслабляецца слоўнасць”, што “«сіла» граматыкі ва ўтвораных (з пераменных словазлучэнняў) фразеалагізмах якраз аслабляецца, граматычныя адносіны паміж кампанентамі загусаюць, часам наступае застыласць гэтых адносін” [8, с.138]. Пры гэтым даследчык падкрэслівае, што пры наяўнасці ў фразеалагізмах якасцей словазлучэння “гэтыя якасці бываюць і «прытупленыя» ў большай ці меншай ступені”, а асобныя адзінкі “характарызуюцца поўнаю стратаю парадыгматычных формаў і, значыць, выразнаю ступенню адарванасці ці нават поўнаю адарванасцю ад словазлучэння” [8, с. 156].

Сапраўды, кампаненты фразеалагічных адзінак маюць слоўны характар, але ў складзе фразеалагізмаў як другасных адзінак паводле свайго ўтварэння часткова ці поўнасцю страчваюць свае семантычныя і граматычныя асаблівасці, могуць змяняць свае тыповыя граматычныя характарыстыкі, паколькі фразеалагічнае значэнне дамінуе і нават поўнасцю выцясняе значэнне асобнай лексемы-кампанента. Гэта асабліва відавочна пры аналізе фразеалагічных адзінак, паколькі ў розных тыпах фразеалагічных адзінак іх кампаненты выяўляюць граматычныя прыкметы па-рознаму. Напрыклад, прыметнікавы кампанент у фразеалагізме *зялёная вуліца* – ‘свабодны шлях, без перашкод і затрымак’, які ў свабодным выкарыстанні з’яўляецца паводле значэння якасным прыметнікам, абазначае колер, утварае ступені параўнання, дапускае выкарыстанне памяншальна-ласкальных суфіксаў, але ў складзе названай назоўнікавай фразеалагічнай адзінкі ўжо губляе гэтыя адрознівальныя рысы, а таму не адносіцца да разрада якасных, не можа ўтвараць ступені параўнання, спалучацца з памяншальна-ласкальным суфіксам (дзіўна будзе чакаць афармленне фразеалагізма тыпу *зелянейшая вуліца, зялёненькая вуліца*).

Як і назоўнікі, фразеалагізмы-субстантывы маюць катэгорыю роду, ліку, склону, адушаўлёнасці-неадушаўлёнасці. Аднак праяўленне гэтых катэгорый мае свае адметнасці ў фразеалогіі, што абумоўлена семантычнымі і структурнымі характарыстыкамі фразеалагічных адзінак. Фразеалагічныя адзінкі як другасныя намінацыі, з’яўляючыся своеасаблівымі нерэгулярнымі адзінкамі, ілюструюць пры гэтым паслядоўную рэалізацыю шматлікіх граматычных катэгорый, якія па-свойму праяўляюцца. Так, назоўнікавыя фразеалагічныя адзінкі, як і назоўнікі, маюць катэгорыі ліку, склону, адушаўлёнасці-неадушаўлёнасці, падпарадкоўваюцца дзеяслоўнаму кіраванню. Аднак менавіта назоўнікавыя кампаненты фразеалагічных адзінак надзвычай разнастайна выяўляюць свае граматычныя катэгорыі ў залежнасці ад свайго значэння, структуры, спалучальнасці з іншымі адзінакамі. Можна назіраць, як у выніку семантычных пераўтварэнняў назіраецца выразнае адрозненне адной і той жа граматычнай катэгорыі сваіх кампанентаў нават у адной і той жа адзінцы, напрыклад, кампаненты фразеалагізма *божая кароўка* са значэннем ‘жучок чырвонай, жоўтай або белай афарбоўкі з плямкамі’ маюць формы ўжывання як адзіночнага, так і множнага ліку (*божая кароўка прыляцела* і *божыя кароўкі прыляцелі*), а са значэннем ‘ціхі, бяскрыўдны чалавек, які не ўмее пастаяць за сябе’ маюць толькі форму адзіночнага ліку (*А ты, божая кароўка, памаўчы!*).

Назоўнікавы кампанент самых розных тыпаў структуры фразеалагічных адзінак можа ўжывацца як у форме адзіночнага, так і ў форме множнага ліку, ці мець поўную парадыгму ліку (*даваццa ў знакі* і *даваццa ў знак* ‘аказваць сваё ўздзеянне на каго-небудзь, станавіцца адчувальным, непрыемным, даймаючы каго-небудзь, і надоўга запамінацца’; *на думках* і *на думцы* ў каго ‘займае, захапляе каго-небудзь, з’яўляючыся прадметам разваг, меркаванняў, памераў і пад.’; *прапісная ісціна* і *прапісныя ісціны* ‘агульнавядомы, збіты выраз, неарыгінальная думка’; *сляпое кацяня* і *сляпыя кацяняты* ‘чалавек, які не разбіраецца ў тым, што адбываецца ў наваколлі’; *воляй лёсаў /лёсу* ‘зусім выпадкова, у выніку пэўных абставін (трапіць куды-небудзь, апынуцца дзе-небудзь)’; лупіць, лупцаваць і пад. *як сідараву казу* і *як сідаравых коз* ‘вельмі жорстка,

бязлітасна’ і інш.). У другіх фразеалагічных адзінках адзначаецца замацаванне назоўнікавага кампанента толькі ў форме множнага ліку (*дзівосы на калёсах* ‘штосьці неверагоднае, незвычайнае’; *закасаўшы рукавы* ‘не шкадуючы сіл, шчыра, старанна’; *сіямскія блізняты* ‘аднадумцы, блізкія ў якіх-небудзь адносінах людзі ці неразлучныя сябры’ і інш.) ці толькі ў форме адзіночнага ліку (*сённяшні дзень* ‘сучаснасць, сучаснае’; *чорны дзень* ‘былое, мінулае; тое, што прайшло’; *нябесная канцылярыя* ‘неба як месца фарміравання надвор’я’; *зладзейка з наклейкай* ці *зялёны змей* ‘гарэлка’; *злоба дня* ‘тое, што прыцягвае ўвагу, займае, цікавіць усіх у дадзены момант’; *добры інтэрас!* ‘выказванне нязгоды, неадабрэння, абурэння з якой-небудзь прычыны’) або аддаецца перавага форме адзіночнага ліку ці не рэкамендуецца ўжываць форму множнага ліку (*стрэляны верабей; стары воўк; тоўстая кішэнь/-я* і інш.).

У дзяслоўных фразеалагічных адзінках, якіх у фразеалагічным складзе беларускай мовы найбольшая колькасць, ужыванне назоўнікавага кампанента таксама выяўляе замацаванне няпоўнай парадыгмы форм ліку. Напрыклад, у фразеалагізмах *біць адбой; біць крыніцай; біць трывогу; біць чалом; біць язык аб зубы* залежны назоўнікавы кампанент ужываецца толькі ў форме адзіночнага ліку, а ў фразеалагізмах *біць байды, біць бібікі; біць лынды; біць ногі*, дзе маем адзін і той жа апорны дзеяслоўны кампанент *біць,* – толькі ў форме множнага ліку.

Розныя тыпы дзеяслоўных фразеалагічных адзінак ілюструюць поўную ў большасці і разам з тым няпоўную дзеяслоўную парадыгму ў значнай разнастайнасці і колькаснай прадстаўленасці яе рэалізацый: яны могуць мець і могуць не мець усе граматычныя формы, што абумоўлена як спецыфікай кампанентаў, так і агульным значэннем фразеалагізмаў. Напрыклад, фразеалагізм *каціцца пад адход* ‘блізіцца да завяршэння’ мае формы роду, ліку (*каціўся /кацілася /каціліся*), але выкарыстоўваецца толькі ў форме незакончанага трывання. Адны дзеяслоўныя фразеалагізмы могуць мець суадносныя трывальныя пары (*браць сваё – узяць сваё* ‘дабівацца /дабіцца жаданага, не адступаючы ад пастаўленай мэты’; *вастрыць лыжы – навастрыць лыжы* ‘збірацца, намераваца /сабрацца, намерыцца ісці, ехаць, адпраўляцца куды-небудзь’, ‘уцякаць /уцячы куды-, адкуль-небудзь’; *кідае /кінула ў жар* ‘хто-небудзь дахадзіць /дайшоў да моцнага хвалявання, да вельмі ўзрушанага стану’ і інш.), другія могуць выступаць толькі ў адной форме трывання (параўн.: *гнуцца /згінацца ў тры пагібелі* ‘празмерна ўгоднічаць, прыніжацца’; *гуляць /жартаваць з агнём* ‘дзейнічаць неасцярожна, не лічачыся з небяспекай’; *як на агні гарыць* ‘вельмі хутка рвецца, зношваецца” і *жывот да спіны прырос /прысох /прыліп* ‘хто-небудзь моцна прагаладаўся’; ‘хто-небудзь вельмі зблажэў, схуднеў’; *загавець душой* ‘памерці’; *не туды заехаць* ‘зрабіць што-небудзь не так, як трэба’ і інш.).

Нярэдка фразеалагізмы з самай рознай структурай ілюструюць застылыя формы сваіх кампанентаў, напрыклад, застылая склонавая форма назоўнікаў, калі словы-кампаненты не выступаюць у парадыгматычных формах (*па завязку* ‘поўнасцю, як толькі можна (набіць, запоўніць і пад.)’; *з плеч ды ў печ* ‘абы-як, нядбала (рабіць)’; *к ногцю* ці *пад ногаць /кіпець* ‘знішчыць, ліквідаваць, забіць’ і інш.), застылая форма дзеяслова загаднага ладу (*бяры не хачу* ‘вельмі многа, у вялікай колькасці’; *не будзь дурнем* ‘своечасова скеміўшы, як трэба паступіць, у пэўнай сітуацыі’; *бяры вышэй /падымай вышэй* ‘значна больш, чым мяркуе хто-небудзь’; *узвей-вецер* ‘легкадумны, пусты чалавек; ветрагон’ і інш.), што вызначаецца ў шматлікай групе фразеалагізмаў са структурай даданага ўступальнага сказа (*хоць касой касі* ‘вельмі многа, у вялікай колькасці’; *хоць сякеру вешай* ‘дзе-небудзь няма чым дыхаць’; *хоць ты сабак вешай* ‘хто-небудзь вельмі высокі, вялікага росту’; *хоць ты вешайся, хоць ты галавой аб сцяну біся, хоць душой загавей, хоць лажыся і памірай, хоць галавой налажы, хоць ты жывы ў зямлю лезь, хоць у пятлю лезь, хоць у труну лажыся* ‘выказванне безнадзейнасці, немагчымасці што-небудзь зрабіць, каб выйсці з крайне цяжкага становішча’ і інш.), калі маем зафіксаваную, пазбаўленую парадыгматычнасці адну форму.

У фразеалогіі нярэдка адзначаюцца закасцянелыя формы фразеалагізмаў-словазлучэнняў тыпу *адкуль ні вазьміся* ‘зусім нечакана, раптоўна, неспадзявана’ ці, напрыклад, у форме творнага склону адзіночнага ліку фразеалагізмы *адным вокам* ці *краем вока* ‘крыху, нядоўга, імгненна (глянуць, зірнуць і пад.)’; ‘спадцішка, адначасова з чым-небудзь (наглядаць за кім-небудзь, паглядаць, пазіраць на каго-, што-небудзь)’; спаць *адным вокам* ‘вельмі насцярожана, трывожна’; хоць /хоць бы *адным вокам /вочкам* глянуць, пабачыць ‘на кароткі час’; *адным духам* ‘адразу, за адзін прыём (выпіць, сказаць)’ і ’вельмі хутка (зрабіць што-н.); *адным махам* ‘вельмі хутка, адразу (рабіць, зрабіць што-небудзь)’ і інш.; архаічныя формы тыпу *абое рабое* ‘абсалютна аднолькавыя, адны не лепшыя за другіх, адзін не лепшы за другога’; *цямна вада ва облацэх* ‘незразумелае, туманнае’; *як мага* ‘вельмі хутка’; ‘у найвышэйшай ступені (рабіць што-небудзь)’, дзе апошні ілюструе былую форму кароткага дзеепрыметніка незалежнага стану цяперашняга часу жаночага роду ў назоўным склоне адзіночнага ліку’, і інш.

Як відаць, у задачы вывучэння ўзаемасувязі граматыкі і фразеалогіі, дзеяння законаў граматыкі ў фразеалагічных адзінках уваходзіць найперш выяўленне заканамернасцей дзеяння граматычных законаў у пэўных групах фразеалагізмаў і адхіленняў ад іх. Выключную ролю ў гэтым напрамку адыграе вызначаная сістэма граматычнай характарыстыкі фразеалагічных адзінак, распрацаваная І. Я. Лепешавым у яго “Слоўніку фразеалагізмаў” (2008 г.), які з’яўляецца не толькі тлумачальным, але і акцэнталагічным, арфаграфічным, сінанімічным, антанімічным і нават граматыка-стылістычным.

Такім чынам, пытанне аб узаемадзеянні граматыкі і фразеалогіі на сённяшні дзень надзвычай актуальнае і патрабуе пільнай увагі. Прыведзеныя нават паасобныя прыклады праяўлення граматычных заканамернасцей дастаткова выразна даводзяць аб іх дзеянні ў рознага тыпу фразеалагічных адзінак па-рознаму, што звязана са складанасцю арганізацыі гэтых адзінак мовы, разнастайнасцю іх структуры, суаднесенасцю з рознымі ўзроўнямі моўнай сістэмы і асабліва з адметнасцю іх семантыкі. Таму, думаецца, адпаведна ў новай граматыцы пытанні нормы фразеалогіі, нарматыўнасці ўжывання і нарматыўнай ацэнкі гэтых адзінак беларускай мовы могуць быць суаднесены з нормамі розных моўных узроўняў – лексічнымі, словаўтваральнымі, арфаэпічнымі, акцэнталагічнымі, марфалагічнымі, сінтаксічнымі і стылістычнымі, для кожнага з якіх маюцца свае ўстаноўленыя нормы. Зусім магчымымі могуць быць і іншыя спосабы вырашэння гэтага складанага пытання, але яно стаіць на павестцы навуковага вывучэння і практычнага вырашэння.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры / М. Л. Ковшова. – М. : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012. – 456 с.

2. Langlotz, A. Idiomatic creative. A cognitive-lingustic model of idiom-representation and idiom-veriation in English / A. Langlotz. – Philadelphia : John Benjamins, 2006.

3. Баранов, А. Н. Академическая грамматика через призму фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Русский язык за рубежом. – 2016. – № 3. – С. 46–50.

4. Граматыка беларускай мовы : у 2 т. – Т.1 : Марфалогія. – Мінск : Выд-ва АН БССР, 1962. – 542 с.

5. Беларуская граматыка : у 2 ч. – Ч. 1 : Фаналогія. Арфаграфія. Марфалогія. Словаўтварэнне. – Мінск : Выд-ва АН БССР, 1985. – 433 с.

6. Кароткая граматыка беларускай мовы : у 2 ч. – Ч.1 : Фаналогія. Марфаналогія. Марфалогія / навук. рэд. А. А. Лукашанец. – Мінск : Беларуская навука, 2007. – 351 с.

7. Добровольский, Д. О. Грамматика конструкций и фразеология / Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 2016. – С. 7–21.

8. Янкоўскі, Ф. М. Фразеалогія / Ф. М. Янкоўскі // Роднае слова. – Мінск : Вышэйшая школа, 1972. – С. 110–362.

Abstract. The article raises the question of the need to identify grammatical patterns, norms and deviations from them in phraseology and to include issues of phraseology in the content of grammar as a scientific guide to the effect of systematic norms, certain types, which are inherent and developed in the Belarusian literary language in relation to phraseological units, indicating the features, typical patterns, possible deviations and the presence of violations in the use of idioms as the main core of the phraseology of the Belarusian language.
Keywords: phraseology, grammar, phraseological unit, features, norm, paradigm, limitation, rigidity.

Лещинская Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор; Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины (Leschinskaya@gsu.by).

УДК 811.512’42’27’373:159.937.513

А. Н. Майзина

ЦВЕТОВЫЕ ХРОНОНИМЫ В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В работе проводится анализ лексических средств выражения времени – хрононимов, имеющих в своем составе наименования цвета. В частности, рассматриваются алтайские народные названия фаз луны в лунном календаре, названия месяцев, времени суток, времен года и календарно-обрядовых праздников. Актуальность предлагаемого исследования обусловлена недостаточной изученностью данного пласта лексики в алтайском языке.
Ключевые слова: цветообозначения, хрононимы, лунный календарь, алтайский язык, лингвокультура.

Время – одна из важных категорий человеческого бытия и сознания. Средства выражения времени являются неотъемлемой частью языковой картины мира. Одним из лексических средств выражения времени являются хрононимы. В рамках данной статьи термин «хрононимы» понимается в широком смысле. К ним мы относим народные названия отрезков времени, а также названия календарно-обрядовых праздников. Некоторые средства выражения времени частично были освещены нами ранее [1, с. 250–256; 2].

1. Цветообозначения в составе названий фаз луны в лунном календаре

В традиционной культуре алтайцев представления о луне занимают важное место, поскольку вся их жизнь связана с лунным календарем. Счет времени ведется от новолуния до новолуния. Синодический месяц делится на четыре периода, связанных с фазами луны: *айдың јаңызы* ‘период новолуния, или растущей луны’; *айдың толуны* ‘период полнолуния’; *айдың эскизи* ‘период «старой» луны, или убывающей луны’; *айдың аразы* ‘последний день убывающей луны’. В период новолуния с 1-го по 14-й дни счет ведется ежедневно по такому принципу: *айдың 1-кы јаңызы* ‘1-й день «новой» луны’, *айдың 2-чи јаңызы* ‘2-й день «новой» луны’, *айдың 3-чи јаңызы* ‘3-й день «новой» луны’ и т. д. Затем наступает фаза полнолуния, длящаяся два дня (14–15 дни). После этого луна «переворачивается» и начинается фаза «старой» луны. Отсчет времени проводится в обратном порядке, начиная с 14-го по 1-й дни: *айдың 14 эскизи* ‘14-я «старая» луна’, *айдың 13 эскизи* ‘13-я «старая» луна’, *айдың 12 эскизи* ‘12-я «старая» луна и т. д. Последний день, точнее ночь, «старой» луны, называется *айдың аразы* ‘промежуток времени между ущербной и растущей луной (букв. ‘промежуток, середина луны’)’. Исходя из этого, время в алтайской культуре подразделяется на «новое» и «старое», «положительное» и «отрицательное» [3, с. 296], т. е. то, что связано с растущей луной, олицетворяет всё хорошее, с убывающей – всё плохое. Дни «новой» луны от третьего до пятнадцатого считаются благоприятными для проведения различных благостных мероприятий (т. е. когда можно, как говорят алтайцы, «испрашивать благодать» – быйан сураар) и важных начинаний. В эти дни рекомендуется отправляться в дальний

путь, посещать целебные источники, обращаться к лекарям, проводить свадьбы и праздники, важной составной частью которых являются религиозные церемонии [4, с. 453]. Вторая фаза луны и ассоциируемое с ней увядание вводят в хозяйственную, повседневную жизнь запреты и ограничения, которые должны соблюдаться всеми. При ущербной фазе не проводят обычаи, связанные с социализацией, религиозными ритуалами. Считается, что в основу проведения обычаев, правовых действий и т. п. закрадывается скверна убывающей луны, обрекая действие на неудачу [3, с. 297].

В алтайских названиях фаз луны встречаются цветолексемы *ак* ‘белый’, *сары* ‘желтый’, *кызыл* ‘красный’ и *кара* ‘черный’. Рассмотрим их более подробно ниже.

АЙДЫҢ АК ТОЛУНЫ – полнолуние, точнее 1-й день полнолуния (букв. ‘белое полнолуние’). Приходится на 14-й день новой, или растущей, луны. Общеизвестно, что луна – это не звезда, сама по себе она не излучает свет. Сияние, которое мы видим, – это отражение солнечных лучей. Таким образом, цвет луны может меняться в зависимости от особенностей преломления солнечных лучей, атмосферных условий и положения луны относительно Земли. В фазе полнолуния луна имеет ярко-белый свет, так как ее поверхность полностью освещена солнцем. Следовательно, появление компонента *ак* ‘белый’ в составе рассматриваемого названия напрямую связано с цветом луны.

АЙДЫҢ САРЫ ТОЛУНЫ – 2-й день полнолуния (букв. ‘желтое полнолуние’), следующий после белого полнолуния день. Приходится на 15-й день новолуния. Появление компонента *сары* ‘желтый’ в составе данного термина, видимо, связано с цветовой перцепцией алтайцев. Такой она воспринимается человеческим глазом. Можно предположить, что в этот день луна смещается ближе к горизонту и солнечный свет проходит через большую часть атмосферы Земли, что приводит к изменению его цвета с белого на желтый.

АЙДЫҢ КЫЗЫЛ ТОЛУНЫ – 3-й день полнолуния (букв. ‘красное полнолуние’). Приходится на 16-й день лунного месяца, с этого дня луна начинает убывать. С одной стороны, в составе указанного термина компонент *кызыл* ‘красный’ характеризует более интенсивный цвет луны, чем накануне, т. е. на 2-й день полнолуния – *айдыҥ сары толуны*. С другой стороны, в мировосприятии алтайцев период, связанный с красным цветом, считается весьма неблагоприятным и даже опасным для жизни. У алтайцев существует поверье, связанное с последним: *Бу кӱнде кандый да јыргал ӧткӱрерге јарабас. Тӱнде базарга јарабас, не дезе, алыс ороонып јаманы Айлу-Кӱндӱ јериске чыгып, кижиниҥ сӱнезин де ала согор аргалу деп, јаандарыс айдыжат* ‘Старшие наши говорят: «В этот день никакое веселье проводить нельзя. Ночью бродить нельзя, потому что скверна темного мира, выйдя на поверхность земли (букв. ‘на землю нашу с Луной и Солнцем’), может забрать душу человека»’ [5].

В последнюю ночь «старой» луны, называемую *айдыҥ аразы* (букв. ‘промежуток, середина луны’), наступает кромешная тьма, поскольку луну невооруженным глазом увидеть невозможно. У алтайцев бытует мнение, что луну в это время могут видеть лишь собака с отметинами над глазами (с четырьмя глазами) и корова (Здесь под собакой с отметинами над глазами (с четырьмя глазами) подразумевается собака, имеющая светлые на темном фоне отметины над глазами, или бровями. Эти отметины в наивном сознании алтайцев воспринимаются за невидимые мистические глаза, обеспечивающие видение за пределами обычного зрения. В народе такую собаку называют *кӧсмӧкчи ийт* ‘собака-ясновидящая’. Считается, что такая собака может видеть духов, призрачных существ и т. п. Корову алтайцы называют *соок тумчукту мал* ‘скотина с холодным носом’. Согласно мифологии алтайцев, владыка верхнего мира Улген создал лошадь – *јылу тумчукту мал* ‘скотина с теплым носом’. Подражая ему, его младший брат Эрлик, владыка нижнего мира, сотворил корову) [4, с. 453]. Этот период считается самым неблагоприятным в лунном календаре. В представлении алтайцев, в это время на земле кишмя кишат злые духи, всякая нечисть – *кара немелер* (букв. ‘черные сущности’).

Исследователь Е. Е. Ямаева в своей работе «Астральная мифология и традиционный календарь алтайцев» вместо привычного, устоявшегося термина *айдың аразы* (букв. ‘промежуток, середина луны’) использует несколько другой термин – *АЙДЫҢ КАРАЗЫ* (букв. ‘чернота луны’) [6, с. 21]. Здесь, вероятно, она допускает мысль о том, что второй компонент данного термина может интерпретироваться не как *ара* ‘промежуток, середина’, а как *кара* ‘черный’. Это вполне логично и объяснимо, поскольку в алтайском языке слово *кара*, помимо основного значения ‘черный’, функционирует также в значениях ‘темный’, ‘плохой’. В лингвокультурологическом аспекте черный цвет в мировосприятии алтайского народа часто ассоциируется с плохим началом, с подземным миром и потусторонними силами [2, с. 117]. Однако мы склонны считать, что здесь уместнее использовать лексему *ара* ‘промежуток, середина’, поскольку речь идет о коротком промежутке времени между сменой фаз луны, т. е. между убывающей луной и растущей луной.

Кроме того, в той же работе Е. Е. Ямаева в обозначении предпоследнего, т. е. 2-го, дня убывающей луны использует термин *КЫЗЫЛ АРА* ‘красная луна’ (букв. ‘красный промежуток, середина’) [6, с. 21]. Здесь компонент *кызыл* ‘красный’, видимо, выступает в качестве определителя цвета луны, в лингвокультурологическом аспекте – для характеристики опасного периода.

2. Цветообозначения в составе названий месяцев

В алтайском языке среди названий месяцев календарного года выделяются два наименования, в которых используются цветообозначения. Одним из них является *ЧАГАН АЙ* ‘январь’ (букв. ‘белый месяц’). Слово *чаган ~ чагаан* произошло от монгольского *цагаан* ‘белый’ [2, с. 51]. Появление данного слова в алтайском языке является результатом древних этнокультурных связей алтайского народа с народом Монголии. Кроме названия месяца, цветообозначение *чагаан* встречается в названии праздника алтайского Нового года – *Чагаа-Байрам* (букв. ‘Белый праздник’). Этот светлый праздник символизирует обновление природы и человека, переход к новому астрономическому году. Отмечается он в конце января или начале февраля по лунному календарю в период новолуния. Официальная дата проведения праздника ежегодно утверждается указом Главы Республики Алтай и является нерабочим днем.

В алтайском языке весенний месяц апрель носит официальное название *кандык ай* (букв. ‘месяц кандыка’). Назван он так в честь растения *кандык сибирский*, которое начинает цвести в апреле. В народе апрель именуют также *ЧООКЫР АЙ* (букв. ‘пестрый месяц’). Обычно в апреле идет активное таяние снега. В этот период поверхность земли становится пестрой из-за того, что местами лежит снег, местами образуются проталины. Именно это обстоятельство легло в основу данной номинации.

3. Цветообозначения в составе названий времени суток

В алтайском языке существует несколько терминов – названий периодов суток, в составе которых используются цветообозначения *кызыл* ‘красный’, *сары* ‘желтый’, *бос* ‘серый’, а также *көк* ‘синий’. В основном это названия, обозначающие отрезки утра и вечера.

САРЫ ТАҢ – раннее утро (букв. ‘желтое утро’). Данный термин обозначает раннее утро перед рассветом, около 4-х часов утра, когда солнце еще не взошло. Этот период суток принято считать переходным от ночи к утру. По алтайским поверьям, в этот период еще можно столкнуться с нечистой силой, которая бродила ночью по земле и не успела скрыться. Поэтому в это время человек должен соблюдать осторожность, не шуметь, не привлекать к себе внимания. Описываемый период называется также *ачу таң* ‘раннее утро’ (букв. ‘горькое утро’) или *ачу сары таң* ‘раннее утро’ (букв. ‘горькое желтое утро’).

КЫЗЫЛ ТАҢ – раннее утро (букв. ‘красное утро’). Период, знаменующий собой начало светового дня при восходе солнца, когда заря обагряет небо. Соответственно, компонент *кызыл* в составе данного названия обозначает красный цвет солнечных лучей.

БОС ТАҢ – раннее утро (букв. ‘серое утро’). Название *бос таң* обозначает период, когда начинает светать, брезжить рассвет. Например, *Түн түгенип, бос таңда тыны чыкты Кулјыныҥ* (СС, Э, 14) ‘По прошествии ночи, в ранний час рассвета Кулдьы испустил дух’.

Следует отметить, что в современном алтайском языке лексема *бос* ‘серый’ используется редко. Можно сказать, что она практически вытеснена заимствованным из монгольского языка термином *боро* ‘серый’. Это более подробно нами было освещено в работах [1, с. 250–256; 2, с. 196–197].

БОЗОМ ТАҢ – данное название означает то же, что и *бос таң*, т. е. раннее утро (букв. ‘серое утро’). Здесь компонент *бозом* является производным от *бос* ‘серый’, образованным при помощи присоединения имяобразующего аффикса *-ом*. При этом в основе *бос* конечный *с* в интервокальной позиции озвончается. Значение термина полностью совпадает с предыдущим названием: *Бозом таң* (ЭТ, КЎ, 135) ‘Раннее утро’.

КЫЗЫЛ ЭҢИР – вечер, время захода солнца (букв. ‘красный вечер’). Этот период, знаменующий окончание светового дня, сопровождается характерным багрово-красным освещением неба над горизонтом. В лингвокультурологическом аспекте этот период считается неблагоприятным временем суток, так как с закатом солнца на земле появляются обитатели подземного мира, несущие угрозу здоровью и жизни человека [2, с. 47]. В алтайском традиционном обществе с этим промежутком времени связаны многочисленные запреты: нельзя выносить из дома молоко и молочные продукты, ходить за водой, выносить золу из дома. На закате солнца нельзя спать, так как во сне человек особенно уязвим. Этим моментом могут воспользоваться злые духи, чтобы навредить ему. В период захода солнца нельзя шуметь, кричать, свистеть, окликать человека по имени. Беспричинный плач детей, вой собак в часы «красного вечера» воспринимаются как недобрые приметы [7, с. 78]. Правила поведения человека в рассматриваемый период наглядно отражены в алтайской пословице: *Кызыл эҥирде сыгырба – сүнеҥ айрылар* ‘На закате не свисти – душа улетит’ (букв. ‘Красным вечером не свисти – душа твоя отделится’).

БОЗОМ ЭҢИР – поздний вечер (букв. ‘серый вечер’). Данный термин обозначает период, когда на улице начинает смеркаться, близится ночь. Данный термин противопоставляется упомянутому выше термину *бозом таң* ‘раннее утро’. Это обстоятельство, на наш взгляд, связано с тем, что серый цвет по своей природе считается смешанным, состоящим из белого и черного цветов. Этим определяется его нерасчлененность – способность переходить от светлого тона к темному, и наоборот. Именно по этой причине цветолексема *бозом* может характеризовать совершенно противоположные друг другу отрезки времени – раннее утро и поздний вечер, для которых характерны сумерки, полумрак.

КӦКӦ ТҮШТЕ – днем (букв. ‘синим днем’) – устойчивое сочетание. В русском языке ему соответствует выражение *средь бела дня*. Компонент *кӧкӧ* в составе данного выражения является фонетическим вариантом слова *кӧк* ‘синий’. Мы склонны считать, что конечная *ӧ* добавляется к указанной основе для удобства произношения. В составе рассматриваемого выражения компонент *кӧкӧ* выступает в качестве интенсификатора. В алтайском языке данное выражение употребляется весьма широко, например: *Бир кижиденҥ олор кемзингилебеген де, коркыгылабаган да, ол төрт малды чедендерине кийдире айдайла, кӧкӧ түште јыга чаап, согумдап алгандар* (ЈК, АЈЧ, 20) ‘Они даже не постеснялись, не побоялись одного человека, средь бела дня загнали четырех коней, завалив, закололи на мясо’; *Мындый мылтык оныҥ Аспакту јуртында кемде де јок, кӧкӧ түште от то камызала бедрезеҥ, табылбазы керегинде айткан* (БУ, ЭТ, 125) ‘Он сказал, что такое ружье в его селе Аспакту днем с огнем не сыщешь’.

4. Цветообозначения в составе названий времен года и календарно-обрядовых праздников

Многовековые фенологические наблюдения алтайцев над сезонными явлениями природы нашли отражение в ряде названий, относящихся к временам года и календарно-обрядовым праздникам. Цветовые компоненты в их составе, безусловно, характеризуют цвет природных объектов. По нашим наблюдениям, в алтайской лингвокультуре цветовыми эпитетами наделяются в основном такие времена года, как весна, лето и осень, реже – зима. Так, наиболее подходящим и привычным эпитетом осени в алтайском языке является *кӱреӈ* ‘коричневый’, ‘бурый’. Название *кӱреӈ кӱс* (*букв*. ‘коричневая, бурая осень’) в некоторой степени соответствует в русском языке понятию *золотая осень*. Например: *База ла көрзӧ, кӱреӈ кӱс једип келген, ӧзӱмдер, јалбырактар ла ӧлөӈдөр саргара берген эмтир* (НЯФЧ, 120) ‘Вдруг видят, настала золотая осень, оказывается, растения, листья и травы пожелтели’. В данном примере наглядно видно, что, несмотря на то что растения, листья и трава пожелтели, осень наделена эпитетом *кӱреӈ*, а не *сары* ‘желтый’.

Кроме того, цветолексема *кӱреӈ* в алтайской лингвокультуре ассоциируется с богатством и благодатью. В сочетании со словом *кӱс* ‘осень’ символизирует богатую дарами, благодатную осень: *«Бис экӱге соодоп, кожоӈдобой, кӱстиӈ кӱреӈ бойында арба ашты тажып, ичегенге кӱлтелеп, јакшы көп тажыыр керек», – дийт* (НЯФЧ, 124) ‘В благодатную богатую осеннюю пору, не ленясь, надо было натаскать зерна, чтобы хватило на зиму’.

В обозначении осенней поры в алтайском языке используется также наименование *алтын кӱс* ‘золотая осень’. Данный термин является калькой с русского. Наряду с ним в алтайском языке активно используется сложное название *алтын-сары кӱс* ‘золотая осень’ (букв. ‘золото-желтая осень’).

В традиционной обрядовой культуре алтайского народа с осенним периодом связано проведение календарного праздника *САРЫ-БЎР* ‘Жёлтая листва’, приуроченного к окончанию летне-осенних сельскохозяйственных работ. Праздник проводится примерно в середине сентября – начале октября в соответствии с лунным календарем. Во время праздника проводятся коллективные моления *Алтайды көдӱргени / Алтайды такыганы* ‘Восхваление Алтая’, сопровождающиеся обрядами кропления и кормления Духа Огня (От-Эне), духов-хозяев местности, Духа-Хозяина Алтая с молитвами о хорошей зимовке, с пожеланиями здоровья людям и скоту, сжиганием ритуальной пищи. По завершении молений все присутствующие приступают к коллективной трапезе [8, с. 321].

День осеннего равноденствия, приходящийся на 22 или 23 сентября, в алтайском языке называют *САРЫ ӦТКЎШ* (букв. ‘желтый проход’). Данный период символизирует переход от лета к осени. Приблизительно в это время у алтайцев проходят религиозные моления, называемые *Сары-Бӱр* (букв. ‘желтая листва’), посвященные духу-хозяину Алтая и духам-предкам [6, с. 16].

Весенне-летний период в алтайской лингвокультуре отождествляется, прежде всего, с зеленым цветом – цветом травы и листьев. Поэтому в составе названий этих периодов чаще всего встречается лексема *јажыл* ‘зеленый’: *јажыл јас* ‘зеленая весна’, *јажыл јай* ‘зеленое лето’. В этот период на Алтае проводится календарно-обрядовый праздник *ЈАЖЫЛ-БЎР* ‘Зелёная листва’. Во время этого праздника, по аналогии с праздником *Сары-Бӱр* ‘Желтая листва’, проводятся коллективные моления *Алтайды көдӱргени / Алтайды такыганы* ‘Восхваление Алтая’, приуроченные к наступлению теплого времени года и началу нового сельскохозяйственного цикла. Во время моления люди восхваляют Алтай-землю, Духа-Хозяина Алтая, духов местностей, гор, рек, прося благословения человеку, скоту на предстоящее лето. Моления совершаются в конце мая – начале июня. Перенос молений с мая на июнь обычно связан с затянувшимися весенними сельскохозяйственными работами (отгон скота на летние пастбища, вспашка поля, уборка сенокосных угодий) [8, с. 321; 9, с. 191–192].

Таким образом, в рамках исследования нами было выявлено более 15 хрононимов. В их составе отмечены такие цветообозначения, как *ак* ‘белый’, *кара* ‘черный’, *кызыл* ‘красный’, *сары* ‘желтый’, *јажыл* ‘зеленый’, *боро* ‘серый’, *күреҥ* ‘коричневый’, *көк* ‘синий’. Многие из них используются в прямом «цветовом» значении, обозначая реалии окружающего мира. Некоторые наименования, такие как *ак* ‘белый’, *кара* ‘черный’, *кызыл* ‘красный’, *күреҥ* ‘коричневый’, содержат определенную символическую нагрузку. В целом, рассмотренные хрононимы отражают особенности мировосприятия народа. В них заложены древние мифологические и религиозные представления алтайцев о времени.

Список использованных источников

1. Майзина, А. Н. Семантическая структура слов *бос ~ боро* ‘серый’ в алтайском языке / А. Н. Майзина // Языки коренных народов Сибири. – Вып. 13. – Новосибирск, 2003. – С. 250–256.

2. Майзина, А. Н. Семантическое поле цветообозначений в алтайском языке (в сопоставлении с монгольским языком) / А. Н. Майзина. – Горно-Алтайск : Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова, 2008. – 264 с.

3. Алтайцы: Этническая история. Традиционная культура. Современное развитие / редколл. Н. В. Екеев (отв. ред.), Н. М. Екеева, Э. В. Енчинов; НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 2014. – 464 с.

4. Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН: Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН. – М. : Изд-во «Наука», 2006. – 678 с.

5. Ай [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://alt.ruwiki.ru/wiki/Ай. – Дата доступа : 14.10.2025.

6. Ямаева, Е. Е. Астральная мифология и традиционный календарь алтайцев / Е. Е. Ямаева. – Горно-Алтайск : Изд-во ГУП «Горно-Алтайская республиканская типография», 2004. – 56 с.

7. Тюхтенева, С. П. Земля. Вода. Хан Алтай: этническая культура алтайцев в XX веке / С. П. Тюхтенева; Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Калмыцкий гос. ун-т». – Элиста : Изд-во «Калмыцкий гос. унт», 2009. – 167 с.

8. Алтайский этнографический словарь / редколлегия: Н. В. Екеев (отв. ред.), Э. В. Енчинов (науч. ред.), С. В. Абысова, Д. А. Аткунова, М. С. Дедина, С. Д. Дилекова, Т. В. Метреева, Э. Г. Торушев, А. Э. Чумакаев; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». – Горно-Алтайск, 2023. – 370 с.

9. Обрядность в традиционной культуре алтайцев : коллективная монография / БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова»; редколлегия: Н. В. Екеев (отв. ред.), Е. Н. Кузьмина (науч. ред.), А. А. Конунов, Н. О. Тадышева. – Горно-Алтайск : БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова», 2019. – 704 с.

Список сокращений цитируемых источников

БУ, ЭТ – Б. Укачин. Ээлӱ туулар. – Горно-Алтайск, 1971.

ЈК, АЈЧ – Ј. Каинчин. Аттарыс јаҥыс чакыда. – Горно-Алтайск, 1976.

НЯФЧ – Н. К. Ялатовтыҥ фольклор чӱмдемелдери (Фольклорные произведения Н. К. Ялатова) / составитель-переводчик, автор предисловия, исследовательской статьи и научного аппарата М. А. Демчинова; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». – Горно-Алтайск, 2017. – 160 с.

СС, Э – С. Сартакова. Эрјине. – Горно-Алтайск, 1995.

ЭТ, КӰ – Э. Тоюшев. Кӱрлер. – Горно-Алтайск, 1987.

Abstract. The work analyzes lexical means of expressing time – chrononyms that contain color names. The text discusses the Altai people's traditional names for the phases of the moon in the lunar

calendar, as well as the names of the months, times of day, seasons, and calendar rituals and celebrations. The relevance of the proposed study is due to the insufficient exploration of this layer of vocabulary in the Altai language.
Keywords: color designations, chrononyms, lunar calendar, Altai language, linguoculture.

Майзина Аржана Николаевна – кандидат филологических наук; Научно-исследовательский институт алтаистики имени С. С. Суразакова (arshana@mail.ru).

УДК 811.161.1:398.92:929*В.Н.Телия

В. А. Маслова

В. Н. ТЕЛИЯ КАК ПЕРВАЯ СКРИПКА В ОРКЕСТРЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Аннотация. В статье показана роль творческого наследия профессора В. Н. Телия, ее вклад в развитие русской фразеологии, лексикографии, лингвокультурологии. В ее работе «Русская фразеология» (1996) предложено иное описание фразеологии, чем это было принято в то время. Фразеологизмы были определены ею как одни из самых культуроносных сущностей. На ее идеях построен «Словарь образных выражений русского языка» (1995), где не только описаны значения и грамматика идиом, но и определен смысл, который не выводится из прямых значений, а, кроме того, введены сведения о типовых ситуациях их употребления. Это словарь активного типа, первый в стране и за рубежом. Новым в нем было включение в дефиницию эмоционально-оценочных отношений говорящего к обозначаемому, вводимых в виде помет «одобр.», «пренебр.» и др.
Ключевые слова: русская фразеология, лексикография, лингвокультурология, культурная коннотация, культуроносные сущности.

Вероника Николаевна обладала редкой красотой и мощным умом, научной смелостью, твердым характером. Но при всех названных ее достоинствах – она любила мир, людей, своих учеников и друзей, всегда помогала им. Была необыкновенно теплым, духовным человеком.

В начале ноября этого года Веронике Николаевне исполнилось бы 95 лет. Это гениальный лингвист, фразеолог, поставивший фразеологию с головы на ноги, основатель лингвокультурологии как нового направления в лингвистике. Она внесла огромный вклад в развитие общей и русской идиоматики, в изучение ее вариативности и тождества; теории косвенной номинации; фразеологической лексикографии; в исследование языковых механизмов экспрессивности; ею введен термин «культурная коннотация», который плодотворно используется в современной фразеологии и лингвокультурологии.

Все мы помним словарь А. И. Молоткова [1], который будучи предельно простым изначально, был несколько улучшен при коллективном авторстве (В. П. Жуков, А. И. Федоров и др.) и используется до сих пор [2]. Не умаляя достоинств новых словарей, вышедших в последние 30 лет, обратимся к первому словарю, редактором, вдохновителем и исполнителем которого была Вероника Николаевна. Это «Словарь образных выражений русского языка» [3]. В нем не только описаны значения и грамматика, но и определен смысл, который не выводится из прямых значений, кроме того, вводятся сведения о типовых ситуациях их употребления: *заварить кашу* – создать своими действиями сложную и неприятную ситуацию (помета – неодобр.), часто это необдуманные действия, в которые вовлекается большое количество людей. Названный словарь – это словарь активного типа, первый в стране и за рубежом. Новым в нем было включение в дефиницию эмоционально-оценочных отношений говорящего к обозначаемому. Эти пометы были ранее в словарях,

но использовались хаотично. Наиболее последовательно использовались в словаре Д. Н. Ушакова (одобр., неодобр., презр. и др.) [4]. Впервые в словаре под ред. В. Н. Телия пометы даны как **часть значения, как его коннотация**. Впервые фразеологические единицы рассматривались в трех измерениях – было показано, что значение зависит от того, высказывается ли это о третьем лице, об участнике диалога или о самом говорящем. Например: *Он вставляет мне палки в колеса* – жалоба, *Ты вставляешь мне палки в колеса* – упрек, *Я вставляю ему палки в колеса* – хвастовство, т. е. в словаре использована я-ты-он- грамматика. Уже этого было достаточно, чтобы имя В. Н. Телия осталось в истории лингвистики. Но это далеко не все.

Еще в 1986 г. В. Н. Телия создала проблемную группу единомышленников-ученых, разделяющих ее взгляды на фразеологию, которая называлась «Общая фразеология и компьютерная фразеография» (с 1995 – это «Общая фразеология и язык культуры»). Итогами работы группы стали монографии «Фразеография в Машинном фонде русского языка» [5] и «Макет словарной статьи для Автоматизированного Толково-идеографического словаря русских фразеологизмов. Образцы словарных статей» [6] и др.

Возникшая в 90-е годы лингвокультурология, связанная прежде всего с именем В. Н. Телия и представителями ее школы (М. Л. Ковшовой, И. Зыковой и др.), не просто исследует взаимодействие языка и культуры, но учитывает знания о человеке, его сознании, мышлении, обществе, в котором он живет, т. е. лингвокультурология изучает и описывает корреспонденции языка, сознания и культуры человека в их взаимодействии.

Лингвокультурология возникла и развивалась как особый анализ фразеологических единиц, которые считаются ценнейшим источником сведений о культуре и менталитете народа, в них как бы законсервирована культура – мифы, легенды, обычаи, ритуалы. По словам В. Н. Телия, – это «самый культуроносный компонент языка в действии» [7, с. 19].

Следовательно, здесь активно взаимодействуют язык и культура. Они являются наиболее **культуроносными сущностями**. Это позволило В. Н. Телия заявить, что семантику фразеологизма нельзя исследовать без привлечения культурных знаний.

Фразеология всегда актуальна: до сих пор лингвокультурная и когнитивно-семантическая сущность фразеологических единиц (далее – ФЕ) открыта для лингвистического осмысления.

Если В. М. Мокиенко и его школа при изучении национально-культурной специфики фразеологизмов делают акцент на их историко-этимологическом анализе, то главный акцент подхода В. Н. Телия в другом – она дает определение **лингвокультурологии** как части этнолингвистики, которая являет собой «изучение и описание корреспонденции языка и культуры в **синхронном** их взаимодействии» [8, с. 217–218]. Она считает, что при выявлении культурно-национальной специфики фразеологизма вскрывается культурно-национальная коннотация.

В. Н. Телия продемонстрировала нам, что фразеологизмы – «зеркало жизни нации». Фразеологизмы, образные основания которых идут из глубины веков, образуют двойную связь с культурой – «сама их внешняя форма – это уже язык культуры …, с одной стороны, а с другой – этот образ осознается и интерпретируется носителями данного языка в соответствии с их культурной компетенцией» [7, с. 22].

Во фразеологизмах заложено всё:

1. Литература, фольклор: *кисейная барышня, лебединая песня, путевка в жизнь, по щучьему велению, тише воды – ниже травы.*

2. Национально-культурные обычаи: *отставной козы барабанщик* ‘человек, не заслуживающий внимания, уважения, почитания’ – в старину была распространена забава: водили медведя, которого сопровождал пляшущий мальчик, наряженный козой; мальчику, создавая ритм, бил в барабан человек + *отставной* – уничижение – ‘никчемный, да еще и в отставке’.

3. Христианские верования (позднее хорошо исследованы В. М. Мокиенко): *хождение по мукам* ‘тяжелые жизненные испытания, которые долго длятся’ – восходит к верованиям христиан в хождение умерших в течение 40 дней после смерти, когда им показывают и рай, и ад, где мучаются грешники.

4. Фразеология является кладовой реликтовых явлений, в которой можно найти различные аспекты эволюции различных аспектов языка (*от аза до ижицы, на ять* и др.); сведения об истории народа (*как Мамай прошел, казанская сирота* и др.). Во фразеологизмах содержатся знания о традиционном порядке совершения обрядовых действий, связанных с крупными событиями в жизни человека – свадьбами, похоронами, календарными событиями, а также правила традиционного поведения в определенных ситуациях: *бабушка надвое сказала, к чертовой бабушке, как в воду смотрел, ни дна ни покрышки.* Например, обычай клясться землей породил несколько ФЕ: *чтобы сквозь землю провалиться, готов сквозь землю провалиться* (желание скрыться от стыда), *есть землю* (клятва, сейчас в воровском жаргоне). Фразеологизмы *ни волоска не пропало* (нет ни малейшей потери), *ни один волос с головы не упадет* (кто-то будет в полной безопасности) отражают суеверия, что волосы, ногти надо беречь, ибо по ним легче всего навести порчу на человека. Их раньше всю жизнь собирали, а затем клали в гроб.

5. Этикетные действия отображены в таких фразеологизмах, как *милости просим, бить челом, прийти к шапочному разбору, не поминай лихом, с легким паром, не солоно хлебавши, снимать шляпу, ломать шапку* (шапка на Руси, как и у многих других народов, была не только видом одежды, но и символом независимости).

6. Многие фразеологизмы настолько многогранны, что обслуживают сразу несколько областей: *куры не клюют* – богатство и просто количество, *три короба* – количество и болтливость.

Кроме фразеологизмов, культуроносными сущностями являются также мифологизированные языковые единицы: архетипы и мифологемы, обряды и поверья, ритуалы и обычаи, закрепленные в языке; паремиологический фонд языка; эталоны, стереотипы, символы; речевое поведение; область речевого этикета; коды культуры; концепты культуры; ценности культуры. Однако обозначенный нами список объектов исследования в лингвокультурологии не представляется нам окончательным и неизменным, он может быть продолжен, здесь указаны лишь основные.

В. Н. Телия задалась вопросом, насколько универсальны фразеологизмы и насколько они национально-специфичны? Думается, что как явление языка – универсальны, но поскольку ФЕ – душа языка, а следовательно, душа народа, они национально-специфичны. Например, мы видим разные внутренние формы у эквивалентных ФЕ русского и белорусского языков: *дух ды пятух* (‘о бедном человеке’) = *в карманах вошь на аркане*; *ветрам таргаваць* (‘бездельничать’) = *глотать ветер*; *асёл маляваны* (‘о глупом’) = *олух царя небесного*; *кату па пяту* (‘низкорослый’) = *от горшка два вершка*; *у жываце салаў’і спяваюць* (‘о голодном’) = *кишки марш играют* и под.

Таким образом, фразеологизмы, по Ф. И. Буслаеву, – своеобразные микромиры, это душа всякого национального языка, в которой неповторимым образом манифестируется дух и своеобразие нации. Фразеологические единицы всегда обращены на субъекта, т. е. возникают они не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение. Именно это отличает фразеологизмы и метафоры от других номинативных единиц. Фразеологизмы как явление языка требуют культурной интерпретации, в которой можно выделить несколько уровней. Согласно учению В. Н. Телия, восприятие ФЕ осуществляется сквозь призму **базового культурного знания человека**, которое основано на архетипических формах осознания и моделирования мира.

Список использованных источников

1. Фразеологический словарь русского языка : свыше 4 000 словарных статей / сост.: Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров. – М. : Советская энциклопедия, 1967. – 544 с.

2. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. /сост. А. И. Фёдоров. – М. : Цитадель 1997. – Т. 1 : А–М.– 391 с.; Т. 2 : Н–Я.– 396 с.

3. Словарь образных выражений русского языка /авт.-сост.: Т. С. Аристова, М. Л. Ковшова, Е. А. Рысева [и др.] ; под ред. В. Н. Телия. – М. : Отечество, 1995. – 366 с.

4. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Рус. словари, 1994. – Т. 4 : С–Я. – 754 с.

5. Телия, В. Н. Компьютерная фразеография и ее концептуальные оппозиции / В. Н. Телия // Фразеография в Машинном фонде русского языка / под ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1990. – 205 с.

6. Телия, В. Н. Предварительные замечания / В. Н. Телия, Д. О. Добровольский // Макет словарной статьи для Автоматизированного Толковоидеографического словаря русских фразеологизмов. (Образцы словарных статей) / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Ин-т языкознания АН СССР, 1991. – 52 с.

7. Телия, В. Н. Культурно-языковая компетенция, ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка / В. Н. Телия // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Языки славян. культуры, 2004. – С. 19–30.

8. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Abstract. This article explores the role of Professor V.N. Telia's creative legacy and her contribution to the Russian phraseology, lexicography and cultural linguistics development. Her work, “Russian Phraseology” (1996), offers a different description of phraseology than was common at the time. She defined phraseological units as the most culturally significant entities. Her ideas underpinned the “Dictionary of Figurative Expressions in the Russian Language” (1995), which describes not only the meanings and grammar of idioms but also defines meanings beyond their literal meanings and introduces information about typical situations in which they are used. This is an active dictionary, the first in the country and abroad. The Innovation was the inclusion of the speaker’s emotional and evaluative attitudes toward the designated word, introduced in the form of the labels “approval”, “disparagement”, and others.

Keywords: Russian phraseology, lexicography, cultural linguistics, cultural connotation, cultural entities.

Маслова Валентина Авраамовна – доктор филологических наук, профессор; Витебский государственный университет имени П. М. Машерова (mvavit@tut.by).

УДК 811.161.1’42’37:159.937.513:398.91

О. А. Мещерякова

ОЦЕНОЧНАЯ СЕМАНТИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В РУССКОЙ ПОСЛОВИЦЕ И ПОГОВОРКЕ

Аннотация. Семантика оценки является жанрообразующим фактором функционирования пословицы и поговорки. Анализируя семантику цветообозначения в паремиях, фиксирующих характеристику внешности человека, мы определяем, с какими оценочными смыслами соединяются колоративные.

Ключевые слова: русская пословица и поговорка, компонент-цветообозначение, оценочная семантика.

Пословицы и поговорки входят в золотой фонд русского фольклора. Их короткие формулы фиксируют богатейший опыт нашего народа. Так, В. И. Даль в первую очередь ценил их за то, что они дают образец «житейской народной правды», представляют собой «своего рода судебник, никем не судимый» [1, с. 14]. Великий филолог называет короткие речения «судебником», потому что они часто выражают оценку людям и событиям, о которых говорят.

Современная лингвофольклористика, давая дефиницию пословицы, также нередко упоминает ее оценочное содержание как жанрообразующий фактор, например, согласно мнению О. Б. Абакумовой, пословица – это «культурно-значимое **оценочное** суждение» [2, с. 59].

«Оценка – это языковая категория, выражающая отношение говорящего к объекту действительности в зависимости от того, насколько удовлетворены его потребности, желания, интересы или цели» [3, с. 138].

Семантика оценки чаще всего представлена двумя полюсами: «хороший» – «плохой», т. е. предполагается разграничение положительной и отрицательной оценки [4, с. 12]. При этом объектом оценивания может быть и человек, и предмет, и процессы, и отдельные факты, события. На этом оновании возникает необходимость классифицировать типы оценки. К примеру, современному русскому языку присущи такие типы оценки, как количественно-эмоциональная, морально-этическая оценка, качественная, эмоциональная, оценка интеллектуальных данных, эстетическая, утилитарная [5, с. 47]. Их присутствие в стилистических разновидностях языка отличается, например, считается, что типов оценки, представленных в языке классической литературы, меньше, чем в собственно языке [Там же].

«Тексты, разные по стилю и содержанию, различаются и по способам выражения в них оценки», – констатирует «Стилистический энциклопедический словарь русского языка» [6, с. 141], в связи с чем анализ категории оценки важно осуществлять на примерах разных текстов, в том числе фольклорных, где субъектом оценки выступает коллективный автор – народ.

В рамках современной лингвистики внимание к оценочной семантике русской пословицы и поговорки часто проявляет лингвокультурология, которая осуществляет «реконструкцию национальной картины мира, выявление этнокультурных стереотипов, изучение динамики культурных ценностей» [7, с.16].

В лингвоцветоведении как одном из сегментов лингвокультурологии важно изучить, какую роль в выражении семантики оценки играет входящее в структуру пословицы или поговорки цветообозначение, какой тип оценки оно выражает. Значимость этой проблемы обусловлена тем, что цветообозначение, по определению имея цвет в качестве денотата, тем не менее семантически богаче и «далеко не всегда можно решить, где кончается денотативное и начинается коннотативное» [8, с. 44].

Согласно наблюдениям М. Н. Перфиловой, «русские пословицы и поговорки включают в себя множество цветообозначений, относящихся к основным группам цветового тона» и служат для именования красного, белого, чёрного, серого, жёлтого, зелёного, коричневого, а также смешанных тонов [9, с. 89].

Одним из цветообозначений, в семантику которого входит сема ‘приятный для восприятия’, является лексема *алый*, о чем была сложена пословица: ***Алый цвет*** *мил на весь свет*. В. И. Даль отмечал в лексикографической статье, посвященной слову *алый*: «Говорят более о предметах и о **цвете приятном**, почему и милого друга зовут *аленьким дружком*» [10]. Еще один пример, когда положительный оценочный смысл в слове входит в семантическое ядро слова, – лексема *румяный*, что также замечено В. И. Далем: «Румяный, вообще яркого, но нежного, **приятного** алого цвета» [Там же].

Как правило, положительная оценочная семантика лексемы *алый* актуализируется в тех паремиях, где описывается внешность человека.

При этом цветообозначение, имеющее значение ‘самого густого цвета розы’, нередко сопрягается с лексемой *белый* в значении ‘светлый’, и оба колоратива используются для выражения оценки красоте человека, а в представление о ней входит цвет кожи (*Краше цвету* ***алого, белее*** *снегу белого*), а также цвет ее легкого опушения (***Алый*** *цвет по лицу расстилается,* ***белый*** *пух по груди рассыпается*).

В объективации семантики положительной оценки лексема *румяный* так же, как *алый*, сочетается с другими колоративами, в частности, с *белым*: ***Бела, румяна*** *– ровно кровь с молоком*.

Цветообозначения *алый – белый, румяный – белый*, употребляемые в одном словесном ряду, тем не менее имеют разную природу семантики оценки.

Примеры свидетельствует о том, что оценочная семантика колоратива:

1) может быть изначально присуща слову, входить в его основное значение;

2) может быть дополнительной и обусловленной контекстом употребления.

Говоря о парадигматических связях цветовых слов, отметим, что синонимом слову *румяный*, описывающему внешность человека, является лексема *красный*. Она имеет по меньшей мере два лексико-семантических варианта (ЛСВ), один из которых – ‘цвет’, а другой – собственно оценочный ‘о доброте, красоте: красивый, прекрасный; превосходный, лучший’. В некоторых случаях употребления явно прослеживается реализация одного из ЛСВ. Так, в пословичной формуле ***Красна****, как маков цвет* сравнение с цветком алого цвета (*как маков цвет*), скорее, говорит об употреблении лексемы в русле цветовой семантики. Часто в контексте паремий происходит одновременная актуализация двух ЛСВ (т. е. и ‘красивый’, и ‘красный’), в силу чего отграничить один вариант от другого не представляется возможным, например: ***Красная*** *девка в хороводе, что маков цвет в огороде*; *Рад, как дурак* ***красной*** *шапке.* Семантическая диффузность обогащает семантику цветолексемы, усиливая ее образность. В результате потенций семантической контаминации формируются основы для языковой игры, когда две лексемы *красный,* встречаясь в одной паремии, взаимодействуют в цвето-оценочной семантике. *Глупому мужу* ***красная*** *жена дороже* ***красного*** *яйца.* Здесь *красная жена* – ‘румяная, красивая’, *красное яйцо* – ‘покрашенное в красный цвет, пасхальное, красивое’.

Оценочная семантика цветового компонента паремии может развиваться, углубляться семантически и / или обретать дополнительную стилистическую окраску.

Так, *белый, румяный* и т. п. имеют высокую положительную оценку, потому что цвет связан с представлением о женской красоте. Этот гендерный аспект семантики оценки присутствует, к примеру, в поговорочных формулах – сравнительных оборотах с компонентом *белый*: ***Бела****, как колпица, как лебедь*.

Другой пример. При описании мужчины положительная оценочность в семантике корня *румян-* может нейтрализовываться, вступать во взаимодействие с существительным *румяна* и в таком варианте использоваться в ироничном значении: *Не надо ему* ***румян****, он и так* ***румян***. Стилистическая окраска как бы подчеркивает иную оценку, потому что для мужчины румяность кожи воспринимается как нечто избыточное. При использовании существительного *румянец* ироничный оттенок употребления может усиливаться и перерастать в язвительно-насмешливый, саркастический: *Экой красавец – под носом* ***румянец****, во всю щеку лишай!*

Рассмотренные паремии с цветовыми компонентами *алый, белый, румяный, красный* составляют группу, где цветовой признак выделяется в человеке. Его цвет лица и волос нередко связывается с представлением о красоте, и на этом основании колоратив реализует семантику положительной эстетической оценки. Она не существует сама по себе, а обязательно соотносится с эстетической нормой, принятой в данном этносе. Поэтому выражение семантики оценки с помощью цветообозначения-колоратива базируется на основе определенного культурного стереотипа, сложившегося в определенных условиях жизни этноса, а также продиктованного его привычками и обычаями.

Так, за цветом лица, волос скрывается еще и представление о том, является ли этот цвет признаком «своего» или «чужого». Например, славянам более свойственен русый цвет волос. Не случайно он был самым «упоминаемым» цветом (*волосом рус*) еще «в новгородских кабальных книгах, содержавших портретные характеристики заемщиков [11, с. 347]. Русый цвет волос, в отличие от черного или рыжего, воспринимается как «соответствующий своему», поэтому в поговорке ***Руса*** *коса до шелкова пояса* положительная оценка дается не только длине женских волос, сплетенных в косу, но и цвету. Это свидетельствует о том, что на формирование семантики положительной оценки колоратива большое влияние оказывало представление о цвете как составляющей образа этнокультурного стереотипа. Он особенно явственно проявляется в пословице ***Русы*** *волосы сто рублей, буйна голова – тысяча, а всему молодцу и цены нет*. Примечательно и то, что поговорочной формулы-сравнения для русых волос не существует, в то время как есть для рыжих: ***Рыжий, как*** *огонь.* С помощью сравнения поясняется цветовой тон, а такое знание нужно, если цвет «чужой». На основании подобной семантики оценка, связанная с цветом волос, разнится. Если о русых волосах в паремиях говорится положительно, так как он «свой», «наш», то о других – отрицательно. Это чаще всего касается *рыжего*, иногда – *черного* цвета волос.

Соответствующее цветообозначение имеет в своей семантике отрицательную оценку, которая определяет содержание всей пословицы, например: ***Рыжему*** *во святых не бывать*, где *рыжий* включает сему ‘греховный’.

Кроме того, в русскокультурной среде есть представление о том, что люди с темным цветом глаз могут навести порчу, т. е. обладают способностями ведьмы или колдуна. Это еще один аспект семантики «чужого», «ненашего», что определяет семантику отрицательной оценки колоратива в пословице *Избави нас, боже, от лыса, коса,* ***рыжа*** *и кривоноса*! Примечательна форма императива, употребляемая в данной пословице. Повеление обусловлено стремлением к защите от опасности. В языковом плане императив появляется там, где цветообозначение, помимо общей оценочной семантики, имеет еще и сему частной оценки – ‘опасный’. Подобная закономерность проявляется и в другой пословице: ***Черный*** *глаз,* ***карий*** *глаз – минуй нас*! Разные цветовые оттенки оказываются в смысловом плане близки за счет семантики опасности.

Необходимо также заметить, что эстетическое в восприятии цвета кожи или волос ценится не само по себе, а как «базовая ценность физического бытия» [12, с.15]. В этом случае цветовые признаки соотносятся с представлением о здоровье / нездоровье. Так, белый цвет кожи новорожденного должен иметь особый светлый оттенок, который свидетельствует о здоровье. Это подчеркивает формула сравнения, в которой новорожденный уподобляется белому сыру: *Родился сын, как* ***белый*** *сыр*. Цветообозначение *белый*, включающее сему положительной оценки здоровья, актуализируется при описании источников питания, влияющих на формирование белой кожи: *С калачика личико, хоть дрябло, да* ***бело****, а со ржанухи – словно дубленое*. Утрата здоровья в связи с возрастом также не раз была ключевой для выбора колоратива или для выражения идеи изменения цвета в целом. Например: *Алеет, поколе молодеет* (покуда молод); *станет стариться, побуреет.* Как видим, семантика возраста как ключевая для смыслообразования этой паремии формирует контекстуальное противопоставление *алеет – побуреет*, а вместе с ним – оценочную семантику, так как оценка «плюс» или «минус» дополняется семой ‘жизненное время’ и определяется ею: *алеет* имеет положительную оценочность, связанную с молодым возрастом, *побуреет* – отрицательную, обусловленную старостью.

В аспекте взаимосвязи семантики оценки и семантики жизненного времени человека примечательна цветовая пара *белый – бледный*. В парадигме языка ее вполне уместно рассматривать как синонимическую, так как оба колоратива указывают на светлый цвет кожи: *белая кожа – бледная кожа*. Однако в поговорках эти цветообозначения имеют разную оценочную семантику: *белый* – положительную, *бледный* – отрицательную, так как бледный цвет воспринимается как нездоровый, отсюда и сравнение: ***Бледен,*** *как смерть.*

Отрицательная оценочная семантика также актуализируется с помощью лексемы *бледный*, когда речь идет не только о физическом, но и о психологическом нездоровье: *Что красен? Жениться хочу. Что* ***бледен****? Да женился.* При этом *красный* выступает синонимичной парой *румяному* и одновременно – антонимичной парой *бледному*. Языковая игра, основанная на использовании парадигматических связей цветообозначений, придает каждому из них ироничный оттенок, наполняя фразу «здоровым» юмором.

Имплицитно представленная оценочная семантика цветового компонента в описании внешности не всегда связана только с эстетической оценкой или оценкой физического состояния здоровья. Нами отмечается еще и социальный аспект содержания пословицы с цветовым компонентом в описании внешности, который возникает на основе представления о стандарте социальной ситуации. Так, пословица *Осенью работник* ***краснеет****, а хозяин* ***бледнеет*** воссоздает перифрастически сцену расчета между хозяином и работником, когда каждый ее участник имеет свой цвет лица. Лицо работника в результате его долгого пребывания на солнце во время уборки урожая становится загорелым. Процесс длительного изменения цвета кожи обозначен как *краснеет*. Лицо хозяина, когда он должен расплатиться за проделанную работу с наемным работником, изменяется от испытываемого чувства жадности, когда не хочется расставаться с деньгами. Поэтому *бледнеет* в качестве дополнительного значения имеет сему ‘жадность как причина изменения цвета лица’ и соответствующую отрицательную оценку субъекта цвета, а *краснеет* – сему ‘изменение цвета в силу длительной работы’ и соответствующую положительную оценку субъекта цвета.

В пословице ***Белые*** *ручки чужие труды любят* цветообозначение *белый* связано с представлением о цвете кожи человека, который избегает грязной работы, а потому его руки остаются чистыми. Отрицательная оценочная семантика эпитета *белый* опосредована социальной ситуацией.

Таким образом, анализ цветового компонента в составе русских пословиц и поговорок, фиксирующих внешность человека, показал, что семантика одних колоративов может включать в свое ядро оценочные смыслы, в других же случаях оценочность является продуктом контекстного истолкования содержания цветообозначения. Однако и в том, и в другом случае оценка базируется на двух полюсах: «хороший» – «плохой». Чаще всего с помощью колоратива выражается эстетическая оценка, касающаяся представлений о красоте. Вместе с тем на ее содержание влияет и многое другое, например то, как в цвете проявляется физиологическое и психологическое здоровье человека, его «положение» на шкале «свой» – «чужой». Особое место в формировании оценочности колоронима закреплено за социальным аспектом.

Список использованных источников

1. Даль, В. И. Напутное / В. И. Даль // Пословицы русского народа : сборник в 2-х т. – Т. 1. – М. : Художественная литература, 1989. – С. 5–22.

2. Абакумова, О. Б. Оценочность и способы ее выражения в пословицах (на материале русских и английских пословиц о правде) / О. Б. Абакумова // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2018. №3 (80) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/otsenochnost-i-sposoby-ee-vyrazheniya-v-poslovitsah-na-materiale-russkih-i-angliyskih-poslovits-o-pravde. – Дата доступа : 10.10.2025.

3. Данилова, Р. Р. Категория оценки как способ выражения антропоцентризма в лингвистике / Р. Р. Данилова // Филология и культура. Philology and Culture. – 2011. – № 23. – С. 137–139.

4. Акмалова, В. Ю. Семантика оценочных прилагательных в немецком и русском языках / В. Ю. Акмалова, В. Д. Калиущенко // Сопоставительное изучение германских и романских языков и литератур : материалы XXIII Межрегиональной студенческой научной конференции. – Донецк, 2025. – С. 12–14.

5. Крылова, М. Н. Динамика категории оценки в русском языке (на материале сравнительных конструкций) / М. Н. Крылова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2016. – Том 2. № 2. – С. 45–55.

6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. – 2-е изд., стереотип. – М. : Флинта: Наука, 2011. – 696 с.

7. Верзилова, А. А. Некоторые особенности семантики фразеологических единиц с общим значением оценки в русском языке / А. А. Верзилова, А. А. Хуснутдинов // Вестник ИвГУ. – 2017. – № 3. – С. 15–17.

8. Стернин, И. А. Оценочность слова в языке и речи / И. А. Стернин // Исследования по семантике. Выпуск 15 / Гайсина Р. М. (ответственный редактор). – Уфа : БашГУ, 1990. – С. 43–51.

9. Перфилова, М. Н. Колоративы как способ передачи народного опыта в пословицах и поговорках / М. Н. Перфилова // Вестник НовГУ. – 2014. – №77 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/kolorativy-kak-sposob-peredachi-narodnogo-opyta-v-poslovitsah-i-pogovorkah. – Дата доступа : 13.05.2024.

10. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля : в 4 т. / под ред. И. А. Бодуэна-Де-Куртенэ / 3-е изд. – СПб.; М. : Т-во М.О. Вольфъ, 1903. 1744 стб. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.culture.ru/lectures/dictionaries. – Дата доступа : 15.10.2025.

11. Крамкова, О. В. Цвет светлых волос: способы номинации и оценочная семантика / О. В. Крамкова // Пушкинские чтения – 2025. Художественные стратегии классической и новой словесности : материалы XXX Международной научной конференции. – СПб. : Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2025. – С. 345–354.

12. Карасик, В. И. Щедрость как ценность русской лингвокультуры / В. И. Карасик // Общая и русская лингвоаксиология : коллективная монография / М. С. Милованова (отв. ред.), К. Я. Сигал, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, Б. И. Фоминых, Н. А. Боженкова, Л. М. Гончарова, А. Н. Матрусова, Р. Р. Шамсутдинова; ИЯз РАН, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина. – М. – Ярославль : Издательство «Канцлер», 2022. – С. 14–39.

Abstract. The semantics of evaluation is a genre-forming factor in the functioning of proverbs and sayings. By analyzing the semantics of color designation in proverbs that record the characteristics of a person’s appearance, we determine what evaluative meanings are associated with color.

Keywords: Russian proverb and saying, color-designation component, evaluative semantics.

Мещерякова Ольга Александровна – доктор филологических наук, доцент; Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (lameo56@yandex.ru).

УДК 811.161.1’373.2’373.612.2

В. М. Мокиенко

О НОВИЗНЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ: ПРАКТИКА ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема хронологической относительности понятия и термина «неологизм». Границы неологии во многом зависимы от конкретного языкового материала, избираемого для характеристики фразеологической неологии определенного периода. Принимая за основу определение неологизма, предложенное Н. З. Котеловой и принятое в академической лексикографии, составители «Идеографического словаря русской фразеологической неологии» учитывают его относительность, демонстрируя это «ретроспективными» контекстными иллюстрациями.

Ключевые слова: неологизм, фразеологический неологизм, фразеология, фразеологизм, перифраза.

Исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда (проект №23-18-00141 «Идеографический словарь русской фразеологической неологии: динамика языка и мышления», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Наши гостеприимные хозяева из Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, как всегда, предложили нам разнообразное научное меню под кодовым названием «Актуальные проблемы славянской фразеологии и паремиологии». В проблемном поле конференции – и библеизмы, и взаимодействие своего и чужого, и сенсорика, и темпоральность, и искусственный интеллект, и даже (не боюсь этого слова) фразеологические и паремиологические **девиации**… Каждый из нас, выбирая тему на такую знаковую конференцию, так или иначе связывает ее со злободневной проблематикой, которая в данный момент решается в его университете или институте.

И нами, постоянными участниками Гомельских форумов, петербургскими фразеологами и паремиологами, сегодня хочется без всяких девиаций отчитаться перед собравшимися об одном из наших проектов, срок которого истекает уже в декабре этого года. В русле академической традиции нами давно решается один из основополагающих вопросов неографии – **проблема хронологических границ новой фразеологии**. С какого периода считать фразеологические единицы новыми?

Разброс ответов на этот вопрос в мировой лексикографии очень широк: от языковых единиц одного года (или даже – «однодневок») до столетнего периода. Критическому обзору этой проблематики и дискуссий на данную тему было посвящено специальное заседание одного из Конгрессов славистов, отраженное в специальной монографии [1]. Естественно, что представители Ларинской лексикографической и фразеологической школы здесь отстаивали диалектический принцип хронологизации, сформулированный составителями отечественных послевоенных словарей («ежегодников» и «десятилетников») неологизмов. Лапидарно этот принцип сформулирован Н. З. Котеловой в энциклопедии «Русский язык»: «Неологизмы – слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке или использованные один раз (окказионализмы) в каком-либо тексте или акте речи. Принадлежность слов к неологизмам (например, *приватизация, чёрный ящик, луноход*) является свойством относительным и историчным» [2, с. 262–263].

Характерно, что в этой комплексной дефиниции термина «неологизм» есть определенный отход от принципа, сформулированного тем же автором в предисловиях к выпускам серии русской неологики под ее редакцией. «Определения неологизма по денотативному признаку (как обозначающих новые реалии) или стилистическому (сопровождающихся эффектом новизны) не охватывают всех неологизмов, а определение неологизмов как слов, отсутствующих в словарях, не опирается на присущие неологизмам особенности» [2, с. 263]. Известно, что ранее Н. З. Котеловой и группой ее сотрудников и последователей термин «неологизм» определялся именно прагматически. Для русской неологической лексикографии, организованной на основе концепции Ю. С. Сорокина и Н. З. Котеловой, давно уже характерен лексикографический подход: слово или фразеологическая единица (далее – ФЕ), не зарегистрированные в предыдущих словарях (особенно толковых), считаются новыми [3; 4; 5]. В этом же русле – развернутое определение С. И. Алаторцевой: «Новыми в литературном языке N-го периода времени могут быть признаны слова, значения и сочетания, представляющие собой как новообразования данного периода, так и внешние и внутренние заимствования в нем, а также слова и сочетания, вновь ставшие актуальными в указанный период». Автор этого определения справедливо подчеркивает, что оно «основано на представлении о многосторонней относительности понятия “новое”, на понимании неологизмов как социально-исторической категории» [6, с. 16].

Разумеется, такое общее, классическое для отечественной неографии определение термина «неологизм» может диалектически конкретизироваться для «ежегодников», составляемых последователями Н. З. Котеловой. Так, в одном из последних из них задача описания неологизмов, очерченных однолетним периодом, определяется следующим образом: «Новыми для авторов издания считаются слова, значения, сочетания

и выражения, появившиеся в СМИ и в интернете в исследуемый год и не зафиксированные ранее в словарях русского языка и неологической базе данных группы Словарей новых слов Института лингвистических исследований, формирующейся по инициативе создателя неографического направления Н. З. Котеловой в 1965 г.» [7, с. 3]. Как видим, дух исходной концепции неологики здесь сохранен, а «буква», т. е. конкретный хронологический диапазон описываемого материала, конкретизируется заданными рамками такого описания. Следовательно, составители разных словарей неологизмов могут исходить из общего понимания неологики, выработанного отечественной лексикографией, а хронологические рамки описания определять в зависимости от его конкретных целей.

Опора на отечественную концепцию неографии стала основой и для составления нашего специализированного словаря русских фразеологических неологизмов. При этом, естественно, возникла проблема **хронологической дистанции** описываемого материала. Понятно, что фразеологические «ежегодники» и даже «десятилетники» были бы не слишком репрезентативными и мало в чем смогли бы дополнить словники соответствующих академических выпусков. Вот почему в нашем первом экспериментальном бесконтекстном словаре «Новая русская фразеология» [8] хронологические границы описываемого материала определены в границах его описания в отечественной академической неографии, т. е. – от первого «Словаря новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов) [9] до последних (к тому времени) «десятилетников» и «ежегодников». Фразеологический материал этих источников был значительно дополнен.

Такой подход к материальной основе «Словаря русских фразеологических неологизмов» может показаться формальным. Однако, при всей его относительности, он имеет и свой объективный raison d’ẽtre. Ведь если продолжить хронологическую «стратификацию» отечественных выпусков неографии, то логическим продолжением серии «ежегодников» и «десятилетников», по замыслу Н. З. Котеловой, были «тридцатилетники» (из которых пока опубликован только один [10]), отражающие уже более масштабный языковой и общественный срез.

Эта несколько модернизированная идея и была положена в основу алфавитного «Словаря русских фразеологических неологизмов (конец 80-х гг. XX в. – 2000–2020 гг. XXI в.)» [11], выполненного при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00214 «Человек и общество в зеркале новой русской фразеологии» (рук. проекта В. М. Мокиенко, составители: Е. В. Генералова, В. М. Мокиенко; при участии А. Д. Еськовой, О. В. Раиной, Н. А. Росовой). СРФН был разработан как словарь-«однопоколенник», т. е. проект, описывающий тот набор языковых единиц, которые отражают лексический и фразеологический запас, известный одному поколению, начиная с 50-х годов XX века до 20-х годов века нынешнего. В СРФН, с учетом опыта Ларинской и академической школы отечественной лексикографии, было предложено системное описание около 4 тысяч новых русских фразеологических единиц, появившихся с конца 50-х–начала 60-х годов прошлого века до 2021 г. в художественной литературе, актуальной прессе или других средствах массовой информации. Задачей этого словаря (размещенного в открытом доступе на сайте http://phraseoseminar.slovo-spb.ru/fkkomslav.htm) была максимально полная характеристика русских фразеологизмов в широком хронологическом диапазоне, т. е. от первых фиксаций устойчивых словосочетаний, не зафиксированных в конце 50-х – начале 60-х гг., но получивших фиксацию в первых выпусках «ежегодников» и «десятилетников» под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина, и до последних выпусков НРЛ, открывающих начало 3-го десятилетия XXI века. Выбор широкого отрезка времени позволяет составить полноценную идеографическую характеристику группы ФЕ, обладающих признаками новизны у носителей языка старшего поколения или рождающихся в речи младшего поколения [12, с. 139].

Тем самым **хронологический диапазон** предлагаемого словника нашего идеографического словаря – **последнее семидесятилетие** со всеми отсюда вытекающими

языковыми последствиями. Такой подход соответствует одному из основополагающих принципов Ларинской лексикографии – принципу полноты [13]. В Предисловии к нашему «Словарю русских фразеологических неологизмов (конец 80-х гг. XX в. – 2000–2020 гг. XXI в.)» этот подход всесторонне обосновывается, а сами материалы этого словаря, как кажется, его полностью подтверждают.

Составители попытались максимально использовать новые технические возможности пополнения «материальных ресурсов» нашей интернетной эпохи. Материал был существенно дополнен на основе основного и газетного подкорпусов Национального корпуса русского языка, корпусов устной речи и других интернет-ресурсов.

Полная выборка фразеологизмов была произведена и из всех академических «десятилетников» и «однолетников». В результате количество описанных в Идеографическом словаре новых фразеологизмов составило около 9 000, т. е. более чем в два раза превысило словник алфавитного словаря; было значительно увеличено и количество контекстов, в результате чего «Идеографический словарь» превысил по объему Алфавитный не менее чем в два раза. Описанный составителями корпус новой фразеологии иллюстрируется контекстными эксцерпциями из произведений практически всех современных писателей и публицистов, фамилии которых внимательный читатель найдет после контекстных иллюстраций, так же как и названия периодических изданий самых разных территорий и лет. Прилагаемый к Словарю список сокращений отражает это многообразие источников. В нем содержатся материалы около 900 русскоязычных СМИ и 800 интернет-ресурсов самого разного типа.

Разнообразие источников, в частности, стало причиной и некоторого технического разнобоя в подаче их сокращений. Изначально составители ориентировались на список сокращений, предложенный академическими «десятилетниками» (сравн. объемистый список к последнему из них [14]. Однако новые материалы потребовали внесения в этот список множества новых сокращений и более точной их идентификации. При этом восстановление точной паспортизации материалов из разных источников оказалось невозможным из-за разницы в подходах к их оформлению. Именно поэтому в «Идеографическом словаре фразеологических неологизмов» прежде всего даны ссылки на использованные словари. Так, в словаре перифраз А. Б. Новикова [15] фамилии журналистов-авторов иллюстративных контекстов не называются, и восстанавливать их не представлялось возможным. Поэтому в «Идеографическом словаре» для такого рода единиц использованы сокращения и подача материала, соответствующая лексикографическому первоисточнику. Например:

КРЫЛАТАЯ *МАШИНА*. *Публ.* О самолёте. – СПРЯ-04, 152.

В ОКБ имени А. Яковлева создан новый 6-местный самолет, принадлежащий к классу так называемых деловых *крылатых машин*. Як-58 – самолет деловых людей. // Изв. 30.01.1991.

Аналогичным способом составители воспроизводили систему сокращений академических «однолетников», где также фамилии авторов публикаций не указывались, а хронологическая информация лапидарно отсылалась к указанию на год соответствующего выпуска. Поскольку точное указание датировки и других данных в таких случаях оказалось затруднительным, мы воспроизводили их по первоисточнику. Например:

КИНУТЬ СВОЮ *ДОЛЮ* *на кого/ Разг.* Переложить, передать свою работу. – НРЛ-87, 308.

Другой, прослуживший год («черпак»), курил на «дискотеке». «Дискотекой» в шутку называют мойку в солдатской столовой – она и вправду похожа: надо сотни «пластинок» – тарелок перемыть. Это трудная работа. А он *кинул свою долю* на новичка. КП 25.11.

***КОЛЕСО* ВЕРТИТСЯ ВПУСТУЮ.** *Неодобр.* О бессмысленной, не приносящей результата работе. – НРЛ-89, 129.

Нужен научный анализ, точный прогноз развития событий. А этого как раз не всегда удается добиться. Другая проблема – как сделать, чтобы *колесо не вертелось впустую*. Важно внести конструктивные предложения, но еще более важно добиться их реализации. Пр. 26.6.

ВПЕРЕДИ *ПАРОВОЗА* (идти, бежать). *Разг.* Опережая кого-, что-л.; с опережением. Опережать что-л., действовать преждевременно. – НРЛ-87, 186; НСЗ-80, 69.

Самостоятельное субсидирование разработок позволит идти им «*впереди паровоза*», что увеличивает риск, но повышает конъюнктурные возможности. Нельзя дальше терпеть субсидирование науки из обезличенных «ведомственных кормушек». Пр., 15.10.

Так же, как и при подаче перифраз, вновь найденные контекстные иллюстрации паспортизируются нами более точно. Понимая, что такой подход может создать впечатление технического разнобоя, мы в то же время видим в нем и преимущество: читатель легко обнаружит наши дополнительные материалы по сравнению с соответствующими неологизмами в академических выпусках:

Ромка работал где-то в НИИ на должности незначительной, которая везде называлась «за старшего, *куда пошлют*» В. Черевков. В ожидании полнолуния.

При всем стремлении составителей «Идеографического словаря фразеологических неологизмов» к унификации источников, читатель обнаружит некоторый разнобой в их подаче, обусловленный именно их разнообразием. Тем не менее, в целом, как кажется, относительная унификация авторами была соблюдена, что нашло отражение и в прилагаемом списке Сокращений.

С учетом широкого хронологического диапазона описываемого словарем материала и в зеркале новых поступлений и фиксаций в НКРЯ была выявлена некоторая **диалектическая относительность неологичности материала**. Оказалось, что довольно большáя часть фразеологизмов, фиксируемая нашими предшественниками в неологических «ежегодниках» и «десятилетниках», употреблялась в русском литературном языке и раньше, хотя и далеко не всегда фиксировалась в словарях соответствующего периода. Вот несколько характерных примеров, где первое употребление «неологизма» можно отметить не менее чем за полвека до его фиксации в академических словарях неологизмов:

***СОТРЯСЕНИЕ* ВОЗДУХА.** *Разг., Ирон.* О не достигшем цели выступлении кого-л., о пустых, бесполезных разговорах, шумных обещаниях, мнимых угрозах. – НРЛ-89, 277.

Ср. Напротив того, встречаясь с эклектиком, она рискует услышать одно бессодержательное *сотрясение воздуха* [М. Салтыков-Щедрин. Сочинения Я. П. Полонского (1869)].

НЕ ТО *СЛОВО.* *Разг.* О том, что слишком слабо выражает суть явления или переживания. – НРЛ-87, 256.

– Волнуешься? – спросил Гвоздев. – *Не то слово,* – шумно выдохнул Потапов, – трясет, как комбайн в забое. А ты как себя чувствуешь? Г. Кувитанов. Подземная высота (НС, 9).

Ср. – Вы простили им, дедушка? – Простил – это *не то слово*, Верочка. Первое время был как бешеный [А. И. Куприн. Гранатовый браслет (1911)].

Иногда такая хронологическая граница значительно превышает даже вековой диапазон:

НЕ ЕГО (МОЙ, ВАШ и т. д.) ***ДЕНЬ.*** *Разг.* О времени чьих-л. неудач, невезения. – НРЛ-82.

Ср. Ежели съ перваго свиданія нечестно выдешь, то сія потеря невозвратна; понеже обыкновенно первая аудіэнціа многимъ не удается, изъ чего и пословица произошла: нынѣ *не мой день* [С. С. Волчков. Придворной человѣкъ [перевод книги Грациана с французского] (1742)].

В *ПРИЯЗНИ* *у кого. Книжн.* О чем-л. пользующемся популярностью, симпатиями кого-л., нравится кому-л. – НРЛ-87, 218.

Ср. Приятелей своих и человеколюбцев надлежит любить и удерживать вечно *в приязни*, исправлять их разум и недостатки, защищать их живот, здравие, имение,

честь и славу от вреда и все сие делать для них столько ж почти, как и для себя; беспристрастных людей и озлобившихся на нас по причине неприятелей надобно приводить к себе в приязнь благодеянием и удовольствием, а злобящихся на нас без причины, по малоумию, неприятелей – истолкованием их ошибки и по мере их приязни делать им добро [Я. П. Козельский. Философические предложения (1768)].

Такие случаи составителями нашего идеографического словаря постоянно фиксировались и контекстуально квалифицировались.

Перед составителями нашего проектного словаря в таких случаях вставала задача: оставлять ли в словнике соответствующие фразеологизмы, квалифицируя их как неологемы, или же не следовать за неологической диагностикой академических ежегодников и десятилетников? Несмотря на некоторую амбивалентность такой задачи, мы чаще шли по второму пути, т. е. принимали квалификацию таких фразеологизмов нашими предшественниками – создателями академических словарей русской неологики. Ведь большинство из приводимых выше «несоответствий» неологическому статусу, тем не менее соответствует определению неологизма, сформулированному Н. З. Котеловой и ее последователями: в толковых словарях конкретного периода такие обороты, как правило, не были зафиксированы. Этот же квалификационный принцип мы применяли и к другим фразеологизмам, которые ранее употреблялись в устной речи, просторечии и жаргоне, но не были описаны нормативными словарями доперестроечного периода. Такие фразеологизмы в «Идеографическом словаре фразеологических неологизмов» обычно даны с пометой *Актуализ*.

При всей опасности переоценки собственно неологического статуса регистрируемых в словарях современной неологики слов и оборотов здесь принцип максимализма описания важнее осторожной минимализации, чреватой «принципиальным» усечением динамического языкового материала из корпуса неологики. Такой подход вытекает из упомянутого выше принципа системности и лексикографической полноты, разработанного Б. А. Лариным.

Лексикографирование новой русской фразеологии, как видим, требует особого подхода как к отбору описываемого материала, так и к его словарной обработке. Актуальны такие вопросы, как хронологические границы фразеологических неологизмов, связи их с устойчивыми словесными комплексами различного типа (например, составными терминами), максимальное и минимальное число контекстных иллюстраций, служащих основанием для составления словника, необходимость включения диахронических комментариев и др. Именно решение таких проблем, как кажется, приблизило составителей проектного словаря к решению его главной концептной задачи – определению специфики русской неофразеологической картины мира по сравнению с картиной лексической. Более того, в зеркале предлагаемого словаря сделана попытка отразить доминанты мышления современного общества. Насколько эта попытка удалась – судить Читателю.

Список использованных источников

1. Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 3. Frazeologia. Redakcja naukowa Walerij Mokijenko i Harry Walter. – Universität Greifswald – Instytut für Slawistik, Universytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. Opole, 2008. – 527 s.

2. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : «Большая Российская энциклопедия»; «Дрофа», 1997. – 703 с.

3. Котелова, Н. З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов / Н. З. Котелова // Новые слова и словари новых слов. – Л. : Наука, 1978. – С. 5–26.

4. Котелова, Н. З. Теоретические аспекты лексикографического описания неологизмов / Н. З. Котелова // Советская лексикография. – М. : Энциклопедия, 1988. – С. 46–63.

5. Алаторцева, С. И. Проблема неологии в истории русской лексикографии / С. И. Алаторцева // Новые слова и словари новых слов. – Л. : Наука, 1990. – С. 96–101.

6. Алаторцева, С. И. Проблемы неологии и русская неография : автореф. дисс. ... доктора филол. наук / С. И. Алаторцева. – СПб. : РАН, Институт лингвистических исследований, 1999. – 40 с.

7. Новое в русской лексике. Словарные материалы–2020 / сост. Е. С. Громенко, А. Ю. Кожевников, Н. В. Козловская и др.; ред. коллегия: А. С. Павлова, М. Н. Приемышева (отв. ред.), Ю. С. Ридецкая. – СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – 486 с.

8. Мокиенко, В. М. Новая русская фразеология / В. М. Мокиенко. – Uniwersytet Opolski : Instytut Filologii Polskiej. – Opole, 2003. – 168 с.

9. Словарь новых слов русского языка (середина 50-х–середина 80-х годов) / Рос. АН, Ин-т лингв. исслед.; [Е. А. Левашов и др.]; под ред. Н. З. Котеловой. – СПб. : «Дмитрий Буланин», 1995. – 876,[1] с.

10. Словарь новых слов русского языка (середина 50-х–середина 80-х годов) / Е. А. Левашев, Г. Н. Поповцева, С. И. Алаторцева, Т. Н. Буцева и др.; под ред. Н. З. Котеловой; РАН: Институт линвистических исследований. – СПб. : «Дмитрий Буланин», 1995. – 877 с.

11. Словарь русских фразеологических неологизмов (конец 80-х гг. XX в. – 2000–2020 гг. XXI в.). Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00214 «Человек и общество в зеркале новой русской фразеологии». (Рук. проекта В. М. Мокиенко, составители: Е. В. Генералова, В. М. Мокиенко; при участии А. Д. Еськовой, О. В. Раиной, Н. А. Росовой) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://phraseoseminar.slovo-spb.ru/fkkomslav.htm.

12. Мокиенко, В. М. Старое новое и новое новейшее (к проекту «Большого словаря русских фразеологических неологизмов») / В. М. Мокиенко // Неология. Неография. 2021 : сборник научных статей / отв. ред. Н. В. Козловская. – СПб. : ИЛИ РАН, 2022. – С. 132–142.

13. Мокиенко, В. М. Принцип лексикографической полноты и славянская фразеография / В. М. Мокиенко // Славянская филология. Вып. VIII. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. – С. 56–70.

14. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов. – Т. 1–3 / Т. Н. Буцева (отв. ред.), Е. А. Левашов, Ю. Ф. Денисенко, Н. Г. Стулова, Н. А. Козулина, С. Л. Гонобоблева; Ин-т лингвистических исследований РАН. – СПб. : «Дмитрий Буланин», 2009–2015.

15. Новиков, А. Б. Словарь перифраз русского языка / А. Б. Новиков. – 2-е изд. – М. : Русский язык, 2004. – 224 с.

Abstract. The article is devoted to the chronological relevance of the concept and term neologism is discussed. The granites of non-science are largely dependent on the particular language material chosen to characterize the phraseological non-science of a certain period. Based on the definition of neologism proposed by N.Z. The authors of the “Ideographic dictionary of Russian phraeological neology” take into account its relativity by illustrating it with “retrospective” contextual illustrations.

Keywords: neologism, phraeological neologism, phraeology, phraeology, periphraseology.

Мокиенко Валерий Михайлович – доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (mokienko40@mail.ru).

УДК 811.161.1’373

Е. Ю. Муратова

СВОЕОБРАЗИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологизмы с точки зрения их происхождения. Утверждается, что во всех европейских языках, в том числе и в русском, много латинских фразеологизмов, которые в разной степени адаптировались к русскому языку. Приводятся и анализируются некоторые библейские выражения, а также русские фразеологизмы, связанные с языческими верованиями славян и с православной религией.

Ключевые слова: фразеологизм, латинские заимствования, библейские выражения, русская фразеология.

Фразеология как самостоятельная дисциплина оформилась сравнительно недавно, поэтому до настоящего времени в этой области существуют спорные вопросы: границы фразеологии, критерии в определении фразеологизмов, их устойчивость, проблема разграничения свободных и связанных значений слов и др.

Своеобразие фразеологических оборотов проявляется в языке в разных аспектах: в семантике, тематике, происхождении, лексико-грамматической структуре. Это пословицы, поговорки, цитаты, афоризмы, фразеологические словосочетания, сравнительные конструкции, устойчивые обороты, которые придают нашей речи выразительность, яркость и красоту. Как писал Ф. И. Буслаев, фразеологизмы – это своеобразные микромиры, они включают в себя «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [1, с. 37].

Хотя практически все области фразеологии уже изучены достаточно хорошо, тем не менее мы хотим рассмотреть фразеологизмы с точки зрения их происхождения. Во фразеологии любого развитого народа присутствует как общечеловеческие, универсальные, так и культурно-национальные черты. Общечеловеческие признаки складываются во многом из общей культуры, истории, религии. Так, во всех европейских языках, в том числе и в русском, много латинских фразеологизмов: ***Terra incognita*** – *Неизведанная земля*. ***Veni, vidi, vici*** – *Пришёл, увидел, победил.* ***Post scriptum (postscriptum) (сокр. P. S.)*** – *После написанного*, означает приписку в конце письма: послесловие. ***Si vis pacem, para bellum*** – *Хочешь мира, готовься к войне.* ***Primus inter pares*** – *Первый среди равных.* ***Omnia mea mecum porto*** – *Всё моё ношу с собой.* ***Scio me nihil scire*** – *Я знаю, что ничего не знаю.* ***Memento mori*** – *Помни о смерти.* ***Per aspera ad astra*** – *Через тернии к звёздам,* то есть через трудности к достижению цели. ***O sancta simplicitas!*** – *О, святая простота!* ***Manus manum lavat*** – *Рука руку моет.* ***Homo proponit, sed deus disponit*** – *Человек предполагает, а Бог располагает.* ***Panem et circenses*** – *Хлеба и зрелищ.* ***Fiat lux*** – *Да будет свет!* ***In vino veritas*** – *Истина в вине.*

Многие из них настолько «вросли» в нашу повседневную жизнь, что мы не только не знаем об их латинском происхождении, но даже не замечаем этого. *Знание – сила. Жизнь коротка, искусство – вечно. Пока дышу – надеюсь. Через тернии – к звездам. Неизвестная земля. Человек разумный. Повторенье – мать ученья. В здоровом теле здоровый дух. Платон мне друг, но истина дороже. Конец – делу венец.*

К латинским устойчивым выражениям примыкают христианские фразеологизмы. Христианские фразеологизмы – это устойчивые выражения, укоренившиеся в языке благодаря библейским текстам и религиозным традициям: *блаженны нищие духом, альфа и омега, в огонь и в воду, глас вопиющего в пустыне, грехи молодости, да будет свет* и др. Рассмотрим подробнее библейский фразеологизм *блудный сын*.

Притча о блудном сыне – это притча Иисуса Христа в 15-й главе Евангелия от Луки, метафорически раскрывающая Божье милосердие ко всем грешникам, которые с искренним раскаянием обращаются к Нему. Героями притчи являются отец, олицетворяющий Отца Небесного, старший (праведный) сын и младший (блудный) сын, отступивший от Бога и сейчас вопиющий к Нему о прощении. Притча о блудном сыне находится в центре того понимания гуманности, которую проповедовал Иисус Христос: о грехе и покаянии, о доверии и спасительной любви к ближнему. Последняя картина гениального голландского художника Рембрандта ван Рея «Возвращение блудного сына» также посвящена этой библейской притче. Эта картина о человеческом пути к самопознанию, самоочищению и духовному росту, которые приходят ценой потерь и страданий. Войдя в родной дом, сын, больной и обессиленный, падает на колени перед отцом, который склоняется к нему, полный любви и милосердия.

«Возвращение блудного сына» Рембрандт написал в последние годы своей жизни, когда уже был старым, нищим, больным стариком. В это же время его постигла страшная

трагедия – от чумы умер его единственный сын Титус. Преодолеть свое горе и страдания ему помогла лишь работа над картиной «Возвращение блудного сына». Рембрандт словно спроецировал себя на место отца в библейском сюжете, который имел счастье обнять своего ребенка. Художник без всякого заказа написал эту огромную картину. Он словно подводил итог своему жизненному и творческому пути, передавая себя на суд высшему милосердию и миру.

Аналогично возник фразеологизм *Кто безгрешен, пусть первым бросит в нее камень*. В Евангелии от Иоанна в главе 8: «Тут книжники и фарисеи привели к Нему женщину, взятую в прелюбодеянии, и, поставивши ее посреди, Сказали Ему: Учитель! эта женщина взята в прелюбодеянии; А Моисей в законе заповедовал нам побивать таких камнями: Так что скажешь? Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь к обвинению Его… Он восклонившись сказал им: кто из вас без греха, первый брось на нее камень…Они же, услышавши то и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим…» [2].

И говорят Ему: «Она / Была в грехе уличена / На самом месте преступленья. / А по закону мы ее / Должны казнить без сожаленья; / Скажи нам мнение Свое!» / И на лукавое воззванье, / Храня глубокое молчанье, / Он нечто – грустен и уныл – / Перстом божественным чертил! / И наконец сказал народу:/ «Даю вам полную свободу / Исполнить древний ваш закон, / Но где тот праведник, где он, / Который первый на блудницу / Поднимет тяжкую десницу?» (А. Полежаев).

В русском языке очень много фразеологизмов, связанных с языческими верованиями славян и с православной религией: *Не всегда коту Масленица. Бережёного Бог бережёт. Бог шельму метит. В тихом омуте черти водятся. В чужой монастырь со своим уставом не ходят. Дорого яичко к пасхальному дню. Заставь дурака Богу молиться – он и лоб расшибёт. Кто рано встаёт, тому Бог подаёт. На Бога надейся, а сам не плошай. Не Бог горшки обжигает. Не всё коту масленица, бывает и великий пост. Не так страшен чёрт, как его малюют.*

В. Н. Телия пишет, что фразеологический состав языка – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [3, с. 65]. Пословицы и поговорки отражают практически все составляющие жизни народа: бытовые детали, природу, погоду, окружающий животный мир, традиции, религиозные верования, моральные ценности. Например, большая группа паремий раскрывает нам быт русского народа, т. е. что ели, пили русские люди, какие были предметы мебели, на кого охотились, какую одежду и обувь носили, какую рыбу ловили. И это главным в пословицах не является, главное – та мудрость, которую они несут, но «из песни слова не выкинешь», все – сказки, былины, песни, паремии – рождаются не в вакууме, а в реальной народной среде, т. е. важную роль во фразеологизмах играет денотативный компонент, который содержит указание на сферу материальной культуры. Приведем некоторые примеры: *У кого хлебушко, у того и счастье. Хлеб-соль кушай, а правду слушай. Хоть хлеб с водою, зато милый с тобою. Баба с возу – кобыле легче. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Взялся за гуж – не говори, что не дюж. Воду в ступе толочь – вода и будет. Всяк сверчок знай свой шесток. Всякое лыко в строку. Где дрова рубят, там и щепки летят. Готовь сани летом, а телегу зимой. Два медведя в одной берлоге не живут. За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь. Каждый кулик своё болото хвалит. Кашу маслом не испортишь. Красна изба не углами, а пирогами. Ложка дёгтя в бочку мёду. Лучше синица в руках, чем журавль в небе. На безрыбье и рак – рыба. Не в свои сани не садись. Не хлебом единым жив человек. Обжёгся на молоке – дует на воду. Одна ласточка не делает весны. Первый блин – комом. Пуганая ворона и куста боится.*

Из этих пословиц мы многое узнаем о быте русичей: ели хлеб, блины, сыр, кашу, масло, рыбу, мед; их окружали предметы бытовой жизни: сани, телега, ступа, бочка, ложка, шесток; вокруг были разные животные и птицы: журавль, синица, ворона, заяц, медведь, волк, кобыла.

Важное значение имеет само формирование фразеологизмов. В. А. Маслова пишет: «Сначала в мире возникает некая прототипная ситуация, т. е. ситуация, соответствующая буквальному значению фразеологизма, например, человек, поскользнувшись, сел на калошу. За ней закрепляется содержание, которое затем переосмысливается, т. е. формируется образ фразеологической единицы на основе первичных значений слов в прототипной ситуации. Именно эти первичные слова оставляют в образе свой след. Именно эти первичные слова оставляют в образе свой след. Так возникает внутренняя форма (ВФ), в которой и содержится основная информация, связанная с культурой» [4, с. 84].

В качества примера рассмотрим формирование устойчивого выражения *аты-баты*. Возможно, его сложно назвать фразеологизмом, но это устойчивое, распространенное и повторяющееся в русском языке сочетание: *Аты-баты, шли солдаты. Аты-баты, на базар. / Аты-баты, что купили? Аты-баты, самовар* и т. д. Вот какое объяснение его возникновения предлагает В. Сундаков. Словосочетание «аты-баты» – сокращения от старорусских, ныне подзабытых названий ступней ног! Ступня левой ноги мужчины называлась в старорусском – «халтых» с ударением на А. Поэтому халтурить – значит делать что-нибудь налево или по-левому – кое-как. Ступня же правой ноги мужчины называлась «балтых». Вместе они, в значении идти, и есть «халтых-балтых». Сейчас буквы ХА в русском языке нет. Поэтому в упрощении «х-алты-х»-«балты-х» звучит «аты-баты». Кроме того, в русской православной традиции положено было понятие «ходить» начинать со слова, обозначающего ту часть правой ноги, которую следовало первой выбрасывать вперед – то есть «балтых-халтых». Отсюда слово «бултыхать», «бултыхаться» – плескать воду подъемами, то есть ступнями ног. Отсюда же русское «болтаться» – ходить туда-сюда [5, с. 95].

Таким образом, с точки зрения происхождения фразеологизмы очень разнообразны. Это латинские заимствования, библейские выражения, исконно русские фразеологизмы, каждый из которых несет свою семантику, историю, образность, наглядность и информативность.

Список использованных источников

1. Буслаев, Ф. И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные / Ф. И. Буслаев. – М. : Русский язык, 1954. – 178 с.

2. Библия, Евангелие от Иоанна, 1998.

3. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки славянской культуры, 1996. – 288 с.

4. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 203 с.

5. Сундаков, В. Тайны русского языка : конспект лекций Русской Школы Русского языка / В. Сундаков. – М. : Издательство АСТ, 2024. – 576 с.

Abstract. This article examines phraseological units from the perspective of their origin. It is argued that all European languages, including Russian, contain many Latin phraseological units, which have been adapted to varying degrees into the Russian language. Several biblical expressions are cited and analyzed, as well as Russian phraseological units associated with Slavic pagan beliefs, the Orthodox religion, and various religious understandings of the world.

Keywords: phraseological unit, Latin borrowings, biblical expressions, Russian phraseology.

Муратова Елена Юрьевна – доктор филологических наук, профессор; Витебский государственный университет имени П. М. Машерова (mouratova@tut.by).

УДК 811’42’37:159.937.513:398.92(=131.1):398.92(=111)

М. Н. Николаева

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОЛОРОНИМОМ «ЗЕЛЕНЫЙ» В ИТАЛЬЯНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологизмы с колоронимом *verde* в итальянском и *green* в английском языке. Сопоставительный анализ фразеологизмов с колоронимом «зеленый» в неродственных языках показал, что в них отражается как универсальный культурный опыт, так и национально-специфичный, основанный на истории, культуре, обычаях и традициях отдельной нации.

Ключевые слова: фразеологизм, колороним зеленого цвета, национальный опыт, культурная память, итальянский и английский языки.

Изучение цвета и его оттенков постоянно привлекает внимание, о чем свидетельствует возросшее количество исследований, посвященных цвету в разных областях знания и в разных языках. Сегодня существует тенденция сравнивать и сопоставлять языковые единицы с дополнительной опорой на положения нового направления в лингвистике – лингвокультурологии [1, с. 43]. Предлагаемое исследование содержит сопоставительный анализ фразеологизмов с колоронимом зеленого цвета в итальянском и английском языках с учетом лингвокультурологического метода.

Для обозначения цвета в лингвистике используются языковые единицы, известные как термины цвета, цветонаименования, цветообозначения, цветолексемы, лексемы цвета, колоремы, колоративы, колоронимы. Все названные языковые единицы являются не только средством отражения цвета и оттенков предметов окружающей среды, но и «средством эмоциональной оценки и выражения субъективного видения действительности» [2, с. 284]. В разных культурах за цветом закрепилось символическое значение. Следует добавить, что лексика цвета способна наглядно отображать историю, обычаи и образ жизни определенного народа. «Влияние цвета на человека проявляется в непосредственном физическом воздействии на него и в порождении ассоциаций, возникающих как результат накопленного носителями языка опыта» [3, с. 262–263].

Накопленный за многие века национальный опыт ярче всего проявляется во фразеологизмах, являющихся настоящей сокровищницей народной мудрости, метких и образных выражениях [4]. «Фразеологизмы являются порождением национальной культуры в виде экспрессивных знаков языка, ярко и образно выражающих оценочность и эмоциональное отношение к происходящему, отражающие ценностно значимые смыслы» [5, с. 99].

Фразеологическое пространство любого языка составляют фразеологизмы, или устойчивые выражения, пословицы и поговорки. В итальянском языке они известны как *modi di dire, espessioni, proverbii* и *detti*, а в английском – это *idioms, set-expressions, proverbs* и *sayings*. Все эти языковые единицы являются одной из форм образного выражения культурной памяти социума [6, с. 691], отражением «системы ценностных координат» как отдельной личности, так и всей нации [7, с. 98].

Основное, базовое, значение колоронимов часто совпадает в разных языках, однако их употребление в переносном смысле в качестве компонента фразеологизмов и актуализируемые в них коннотации могут быть разными в зависимости от исторического и культурного опыта носителей языка. Любой колороним сообщает фразеологизму дополнительный смысл, интерпретация которого зависит от индивидуального или коллективного знания, культурной памяти народа.

Колороним «зеленый» присутствует во всех языках; в итальянском языке он выражен лексемой *verde.* Происхождение данного колоронима в итальянском языке связывают с латинским словом *vĭrĭdis*, которое восходит к и-е. **ghar-* и **ghvar-* (=verde,

giallo), с др.-верх.-нем. *gruoni*, от которого происходит современное *grün* в немецком языке [8, с. 1046]. В латинском языке *vĭrĭdis* имеет несколько значений: 1) зеленый (как цвет травы или ящерицы); 2) зеленый, покрытый зеленью (холм, возвышенность); зеленеющий, покрытый растительностью (например, гора); 3) молодой, свежий (о цвете сыра); 4) юный; цветущий (о молодости); 5) крепкий, бодрый (о старости; юности и молодости); 6) сильный, могучий (лев); 7) мощный, звучный (о звуке) [9].

В английском языке для обозначения зеленого цвета используется лексема *green*. Значение колоронима «зеленый» связано с обозначением цвета растущей травы и зеленеющей растительности *green of the colour of growing herbage, verdant* [10, с. 201]. Лексема *green* в древних германских языках восходит к протогерманскому слову *ʒrōnjaz / grōnaz. Корневая морфема ʒrō- присутствует в др.-англ. словах græs, gærs (ново-англ. *grass* ‘трава’, *greening* ‘озеленение’), grōwan (ново-англ. *grow* (расти), *growth* (рост) [11, с. 159]. В др.-англ. языке колороним зеленого цвета встречается в форме *grēne* в значении *fresh, young, unripe, immature* (‘свежий, молодой, несозревший, незрелый’).

В течение долгого времени зеленый воспринимался как что-то изменчивое, недолговечное: детство, любовь, удача, случай, деньги. Затем он становится цветом природы, весны, свободы, а позднее – еще и цветом здоровья, спорта и экологии. Мишель Пастуро, говоря об историческом пути зеленого цвета в Западной Европе, подчеркивает мысль о том, что «отношение к зеленому цвету характеризуется переоценкой его значимости в обществе. Из нелюбимого или даже презираемого цвета, сегодня он превратился в важный цвет, которому поручена миссия – спасти планету» [12, с. 7].

Колороним зеленого цвета в обоих языках служит обозначением цвета, который в цветовой гамме расположен между желтым и небесно-синим. Основное значение колоронимов *verde* и *green* связывают с цветом травы и свежей листвы. В переносном значении этот колороним выражает амбивалентные характеристики человека, с одной стороны, «молодой, бойкий, полный надежд, юный, свежий», а с другой, «бледный, землистый», «полный зависти, ревности, гнева» и др.

Начнем анализ фразеологизмов с колоронимом «зеленый», в которых выражены общие для сопоставляемых языков значения. Одним из таких значений является обозначение цвета природных объектов (травы, кустов, деревьев, лугов и полей). В данную группу включим фразеологизмы, обозначающие территории, получившие названия: зеленые насаждения, экологические зоны, «лёгкие города / планеты» (парки, природные заповедники, леса, тайга), например, *a green belt* (an area of fields and woodlands around a town [13, p. 220] (букв. зеленый пояс) зеленая или лесопарковая зона (вокруг города); *green lungs* (of the earth, or city) – «зеленые лёгкие» (планеты, большого города, например, Москвы). Фразеологизм *green lungs* обозначает леса, которые благодаря фотосинтезу поглощают из атмосферы углекислый газ и выделяют кислород, необходимый элемент для всех живых существ на Земле; *verde pubblico* – зоны зеленых насаждений в городе (парки и городские сады) [14].

Фразеологизмами с колоронимом «зеленый», в которых реализуется универсальное базовое значение, являются английский *green fingers* / *to have green fingers* (букв. зеленые пальцы) и итальянский *police verde* / *avere police verde*, в обоих выражена природная способность к садоводству или огородничеству.

Универсальный характер фразеологизмов сопоставляемых языков проявляется также в фразеологических единицах, в которых колороним зеленого цвета употребляется в переносном значении с целью обозначить цвет лица и внешность человека, изменившиеся под воздействием болезни, страха, отрицательных эмоций, таких как гнев, ревность, зависть, и собственно проявление данных эмоций, например, *verde come un aglio* – зеленый, бледный как смерть, как полотно (от болезни, испуга и т. п.); *diventare giallo e verde / avere (fare) il viso verde, diventare verde in viso / diventare verde di rabbia / invidia* / *essere verde di invidia* – позеленеть (от болезни, злости, зависти); *verde dalla*

bile – злой (до желчи); *fare qd cacare verde* (груб.) – взбесить, озлобить кого-л. [15, с. 1028]. Примерами английских фразеологизмов с колоронимом зеленого цвета являются: *green about* (or *around* or *at*) *the gills* (разг.) – выглядеть бледным или больным; *green with envy* завидовать кому-л.; *the green-eyed monster* (literary) – зависть [13, p. 129].

В сопоставляемых языках наблюдаются также пословицы с колоронимом «зеленый», в которых отражена склонность людей завидовать другим и полагать, что у других положение лучше: *L'erba del vicino è sempre più verde* и английская *The grass is (always) greener on the other side* (*of the fence*) = life seems better somewhere else, or other people's situations seem better than your own [16, p. 621] (букв. Трава (всегда) зеленее по другую сторону (забора) или У соседа и трава кажется зеленее).

К универсальным, характерным для обоих исследуемых языков пословицам, в которых колороним зеленого цвета выражает значение 'сырой, незрелый, молодой', относятся английская *Green wood gives more smoke than heat* [17] – Зеленая древесина дает больше дыма, чем тепла и итальянская *Della legna verde è non si vede allegrezza* – От сырых дров не жди радости; не срывай яблоко, пока зелено: созреет – само упадет [15, с. 1029].

Помимо универсальных фразеологизмов с колоронимом «зеленый» в рассматриваемых языках встречаются национально-специфичные фразеологизмы, в которых запечатлен особый характер отражения культурного кода в языковом сознании народа.

В итальянском языке к культурно-маркированным фразеологизмам с колоронимом *verde* принадлежит *al verde*, имеющий значения: 1) на лоне природы; 2) без гроша в кармане, без денег (в этом значении он употребляется с глаголами *essere, ridursi, rimanere, stare, trovarsi)*, например, *siamo al verde* – у нас нет денег (мы на мели, без гроша в кармане) [15, с. 1028]. Следует заметить, что во втором значении фразеологизм сопровождается коннотацией отрицательной оценки.

Значение колоронима *verde* как природного цвета представлено в *turista verde* – турист-любитель природы [18, с. 281]. Данныq колороним участвует в выражении значений 'юность, период молодости' в фразеологизмах-синонимах *età verde* / *tempo verde* (период жизни, который предшествует зрелости; весна, новая пора, новое время); *la verde età* (годы юности, юность), *anni verdi* / *verdi anni* (юные годы, зеленые годы); *nel verde degli anni* (во цвете лет, в расцвете сил). Данные фразеологизмы используются для описания периода жизни, полного сил, энергии и новых начинаний, например, *Nella sua verde età, lui ha viaggiato per tutto il mondo* – В юные годы он путешествовал по всему миру.

В составе фразеологизма *avere del verde* (быть крепким, здоровым) колороним *verde* (*il verde*) употребляется для обозначения здоровья и жизни людей. Данное значение колоронима встречается также в пословице *La speranza è sempre verde* – Пока человек живет, он надеется [15, с. 913].

К итальянским фразеологизмам с национально-специфичным значением относятся *telefono verde* / *numero verde* (справочная служба, бесплатный номер телефона); *carta verde* – международная страховка [15, с. 1028]. В английском языке есть похожее выражение *green card* (грин-карта, зеленая карта), разговорное название официального документа *Permanent Resident Card*, удостоверения личности, или идентификационной карты, подтверждающей наличие у иностранца права на временное проживание и трудоустройство в США. В основе разговорного названия находится метонимический перенос на основе ассоциации с цветом документа. Смысл *carta verde* и *green card* в сопоставляемых языках разный.

В устойчивом выражении *fiamme verdi* «зеленые петлицы» (альпийские стрелки) [15, с. 400] запечатлен исторический факт, связанный с «Фьямме Верди», названием отряда партизанского итальянского движения Сопротивления в годы второй мировой войны, который участвовал в борьбе против немецких и итальянских фашистов.

Метонимический перенос значения лежит в основе фразеологизмов-синонимов *tappeto* или *tavolo verde* (зеленое сукно, игорный, ломберный стол; игорный дом),

в которых колороним *verde* выполняет функцию экспликации отношений между цветом ткани и столом, покрытым этой тканью, цветом ткани и целым игорным заведением [15, с. 1028].

В итальянском языке в начале 2000-х годов появилось выражение *fascia verde* (букв. зеленый пояс, зеленая полоса), обозначающее городские зоны и населенные пункты, в пределах которых действуют постоянные или временные ограничения на движение транспортных средств, загрязняющих окружающую среду [19].

Некоторые итальянские фразеологизмы помимо культурно-специфической коннотации значения актуализируют стилистическую и оценочную, например, *pina verde* (букв. зеленая ель) – скупой, скряга, а также *largo /stretto come una pina verde* (употребляется в ироническом смысле) – щедрый, как ростовщик / скряга / скупердяй, и *s'apre una pina verde*! – случилось невероятное! (когда скупой раскошелится на подарок) [15, с. 1028].

В некоторых итальянских поговорках, содержащих колороним *verde*, мы столкнулись со сложностью интерпретации смысла исследуемого колоронима, так как мотивация данных поговорок сейчас кажется неясной, например, *al diavolo verde* (букв. зеленый дьявол; обычно употребляется с глагодами *andare, stare,* essere) – у черта на куличках [15, с. 310]; *vedere i sorci verdi / far vedere i sorci verdi* (букв. заставить увидеть зеленых мышей, где *sorcio* – это мышь) – показать, где раки зимуют; оказаться в неприятной ситуации, *ti faro vedere i sorci verdi!* – я тебе покажу кузькину мать! [15, с. 1029]; *un vestito di verd' indugio* – намеренное промедление, задержка, опоздание; кормление завтраками [15, с. 1032].

Поговорка *La candela è al verde* означает 'пора кончать, время вышло'. Это значение связывают с существовавшим ранее методом соизмерять объем выполненной работы с временем горения свечи. Когда свеча догорала до зеленой отметки, это воспринималось как знак окончания работы. Другим значением этой поговорки является 'не иметь ни гроша в кармане, хоть шаром покати' [15, с. 1028]. Эта поговорка также может обозначать конец опасности, свободный путь [20, p. 1659].

В английском языке встречается меньше, чем в итальянском языке, культурно-специфичных фразеологизмов с колоронимом *green,* в которых отражается национально-культурный опыт англичан. Всем кажущийся понятным фразеологизм *to give somebody green light* (букв. предоставить зеленый свет) в действительности обозначает разрешение продолжить работу над каким-л. заданием или проектом [13, p. 129].

В фразеологизме *to be green* колороним *green* выступает в значении 'юный, молодой', это значение колоронима исходно маркируется коннотацией положительной оценки, однако в данном фразеологизме, реализующем смысл 'быть доверчивым человеком, которого легко обмануть из-за отсутствия жизненного опыта и навыков в чем-л.' [21, с. 220], степень положительной оценки уменьшается. В фразеологизме *to keep one's memory green* 'сохранить что-то в памяти навсегда' колороним зеленого цвета выражает значение 'молодой, здоровый' и содержит коннотацию положительной оценки.

Поговорка *wig on the green / wigs on the green* (жестокие или неприятные события, ссоры) служит для выражения физической драки, во время которой парики могут быть сбиты на траву или сдернуты. Фразеологизм известен с середины XIX в., когда мужчины носили парики [17]. В поговорке *wear the green willow* сорванная ветка молодой ивы выступает символом утраченной или неразделенной любви (горевать об утраченной или безответной любви) [13, p. 129].

В ходе рассмотрения фразеологизмов неродственных языков мы убедились, что фразеологизмы являются единицами культуры, сквозь которую проявляется менталитет народов. Сопоставительный анализ итальянских и английских фразеологизмов с колоронимом зеленого цвета подтверждает, что данный колороним играет важную роль в репрезентации особенностей проявления как универсальной, так и национально-специфичной культуры. В некоторых фразеологизмах колороним зеленого цвета ассоциируется с жизнью, удачей, надеждой, в других – с печалью, ревностью, завистью, болезнью.

В составе фразеологических единиц колороним зеленого цвета репрезентирует различные стороны национально-культурного опыта рассматриваемых народов, что дает возможность понять индивидуальные и коллективные особенности отражения цвета в языковом сознании итальянцев и англичан и обнаружить универсальный характер общей картины мира, объединяющей разные народы.

Список использованных источников

1. Бирюкова, Е. В. О тенденциях развития современного сравнительно-исторического, типологического, сопоставительного языкознания / Е. В. Бирюкова, Л. Г. Попова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 11–3(53). – С. 40–43.
2. Суханова, И. Г. Колорема как средство создания образности и отражения атмосферы конкретной исторической эпохи / И. Г. Суханова // Вопросы филологии и переводоведения: направления и перспективы современных исследований : сборник научных статей, Чебоксары, 22–23 октября 2020 года. – Чебоксары : Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2020. – С. 283–287.
3. Куличенко, Ю. Н. Символика зеленого цвета во фразеологической картине мира: сопоставительный аспект (на материале русского, английского, немецкого и итальянского языков) / Ю. Н. Куличенко, Е. М. Королевская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2020. – Том 13. Выпуск 8. – С. 262–265.
4. Афанасьева, О. В. Лексикология английского языка. English lexicology : учебник и практикум / О. В. Афанасьева, Н. Н. Морозова, Г. Б. Антрушина. – 8-е изд., пер. и доп. – М. : Изд-во Юрайт, 2020. – 196 с. – ISBN 978-5-534-07119-1.
5. Ковшова, М. Л. Культурно-национальная специфика фразеологизмов и вопросы экспликации их культурных смыслов / М. Л. Ковшова // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 4 (30). – С. 90–102.
6. Николаева, М. Н. Пословицы и поговорки в культурном поле социального пространства Италии / М. Н. Николаева // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 2–2(58). – С. 688–692.
7. Ломакина, О. В. Изучение пословиц в русле ценностной парадигмы: методология исследования и критерии выделения оценочности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – 2021. – Том 7 (73). № 1. – С. 97–107.
8. Dizionario Etimologico. Edizione Aggiornata. – Genova : Rusconti Libri, 2007. – 1216 p.
9. Латинско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://la-rus-dict.slovaronline.com/59016-viridis. – Дата доступа : 26.09.2025.
10. Dictionary of English Etymology – The Concise Oxford Dictionary of English Etymology. Edited by T. F. Hoad. – New York : Oxford University Press, 1996. – 552 p.
11. Lehmann, W. P. A Gothic Etymological Dictionary. Based on the 3d ed. of Vergleichendes Worterbuch der Gotischen Sprache by S. Feist. Edited by E.J. Brill, Leiden, The Netherlands, 1986. – 712 p.
12. Пастуро, М. Зеленый. История цвета / Мишель Пастуро; пер. с фр. Н. Кулиш. – 4-е изд. – М. : Новое литературное обозрение, 2024. – 168 с.
13. Oxford Dictionary of Idioms. Ed. Judith Seifring. Oxford University Press, 2004. – 352 p.
14. Treccani [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.treccani.it/vocabolario/verde)/. – Дата доступа : 11.10.2025.
15. Черданцева, Т. З. Итальянско-русский фразеологический словарь : около 23 000 фразеологических единиц / Т. З. Черданцева, Я. И. Рецкер, Г. Ф. Зорько; под ред. Я. И. Рецкера. – М. : Рус. яз., 1982. – 1056 с.
16. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition. Bloomsbury Publishing Plc, 2006. – 1692 p.
17. Colors Proverbs [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://proverbicals.com/colors-proverbs/. – Дата доступа : 12.09.2025.
18. Кучера Бози, Л. В. Итальянско-русский, русско-итальянский культурологический словарь / Л. В. Кучера Бози. – СПб. : КАРО, 2005. – 400 с.
19. Fascia-verde [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.treccani.it/vocabolario/ fascia-verde_(Neologismi)/. – Дата доступа : 12.09.2025.

20. Lapucci, C. Dizionario del Proverbi Italiani / C. Lapucci. – Arnoldo Mondadori Editore S.p.A., 2007. – 1854 c.
21. Сейдл Дж. Идиомы английского языка и их употребление / Дж. Сейдл, У. Макморди. – М. : Высш. школа, 1983. – 266 с.

Abstract. The article examines phraseological units with the colouronym *verde* in Italian and *green* English. A comparative analysis of phraseological units with the colouronym "green" in unrelated languages, represented by Italian and English, has shown that they reflect both universal cultural experience and a nationally specific one based on the history, culture, customs and traditions of a particular nation.
Keywords: phraseology, "green" colouronym, national experience, cultural memory, the Italian and the English languages.

Николаева Марина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент; Московский городской педагогический университет (nikolaevam@mgpu.ru).

УДК 811.161.3'42'371:398.91

Е. В. Ничипорчик, И. Г. Гомонова

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ БЕЗЫСХОДНОСТИ В БЕЛОРУССКИХ ПАРЕМИЯХ

Аннотация. Авторы статьи обращают внимание на значимость пространственных категорий в паремиологической репрезентации представлений о безвыходных ситуациях. Описываются метафорические сценарии переживания человеком деструктивных состояний, обусловленных невозможностью изменения положения дел к лучшему, утратой надежды на достижение желаемого. Объясняются образы, используемые для формирования наглядных представлений о безысходности.
Ключевые слова: паремия, паремиологическая единица, пословица, безвыходная ситуация, безысходность, пространственная категоризация.

Исследование выполнено в рамках финансируемой темы «Белорусско-русские фразеологические и паремиологические параллели в словаре и интернет-коммуникации», № государственной регистрации 20212044, дата государственной регистрации 02.06.2021.

В белорусском паремиологическом фонде есть достаточно объемная группа пословиц, используемых для обозначения ситуаций, в которых человек испытывает чувство обреченности, отчаяния ввиду того, что положение дел кажется безвыходным, изменение ситуации – невозможным, а притязания на лучшее кажутся лишенными смысла. Обобщенная семантика безысходности объективируется в пословицах посредством обращения к разного рода сценариям, разнообразие которых определяется желанием человека образно передать глубину переживаемых чувств, дать возможность адресату «зримо» представить тщетность усилий человека, направленных на изменение положения дел. Философский смысл, специфика объективации концептов «отчаяние», «тоска» в различных лингвокультурах в настоящее время достаточно хорошо изучены [1; 2; 3; 4; 5; 6 и мн. др.]. Неоднократно становилось предметом специальных исследований и выражение значения невозможности в паремиологических единицах русского, белорусского и иных языков [7; 8; 9; 10 и др.]. Однако провербиальные метафорические сценарии, в которых воплощаются представления белорусов о безысходности, ранее не подлежали изучению.

В сводном электронном словаре белорусских пословиц, над которым работает творческий коллектив кафедры русского, общего и славянского языкознания, пословицы о безвыходных ситуациях, надеждах и чаяниях человека составляют отдельную

тематическую группу. Руководствуясь желанием сохранить удачные названия тематических объединений, имеющиеся в самом объемном, двухтомном тематическом словаре белорусских пословиц М. Я. Гринблата [11; 12], составители сводного электронного словаря назвали данную тематическую группу «Безвыходнасць и спадзяванні». Объединение в одну тематическую группу пословиц о безвыходных в оценке человека ситуациях и ситуациях, отражающих надежды и чаяния человека, является логичным в силу бинарной аксиологической природы пословичного текста. Мысль Г. Л. Пермякова о том, что в пословице представлены, как правило, две противопоставленные сущности [13, с. 107], не требует доказательства. Действительно, ситуации, связанные с переживанием отчаяния, объясняются безвозвратной утратой чего-либо ценного, невозможностью изменения положения дел в лучшую сторону, то есть это ситуации, в которых человек лишается последней надежды. Семантика безысходности, таким образом, концептуально сопряжена с семантикой лишения/приобретения надежды.

В белорусском слове *безвыходнасць,* используемом в наименовании тематического объединения пословиц, очень точно отображается главный когнитивный признак концептуализируемой области реальной действительности – ‘без выхода’. Этот признак категориально соотносим с пространственными отношениями. Данное соотношение выявляется при анализе семантики паремиологических единиц, входящих в тематическую группу «Безвыходнасць и спадзяванні». По-видимому, объяснение такого рода закономерности нужно искать в инстинктивном поведении человека в момент отчаяния: человек пытается дать выход своим эмоциям – убежать, покинуть «место» переживания деструктивного состояния либо, напротив, сжаться, укрыться, спрятаться. Выясним, какие же именно сценарии, связанные с перемещениями в пространстве, положены в основу выражения значения безысходности в белорусских пословицах.

1. Безвыходное положение категоризуется в ряде белорусских паремий как замкнутое для человека, лишенное динамики пространство. Человек не имеет возможности ‘покинуть’ это пространство, ‘переместиться’ в иное, лучшее пространство; выход за пределы пространства если и возможен, то лишен смысла / опасен / сопряжен с противодействием: *Куды ні кінь – усюды клін*; *Свет вялік, а дзецца недзе*; *Свет вялікі, а падзецца няма дзе*; *Хіба ж цэлы свет клінам сышоўся*; *І адсюль горача, і адтуль баляча*; *Няма дзе галавы прытуліць*; *Папаўся, дзедку, у клетку*; *Папаў у нерат – ні ўзад, ні ўперад*; *Дзюрак многа, а вылезць некуды*; *Куды нам не іці, то вецер у вочы.*

Все сценарии, используемые для репрезентации ситуации безысходности, реалистичны в своей образной основе. Прозрачны ассоциативные связи, лежащие в основе метафоризации: *сысціся клінам* = ‘сойти на нет’, *горача, баляча* = ‘невыносимо, травматично’, *клетка, нерат* = ‘ограничение свободы’; *вецер у вочы* = ‘препятствие, преграда, противодействующая сила’. Стертыми для современного носителя языка являются лишь мотивационные связи, лежащие в основе переосмысления ситуации, обозначенной паремией *Куды ні кінь – усюды клін.* Выражение бытует во множестве вариантов: *Куды ні кінь, то клін*; *Куды ні кінь, там клін*; *Куды кінь, то і клін*; *Як ні кінь – усюды клін*; *Як ні кінь – усё клін*; *Як ні кінь, то клін*; *Як ні кінь, дык клін*; *Дзе ні кінь, дык клін*; *Дзе кінь – там клін, дзе пала – там прапала* – и имеет аналоги в русском и украинском языках.

Вариантные обозначения ситуации безысходности с компонентом *клін* (*klin*) / *клин* в восточнославянских языках имеют хождение с давних времен и, согласно паспортным данным, которые указываются при паремиях с данным компонентом в книге М. Федеровского «Lud białoruski na Rusi Litewskiej» [14, с. 146], в собрании белорусских пословиц М. Я. Гринблата [11, с. 455] и в «Большом словаре русских пословиц» [15, с. 410–411], фиксация этих паремий отмечается в самых ранних лексикографических источниках. В историко-этимологическом справочнике «Словарь русской фразеологии» [16] находим объяснение первоначальному смыслу выражения *Куда (как) ни кинь – всё клин*. Составители словаря называют варианты этого выражения

синонимическими «двойниками» и связывают их с древним крестьянским обычаем распределять землю в общинах путем бросания жребия: «Клин здесь – “самая малая мера земли, узкая полоска поля”, которая меньше осминника, т. е. 1/8 десятины (ср. посл. *Не постой за клин, не станет и осминника* “Уступишь в малом, не будет и большого”). Первоначальный смысл оборота, следовательно, таков: как и куда ни бросай бедный крестьянин жребий при дележе земли, всё равно хорошего участка он не получит – ему достанутся одни клинья» [16, с. 264].

Подтверждение версии о связи выражения *Куда (как) ни кинь – всё клин* с бросанием жребия можно обнаружить в словаре «Пословицы русского народа» В. И. Даля: варианты паремиологической единицы фиксируются в тематических объединениях «Раздумье – Решимость» (*Как ни кинь, всё клин*) [17, с. 306] и «Розное – Одно» (*Куда ни кинь, так клин*; *Как ни кинь, а всё клин*) [17, с. 534]. Названия тематических объединений сигнализируют о том, что речь будет идти о ситуациях, связанных с выбором, а следовательно, с удачей или неудачей, выгодой или проигрышем.

Примечательно, что в словаре белорусских пословиц М. Я. Гринблата, изданном столетие спустя после опубликования паремиологического словаря В. И. Даля, пословица *Куды ні кінь – усюды клін* и ее варианты фиксируются в иных тематических объединениях, а именно: “Беднасць. Жабрацтва. Багацтва. Сацыяльна-маёмасная няроўнасць” и “Бяда, гора, напасць, злыдні. Безвыходнасць. Спаддзяванні”. Таким образом, в оценке составителя белорусского паремиологического словаря, связь пословицы *Куды ні кінь – усюды клін* со сценарием бросания жребия, объясняющим ее первоначальный смысл, уже не столь значима – внимание фокусируется на негативном итоге тщетных усилий человека, связываемом с несправедливым распределением благ. Это подтверждают и вошедшие в узус «переработки» пословицы: *Багатаму і ў полю родзіць, і ў хляве плодзіць, а беднаму дзе кінь, то клін*; *Багатаму і ў полі родзіць і ў хлебе плодзіць, а беднаму – куды ні кінь, усюды клін*.

Современные носители языка используют выражение *Куды ні кінь – усюды клін* как цельную единицу номинации, то есть как знаковую единицу, не подразумевающую дешифровку компонентного состава, и пользователю паремии, по сути, неважно, каков по своей природе культурный код *клин* – это узкая полоска земли или заостренный кусок дерева или металла, используемый для раскалывания или зажима чего-либо. Если учесть, что есть и другие расхожие выражения с компонентом *клін*: *Клін клінам выбіваюць*; *Клін клінам трэба выбіваць*; *Хіба ж цэлы свет клінам сышоўся*; *Яшчэ свет клінам не сышоўся*, то становятся понятными причины возможного неразличения носителями языка ландшафтного и предметного кодов. Судя по разнообразию русских паремий с компонентом *клин*, аналогичные основы для сближения кодов наблюдаются и в русском паремиологическом пространстве: *Клин клином выбивается*; *Под клином плахе некуда деваться: и трещит да колется! У них дело клином сошлось, ни взад, ни вперед*; *Белый свет не клином стал* (сошелся); *Государева земля не клином сошлась*; *Кому блин, кому клин, а кому просто шиш*; *Не подбивай клин под овсяный блин, поджарится: сам свалится* и др.

2. Безвыходное положение, отчаяние, отсутствие надежды категоризуется в белорусских паремиях как невозможность увидеть путь, окружающий мир и даже как нежелание воспринимать мир: *Не плакаў бы слеп, каб бачыў след*; *Чаго б сляпы плакаў, каб ён дарожку бачыў?*; *Чаго б сляпы плакаў, каб сцежку бачыў*; *Чаго б плакаў слеп, каб бачыў свет?*; *Ці плакаў бы слеп, штобы бачыў свет*?; *Пакуль узойдзе сонце, то раса очы выесць*; *Пакуль сонца ўзыдзе, раса вочы выесць*; *На свет глядзець не хочацца.*

Образ слепого человека, страдающего из-за неспособности видеть свой путь, в европейских паремиологических картинах мира очень древний: он представлен в известном библейском выражении *Слепой слепца водит, оба зги не видят*, восходящем к тексту Евангелия от Матфея (15:14) – *Оставьте их: они – слепые вожди слепых,*

а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму. В. И. Даль подчеркивает связь паремии с библейским источником, помещая ее в тематическое объединение «Ученье – наука». Развитие мотива о страждущем слепце видим в другой русской пословице: *О том слепой и плачет, что ни зги не видит.* Аналогичные паремии есть и в белорусском паремиологическом фонде: *Сляпы сляпому дарогі не ўкажа*; *Сляпы сляпому не павадыр*; *З таго сляпы плача, што сцежкі не бача*.

Осознание горечи бытия и отчаяние от невозможности поиска иной доли объективируется в образах восходящего солнца и разъедающей глаза влаги, человек здесь визуализируется как обращенный взором к земле, «прижатый» к земле. Так выражается мысль о том, что тяжелый труд, начинающийся еще до восхода солнца, лишает крестьянина радости бытия, становится причиной для нежелания испытывать эту радость: *На свет глядзець не хочацца.*

3. Состояние безысходности связывается с желанием человека переместиться в мир иной. Перемещение это категоризуется как движение вниз, погружение в воду, исчезновение в обозреваемом пространстве: *Хоць жывы ў землю лезь*; *Хоць жывы ў магілу лезь!*; *Хоць камень на шыю ды ў воду*; *Свет не міл, хоць бяры і тапіся; Як кепска жыць, дык лучшы згінуць.*

В такого рода паремиях переживание отчаяния объективируется в своем крайнем проявлении – как намерение человека лишить себя жизни. Глубина душевных терзаний человека подчеркивается антитезами: *жывы – ў землю, жывы – ў магілу, жыць – згінуць*.

4. Невозможность изменения положения дел (частный случай безвыходной ситуации, связанный с неспособностью человека достичь желаемого) категоризуется в ряде белорусских паремий как невозможность движения вверх.

В таких пословицах используются, как правило, соматические коды. Создаваемые образы в силу очевидной «познанности» человеком своих физических возможностей обладают особой убедительностью: *Вышэй галавы не падымешся*; *Вышэй галавы не падскочыш*; *Вышэй <самога> сябе не скочыш (не падскочыш)*; *Вышэй лобу вочы не растуць*; *Вышэй пят не падскочыш*; *Вышэй пупа не падскочыш*; *Не закінеш ног за плечы.*

Для вербализации невозможности движения вверх в белорусских паремиях используется и зоонимический соматический код: *Лёгкае пяро, а на страху не закінеш*; *Лёгкае пяро, ды на страху не закінеш.*

Невозможность движения вверх может связываться с падением человека, тщетностью усилий подняться «со дна жизни»: *З калюгі нельга выбрацца.*

5. Безвыходное положение в сознании носителей белорусской лингвокультуры ассоциируется также с невозможностью, нецелесообразностью движения в пространстве против какой-либо силы. Эта сила категоризуется как природная стихия (*вода*, *ветер*) во встречном по отношению к человеку движении: *Напроці вадзічкі не пойдзеш*; *Супраць вады не папрэшся*; *Напроці ветру не падзьмеш; Проці ветру не надуешся.*

Непреодолимые препятствия встречает человек и тогда, когда ему кажется, что достижение желаемого возможно. Такого рода смыслы объективируется в пословицах о невозможности приближения к тому, что находится совсем рядом / высоко / далеко: *Блізка локаць, ды не ўкусіш*; *Блізак кубак да губак, але шмат выбояў паміж ім і губою*; *Блізка то блізка, але каб не было слізка*; *Бачыць вока, ды вісіць высока*; *Бачыць вока, ды ляжыць высока*; *Бачыць вока, ды ляжыць далёка*; *Бачыць вока, ды ісці далёка*. Невозможность достижения желаемого ассоциируется и со стесненным пространством, с противоречием, обусловливаемым несовпадением «масштабов» желаемого и возможного: *Захацеў ехаць шырокім возам па вузенькіх каляінах.*

Пространственные категории положены в основу многих белорусских пословиц, в которых объективируются представление о бедах как крайне негативных ситуациях для человека: *Бяда і на гладкай дарозе спаткае*; *Ніхто не чуе, дзе бяда начуе*; *Не хавайся ад бяды, бяда ўсюды знойдзець*; *Хоць у вір галавою, то бяда за табою*; *Ад бяды*

не кінуцца ў ваду; *Уніз вада знясець, а ўверх бяда вывезець*; *Бяду і канём не аб'едзеш*; *Ты ад бяды, а бяда ў вочы*; *Беды не ходзяць па гарадам ды па лясам, а ўсягда па людзям.* Однако выявление закономерностей пространственной концептуализации и категоризации беды в белорусской паремиологической картине мира может стать предметом отдельного научного изыскания.

Итак, сценарный формат представления безысходности в белорусских паремиях закономерно связывается с пространством. В белорусской паремиологической картине мира безысходность ассоциируется с невозможностью и бессмысленностью перемещения в иное пространство; неестественной ограниченностью пространства; опасностью, ожидающей за пределами ограниченного пространства; невозможностью видеть свой путь; невозможностью / нежеланием видеть окружающий мир; намерением покинуть мир – переместиться вниз; невозможностью движения вверх, невозможностью противодействовать встречной силе. Наблюдения показывают, что изучение релевантности пространственных категорий в репрезентации провербиальных идей оказывается весьма перспективным.

Список использованных источников

1. Ильина, В. А. «Безысходность» и «despair» как номинанты образа одиночества в языковом сознании русских и англичан / В. А. Ильина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». – 2008. – № 3. – С. 106–114.

2. Кононова, Е. С. О надежде и отчаянии как категориях культуры / Е. С. Кононова // Булгаковские чтения. – 2010. – № 4. – С. 156–163.

3. Таджибова, З. Т. Анализ эмотивов отчаяния и беспокойства в фразеологической картине языков разных структур (на материале лезгинских, русских, английских и немецких фразеологических единиц) / З. Т. Таджибова // Мировые исследования в области социально-гуманитарных наук. Материалы III Международной научно-практической конференции. – Рязань, 2023. – С. 41–44.

4. Сиротинина, О. В. Вербализация семантического единства надежда/отчаяние (на материале русской и английской лингвокультур) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 5.9.8 – теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика / О. В. Сиротинина ; Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 2024. – 25 с.

5. Красавский, Н. А. Концепт «тоска» в русской лингвокультуре / Н. А. Красавский // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 8. – С. 20–23.

6. Погорелко, А. М. Диалектика русской тоски с точки зрения концептуального анализа / А. М. Погорелко, Т. Н. Герасина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – № 8 (490). – С. 124–133. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-490-8-124-133.

7. Ничипорчик, Е. В. Оценочный фактор в формировании прагматического потенциала паремий (на материале русских паремий со значением невозможности) / Е. В. Ничипорчик // Parémie národů slovanských IV: Sbornik přispěvků z mezinárodni konferece konané v Ostravě ve dnech 20. – 21.11. 2008, – Ostrava, 2008. – С. 145–151.

8. Ничипорчик, Е. В. Логико-семиотические основы межъязыковой корреляции паремий со значением невозможности (на материале русских, белорусских, итальянских и немецких пословиц и поговорок) / Е. В. Ничипорчик // Фразеология в прошлом и настоящем : материалы XXXVII Международной филологической конференции, 11–15 марта 2008 г. – СПб., 2009. – С. 119–128.

9. Ничипорчик, Е. В. Сообщение о невозможности как довод (на материале русских и белорусских паремий) / Е. В. Ничипорчик // Текст. Язык. Человек : сборник научных трудов : в 2 ч. / редкол. С. Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь : УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2009. – Ч. 2. – С. 137–139.

10. Гомонова, И. Г. Инфинитивные предложения-паремии со значением невозможности / И. Г. Гомонова // Славянская фразеология и паремиология : сборник научных статей. Выпуск 3 / редкол. : Е. И. Тимошенко (отв. ред.) [и др.] ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины ; Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Российский центр науки и культуры в Гомеле. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2023. – С. 40–44.

11. Прыказкі і прымаўкі : ў 2-х кн. , Кн.1. ; склад. М. Я. Грынблат ; рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – 560 с.
12. Прыказкі і прымаўкі : ў 2-х кн. , Кн.2. ; склад. М. Я. Грынблат ; рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – 616 с.
13. Пермяков, Г. Л. Основы структурной паремиологии / Г. Л. Пермяков. – М. : Главная ред. восточной лит. изд-ва «Наука», 1988. – 236 с.
14. Federowski, M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej : materyały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1891 / M. Federowski. – Warszawa : Towarzystwo naukowe warszawskie,1935. – (XVI) 490 s.
15. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева ; под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
16. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии : историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.
17. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2005. – 616 с.

Abstract. The authors of the article draw attention to the importance of spatial categories in the paremiological representation of ideas about hopeless situations. The article describes metaphorical scenarios of a person's experience of destructive states caused by the impossibility of changing the situation for the better, the loss of hope of achieving the desired. The images used to form visual representations of hopelessness are explained.
Keywords: proverbial unit, proverb, hopeless situation, despair, spatial categorization.

Ничипорчик Елена Владимировна – доктор филологических наук, профессор; Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины (evnich@gmail.com).
Гомонова Инна Геннадьевна – кандидат филологических наук; Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины (gomonova@gsu.by).

УДК 11.512.151’372

Н. Р. Ойноткинова

ЦВЕТ КАК СПОСОБ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматривается роль цветообозначений в концептуализации морально-этических и мифологических концептов алтайского языка и фольклора. Цветовое восприятие объектов материального мира метафорически переносится на восприятие некоторых мифологических образов и абстрактных морально-этических понятий. В пословицах алтайцев белый цвет репрезентирует понятие добра, а черный – зла, а собственно человеческие качества – доброта и злость – ассоциативно связаны с умственными качествами человека. В мифологии базовые цвета формируют образы невидимых сущностей на основе архетипических символических признаков.
Ключевые слова: алтайские пословицы, концепт, концептуализация, цветообозначения.

А. Вежбицкая на основе концептуального анализа цвето- и светообозначений в языках разных систем пришла к выводу, что имена цвета не универсальны, есть лишь общие «универсалии зрительного восприятия». В разных языках воплощены различные цветовые и световые концепты, а фундаментальные концептуальные модели, основанные на общечеловеческом опыте, одинаковы [1, с. 232, 284]. Цветовые знаки-символы во многих культурах действительно схожи по определенным признакам. Символический ряд: белый – свет, серебро; черный – мрак, земля; желтый – солнце, золото; синий –

небо, воздух; красный – огонь, кровь; зеленый – природа, растительность. Благодаря натуралистической ассоциативности эти символические обозначения во всех культурах одинаковы. Соглашаясь с данным утверждением, отметим, что цветовые картины мира, входящие в концептуальные картины мира, у разных этносов различаются в силу различий их языков, религий, культур. Одинаковые (условно) цвета в различных культурах могут обозначать несовпадающие явления, соответственно, невозможно свести воедино исторически сложившиеся национальные системы цветовой символики. Несмотря на зоны совпадений базовых цветов в цветовых картинах различных народов, в концептуализации цвета в разных культурах имеются культурно-национальные особенности. Этому способствуют различные условия существования (географические особенности проживания: флора, фауна, ландшафт, исторические события, национальная специфика членения цветового пространства и закрепленность этих отрезков в языке).

Базовыми в тюркских языках считаются традиционные цвета: *ак* ‘белый’, *кара* ‘чёрный’, *кызыл* ‘красный’, *сары* ‘жёлтый’, *күрең* ‘коричневый’, *көк* ‘синий’ и *јажыл* ‘зелёный’. Эти цвета участвуют в концептуализации не только духовных концептов, но и мифоконцептов. Цель данной статьи – определение особенностей цветообозначений в концептуализации морально-этических понятий и мифем в алтайском языке и фольклоре. Морально-этическая субконцептосфера является когнитивным ядром, организующим всю ценностную картину мира, и представляет собой фрагмент когнитивно-концептуальной картины мира. Она формируется бинарной оппозицией, полюсы которой – аксиологические категории «добродетели» и «пороки», являющиеся гипонимами универсальных аксиологических категорий «добро» и «зло».

Различные ассоциативные и ситуативные связи слов способствуют расширению семантики цветообозначений. На основе сравнения, метафоризации и т. д. слова с первичным значением цвета приобретают большое количество производных значений, связывающих их с первичным значением лишь ассоциативно-образной связью. Материалом данного исследования послужил корпус алтайских пословиц [2]. В работе применялся семантико-когнитивный метод с использованием компонентного и контекстуального анализа. Семантико-когнитивное исследование предполагает анализ лексической семантики языка как средства доступа к содержанию концептов [3, с. 12]. Концепт – это основная единица ментальности, заключающая в себе яркое образное представление и пучок ассоциаций и коннотаций, репрезентируемая вербально языковыми единицами разных уровней (словом, словосочетанием, всей словообразовательной парадигмой и т. д.) [4, с. 82].

Доминантными в алтайских пословицах выступают белый и черный цвета, что объясняется тем, что пословицы и поговорки направлены на толкование морально-нравственных понятий, и добро и зло, ассоциирующиеся с белым и черным, в этой системе являются основными. На противопоставлении светлого (белого) и тёмного (чёрного) строится символическая оппозиция многих национальных культур. Белый выступает как антипод чёрного. Белый цвет является символом чистоты, разумности и добропорядочности, а черный часто служит атрибутом зла. Эти контрастные цвета считаются с древнейших времен простым наглядным способом отражения противостояния света и мрака как жизни и смерти.

В пословицах ахроматизмы-прилагательные *ак* ‘белый’ и *кара* ‘черный’ в результате конверсии в существительные употребляются с метафорическими значениями ‘добро’ и ‘зло’. Образы добра и зла представляются персонифицированными, как соревнующиеся между собой личности: *Ак ла кара јарыжар, / Ак Кудай көрөр* ‘Белое с черным состязаются, / Светлый Кудай смотрит’. Добро может проявляться в речевой деятельности человека, поэтому с добром ассоциируют благопожелания, а со злом – проклятия: *Ак дегени – алкыш, / Кара дегени – каргыш* ‘Белое – благословение, / Черное – проклятие’ (букв. ‘То, что белое, – благословение, / То, что черное, – проклятие’).

Представления о добре и зле в пословицах выступают смыслообразующими доминантами, и на их основе формируются понятия о добром или злом человеке. В составе фразеологизмов сочетания *ак* ‘белый’ и *кара* ‘черный’ с *санаа* ‘разум, ум’ и *сагыш* ‘ум’ характеризуют духовные качества человека: *ак сагышту* ‘добрый, доброжелательный’ (о человеке), *кара сагышту* ‘злой, злонравный’. Эти сочетания включены и в пословицу: *Ак сагыштуны албаты мактаар, / Кара сагышту кинчекке кирер* ‘Добродетельного (букв. ‘[человека] с белым разумом’) народ похвалит, / Злонравный (букв. ‘[человек] с черным разумом’) в беду попадет’.

В тюркской, в частности алтайской концептуальной картине мира, доброта и злость ассоциативно связаны с умственными способностями человека. Концепт «санаа / сагыш» ‘ум’ играет важную роль в традиционных представлениях. О добром человеке говорят *ак сагышту кижи* ‘человек с белыми помыслами’, а о злом – *кара сагышту кижи* ‘человек с черными помыслами’. Эти признаки могут толковаться иначе: как *јакшы кижи* ‘хороший человек’ и *јаман кижи* ‘плохой человек’.

Человеческие добро и зло связаны с мыслями, поступками личности. Любому действию предшествует помысел о его совершении. Добрый человек совершает хорошие поступки, злой человек – плохие. Добрый никого не осудит, поможет другому в беде, он заслуживает славы, чести, похвалы (*мак*), а злой бесчестит, порочит, клевещет, чернит (*карала=*), и его ожидают позор, бесчестье, беды. Противоположные по смыслу понятия «слава» и «позор» содержат в себе этическую и утилитарную оценки, которые общество дает тому или иному индивиду: *Ак сагышту актайтан, / Кара сагышту каралайтан* ‘Добродетельный оправдывает, / Злонравный очерняет’; *Кара сагыш јадын бербес, / Каралап јўрген јеңў албас* ‘Злая мысль покоя не даст, / Клевещущий победу не одержит’; *Ак сагыш алкышту, / Кара сагыш каргышту* ‘Добрая мысль с благословением, / Злая мысль с проклятием’; *Кара сагышту катуга качажар* ‘Злонравный на зло (букв. ‘на твердое’) сам наткнется’. Проявления добра и зла сложно изменить: *Ак сагышты карартып болбозың, / Кара сагышты агартып болбозың* ‘Белую мысль очернить не сможешь, / Черную мысль обелить не сможешь’. В алтайских пословицах утверждается, что сущность злого или доброго человека не меняется.

Образы представителей фауны в пословицах и поговорках стали аллегориями, символизирующими отрицательные сущности духовного мира человека. Черный цвет служит для оценочной характеристики негативных качеств человека: *кара јылан* ‘черная змея’, *кара теке* ‘черный козел’. Например: *Кара јыланга каргыш јукпас, / Кара теке кайадаң ашпас* ‘К черной змее проклятие не пристанет, / Черный козел со скалы не слетит’ (т. е. со злым человеком ничего плохого не случится). Со злым человеком ничего плохого не случится, он сам источник зла. Зло вредит самому человеку, от зла нет никакой пользы: *Кара сууда каймак јок, / Кара сагышта једим јок* ‘В черной воде сливок нет, / В черной мысли отрады нет’. Эпитет *кара* ‘черный’ в сочетании с лексемой *суу* ‘вода’ имеет значение ‘одна только вода’.

Красный цвет лица считается проявлением стыда: *Кызыл эдиң божоп калар / Кызыл јўзиң артып калар* ‘Красное тело твое умрет, / Красное лицо твое останется’. Эпитет *кызыл* ‘красный’ входит во фразеологическое сочетание *кызыл тил* ‘красноречивый’ (букв. ‘с красным языком’): *Кызыл тил – кыл ööч* ‘Красноречивый язык – тонкое дыхательное горло’.

В следующей пословице колоративы *кызыл* ‘красный, рыжий’ и *кара* ‘черный’ с зооморфизмом *ийт* ‘собака’ формируют мифоконцепты мифических животных: *Кысканганы – кызыл ийт, / Карамданганы – кара ийт* ‘То, что пожадничал, – рыжей собаке, / То, чем поскупился, – черной собаке’; *Кызыл ийди кыңзып турар, / Кара ийди каңылап турар* ‘Рыжая его собака скулит, / Черная его собака воет’. Образы рыжей (букв. ‘красной’) и черной собак в шаманском фольклоре символизируют мифических духов.

Базовые цветообозначения участвуют в концептуализации мифонимов, мифических образов, объектов ирреального (невидимого) мира на основе своих глубинных

архетипических признаков, возникших в результате ассоциативно-метафорического переноса [5, с. 58]. *Ак* ‘белый’ в мифо-ритуальном дискурсе служит для формирования мифологических концептов божеств и духов: *Ак Өбөгөн* ‘Белый Старец’, *Ак Јайык* ‘Белый Дьайык’ (букв. Белый Дух-Создатель), *ак адан* ‘священный (букв. белый) верблюд’ (о ездовом духе-помощнике шамана), а также *ак аң* ‘белый зверь’ (о животных с белом окрасом, созданных светлым божеством), *ак быйан* ‘белая благодать’ (о домашнем скоте, богатстве), *ак барылга* ‘белая жертва’ (о голове жертвенного животного). В сочетании с концептом-словом *јаң* ‘вера’ *ак* ‘белый’ противопоставляется концепту *кара јаң* ‘чёрная вера’ (о шаманской вере) и формирует концепт *ак јаң* ‘белая вера’ (о бурханизме).

Архетипом чёрного цвета в мифологии алтайцев является тьма, тёмное божество Эрлик. Чёрный цвет выступает отличительным признаком образов Нижнего мира и всего того, что создано божеством Эрликом: *кара айу* ‘чёрный медведь’, *кара пакалар* ‘чёрные лягушки’, *Кара көл* ‘Чёрное озеро’, *кара тал* ‘чёрный тальник’, *кара төңөш* ‘чёрный пень’ и т. д.

В мифологии алтайцев *көк* ‘синий, сивый’ ассоциируется не только с небом (*теңери*), но и со стихией воды, холода, льда. Данный цветовой признак больше характерен для концептов, связанных с Нижним миром. Образный цветовой признак *көк* ‘синий, сивый’ присущ для концепта зооморфного мифического персонажа *көк бука* ‘сивый, синий бык’, олицетворяющего злого духа моря или озера. Красный цвет участвует в образовании мифогидронима: *Кызыл көл* ‘Красное озеро’ в аду, образовавшееся из человеческой крови, – место страдания человеческих душ.

В заключении отметим, что цветообозначения как особая лексическая категория участвуют в словообразовании и концептуализации некоторых концептов языка: мифологических и морально-этических. Цветовое восприятие объектов материального мира метафорически переносится на восприятие абстрактных понятий. В алтайской концептуальной картине мира такие человеческие качества, как доброта или злость, связаны с умственными способностями, с представлениями об уме и образно уточняются светосимволикой. В концептуализации мифоконцептов важную роль играют символические признаки: белый – признак божественной чистоты, святости, синий – признак неба, зелёный – признак зелени, красный и жёлтый цвета – признак сияющего солнца. В сочетаниях с мифологическими образами Нижнего мира чёрный цвет как антипод белого символизирует тьму, смерть, красный – кровь, адское пекло, жёлтый – увядание, болезнь, нечисть, синий – холод, лёд, воду, зелёный – тусклый свет во тьме. При преломлении мифологических архетипов в систему народной этики произошла трансформация признаков «светлый – тёмный» в признаки «добрый – злой».

Список использованных источников

1. Вежбицкая, А. Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия / А. Вежбицкая // Язык. Культура. Познание. – М. : Русские словари, 1996. – С. 231–291.

2. Ойноткинова, Н. Р. Алтайские пословицы и поговорки (Алтай кеп ле укаа сөстөр) / Н. Р. Ойноткинова. – Новосибирск : Ред.-изд. центр НГУ, 2010. – 168 с.

3. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ: «Восток-Запад», 2007. – 226 с.

4. Зиновьева, Е. И. Лингвокультурология: от теории к практике : учебник / Е. И. Зиновьева. – СПб. : СПбГУ; Нестор-История, 2016. – 182 с.

5. Ойноткинова, Н. Р. Цветообозначения в мифологическом дискурсе алтайцев / Н. Р. Ойнот- кинова // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. Tomsk Journal LING & ANTHRO. – 2021. – 1 (31). – С. 75–67.

Abstract. This article examines the role of color designations in conceptualizing moral, ethical, and mythological concepts in the Altai language and folklore. The color perception of objects in the material world is metaphorically transferred to the perception of certain mythological images and

abstract moral and ethical concepts. In Altai proverbs, white represents the concept of good, and black represents evil, while human qualities such as kindness and anger are associatively linked to human mental qualities. In mythology, primary colors form images of invisible entities based on archetypal symbolic features.

Keywords: Altai proverbs, concept, conceptualization, color designations.

Ойноткинова Надежда Романовна – доктор филологических наук; Институт филологии Сибирского отделения РАН (sibfolklore@mail.ru).

УДК 811.161’42’37:159.937.513:398.91

М. Н. Перфилова

ПАРЕМИИ С ЦВЕТОВЫМ КОМПОНЕНТОМ В РУКОПИСНОМ СБОРНИКЕ XVII ВЕКА «ПОВѢСТИ ИЛИ ПОСЛОВИЦЫ ВСЕНАРОДНѢЙШЫЯ ПО АЛФАВИТѲ»

Аннотация. В статье анализируются паремии с цветовым компонентом, которые размещены в рукописном сборнике XVII века «Повѣсти или пословицы всенароднѣйшыя по алфавитѲ». Отмечено преобладание паремий, содержащих одно цветообозначение. В основу распределения паремий по категориям положены лексико-семантические группы, к которым относятся цветовые компоненты.

Ключевые слова: цветообозначение, паремия, лексико-семантическая группа, источниковедение.

Продолжая расширять список источников для исторического изучения пословиц и поговорок с цветовым компонентом, мы обращаемся к рукописному труду «Повѣсти или пословицы всенароднѣйшыя по алфавитѵ» (далее – «Повѣсти или пословицы…») неизвестного автора, опубликованному русским филологом-палеографом Павлом Константиновичем Симони в 1899 г. в работе «Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий» [1].

Указанный рукописный сборник датируется второй половиной XVII века. Согласно данным описи, которые приводит П. К. Симони в своей книге, рукопись хранилась в Московском главном архиве Министерства иностранных дел № 250, по старинному каталогу № 455, из собрания князя М. А. Оболенского № 28. На обороте оберточного листка, приклеенного к нижней крышке переплета рукописи, сохранилась пометка: «Пользовался сей книгой И. Снегирев. 1848» [1, с. 4]. Она свидетельствует о том, что материалы сборника изучал Иван Михайлович Снегирев (1793–1868) – русский этнограф и фольклорист, автор известного труда «Русские народные пословицы и притчи», вышедшего в 1848 году и неоднократно переиздававшегося [2]. В работе И. М. Снегирева можно встретить многие паремии из «Повѣстей или пословиц...».

Анализируемый сборник содержит не только русские пословицы и поговорки. В него входят также повести из «Римских деяний» [1, с. 5], «Выдание о благонравии», которое, по мнению академика Ф. И. Буслаева, имело польское происхождение [1, с. 21], и биография и басни Эзопа [1, с. 52]. Собственно пословицы и поговорки размещены составителем сборника на листах 321–382. По подсчету П. К. Симони, всего их в рукописи до 3 000 единиц, «с встречающимися также изредка среди них загадками, приметами, снотолкованиями и проч.» [1, с. 5].

С материалами рукописного сборника был знаком академик Ф. И. Буслаев. Он упоминал в предисловии к своей работе «Русские пословицы и поговорки» [3, с. 64], что, по замечанию неизвестного составителя, часть пословиц существовала на момент записи уже по крайней мере сто лет. Следовательно, в рукописи содержатся и паремии XVI в., что, безусловно, повышает ее историческую ценность для исследователей.

Цель нашей статьи – ознакомить исследователей с набором паремий из анализируемого источника, в которых содержится цветовой компонент.

Метод сплошной выборки позволил обнаружить в «Повѣстях или пословицах…» **68 паремий**, содержащих в своих текстах от одного до трех цветообозначений (далее – ЦО). В большинстве случаев (62 из 68) паремии содержат одно цветовое слово, в связи с чем их целесообразно разделить с опорой на лексико-семантические группы (далее – ЛСГ), к которым относятся употребленные колоративы.

В категории паремий с одной цветолексемой наиболее многочисленны те, что содержат ЦО ЛСГ красного тона (25 единиц), белого тона (10 единиц) и черного тона (7 единиц). Подобное соотношение ЛСГ цветовых тонов коррелирует со статистическими данными, полученными нами при анализе колоративов в двухтомном труде В. И. Даля «Пословицы русского народа» [4].

К паремиям с **ЦО ЛСГ красного тона** относятся следующие выражения (приводим их по порядку размещения в рукописном сборнике, максимально приближая по орфографии и пунктуации к печатному варианту П. К. Симони):

1. *Алъ цвѣтъ милъ во весь свѣтъ* [1, с. 75].
2. *Бе*^{з} *обѣда не красна беседа* [1, с. 80].
3. *Бѣгъ не красенъ да* ^{з}*дорово* [1, с. 83] (под *бегом* здесь понимается бегство с поля боя или места драки [5, с. 505]).
4. *Бои красенъ муже͡тво*^{м} *а приятель дружествомъ* [1, с. 83].
5. *Все то кра͡ные дв̃цы їзо*^{т}*ю*^{т} *а до*^{б}*рые мола*^{д}*цы і*^{з}*нося*^{т} [1, с. 90].
6. *Затѣмъ краснои дѣвке не сиде*^{т} *что очей у нея нѣтъ* [1, с. 106].
7. *Саемъ красенъ платежемъ* [1, с. 107].
8. *Красна бѣсѣда смиреніемъ* [1, с. 111].
9. *Красно поле со пшеницею* [1, с. 111].
10. *Красно поле с рожью а слово с ло*^{ж}*ю* [1, с. 111].
11. *Красна пава перьемъ чесна жена мужемъ* [1, с. 112].
12. *Красенъ до*^{л}*гъ платежемъ* [1, с. 112].
13. *Кра͡но слн̃це всходи*^{т} *каково то заидетъ* [1, с. 115].
14. *Красно гумно стогами а сто*^{л} *пирогами* [1, с. 115].
15. *Лилѣя алая утѣха малая* [1, с. 119].
16. *Нѣсть красна пѣснь во устѣхъ грѣшника* [1, с. 124].
17. *Не красна и*^{з}*ба углами красна пирогами* [1, с. 126].
18. *Первая пѣсенка за*^{р}*дѣвся спѣть* [1, с. 133].
19. *Рдѣлся Марко было ему жарко* [1, с. 137].
20. *Рогошка р*^{д}*яная што матушка ро*^{д}*ная* [1, с. 138].
21. *Снова и ложка красна* [1, с. 140].
22. *Садъ красенъ* ѡ*градомъ а лоза виноградомъ* [1, с. 141].
23. *С людми и смерьть красна* [1, с. 142].
24. *Успѣть в краснѣ и в хорошѣ находи*^{т}*ца лишъ бы было в чемъ* [1, с. 147].
25. *Псалтирь красенъ с гуслми* [1, с. 162].

Приведенные тексты паремий показывают, что в большинстве случаев в них употребляется ЦО *красный* в оценочном значении ‘красивый, прекрасный’. Это закономерно: «Обширная положительная оценочность, развитая у *красный* уже в праславянский период, на наш взгляд, объясняется значимостью для славян предмета(-ов)-эталона(-ов) цвета и способствует “затемнению” цветовой семантики на ранних этапах. Значимость природных объектов и явлений, послуживших эталонами красного цвета, и обширная оценочность лексемы *красный*, какой не знала ни одна другая цветолексема в истории русского языка, определили ее этническую ценность» [6, с. 340]. Таким образом, многочисленность пословиц и поговорок с цветовым словом *красный* напрямую определяется его культурной значимостью для русского народа.

По сравнению с «Пословицами русского народа» В. И. Даля, в «Повѣстях или пословицах…» чаще встречаются колоративы красного тона с корнем *rudh-, что свидетельствует о большей древности пословиц и поговорок с ними: некогда развитые словообразовательные гнезда с праславянскими корнями *rudh- и *cerv(m)- начали вытесняться с XVII века гнездом с корнем красн-. Этот процесс завершился к началу XVIII века [7, с. 170–171], и им можно объяснить крайне редкое употребление ЦО красного тона с корнем *rudh- в двухтомном труде В. И. Даля, изданном в XIX в.

К паремиям, содержащим **ЦО ЛСГ белого тона**, относятся следующие:

1. *Бѣлъ лицомъ да ху^{д} о^{т}ц̃омъ* [1, с. 80].
2. *Бу^{т}то бѣлую дань платитъ* [1, с. 82].
3. *Бѣлые ручки чюжие труды любятъ* [1, с. 82].
4. *Дядя бѣлой горохъ* [1, с. 94].
5. *Личико бѣленко да разума маленко* [1, с. 118].
6. *Мука красть убѣлится* [1, с. 122].
7. *Не до бела коли свинья щолокъ пролила* [1, с. 128] (под щёлоком понимается раствор золы в кипятке, в старину употреблявшийся вместо мыла и стирального порошка).
8. *Прельщается ѳома ка͡убѣли^{т}ся кума* [1, с. 133].
9. *Рука рукꙋ моетъ а обе хотя^{т} бѣлы быть* [1, с. 136].
10. *Рябь бѣло тѣла в пирогъ ꙁалетѣла* [1, с. 138] (*рябь* здесь – «рябчик» [8, вып. 22, с. 281]).

К паремиям, включающим **ЦО ЛСГ черного тона**, относятся:

1. *В чернѣ говорилъ мошно и похѣрить* [1, с. 88] (*мошно* – «можно» [8, вып. 9, с. 285]).
2. *Гла^{ꙁ} чорной взгля^{д} доброй абычей волковъ* [1, с. 92].
3. *Любитъ воръ чорнꙋю работꙋ* [1, с. 118].
4. *Риза черна преп^{д}бнымъ честна* [1, с. 137].
5. *Ризы черныя яко цвѣты сельныя* [1, с. 137] (*сельные* – «полевые», поскольку лексема *сельный* чаще всего употреблялась в поучительных книгах богослужебного характера именно в значении «полевой» [8, вып. 24, с. 49]).
6. *Риза черная, святасть мѣрная* [1, с. 138] (вероятно, *мерный* здесь означает «умеренный» [8, вып. 9, с. 103]).
7. *Свита чорная мысль горняѧ* [1, с. 141] (*свита* – «род верхней или нижней одежды (преимущественно священнослужителей и монахов)», а также верхняя одежда вообще [8, вып. 23, с. 167]).

К паремиям с **ЦО ЛСГ смешанного тона** относятся:

1. *Два своя́ка а ме^{ж} ими пестрая собака* [1, с. 97]
2. *Един мо^{л}вилъ остро а два стало пестро* [1, с. 98]
3. *Костки пестры зернщикꙋ сестры* [1, с. 114] (*зернщик* – азартный любитель *зерни*, игры с двусторонними черно-белыми костями, распространенной в XVI – XVII веках).
4. *Рысь све^{р}хꙋ пестра а лукавой чл̃вкъ и^{ꙁ}нутри* [1, с. 136] (отметим в этой пословице сохранение исторической смысловой связи пестрого цвета и хитрости: колоратив *пестрый* имел в истории языка семантику «хитрый, лукавый» [9, Т. II, с. 1777–1778], которая сохранялась и в лексемах, образованных от него: *пестро* «неясно, запутанно, по-всякому, по-разному», *пестрозлобный* «многобразный в коварстве», *пестрообразный* «коварный, лукавый», *пестрословие* «запутанные, замысловатые, лукавые речи» и мн. др. [8, вып. 15, с. 23–24]).
5. *Рысь пестра и скакать быстра* [1, с. 138].
6. *У сивого коня воловая хода* [1, с. 147] (*воловый* рассматривается здесь как прилагательное от *вол* [10, с. 309]).

К паремиям, содержащим **ЦО ЛСГ серого тона**, относятся:

1. *Бр̀дитъ то^{т} што сѣрои котъ* [1, с. 81].
2. *Есть в немъ сѣрые овчины клокъ* [1, с. 98].

3. *Заецъ у*^{жс} *сѣдъ навидался о*^{н} *бѣдъ* [1, с. 106].

4. *Не за то волка бьютъ что о*^{н} *сѣ*^{р} *за то что сйѣлъ* [1, с. 126].

5. *Хотя свита сѣра толко воля своя* [1, с. 150].

6. *Цвѣтетъ старость сѣдиною а овощъ ему сме*^{р}*ть* [1, с. 153]. Под *овощем* в этой пословице следует понимать плод в целом: в истории русского языка собирательное существительное *овощь* имело семантику «лесные, садовые или огородные плоды, а также зелень и коренья, употребляемые в пищу» [8, вып. 12, с. 227].

К паремиям с **ЦО ЛСГ зеленого тона** относятся выражения:

1. *Зеленъ виноград*^{о} *не ладокъ мла*^{о} *члвкъ не крепо*[1, с. 107].

2. *Моло*^{о} *прутокъ зелены орешки* [1, с. 122].

3. *ѿласъ бы носилъ зеленъ да не о*^{т}*пуститъ мелен* [1, с. 152] (*ѿласъ* – атлас, название ткани; *мелен* – «мельница, мельничное устройство с ручным жерновом» [8, вып. 9, с. 78]; буквально – «рад бы щеголять в зелёном атласе, но ремесло мельника не позволяет»).

К паремиям, содержащим **ЦО ЛСГ желтого тона**, относятся

1. *Болному злата кровать не поможетъ* [1, с. 79].

2. *Же*^{п}*той цвѣ*^{т} *женской привѣ*^{т} *ка ѿцвѣтѣт и приве*^{т} *пропаде*^{т} [1, с. 104].

Дополнительно к перечисленным группам мы добавляем ряд паремий, которые содержат колоративы особого рода – указывающие на наличие цвета в целом, а не на его конкретный цветовой оттенок (такие паремии также включены нами в статистику): *Сукно избирай цвѣтомъ а друга привѣтомъ* [1, с. 141], *Цвѣтное платье в болшое мѣсто несетъ* [1, с. 153], *Цвѣтное пла*^{т}*е на плеча а добрая мысль к ср*^{о}*цу* [1, с. 153].

В «Повѣстях или пословицах…» нет ЦО ЛСГ коричневого, синего и оранжевого тонов, но имеются слова, образованные от них, – существительные, называющие лошадей по их масти: *Умыкали бурка крутые горки* [1, с. 145], *Удастся голубец не надобе и дубець* [1, с. 146], *Укра*^{п} *бы рыжка да лиха о*^{т}*рыжка* [1, с. 146]. К паремиям такого рода можно добавить поговорку *Ходитъ что саврасъ бе*^{з} *у*^{з}*ды* [1, с. 150], в которой наименование лошади образовано от колоратива ЛСГ смешанного тона *саврасый*.

Паремии с двумя ЦО – в основном колоративами *белый* и *черный* – встречаются реже, но именно цветовые слова становятся в них той базой, которая позволяет создать противопоставление, способствующее реализации воспитательной функции пословиц:

1. *Береги бѣлую дн̃гу на чорнои дн̃ь* [1, с. 79].

2. *Мыло черно да моетъ бѣло* [1, с. 122].

3. *Хорошо бѣречь бѣлую денешку на чо*^{р}*ной день* [1, с. 151].

4. *Корова че*^{р}*на да молоко у неи бѣло* [1, с. 112].

Несколько отличается от этих паремий пословица *Алои малой зеленой ка~~о~~та*^{н} [1, с. 77], которую можно встретить также в сборнике В. И. Даля в разделе «Щегольство» [11, Т. II, с. 84]. Благодаря колоративам в ней создается контрастное соседство алого и зеленого цвета, которое становится атрибутом осуждаемого в народе щегольства. Сочетаемость цветолексемы *алый* с существительным, называющим молодого человека (*малый*), позволяет предположить, что алый цвет в данной пословице является признаком здорового румянца молодого лица. Если это предположение верно, то в паремии выводится мысль, что с народной точки зрения обладателю отменного здоровья, признаком которого является алый, румяный цвет лица, больше пристало трудиться, а не заниматься щегольством. Однако нельзя исключать и вероятность того, что лексема *малый* может иметь здесь значение «слуга» [8, вып. 9, с. 23], и в таком случае поучительность пословицы будет выходить на социальный, сословный план: представителю низкого сословия не к лицу заниматься щегольством, которое больше присуще высокому сословию.

Наибольшее количество колоративов, три, содержит паремия *Алъ лалъ бѣлъ а*^{п}*мазъ зеленъ изумру*^{д} [1, с. 75], которая является скороговоркой, поскольку в ней просматривается больше игра слов, чем пословичное назидание. ЦО сочетаются в ней с названиями драгоценных камней, среди которых упоминается *лал* – шпинель, «драгоценный камень, по цвету близкий к рубину, но уступающий ему по твердости и блеску» [8, вып. 8, с. 167].

Материал «Повѣстей или пословиц…» вновь подтверждает тот факт, что в устном народном творчестве предпочтение отдавалось общеупотребительным колоративам, относящимся к устойчивому фонду русского языка [12, с. 110–111]. При этом в паремиях часто наблюдается преобладание оценочной семантики ЦО, которое определяется воспитательной целью пословичного жанра.

Работа с одним из первых рукописных собраний русских пословиц и поговорок вызывает исследовательский интерес с точки зрения не только колористики, но и лексикологии в целом: для понимания смысла паремий нередко требуется уточнение семантики устаревших слов, составляющих контекст колоративов. Кроме того, сборник «Повѣстей или пословиц…» содержит богатый иллюстративный материал для исторического направления грамматики, поскольку в текстах размещенных в нем паремий зафиксированы архаичные формы прошедшего времени глагола, колебания окончаний винительного падежа существительных и ряд других грамматических особенностей русского языка XVI–XVII вв. Всё это в совокупности убеждает в необходимости дальнейшего изучения уникального лингвистического источника, созданного автором, который, к сожалению, до сих пор остается неизвестным.

Список использованных источников

1. Симони, П. К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий / собр. и пригот. к печати Павел Симони. Вып. 1. – СПб. : Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1899 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://viewer.rusneb.ru/ru/005664_000048_RuPRLIB12050358?page=675&rotate=0&theme=white – Дата доступа : 01.10.2025.
2. Снегирев, И. М. Русские народные пословицы и притчи / И. М. Снегирев ; отв. ред. О. А. Платонов. – М. : Институт русской цивилизации, 2014. – 528 с.
3. Буслаев, Ф. И. Русские пословицы и поговорки / Ф. И. Буслаев // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. Книги второй половина вторая. – М. : Типография Александра Сомова, 1854. – С. 1–176 [Электронный ресурс]. Режим доступа : https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004413514/. – Дата доступа : 08.10.2025.
4. Перфилова, М. Н. Колоративы как способ передачи народного опыта в пословицах и поговорках / М. Н. Перфилова // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2014. – № 77. – С. 89–92.
5. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь: свое и чужое: опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний / М. И. Михельсон. – СПб. : Тип. АО «Брокгауз – Ефрон», 1912. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003793585/. – Дата доступа : 09.10.2025.
6. Кезина, С. В. Культурная значимость лексемы *красный* / С. В. Кезина // Пушкинские чтения – 2025. Художественные стратегии классической и новой словесности : материалы XXX Международной научной конференции, 6–7 июня 2025 г. / отв. ред. Т. В. Мальцева. – СПб. : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2025. – С. 338–345.
7. Бахилина, Н. Б. История цветообозначений в русском языке / Н. Б. Бахилина. – М. : Наука, 1975. – 286 с.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1975–2023.
9. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. – СПб. : Типография Императорской академии наук, 1893 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://archive.org/details/vivasss_mail_1_201810. – Дата доступа : 09.10.2025.
10. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков / под ред. О. С. Мжельской. – Вып. 2. – СПб : Наука, 2006. – 340 с.
11. Даль, В. И. Пословицы русского народа : в 2 т. / В. И. Даль. – СПб. ; М. : Издание М. О. Вольфа, 1879 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://runivers.ru/lib/book9724/482953/. – Дата доступа : 10.10.2025.
12. Перфилова, М. Н. Динамика лексики цвета в русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. Н. Перфилова ; ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина». – Пенза, 2022. – 251 с.

Abstract. This article examines paroemias with a color component found in the 17th-century manuscript collection “Stories or Proverbs of the Most Popular, Alphabetically Organized”. The prevalence of proverbs containing one color designation is noted; their distribution into categories is based on lexical-semantic groups to which color components belong.
Keywords: color designation, paroemia, lexical-semantic group, source study.

Перфилова Мария Николаевна – кандидат филологических наук; Пензенский государственный университет (sovyshka2608@yandex.ru).

УДК [811.161.1+811.161.3+811.581]’373.72:72

Н. С. Протасеня

АРХЕТИПИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В АРХИТЕКТУРНОМ КОДЕ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, БЕЛОРУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация. В статье сопоставляются способы репрезентации архетипической оппозиции «свой – чужой» в русской, белорусской и китайской лингвокультурах на материале фразеологизмов, соотносимых с архитектурным кодом культуры. Показаны типологически сходные и национально-специфические формы образного отражения представлений о «своем» и «чужом» посредством единиц данного культурного кода.
Ключевые слова: архитектурный код культуры, фразеологические единицы, архетипическая оппозиция, оппозиция «свой – чужой».

Архетипические оппозиции представляют собой древнейшие формы моделирования мира и составляют неотъемлемую часть мифологической картины мира. К их числу относят такие бинарные противопоставления, как «верх – низ», «правый – левый», «свет – мрак», «свой – чужой», «близкий – далекий», «мужской – женский» и др.

Архетипические оппозиции, в число которых входят такие бинарные противопоставления, как «верх – низ», «правый – левый», «свет – мрак», «свой – чужой», «близкий – далекий», «мужской – женский» и др., представляют собой древнейшие формы моделирования реальности. Основополагающая роль в архетипической модели мира принадлежит оппозиции «свой – чужой», которая, по мнению С. В. Ивановой, «отвечает за категоризацию действительности с точки зрения принадлежности существующих объектов к своей личной сфере, то есть себе самому или своему личному пространству, как физическому, так и ментальному» [1, с. 81]. В народной культуре данная семантическая оппозиция соотносится с такими аксиологическими признаками, как «хороший – плохой», «праведный – греховный», «чистый – нечистый», «живой – мертвый», «человеческий – нечеловеческий (звериный, демонический)», «внутренний – внешний» [2, с. 425]. Таким образом, оппозиции «свой – чужой» как ключевая культурологическая категория «носит мифологический характер, кроется в глубинах мифологического, существует в сознании человека, позволяя моделировать представления о мире на основании эмоций, оценок, впечатлений» [3, с. 182].

Особенности мировидения, характерные для мифологического сознания, находят отражение во внутренней форме многих фразеологизмов. Фразеологизмы, связанные с архетипическим противопоставлением «свой – чужой», соотносятся с различными кодами культуры: соматическим (*бок о бок*); пространственным (*на край света*); анимистическим (*открыть душу*); природным (*водой не разольешь*); архитектурным (*от ворот поворот*) и др.

Архитектурный код включает в себя имена строений, их частей и прилегающих к ним территорий, которые, помимо первичного номинативного, обладают еще

и переносным образным значением и выступают как знаки вторичной семиотической системы. Своеобразная граница между «своим» и «чужим» пространством прослеживается в семиотике конструктивных элементов дома и находит отражение в соответствующем сегменте фразеологической картины мира.

В данной статье объектом исследования является языковая репрезентация оппозиции «свой – чужой» в русских, белорусских и китайских фразеологизмах, включающих обозначения конструктивных элементов дома и прилегающих к нему территорий. Источниками языкового материала послужили «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» под ред. А. Н. Тихонова [4; 5], «Большой словарь русских пословиц» под ред. В. М. Мокиенко [6], «Большой словарь русских поговорок» под ред. В. М. Мокиенко [7], «Большой словарь русских народных сравнений» под ред. В. М. Мокиенко [8], “Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы” І. Я. Лепешава [9], “Тлумачальны слоўнік прыказак” І. Я. Лепешава [10], сборник «Прыказкі і прымаўкі» [11], «Слоўнік беларускіх народных параўнанняў» Т. В. Валодзінай [12], 中华成语辞海, 主任陈霞村 («Китайский фразеологический словарь Цыхай», гл. ред. Чэнь Сяцунь) [13], 谚语大词典, 高歌东主编 («Большой словарь пословиц», гл. ред. Гао Гэдун) [14], 汉语惯用语词典, 黄斌宏主编 («Словарь привычных выражений китайского языка», гл. ред. Хуан Биньхун) [15].

Символизация «своего» и «чужого» пространства в русском, белорусском и китайском языках связана с такими конструктивными элементами дома и прилегающими к нему территориями, как *дверь*, *ворота*, *порог*, *стена*, *забор*, *окно*, *крыша*.

В трех лингвокультурах *стена* и *забор* выступают маркерами «своего» пространства, обладают символическим значением защищенности и безопасности какого-либо места: русск. *И стены в доме помогают*; *Дома и четыре стены лечат*; *Забор высок – не увидишь*; *Без забора [да] без запора не уйдёшь (не спасёшься) от вора*; бел. *Дома і сцены памагаюць*; *як за сценку заскочыць* ‘пра чалавека, які трапіў у бяспечнае месца’; *як за плотам* ‘пра надзейнае, абароненае пачуванне сябе дзе-н.’; кит. *铜墙铁壁* ‘крепкая, неразрушимая защита’ (букв. ‘медные стены, железные валы’); *篱牢犬不入* ‘если защитные меры эффективны, то никто не сможет найти лазейку’ (букв. ‘забор прочный, собака не влезет’)).

В мировидении трех народов пребывание в «своем» пространстве не всегда ассоциируется с безопасностью. Свой дом может подвергаться различным угрозам, исходящим извне: а) возможностью быть услышанным чужими (русск. *И у стен есть уши*; *В стене лишние сучки (глаза, уши, соглядатаи) есть* ‘нужно говорить с осторожностью, так как могут подслушать’; *Не бойся дверей, а бойся щелей*; бел. *І сцены маюць вушы*; *У хаце нікога няма, але сцены слухаюць*; кит. *隔墙有耳* ‘предупреждение о возможной утечке информации’ (букв. ‘за стеной есть уши’); *天有眼,墙有耳* ‘секреты трудно скрыть, нужно всегда быть осторожным в конфиденциальных беседах’ (букв. ‘небо имеет глаза, у стен есть уши’); *门里说话，要防门外有人* ‘во время личных разговоров нужно остерегаться подслушивания’ (букв. ‘разговаривая за дверьми, остерегайтесь людей снаружи’); *门有缝，窗有耳* ‘личные разговоры могут быть подслушаны’ (букв. ‘у двери есть щели, у окна есть уши’)); б) бедой (русск. *Отворяй ворота беде*; кит. *闭门家里坐，祸从天上来* ‘произошла нежданная беда’ (букв. ‘закрыть дверь и сидеть дома, беда наступает с небес’); *屋漏又遭连阴雨* ‘непрерывно попадать в беду, ухудшение обстановки’ (букв. ‘крыша протекает, да еще и затяжной дождь’)). Во фразеологическом материале китайского языка также отражены представления об опасности изнутри: *萧墙之变* ‘бедствия и беспорядки, вызванные внутренними причинами’ (букв. ‘смута за внутренними стенами’); *衅发萧墙* ‘неприятности или стихийные бедствия, возникшие внутри’ (букв. ‘раздоры проявляются за внутренними стенами’).

Нахождение в замкнутом пространстве также может осмысливаться как ограничение представлений человека о жизни и оторванность от действительности: русск. *Не весь свет, что в твоём окне*; *Из окна всего света не оглянешь*; *Не только свету, что в окне, на улицу выйдешь – больше увидишь* ‘мир гораздо просторнее конкретных обстоятельств жизни каждого человека’; бел. *Не ўвесь свет у акне*; кит. *闭门造车* ‘не принимать во внимание реального положения вещей, занимаясь делами, полагаться лишь на субъективный взгляд’ (букв. ‘делать телегу при закрытых дверях’);*向壁虚造* ‘необоснованный вымысел’ (букв. ‘повернувшись лицом к стене, творить из ничего’). Данные фразеологизмы содержат пространственную метафору, которая подчеркивает несоизмеримость домашнего пространства и всего окружающего мира, а также отображает культурные установки, предписывающие необходимость расширения границ собственного мировидения.

В русском и белорусском языках образы *ворот, двери, стены* соотносятся также с пространственным кодом культуры и отражают представление о близком расположении чего-либо, символизируя одновременно территориальную приближенность и разграничение пространства на освоенное и чужое: русск. *ворота в ворота* ‘рядом, близко’; *дверь в дверь* ‘в непосредственной близости друг от друга, непосредственно друг против друга (быть, находиться, располагаться)’; *жить двери в двери* ‘быть соседями’; *стена в стену, стена об стену жить/находиться* ‘совсем рядом, в непосредственной близости, соседстве’; бел. *дзверы ў дзверы*; *сцяна ў сцяну жыць (пражываць) і пад.* ‘зусім побач, у непасрэднай блізкасці, па суседству’; *сцяна да сцяны* ‘у непасрэднай блізкасці, па суседству (жыць, знаходзіцца)’.

Образы фразеологизмов, имеющих в своем составе компоненты, называющие конструктивные элементы дома, восходят к архетипической форме осознания мира, противопоставляющей «свое» и «чужое» пространство. Данные представления наиболее ярко проявляются во фразеологизмах, описывающих различные стороны взаимодействия людей друг с другом и с окружающим миром.

Одним из главных символов границы «своего» пространства является порог: русск. *на порог / к порогу не пускать / не допускать* ‘не принимать, не пускать в дом’; *Вот (тебе) бог, а вот порог* ‘предложение уйти’; бел. *не пускаць/не пусціць на парог каго* ‘не прымаць у сваім доме, не дазваляць заходзіць у свой дом’; *Вось (вот) <табе> бог, а вось (вот) парог* ‘выбірайся вон’. Метонимически замещая дом, порог ассоциируется с местом, где находятся люди, которые могут помочь: русск. *обивать / околачивать / отаптывать пороги* ‘беспрестанно ходить куда-л.’; бел. *абабіць/абіваць парогі чые, каму, каго, чаго* ‘настойліва хадзіць куды-н., просячы, дамагаючыся чаго-н.’; кит. *踢破门槛* ‘много посещающих’ (букв. ‘обить порог’); *户限为穿* ‘много людей, которые приходят посмотреть или спросить совета’ (букв. ‘пороги истоптаны’).

В русском и китайском языках лексемы со значением ‘ворота’, ‘дверь’ символизируют персональное пространство и границу, соблюдение которой способствует формированию хороших взаимоотношений между людьми: *Мети всяк перед своими воротами*; *各家自扫门前雪，莫管他家屋上霜* ‘каждый занимается своим делом и не вмешивается в чужие дела’ (букв. ‘каждая семья подметает снег у своих ворот, не заботясь об инее на крыше другой семьи’). Данные пословицы метафорически фиксируют необходимость четкого разделения личных границ и обязанностей.

Во фразеологическом фонде китайского языка принадлежность к «своим» может выражаться в территориальной общности. Таким путем отмечается перенос пространственных отношений на межличностные. Семейно-родовая близость и социальная общность людей воплощается в образах двери и окна: *门内之口* ‘члены семьи’ (букв. ‘члены семьи внутри дверей’); *一门百指* ‘семья из десяти человек’ (букв. ‘одна дверь, сто пальцев’); *上下同门* ‘муж тетки по отцу и муж племянницы во взаимном обращении’

(букв. ‘старшее поколение и младшее поколение, общая дверь’); *一门同气* ‘близкие отношения и братские чувства между братьями или людьми одной системы взглядов’ (букв. ‘одна дверь, одинаковая духовная близость’); *同门共业* ‘учиться у одного учителя, а именно быть одноклассниками’ (букв. ‘одинаковая дверь, общее дело’); *同窗好友* ‘друг по учебе’ (букв. ‘общее окно, хороший друг’); *同窗之情* ‘дружба между одноклассниками’ (букв. ‘общее окно + дружба’).

В русском и белорусском языках нами были отмечены единичные примеры фразеологизмов, в которых компонент *крыша* выступает в качестве объединяющего начала и символизирует близость домочадцев: *жить под одной крышей*; *пад адным дахам (пад адной страхой) жыць (пражыць)*.

В архитектурном коде трех лингвокультур стена, являясь знаком границы, выступает символом отчужденности, изоляции от внешнего мира и ограничения взаимодействия с другими людьми: русск. *в четырех стенах сидеть, жить и т. п.*; *жить как замурованные [тесными] стенами* ‘о людях, живущих в изоляции от внешнего мира и общества’; *(жизнь) как за монастырскими стенами* ‘о жизни в уединенном, закрытом, отгороженном от остального мира месте; о чьем-л. аскетическом, крайне воздержанном, умеренном образе жизни’; бел. *ў чатырох сценах сядзець, жыць і пад.*; *між чатырох сцен (жыць, сядзець і пад.)*; *як за сцяну заступіла* ‘пра жанчыну, што адасобілася, адгарадзілася, страціла сувязь са знешнім светам’; *як за сцену* ‘пра чалавека, які спыніў адносіны, знік, схаваўся’; кит. *杜墙不出* ‘не выходить и прекратить общение с внешним миром’ (букв. ‘затвориться в стенах и не выходить’); *逾墙避命* ‘отшельник, ведущий уединенную жизнь и не поступивший на государственную службу’ (букв. ‘перелезть стену, избегать приказа о назначении на должность’).

Как свидетельствует фразеология трех языков, в народном языковом сознании конструктивные элементы дома выступают в роли символов связи с внешним миром: русск. *при открытых дверях*; *окно в мир*; бел. *дзверы адчынены / расчынены / парасчыняны каму, для каго, перад кім*; *адчыняць / расчыняць / адчыніць / расчыніць акно ў свет (які, каму)*; кит. *开大门* ‘преодолеть ограничения, предоставить еще более подходящие условия и возможности’ (букв. ‘открыть ворота’).

Двери и ворота, будучи инструментом, открывающим и закрывающим канал перемещения и взаимодействия людей, являются одним из важнейших культурных символов, кодирующих как положительные, так и отрицательные аспекты взаимоотношений между людьми: а) гостеприимство (русск. *открывать / открыть / раскрывать / раскрыть / распахивать / распахнуть двери* ‘оказывать гостеприимство, хороший прием’; *держать дверь открытой* ‘быть гостеприимным’; *Для дорогого гостя и ворота настежь*; бел. *Для дарагога госця і вароты насцеж*; кит. *过门都是客* ‘быть гостеприимным к каждому, кто оказывается возле входа в дом’ (букв. ‘проходящие мимо ворот – все гости’); *门不停宾* ‘радушно принимать гостей, быть открытым’ (букв. ‘не останавливать гостей в воротах’)); б) отказ от потенциальных контактов, лишение каких-либо возможностей (русск. *закрывать/закрыть двери перед кем-л., для кого-л.* ‘активно препятствуя, лишать кого-л. возможности что-л. сделать, чего-л. добиться’; *от ворот поворот дать кому* ‘решительно отказать кому-л. в чем-л’; бел. *дзверы зачынены/зачыніліся каму, перад кім* ‘хто-н. не мае свабоднага доступу куды-н., пазбаўлены якіх-н. магчымасцей’; *адваротпаварот каму* ‘рашуча, катэгарычна адмовіць каму-н. у чым-н.’; кит. *拒之门外* ‘отказать в переговорах или в ведении общего дела’ (букв. ‘держать за дверью’); *闭门谢客* ‘отвергать контакты с внешним миром’ (букв. ‘запереть двери и отказывать в приеме гостям’)); б) разрыв уже существующих контактов (русск. *выбрасывать / выбросить / выкидывать / выкинуть / вышвыривать / вышвырнуть за ворота кого-л.* ‘увольнять, лишать работы, места’; бел. *выкідванне за вароты каго,*

выкідваць/выкінуць за вароты каго ‘звальненне з работы, пазбаўленне сродкаў існавання’; кит. *扫地出门* ‘избавиться от всего; лишить всего семейного имущества и выгнать из дома с пустыми руками’ (букв. ‘подмести и вымести за дверь’)).

В русском и белорусском языках признак открытости/закрытости ворот может служить знаком социального разграничения входящих: русск. *На богатого ворота настежь, на убогого – запор*; *Каждые ворота для бедного заперты*; бел. *Багатага за варотамі сустракаюць, а ад беднага дзверы запіраюць*. Схожие идеи отражены и в китайской фразеологии. Сравн. фразеологизм, подчеркивающий необходимость соответствия социального статуса во взаимоотношениях между людьми: *门无杂宾* ‘быть разборчивым в знакомствах’ (букв. ‘у ворот нет случайных гостей’); *侯门似海* ‘люди, которые в прошлом были знакомы, но потом из-за большой разницы в статусе отдалились друг от друга и не могут встретиться’ (букв. ‘ворота знатной семьи подобны морю’).

Проведенный нами анализ фразеологических единиц, воплощающих архитектурный код культуры, позволяет сделать вывод о сходстве традиционных представлений о «своем» и «чужом» пространстве в русской, белорусской и китайской лингвокультурах. В трех языках оппозиция «свой – чужой» преимущественно актуализируется во фразеологизмах, характеризующих взаимоотношения между людьми. При этом конструктивные элементы дома выполняют функцию границы и обеспечивают связь с внешним миром. Дом в пространственной модели мира, с одной стороны, воспринимается в качестве защищенного и безопасного места, а с другой – как замкнутое пространство, сопряженное с непредвиденными угрозами и ограничивающее представления человека об окружающем мире.

Национально-культурные различия в актуализации исследуемой нами оппозиции проявляются в пространственной сфере. Во фразеологическом фонде русского и белорусского языков преобладают единицы, отражающие представления о близком соседстве и символизирующие одновременно территориальную приближенность и разграничение пространства на освоенное и чужое. В китайском языке культурную специфику обнаруживают фразеологизмы, в которых принадлежность к «своим» конкретизируется через отношения родства, социальной общности, духовной близости, единстве взглядов и воплощается в образах конструктивных элементов дома.

Список использованных источников

1. Иванова, С. В. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения / С. В. Иванова, З. З. Чанышева. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2010. – 366 с.

2. Славянская мифология : энциклопедический словарь : А-Я / Российская акад. наук, Ин-т славяноведения ; [редкол.: С. М. Толстая (отв. ред.) и др.]. – изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Международные отношения, 2011. – 509 с.

3. Лаптева, М. Л. «Свое» и «Чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики / М. Л. Лаптева. – М. : КНОРУС, Астрахань : Астраханский ун-т, 2016. – 212 с.

4. Фразеологический словарь современного русского литературного языка : в 2 т. / сост.: А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов ; под ред. А. Н. Тихонова. – М. : Флинта : Наука, 2004. – Т. 1 : А–П. – 831 с.

5. Фразеологический словарь современного русского литературного языка : в 2 т. / сост.: А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов ; под ред. А. Н. Тихонова. – М. : Флинта : Наука, 2004. – Т. 2 : П–Я. – 830 с.

6. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц : около 70000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1023 с.

7. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.

8. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.

9. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – Т. 1: А–Л. – 672 с; Т. 2: М–Я. – 704 с.

10. Лепешаў, І. Я. Тлумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 667 с.

11. Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кн. / склад. М. Я. Грынблат; рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976.

12. Слоўнік беларускіх народных параўнанняў / Нац. акад. навук Беларусі, ін-т мовы і літ. імя Я. Купалы; уклад. Т. В. Валодзіна, Л. М. Салавей; навук. рэд. В. М. Макіенка. – Мінск : Беларуская навука, 2011. – 482 с.

13. 中华成语辞海 / 主任陈霞村. – 长沙：湖南教育出版社. – 1796 页. = Китайский фразеологический словарь Цыхай / гл. ред. Чэнь Сяцунь. – Чанша : Изд-во «Просвещение Хунань», 2014. – 1796 с.

14. 谚语大词典 / 高歌东主编. 2 版. – 成都: 四川辞书出版社, 2022. – 1049 页. = Большой словарь пословиц / гл. ред. Гао Гэдун. 2-е изд. – Чэнду : Изд-во словарей Сычуань, 2022 – 1049 с.

15. 汉语惯用语词典 / 黄斌宏主编. – 北京：商务印书馆国际有限公司, 2009. – 1504 页. = Словарь привычных выражений китайского языка / гл. ред. Хуан Биньхун. – Пекин : ООО Международ. коммер. изд-во, 2009. – 1504 с.

Abstract. The article compares the ways of representing the archetypal opposition “us – them” in Russian, Belarusian and Chinese linguistic cultures based on phraseological units correlated with the architectural cultural code. Typologically similar and nationally specific forms of figuratively reflecting the concepts of “us” and “them” through units of this cultural code are demonstrated.

Keywords: architectural cultural code, phraseological units, archetypal opposition, opposition “us – them”.

Протасеня Нина Сергеевна – старший преподаватель; Белорусский государственный университет (nlnaprotasenya@gmail.com).

УДК 811.161.1’112:81’373.72

А. И. Реинер

ПРОЦЕССЫ РАЗВИТИЯ ИДИОМАТИЧНОСТИ СОЧЕТАНИЙ, ОБРАЗОВАННЫХ ПО МОДЕЛИ «*В* + N6 (ANIM, PL)»

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы идиоматизации устойчивых сочетаний модели «*в* + N6 (anim, pl)», изначально обозначавших принадлежность к социальной группе. На материале лексикографических и корпусных источников прослеживается семантическая, грамматическая и стилистическая трансформация как отдельных сочетаний, так и самой конструкции.

Ключевые слова: историческая фразеология, устойчивая предложно-именная конструкция, оценочная конструкция, идиоматизация, семантическая переинтерпретация.

Объектом настоящего исследования являются устойчивые предложно-именные конструкции (далее – УПИК), образованные по модели «*в* + N6 (anim, pl)» с изначальным общим значением принадлежности к группе людей (*в девках, в людях* и др.). УПИК представляют собой двухкомпонентные сочетания, состоящие из предлога и падежной словоформы, обладающие единым значением, воспроизводимостью, устойчивостью, но разной степенью идиоматичности. Определение лингвистического статуса УПИК неоднозначно, поскольку они обладают признаками как лексической единицы (одноударностью, эквивалентностью слову), так и фразеологической единицы (далее – ФЕ) (неоднословностью, синтаксической членимостью), а также общими для них чертами (воспроизводимостью, идиоматичностью, присущей «не только идиомам, но и сочета-

ниям морфем, однословным метафорам, окказиональным употреблениям языка и т. п.» [1, с. 64]). УПИК может быть признано изначально ФЕ при наличии ряда перечисленных признаков, однако на разных этапах развития языка ее лингвистический статус может различаться, поскольку накопление идиоматичности и грамматической устойчивости происходит в истории языка постепенно [2, с. 137, 147].

Целью настоящего исследования является рассмотрение процессов развития идиоматичности УПИК, образованных по модели «*в* + N6 (anim, pl)», на материале лексикографических (исторических общих и региональных словарей) и корпусных источников (старорусского, основного и подкорпуса социальных сетей Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ)).

Теоретической основой работы служит классификация механизмов идиоматизации, предложенная А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским. Согласно этому подходу, развитие идиоматичности происходит с помощью трех основных механизмов, которые могут быть связаны друг с другом: 1) переинтерпретации (развития переносного значения на основе ассоциативных связей), 2) непрозрачности (наличия уникальных компонентов в составе оборота, значение которых носитель языка не может восстановить), 3) усложнения способа указания на денотат (существования выражения наряду со стандартным наименованием той же сущности) [1, с. 30–31]. Следует подчеркнуть, что исходная классификация была разработана для выявления степени идиоматичности лексических фразеологизмов в современном русском языке, а в настоящем исследовании рассматривается диахронный процесс развития идиоматичности единиц разных уровней, связанных друг с другом: от абстрактной синтаксической схемы до ее конкретных реализаций – УПИК, претерпевших различную семантическую и грамматическую трансформацию. Это приводит к тому, что детализированные типы идиоматизации, предложенные авторами, имеют ограниченную применимость к анализируемому материалу, но общая концепция таких механизмов выступает в качестве методологической основы настоящего исследования.

1. Семантико-грамматическая переинтерпретация синтаксической конструкции «*В* + N6 (anim, pl)» является структурно-семантическим вариантом общей синтаксической конструкции «*в* + N6 (sing, pl)», которая приобрела вторичное значение состояния еще в древности [3, с. 66–69], что позволило ей расширить свои грамматические возможности и включать абстрактный полнозначный компонент. Этот процесс связан с семантической переинтерпретацией, в частности с метафорическим переносом, основанным на том, что состояние субъекта осмысливается как вместилище (container metaphor в когнитивной лингвистике (см. [4])). Изначальная локативная семантика предлога *в* и местного падежа создала основу для интерпретации абстрактных состояний как пространства, в которое помещается субъект.

Общая конструкция «*в* + N6 (sing, pl)» с семантикой состояния характеризовалась особенно высокой продуктивностью в старорусский период и использовалась для обозначения разных состояний субъекта: эмоционального (*я нынѣ* ***въ скорби*** (АЮЗР III, 579, 1657 г. [5]); *молыла…* ***въ сердцахъ*** (Сл. и д. I, 441, 1636 г. [6])), физиологического (*Монахъ Сильверстъ... толко еще* ***в силѣ*** (Гр. Арханг. еп., 18, 1696 г. [6])); *ныне я* ***в возрасте*** (Кр. чел. XVII в., № 76, 1670–1679 гг. [10])) и др. Особый интерес в этом ряду представляют сочетания, образованные по модели «*в* + N6 (anim, pl)», обозначавшие социальные характеристики субъекта: семейный статус (например, *Она была* ***в дѣвках*** (Сл. Ворон., 89, XVII в. [5])), профессиональный статус (например, *Омелке Мухановскому быть...* ***въ лькарехъ*** (Мат. медиц., 247, 1663 г. [6])), имущественное положение (например, *Бѣдные всегда* ***въ нищихъ*** (А. земск. торг, д., 33, 1666 г. [7])) и др.

В донациональный период развития языка конструкция выполняла номинативно-нейтральную функцию. Большинство сочетаний, образованных по этой модели, в языке этого периода сложно назвать фразеологическими, поскольку они образовывались по регулярным правилам, уже устоявшимся в языке. Однако многие УПИК, образованные по этой модели, стали основой для последующего формирования ФЕ и наречий.

Со временем продуктивность конструкции снизилась, и к XX в. она превратилась в грамматический идиоматизм [8, с. 356]. Однако, по данным НКРЯ, в современном русском языке конструкция продолжает функционировать, хотя и с меньшей частотностью, к тому же она характеризуется некоторой стилистической маркированностью; претерпели семантическую и грамматическую трансформацию и отдельные УПИК, являвшиеся первоначально вариантами ее реализации в донациональный период развития языка (см. ниже).

2. Грамматическая переинтерпретация отдельных УПИК

Грамматическая переинтерпретация связана с изменением частеречной принадлежности отдельных УПИК. Примером такой переинтерпретации служит сочетание *в гостях*. Его переход в разряд наречий, произошедший еще в древности, был предопределен пространственно-социальной семантикой существительного *гость* (‘пребывание в статусе гостя’ → ‘нахождение на чужой территории’ (см. праслав. *gôsťь ‘гость’, ‘чужеземец’ [9, с. 323–324])). УПИК *в гостях* в качестве наречия функционирует в древнерусских текстах: например, *аще черньць лѣностью не идеть въ келию свою и лежить* ***въ гостех*** (Правила о черноризцах, к. XII в. – нач. XIII в.) [10].

Сходный путь изменения лексико-грамматического статуса демонстрирует и сочетание *в людях* ‘при посторонних людях, публично’, которое в старорусский период функционировало как обстоятельство места и обстоятельство образа действия (*Что де ты меня безчестишь* ***въ людяхъ*** (АХУ III, 26. 1626 г. [6])). В истории языка на протяжении долгого времени это сочетание конкурировало с синонимическими *при людях* и *на людях* и к XX в. окончательно вышло из языка.

Таким образом, исходно близкие по структуре, семантике и синтаксической функции УПИК могут иметь различную судьбу: от полной адвербиализации и закрепления в языке до вытеснения синонимичными конструкциями в результате конкуренции.

3. Семантическая переинтерпретация отдельных УПИК

Процесс затронул ряд сочетаний модели «*в* + N6 (anim, pl)». Например, *в девках* ‘не замужем’ (перенос с возрастного статуса ‘будучи молодой девушкой’ на социальный статус ‘незамужняя’), *в дураках* ‘в глупом положении; обманутый’ (перенос с постоянного признака ‘глупый’ на состояние как результат ситуации ‘обманутый, в глупом положении’), *в людях* ‘в услужении у кого-л.’ (перенос с локативного статуса ‘нахождение среди других людей’ на социальный статус ‘работая по найму’). Примеры из текстов старорусского периода свидетельствуют о раннем завершении этого процесса:

1. *А до очные, государь, ставки не вели ему, Григорью, тѣмъ моимъ… помѣстейцомъ владѣть и… разорить, чтобъ… дочеришко бъ мое…* ***въ дѣвкахъ*** *не засидѣлась* (МДПП, 96, 1628 г. [5]).

2. *А ты мой свѣтъ пишешь ко мнѣ, бутто... ты былъ* ***въ дурачкахъ****; и ты мой свѣтъ отъ меня не будешь* ***въ дуракахъ*** (Пис. к Голицыну XII, 34, 1689 г. [5]).

3. ***Я былъ въ людяхъ****, робилъ* (Дела о покраже коров и быков, 1675 г. [10].

Дальнейшая судьба УПИК сложилась по-разному: *в людях* в значении ‘в услужении, работая по найму’ вышло из употребления, а сочетания *в девках* и *в дураках* развили преимущественную сочетаемость с определенными глаголами. Процессы развития устойчивости и идиоматичности взаимосвязаны и могли происходить параллельно. Показательно в этом отношении сочетание *в дураках*, которое в старорусском языке преимущественно функционировало со связкой *быть* (2), но позже развило сочетаемость с глаголами *оставить* / *оставлять*, *остаться* / *оставаться*, чему способствовала, вероятно, популярность карточной игры в дурака (дураки) [11, с. 173]. Этот процесс привел к закреплению двух значений: ‘проиграть / выиграть в карточной игре в дурака’ (4) и ‘быть обманутым, в глупом положении’ / ‘обмануть, поставить в глупое положение кого-л.’ (5).

4. *Третьего дня все меня* ***в дураках*** *оставлял! Дошлый ты в картах! – промолвил Федос* (К. М. Станюкович. Нянька, 1895 [10]).

5. *Им владело странное чувство к покойному, будто тот обманул его,* ***оставил в дураках*** (Ю. М. Нагибин. Надгробье Кристофера Марло, 1972–1979) [10]).

В целом семантическая переинтерпретация УПИК *в девках* и *в дураках* демонстрирует стремление конструкций к выражению оценочной функции.

4. Усложнение указания на денотат как механизм формирования оценочной конструкции

В современном русском языке УПИК, образованные по модели «*в* + N6 (anim, pl)», функционируют преимущественно как экспрессивно-оценочные, часто с глаголом *ходить*:

6. *Специфика советской школы жизни, на мой взгляд, состоит и в том, что пребывание* ***«в начальниках»*** *– больших или не очень – формировало особый образ жизни* (А. Яковлев. Омут памяти. Т.2, 2001 [10]).

7..*Такие мадемуазели обычно* ***ходят в любовницах-содержанках*** *у местных авторитетов* (vk, 2015 [10]).

8. *Ну, конечно, всё Гроттерше! Она тут* ***в любимчиках ходит****, сиротка несчастненькая!* (Д. Емец. Таня Гроттер и магический контрабас, 2002 [10]).

9. *Что? 26 лет и все* ***в девках****?* (В. Робустова. Блогер Про Воронеж, 2020 [10]).

В приведенных контекстах УПИК обозначают не только конкретный социальный статус субъекта, но и являются средством выражения оценки (часто негативной) социально значимых качеств, ассоциируемых с соответствующей группой (например, начальник – пользующийся своей властью). В этом случае идиоматизация связана с усложнением указания на денотат (см. [1]): конструкция приобретает эмоционально-оценочную окраску при наличии нейтральных способов номинации в языке (*в директорах → директор*, *в девках → не замужем*).

Такие сочетания также могут употребляться в нейтральном контексте (*Павел же <...> некоторое время еще походил* ***в начальниках*** *отдела в правительстве области <...>* (С. Таранов. Черт за спиной, 2001 [10])), но это не отменяет наличие способности лексемы, входящей в состав УПИК, к актуализации в семантике всего оборота оценочных коннотаций. Такие случаи демонстрируют переходный характер между функционированием оборотов в качестве свободной конструкции с существительными, обозначающими ситуативные роли (*в свидетелях, в заложниках, в слушателях* и др.), и оценочной УПИК, которая отражает социально маркированные модели поведения (*в начальниках, в любимчиках* и др.). Так, в современном русском языке конструкция «*в* + N6 (anim, pl)» тяготеет к тому, чтобы закрепиться как оценочная.

Таким образом, процессы развития идиоматичности коснулись как общей конструкции, так и отдельных УПИК, образованных по модели «*в* + N6 (anim, pl)». В истории языка имели место: 1) формирование значения состояния в древний период через метафорическое переосмысление общей конструкции «*в* + N6 (sing, pl)»; 2) грамматическая переинтерпретация отдельных УПИК (*в гостях, в людях*); 3) семантическая переинтерпретация отдельных УПИК (*в девках, в дураках*); 4) закрепление конструкции в статусе оценочной, где доминирование оценочного значения над нейтральным реализует механизм усложнения указания на денотат.

Список использованных источников

1. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Знак, 2008. – 656 с.

2. Ларин, Б. А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы) / Б. А. Ларин. – М. : Просвещение, 1977. – 224 с.

3. Топоров, В. Н. Локатив в славянских языках / В. Н. Топоров. – М. : АН СССР, 1961. – 380 с.

4. Лакофф, Дж., Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : УРСС, 2004. – 252 с.

5. Словарь обиходного русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://xvi-xvii.iling.spb.ru/. – Дата доступа : 20.09.2025.
6. Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: отв. ред. С. Г. Бархударов [и др.]. – М. : Наука, 1975–.
7. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 21 / под ред. Л. А. Ивашко, И. С. Лутовиновой, М. А. Тарасовой. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. – 448 с.
8. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М., Л. : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. – 783 с.
9. Аникин, А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 11 (глю́ки – гра́йка) / А. Е. Аникин. – М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН, 2017. – 368 с.
10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ruscorpora.ru/. – Дата доступа : 18.09.2025.
11. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

Abstract. The article examines the mechanisms of idiomatization of stable phrases following the model "*v* + N6 (anim, pl)" (e. g. *v devkakh*, *v lyudyakh*), which originally denoted social group belonging. Using lexicographic and corpus sources, it traces semantic reinterpretation based on the model's locative semantics. The study shows the transformation of both the construction and individual phrases from neutral designations of states into a means of expressing evaluation.
Keywords: historical phraseology, stable prepositional-case construction, evaluative construction, idiomatization, meaning shift.

Реинер Ада Игоревна – младший научный сотрудник; Институт лингвистических исследований Российской академии наук (adairein@gmail.com).

УДК 811.161.1'42'373:398.92

Е. И. Рогалёва, Т. Г. Никитина

КОВРИЖКИ, КАЛАЧИ И ГУРЬЕВСКАЯ КАША: ЗАБЫТЫЙ ВКУС ВО ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Аннотация. В статье рассмотрены приемы учебной лексикографической репрезентации фразеологизмов, отражающих гастрономический (пищевой) код русской лингвокультуры. Приводятся фрагменты словарного описания оборотов с наименованиями традиционных русских кушаний, уходящих из пищевого обихода, показаны возможности текстовой передачи их вкусовых качеств.
Ключевые слова: фразеологизм, учебный фразеологический словарь, словарь дискурсивного типа, гастрономический код лингвокультуры, вкусовой код лингвокультуры, тактильный код лингвокультуры.

Как известно, гастрономический (пищевой) код культуры широко представлен фразеологизмами. Они отражают пищевые пристрастия народов, традиции приготовления и употребления блюд национальной кухни, оценку их вкусовых качеств. Фразеологические единицы (далее – ФЕ) с наименованиями пищи описаны на материале русского языка [1; 2] и в сопоставительном аспекте [3; 4]. Немногочисленные лингвострановедческие и лингвокультурологические фразеологические словари предлагают историко-этимологические комментарии, раскрывающие гастрономический (пищевой) компонент фразеологического образа: ***Перебиваться с хлеба на квас.*** < *…*> *Квас – национальный русский безалкогольный напиток, приготовленный на воде из хлеба и сухарей с солодом. Квас был повседневным напитком русских крестьян. Из него приготовлялись*

некоторые виды простых блюд, например, окрошка < … > . Хлеб и квас были «минимумом питания» в крестьянской России [5, с. 166]. ***Расшибиться в лепёшку***. < ...> Выражение основано на обыденном образе из повседневной крестьянской жизни. Лепешка – плоское, круглое изделие, выпеченное из теста. Слово произошло от диалектного, еще живого существительного *лепеха* (от глагола *лепить*). Прежде чем приготовить лепешку, ее раскатывали скалкой до тонкости. Это и послужило основой фразеологического выражения. Важную роль в этом сыграло переносное значение глагола *раскатать* – ‘расплющить’. Изначально устойчивое словосочетание имело вполне мотивированный смысл: кто-либо готов для достижения своей цели буквально расплющиться в лепешку [6, с. 201].

Дискурсивный формат учебных фразеологических словарей, которые разрабатываются в Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского государственного университета, не только позволяет донести до читателя-школьника этимологическую версию в доступной, занимательной текстовой парафразе, но и дает возможность раскрыть ее гастрономический компонент таким образом, чтобы ребенок получил «вкусовое представление» об ушедших или уходящих из современного праздничного и повседневного меню кушаньях.

Все реже в кондитерских и сетевых продуктовых магазинах можно увидеть коврижку – в прошлом популярное на Руси лакомство, гастрономическая и культурологическая ценность которого отражена в ФЕ *ни за какие коврижки* и раскрывается в соответствующей статье словаря для младших школьников «Ума палата» [7].

В соответствии с принципом интерактивности авторы словаря ведут виртуальный диалог с читателем, путешествуют с ним в пространстве и времени, раскрывая тайны происхождения фразеологизмов, и используют для этого самые неожиданные приемы, например, как в данной статье, приглашение к чаепитию:

Угощайся, пожалуйста. Мы проголодались, пока тебя в этой словарной статье дожидались. Вот решили коврижку купить и чайку попить. Очень вкусно. Раньше коврижки назывались медовым хлебом. Это старинное русское лакомство. В IX веке домашние хозяйки просто смешивали муку, ягодный сок и мёд (он составлял половину всего теста). Вот, попробуй, кусочек медовой коврижки. Сладкая, правда? Чайком запивай [7, с. 99].

А потом на Руси появилась коврижка с пряностями, которые стали привозить из Индии и ближневосточных стран. В нашем словарном ассорти коврижек она тоже представлена, как и еще один вариант – шоколадная коврижка с изюмом – самая вкусная, которую мы тоже предлагаем «попробовать» адресату словаря.

На пряник похоже? Так коврижка и есть гигантский пряник, потому что сделана из пряничного теста, – отвечаем мы читателю и рассказываем, как кондитеры выпекают большие пряничные пласты прямоугольной формы, смазывают начинкой, укладывают один на другой, украшают и разрезают на куски.

А на очереди коврижка с лимоном. Да еще и с заданием (развивающие задания с перевернутыми ответами включаются в каждую словарную статью):

!!! *Вот лимонная коврижка длиной 20 сантиметров и шириной 10 сантиметров. Раздели её поровну на всех членов твоей семьи. Можешь и нам по кусочку отрезать. Так сколько же коврижки достанется каждому?*

В ответе предлагается вариант расчета: *Если в твоей семье три человека и двое гостей (это мы), то ты можешь разделить коврижку поровну между всеми так: ширина каждого куска будет 4 сантиметра, длина 10 сантиметров. Другие варианты рассчитай сам* [7, с. 100].

Шутливый диалог подводит к выводу о развитии фразеологического значения: подъехавшие доставщики предлагают экспериментальную разработку – «Коврижка школьная фразеологическая». Оплата тоже экспериментальная:

– Денег не надо, но на летних каникулах будете ходить в школу. По шесть уроков каждый день.

– Что?! Да ни за какие самые вкусные коврижки мы на каникулах на уроки не пойдём!

Доставщики коврижки уехали, а мы вздохнули с облегчением и сделали вывод о происхождении фразеологизма (здесь мы возвращаем читателя к вкусовым ощущениям)*: оборот* ***ни за какие коврижки*** *употребляется в тех случаях, когда человек решительно отказывает кому-то в чём-то и даже самое заманчивое вознаграждение (коврижка) не заставит его согласиться. Сейчас коврижкой никого не удивишь. Вот если бы новый компьютер предложили, сноуборд или горный велосипед… Но фразеологизм-то появился в те древние времена, когда медовая коврижка, да ещё с пряностями из Индии, была мечтой любого сладкоежки. Ведь шоколадного тортика и фисташкового мороженого тогда еще не было* [7, с. 101].

Каша – традиционное русское блюдо, которое пока не уходит из нашего пищевого обихода. Но о том, что раньше ее подавали на свадьбе и готовили всей деревней, читатель узнает из статьи «Заварить кашу» в «Новом фразеологическом словаре для детей» [8]. «Помогая» сельским жителям в подготовке праздничного застолья, он рассчитывает необходимое количество пшеницы (кашу варили из цельных зерен) и масла для каши, количество горшочков, в которых она будет готовиться в печи, время, необходимое для «реализации проекта», и таким образом узнает об ингредиентах блюда и особенностях его приготовления. В статье «Расхлебывать кашу» раскрывается еще один кулинарный аспект темы: каша может быть жидкой, ее можно *хлебать* [8, с. 249–250, 277–278]. В статье «Мало каши ел» волшебный горшочек из известной сказки варит и варит геркулесовую кашу, которая считается самой полезной и необходимой для растущего детского организма. Однако никакие убедительные примеры не могут заставить братьев – героев словарной истории прикоснуться к нелюбимой каше. Вот тут-то авторы и предлагают им «раритет» – гурьевскую кашу, которую сейчас подают лишь в узко специализированных ресторанах русской кухни и гастрономических турах. Братья вместе с сестрой или мамой могут поучаствовать в ее приготовлении, а читатели, наблюдающие за этим процессом, почувствуют удивительный вкус блюда уже на стадии знакомства с ингредиентами (тут не только крупа и молоко, но и грецкие орехи, цукаты, ванильный сахар, сливки, а для начинки еще и абрикосы). Рекомендация по приготовлению также способна актуализировать вкусовые ощущения: *Взбитые белки, растертые с сахаром грецкие орехи и цукаты добавляются в кашу. Затем она выкладывается на сковороду слоями, которые чередуются с начинкой – абрикосами в сливочных пенках, и отправляется в печку. Запеченная до золотистой корочки, каша украшается фруктами, орехами, тертым шоколадом и сахарной пудрой* [8, с. 274–277]. Таким образом, дискурсивный характер словаря и в этом случае позволяет привязать к репрезентации фразеологизма сенсорный (вкусовой) компонент его культурного фона.

Этноспецифический фон русского фразеологизма *тёртый калач* комплексно отражает два лингвокультурных кода – вкусовой и тактильный, что также передается в словарной интерпретации ФЕ.

Так, в словаре «Сами с усами» [9], ориентированном на школьников младших и средних классов, о тёртом калаче рассуждают старые приятели – повар Сгущёнкин, который знает всё о фразеологизмах с наименованиями пищи (в словаре используется дискурсивный прием «авторитетный рассказчик»), и зашедший к нему на чай капитан дальнего плавания Петрович, опытный, бывалый человек, который сразу же подключился к кулинарному эксперименту – изготовлению тёртого калача по старинному рецепту. Друзья просеяли и подсушили муку, а потом, чтобы калач был мягким, пористым, пышным, долго перемешивали тесто и тёрли его на специальной доске. Вспомнили и пословицу: *Не тёрт, не мят – не будет калач*. А когда пили чай с аппетитным

тёртым калачом, Петрович сделал вывод: друзья-моряки называют его тёртым калачом, потому что он прошел много жизненных испытаний, как калач на пути от муки до обеденного стола. Это сравнение и лежит в основе фразеологизма [9, с. 160–161].

В словаре для иностранных студентов, изучающих русский язык («Путешествуем по России с русскими пословицами и поговорками» [10]), рассказчиками этой истории стали Наташа Л. и Света А. – члены вузовского фразеологического кружка (словарные тексты написаны здесь от лица ровесников читателей). На гербе их родного города (Калач-на-Дону) изображен калач, поэтому для своего страноведческого словарного проекта они выбрали ФЕ с данным компонентом. Сдобный белый хлеб в виде висячего замка оказался для них неизвестным продуктом, но рецепт, найденный на сайте «Старинная выпечка», помог приготовить тесто: девушки долго его мяли, тёрли и поняли, как появилось название изделия и переносное, фразеологическое значение: опытного, бывалого человека, которого называют *тёртым калачом*, долго «мяла» и «тёрла» жизнь [10, с.101–103].

Творческий подход в кружковой и клубной работе со словарями позволяет шире представить вкусовые ощущения – репрезентанты соответствующих кодов лингвокультуры, как, например, в кросскультурном фразеологическом видеоканале «Ямм – Таллин»: школьники поселка Ямм (Псковская область) установили связь со своими сверстниками одной из Таллинских школ, которым помогают изучать русскую фразеологию: снимают сюжеты о ситуациях употребления фразеологизмов, рассказывают о происхождении ФЕ, а в случае с фразеологизмом *тёртый калач* устроили под руководством своей учительницы синхронное изготовление этого забытого старинного русского кушанья и совместное онлайн-чаепитие с тёртым калачом, обсуждением его вкуса и разговорами о тёртых калачах – литературных героях [11, с. 204].

Таким образом, дискурсивный характер фразеологического учебного словаря обеспечивает репрезентацию вкусового кода русской лингвокультуры как неотъемлемой составляющей гастрономического (пищевого) кода в его фразеологическом воплощении с учетом динамики гастрономических предпочтений носителей языка и трендов пищевой промышленности.

Список использованных источников

1. Юрина, Е. А. Пищевая метафора в русском лингвокультурном дискурсе / Е. А. Юрина, А. В. Балдова // Язык и культура. – 2020. – № 50. – С. 152–169.

2. У, Ц. Лингвокультурологический анализ частотных русских фразеологизмов с гастрономическим компонентом / Ц. У // Нургалиевские чтения–XIII: научное сообщество молодых ученых XXI столетия. Филологические науки : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. – Астана : Мастер ПО, 2024. – С. 16–19.

3. Ма, Л. Национально-культурная маркированность русских и китайских фразеологизмов с номинациями алкогольных напитков / Л. Ма // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2023. – Т. 21. – № 1. – С. 117–130.

4. Тасуева, С. И. Семантическое значение компонентов гастрономических фразеологических единиц в английском и русском языках / С. И. Тасуева, М. Т. Усманова // Известия Чеченского государственного педагогического университета Серия 1. Гуманитарные и общественные науки. – 2024. – № 4 (48). – С. 87–95.

5. Фелицына, В. П. Русские фразеологизмы : Лингвострановедческий словарь / В. П. Фелицына, В. М. Мокиенко. – М. : Рус. яз., 1990. – 220 с.

6. Алефиренко, Н. Ф. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики / Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых. – М. : ЭЛПИС, 2008. – 472 с.

7. Рогалёва, Е. И. Ума палата. Детский фразеологический словарь / Е. И. Рогалёва, Т. Г. Никитина. – М. : Издательский дом Мещерякова, 2021. – 160 с.

8. Рогалёва, Е. И. Новый фразеологический словарь для детей / Е. И. Рогалёва. – Псков : ЛОГОС, 2007. – 542 с.

9. Рогалёва, Е. И. Сами с усами : веселый фразеологический словарь / Е. И. Рогалёва, Т. Г. Никитина. – М. : Издательский дом Мещерякова, 2020. – 192 с.

10. Рогалёва, Е. И. Путешествуем по России с русскими пословицами и поговорками / Е. И. Рогалёва, Т. Г. Никитина. – М. : Русский язык. Курсы, 2020. –136 с.
11. Калинина, Д. Д. Русская фразеология в лексикографическом блоге: учебная репрезентация материала зарубежным школьникам-билингвам / Д. Д. Калинина, Т. Г. Никитина, Е. И. Рогалёва // Лексикография цифровой эпохи : сборник материалов II Международного симпозиума. – Томск : ТГУ, 2024. – С. 202–205.

Abstract. The article discusses the methods of educational lexicographic representation of phraseological units reflecting the gastronomic (food) code of Russian linguoculture. Fragments of dictionary description of phraseological units with names of Russian dishes that are disappearing from food use are given, and the possibilities of textual reflection of their taste qualities are shown.
Keywords: phraseology, educational phraseological dictionary, dictionary of discursive type, gastronomic code of linguoculture, taste code of linguoculture, tactile code of linguoculture.

Рогалёва Елена Ивановна – доктор филологических наук, доцент; Псковский государственный университет (cambala2010@list.ru).
Никитина Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор; Псковский государственный университет (cambala2007@yandex.ru).

УДК [811.111+811.161.1]’373.7’37’25:115(045)

Ю. Н. Русина

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ТЕМПОРАЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ: СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА, ПЕРЕВОД (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологические единицы русского и английского языков, имеющие в своем составе такие темпоральные компоненты, как *время* / *time, день* / *day, час* / *hour, минута* / *minute*. Анализ структурно-семантических и переводческих особенностей данных фразеологизмов позволяет сделать вывод о том, что подобные единицы в обоих языках имеют как общие, так и специфические черты.
Ключевые слова: фразеологическая единица, фразеология, темпоральность, темпоральный компонент, фразеологический эквивалент, фразеологический аналог.

Понятие «темпоральность» представляет собой универсальную функционально-семантическую категорию, являющуюся базовым элементом любой национальной картины мира. Данная категория связана с реализацией отношений времени в языке. Время является неотъемлемой частью человеческого существования. Представления о времени формируются внутри отдельных национальных культур, которые, однако, не являются полностью изолированными, поэтому в их языках можно отыскать как общие закономерности, так и уникальные особенности, свойственные только той или иной культуре. Одним из инструментов, позволяющих увидеть общее и специфическое в представлениях о временных рамках носителями разных языковых культур, является фразеологический фонд их национальных языков. Учитывая вышесказанное, сравнительно-сопоставительный анализ структурно-семантических особенностей фразеологических единиц с темпоральным компонентом, проводимый на материале двух языков, а также изучение способов передачи данных фразеологических единиц на другой язык предопределяют актуальность темы предпринятой работы.

Прежде чем перейти к сравнительному анализу фразеологических единиц (фразеологизмов) с темпоральным компонентом, обозначим, что мы относим к объекту своего исследования.

В первую очередь необходимо пояснить, что в данной работе понимается под фразеологической единицей (далее – ФЕ). Как известно, в лингвистике существуют два основных подхода к определению сущности понятия «фразеологическая единица»: узкий и широкий. Основное отличие этих двух подходов состоит в том, что если в первом случае к фразеологизмам относят только те устойчивые единицы, которые эквивалентны слову, то во втором случае к фразеологическим оборотам, как отмечает Н. М. Шанский, относятся «и единицы, эквивалентные слову, и единицы, в семантическом и структурном отношении соответствующие предложению» [1, с. 4]. Сторонниками широкого подхода выступают такие известные лингвисты, как И. В. Арнольд, А. В. Кунин, В. Н. Телия, Н. М. Шанский и др., которые включают во фразеологический состав языка все устойчивые образования от полностью переосмысленных словосочетаний до сочетаний, в которых есть непереосмысленные слова-компоненты, а также устойчивые коммуникативные единицы (крылатые выражения, пословицы, поговорки и т. п.). Как указывает И. В. Арнольд, основанием их включения в состав фразеологии является то, что «они не создаются в речи, а вносятся в нее в готовом виде» [2, с. 218]. Исследователи, придерживающиеся широкого подхода к определению ФЕ, отмечают, что пословичные единицы отличаются от традиционных фразеологизмов целым рядом параметров. Как правило, им свойственна особая (ритмически организованная) художественно-поэтическая форма. Отличительным свойством пословиц является и их назидательный характер, а также способность выражать побудительный смысл.

Поскольку мы также придерживаемся широкого подхода к определению понятия ФЕ, в отобранном нами материале для исследования присутствуют как фразеологизмы, эквивалентные слову, так и пословицы и поговорки. Однако мы предполагаем, что в нашем случае выборка пословичных единиц может быть не совсем полной, поскольку источником материала послужили фразеологические словари, в которых, возможно, зафиксированы не все существующие в языке пословицы и поговорки.

Обозначив, что мы понимаем под ФЕ, обратимся к понятию «темпоральный компонент». Функционально-семантическая категория темпоральности реализуется в языке как грамматическими, так и лексическими средствами. И если ядро данной категории традиционно связывают с глагольными временными формами, то к периферии относят различные лексические средства: темпоральные наречия, темпоральные предлоги, существительные и прилагательные с темпоральным значением. Анализ работ лингвистов, изучающих категорию темпоральности, позволяет говорить о множестве микрополей, выделяемых в рамках данной категории: микрополе «прошлое / настоящее / будущее», микрополе «одновременности / разновременности», микрополе «временной локализованности», микрополе «временного порядка / последовательности», микрополе «краткости / длительности временного отрезка», микрополе «единичности / повторяемости событий во времени»; микрополе «определенности / неопределенности времени» и др. Таким образом, в качестве примера лексических единиц, входящих в данные микрополя, можно назвать следующие: *время, пора, период, сезон, эпоха, век, год, месяц, час, минута, эра, день, вечер, лето, зима, вчера, сегодня, завтра, всегда, редко* и многие другие [3, с. 185–188; 4, с. 10–20]. Когда какая-то из подобных единиц встречается в составе фразеологизма, мы называем ее темпоральным компонентом. Чтобы сузить объем материала для исследования, мы решили проанализировать только те фразеологические единицы, которые имеют в своем составе следующие компоненты темпоральности: *время* / *time* (существительные с общим темпоральным значением), *день / day, час / hour, минута / minute* (существительные, обозначающие определенные отрезки времени).

Таким образом, для проведения анализа структурно-семантических особенностей ФЕ с темпоральным компонентом из фразеологических словарей А. В. Кунина [5] и С. Лубенской [6] методом сплошной выборки было отобрано 164 ФЕ английского языка и 106 ФЕ русского языка. Поскольку объем данных словарей отличается

(в словаре А. В. Кунина зафиксировано около 20000 единиц, в то время как в словаре С. Лубенской – около 14000 единиц), мы не можем сделать объективные выводы о частотности рассматриваемых маркеров темпоральности во фразеологических единицах каждого из языков. Тем не менее отобранный материал показал, что компоненты *время, день, time, day* являются более частотными в обоих языках, по сравнению с компонентами *час, минута, hour, minute*.

Среди указанных четырех маркеров темпоральности наиболее употребительным в английском языке оказался темпоральный компонент *time* (82 ед.): ***against time, ahead of one's time, between times, to gain time, to give smb a hard time, to*** *have a high time, to kill time,* ***born before one's time****.*

Несколько реже встретился темпоральный компонент *day* (59 ед.): ***all day long,*** *one's palmy days, to save the day, till one's dying day, rainy day, red-letter day, a day after the fair, fall on evil days, halcyon days*.

Частотность темпорального компонента *hour* оказалась намного ниже (19 ед.): *witching hour, to keep good hours, to keep bad hours, the question of the hour, the small hours, in an ill / evil hour, one's hour has struck, unearthly hour, at the eleventh hour, zero hour*.

Темпоральный компонент *minute* встретился лишь в четырех случаях: *up to the minute, at the last minute, in a minute, to the minute.*

В русском языке компоненты темпоральности *время* и *день* в составе фразеологических единиц представлены практически в равной степени (37 и 36 единиц соответственно).

Компонент *время*: *в первое время, в своё время, время не ждёт, время от времени, всё время, выиграть время, детское время, до времени, до поры до времени, отжить своё время, отставать от времени, с незапамятных времён, тянуть время, убивать время, всему своё время.*

Компонент *день*: *на повестке дня, по сегодняшний день, на чёрный день, навести тень на ясный день, на закате дней, на злобу дня, искать вчерашний день, считанные дни, грош цена в базарный день, жить сегодняшним днём.*

Представленность компонентов *час* и *минута* во фразеологизмах русского языка также почти одинакова (19 и 14 единиц соответственно).

Компонент *час*: *час пробил, час от часу не легче, час пик, тихий час, звёздный час, дождаться своего часа, в свой час, в час по чайной ложке, в недобрый час, калиф на час, битый час, не ровён час.*

Компонент *минута*: *в первую минуту, в (одну) минуту, в добрую минуту, как одна минута, с минуты на минуту, без пяти минут, на минуточку, минута в минуту.*

Что касается **семантических особенностей** отобранных фразеологических единиц, то можно отметить следующие моменты.

В зависимости от значения, которое они выражают, фразеологизмы с темпоральным компонентом могут описывать как время и временные периоды, так и другие аспекты. Единицы, относящиеся к описанию времени / временных промежутков, могут обозначать

– период жизни человека, связанный с его возрастом (*an old-timer* 'someone who has lived a long time'; *in one's salad days* 'in time of youthful inexperience'; *на закате дней*);

– временные промежутки (*between times* 'during the periods between the separate events mentioned'; *in the days of old* 'a period in the past, typically regarded as significantly better or worse than the present'; *witching hour* 'midnight'; *the small hours* 'soon after midnight, in the very early morning');

– периодичность во времени (*время от времени*; *с течением времени*);

– длительность / краткость (*all day long* 'lasting for a whole day'; *как одна минута*; *не по дням, а по часам*).

В обоих языках можно найти ФЕ, описывающие тот или иной период с положительной или отрицательной оценкой: *one's palmy days* 'a period of prosperity, success, or happiness in the past'; *halcyon days* 'a very happy or successful period in the past'; *red-letter*

day ‘a special, happy, and important day that you will always remember’; *the devil’s own time* ‘a very difficult time’; *rainy day* ‘a time when money might unexpectedly be needed’; *a black-letter day* ‘an unlucky or tragic day’; *звёздный час*; *черный день*.

Среди фразеологических единиц с темпоральным компонентом, которые по своему значению не относятся к обозначению времени и временных промежутков, можно отметить следующие: *to give someone a hard time* ‘to make things difficult or unpleasant for someone’; *to keep abreast of the times* ‘be modern, informed about current matters’; *the question of the hour* ‘the most important issue being discussed or debated at a particular time’; *навести тень на ясный день* ‘намеренно запутать, сделать неясным что-л’; *грош цена в базарный день* ‘никуда не годится, не имеет никакой ценности’; *отставать от времени* ‘не успевать за современным развитием, быть несовременным’.

Рассматривая **структурно-грамматические особенности** отобранных фразеологизмов непословичного типа, мы опираемся на классификацию И. В. Арнольд, согласно которой принимается во внимание, какой части речи эквивалентно всё словосочетание в целом. Таким образом, как среди английских, так и среди русских фразеологизмов можно выделить именные, глагольные, адъективные, адвербиальные, междометного характера.

Именные фразеологические единицы английского языка построены преимущественно по моделям *Adj. + N* и *N + prep. + N*: *rainy day, better days, the question of the hour.*

Русскоязычные именные фразеологизмы построены по моделям *прил. + сущ.* и *сущ. + сущ.*: *звёздный час, смертный час, повестка дня, герой дня*.

Глагольные единицы английского языка преимущественно строятся по моделям *V + N* и *V + Adj. + N*: *to save the day, to name the day, to gain time, to kill time, to have a thin time (of it), to have a high time, to keep good hours, to keep bad hours.*

Русскоязычные глагольные фразеологизмы построены в основном по модели *глагол + (предлог) + сущ.*: *выиграть время, отставать от времени, убивать время.* Встречаются и единицы, построенные по модели *глагол + прил. / мест. + сущ.*: *искать вчерашний день, отжить своё время.*

Адвербиальные единицы английского языка преимущественно строятся по моделям *prep. + N* и *prep. + Adj. + N: between times, in good time, for all the time, in an ill / evil hour, till one’s dying day*.

В русском языке среди проанализированных фразеологизмов с темпоральным компонентом адвербиальные единицы являются наиболее многочисленными: *в первое время, в своё время, во все времена, время от времени, до настоящего времени, одно время, с незапамятных времён, час в час, в свой час, в час по чайной ложке, каждый божий день, среди бела дня, с минуты на минуту.*

Адъективные фразеологизмы и фразеологизмы междометного характера с темпоральным компонентом встречаются лишь в единичных случаях как в английском, так и в русском языках: *up to the minute, behind one’s time, as open as the day, that’ll be the day, грош цена в базарный день, не ровён час.*

Хотелось бы также отметить тот факт, что фразеологизмам с темпоральным компонентом присущи разные виды **вариативности** (фонетическая, лексическая, морфологическая, словообразовательная, квантитативная), причем в русском языке вариативность наблюдается чаще и более разнообразна:

– морфологическая (*отставать / отстать от времени; выиграть / выигрывать время; убивать / убить время; навести / наводить тень на ясный день*);

– словообразовательная (*ждать / ожидать своего часа; time hangs heavily / heavy on smb’s hands*);

– лексическая (*до скончания дней / века; отжить своё время / свой век; in a good / happy hour; in an evil / ill hour; one’s hour has come / struck*);

– фонетическая (*калиф / халиф на час*);

– квантитативная (*до конца (своих) дней*).

Что касается передачи ФЕ на другой язык, то А. В. Кунин в предисловии к своему фразеологическому словарю говорит о следующих основных способах перевода ФЕ: эквивалент, аналог, описательный перевод, калькирование [5, с. 10–11]. Кроме того, можно говорить еще о лексемном переводе, когда в другом языке фразеологической единице соответствует одно слово или словосочетание, не являющееся фразеологизмом.

Поскольку о **фразеологическом эквиваленте** можно говорить только в том случае, когда у соответствующих ФЕ в двух языках совпадают и значение, и форма (т. е. фразеологизмы состоят из эквивалентных единиц), этот способ перевода наблюдается не очень часто. Фразеологическими эквивалентами в английском и русском языках являются такие единицы, как *to kill time* / *убивать время*, *as bright as day* / *светло как днем*, *better days* / *лучшие дни*, *from day to day* / *изо дня в день*, *in one's time* / *в своё время*, *in all times* / *во все времена*, *from time to time* / *время от времени*, *from / since time immemorial* / *с незапамятных времён*, *time is money* / *время – деньги*, *a sign of the times* / *знамение времени* и др.

Фразеологические аналоги, когда у соответствующих ФЕ в двух языках совпадает только значение, встречаются чаще всего: *to have a rough time* / *терпеть лишения*, *to live on borrowed time* / *дни сочтены*, *to save the day* / *спасать положение*, *at the eleventh hour* / *в последнюю минуту*.

Анализ фразеологизмов-аналогов показывает, что темпоральный компонент может сохраняться, заменяться иным темпоральным компонентом, вообще опускаться. Например:

– сохраняется: *all in good* ***time*** / *всему своё* ***время***, *one's palmy* ***days*** / *лучшие* ***дни***, *for a rainy* ***day*** / *на чёрный* ***день***, *zero* ***hour*** / *решительный* ***час***, *звёздный* ***час*** / *shining* ***hour***;

– заменяется иным компонентом: *at one's* ***time*** *of life* / *в его* (*мои* и т. д.) ***годы***, *in the* ***days*** *of old* / *в былые* ***времена***, *калиф на* ***час*** / *king* / *queen for a* ***day***, *всякому овощу своё* ***время*** / *everything in its* ***season***;

– опускается: *to save the* ***day*** / *спасти положение*, *to fall on evil* ***days*** / *впасть в нищету*, *the question of the* ***hour*** / *злободневный вопрос*, *to win the* ***day*** / *одержать победу*, *to make one's* ***day*** / *сделать кого-то счастливым*; *делу* ***время***, *(а) потехе* ***час*** / *business before pleasure*, *в* ***час*** *по чайной ложке* / *at a snail's pace*, *навести тень на ясный* ***день*** / *to confuse the issue*; *вот тебе, бабушка, и Юрьев* ***день***! / *this is a fine kettle of fish!*.

В качестве примера **лексемного перевода** можно привести следующие единицы: *one's early days* (*юность*), *in good time* (*своевременно*), *witching hour* (*полночь*), *behind one's time* (*устарелый*), *an old-timer* (*старожил*), *to have a high time* (*повеселиться*), *на злобу дня* (*topical*).

В качестве примеров **описательного перевода** можно назвать следующие ФЕ: *in one's salad days* (*в годы молодости*), *как одна минута* (*very quickly*), *детское время* (*it's too early*), *час от часу не легче* (*it is getting worse all the time*).

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что фразеологический фонд английского и русского языков представлен значительным количеством единиц, имеющих в своем составе темпоральный компонент, что говорит о их важности для национальных языковых картин мира. Можно отметить, что подобные единицы в обоих языках имеют с точки зрения своих структурно-семантических и переводческих особенностей как общие, так и специфические черты. Существование эквивалентных фразеологических единиц может свидетельствовать о похожем восприятии времени русской и английской лингвокультурами.

Список использованных источников

1. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка : учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.» / Н. М. Шанский. – 4-е изд., испр. и доп. – СПб. : Специальная литература, 1996. – 192 с.

2. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка : учеб. пособие / И. В. Арнольд. – 2-е изд., перераб. – М. : Флинта : Наука, 2012. – 376 с.

3. Рыжкович, А. Ч. Семантическая структура категории темпоральности / А. Ч. Рыжкович // Ученые записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова». – 2019. – Т. 29. – С. 184 –189.

4. Каримов, Н. А. Лексические средства выражения темпоральности в русском и таджикском языках : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.20 / Н. А. Каримов ; Рос.-Таджик. ун-т. – Душанбе, 2018. – 25 с.

5. Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Русский язык, 1984. – 944 с.

6. Lubensky, S. Russian-English Dictionary of Idioms / S. Lubensky. – revised ed. – New Haven, London : Yale University Press, 2013. – 992 p.

Abstract. The article is devoted to the study of English and Russian phraseological units which include such temporal components as *время* / *time*, *день* / *day*, *час* / *hour*, *минута* / *minute*. The analysis of their structural, semantic and translational peculiarities allows us to conclude that such phraseological units in English and Russian have both common and specific features.

Keywords: phraseological unit, phraseology, temporality, temporal component, phraseological equivalent, phraseological analogue.

Русина Юлия Николаевна – кандидат филологических наук; Минский государственный лингвистический университет (jrusina@mail.ru).

УДК 811.16:811.512

З. М. Сабиралиева, С. Р. Абдыкадырова

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ СЛАВЯНСКИХ И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена активным развитием межкультурной коммуникации в нынешнем мире, что способствует изучению национально-культурной специфики различных языков, в частности анализу культурных стереотипов, отраженных в паремиологическом фонде языка. В данной работе осуществляется сравнительный анализ гендерных стереотипов в пословицах и поговорках славянских и тюркских народов, так как именно в них наиболее ярко обнаруживаются особенности национального мировосприятия и культурные ценности народа. Цель исследования заключается в выявлении доминантных гендерных стереотипов, вербализованных в славянских паремиях в сопоставлении с паремиями в тюркской культуре. На материале паремий раскрывается такое понятие, как культурные стереотипы, и анализируется, как это понятие отражается в культуре и языке.

Ключевые слова: культура, язык, гендер, паремии, стереотипы, ценности.

Разные народы имеют своеобразные национальные пути становления, которые находят свое отражение в истории, религии, языке, народных традициях этноса. Поэтому изучение языка с точки зрения его культуры и национального наследия требует использования ресурсов фольклора и истории.

Фольклор – важнейший компонент культуры нации, предоставляющий историческую и информационную основу для изучения духовных и материальных ценностей, а также общего мировоззрения. Паремиологический фонд – это своеобразный голос народа, который передает культурные символы и смыслы в простейшей форме. Паремии обладают двойственностью содержания: могут быть выражены как напрямую, соответствуя буквальному значению составляющих их слов, так и аллегорически, что может существенно отличаться от буквального значения [1, с. 13].

В формировании лингвоисторического фундамента любого языка прослеживается диалектическое единство интернациональной и национальной идентичности. Л. Б. Савенкова отмечает, что «в истории языка отражены все стороны жизненного опыта

народа: от этнографических реалий и географической среды до исторических событий и религиозных верований» [2]. Е. Ю. Никтовенко утверждает, что паремии – это результат многовековых наблюдений за природой, человеческими отношениями и социальными явлениями. Они представляют собой «культурный код, посредством которого из поколения в поколение передаются фундаментальные ценности, морально-этические нормы и модели поведения» [3, с. 24]. Как утверждает Р. А. Майтиева, современные исследования паремий не только способствуют более глубокому пониманию механизмов функционирования языковых систем, но и позволяют проследить важнейшие закономерности развития культуры [4, с. 372].

Как особенная форма речи, пословицы и поговорки тесно связаны с языком и культурой народа. Выражая глубокие значения простыми и ясными словами, отображая разные национальные культуры и характеры, паремии передают моральные принципы и народную мудрость. Несомненно, пословицы и поговорки – это концентрированное выражение культурного кода этноса, народной мудрости, воплощающие культурные стереотипы, отражающие общественные ценности, стереотипы и модели поведения.

Стереотипы в пословицах выполняют когнитивную функцию: они не только отражают, но и формируют мировоззрение людей. Эта тема актуальна и сегодня, поскольку в современном обществе традиционные пословицы не только по-прежнему существуют, но и часто трансформируются (в СМИ, мемах, рекламе, онлайн-коммуникации и т. д.). Но одной из важных функций паремий является закрепление и передача культурных стереотипов, т. е. устойчивых понятий о поведении, ролях и качествах личности и общества.

Культурный стереотип трактуется В. А. Масловой как устойчивое представление о ценностях и типичных моделях поведения, закрепленных в языке и культуре [5, с. 78]. О. М. Холомеенко отмечает, что культурные стереотипы являются обобщенными схемами восприятия реальности, упрощенными образами и моделями поведения, которые «закрепляются в сознании носителей языка и передаются через традиционные жанры устного народного творчества» [6, с. 1902].

В различных культурах идентичные ценности проявляются по-разному, но ядро стереотипа сохраняется общим (например, *трудолюбие, почтение к родителям, осуждение жадности* и др.). Определение гендерных стереотипов, проявленных в пословицах и поговорках, позволяет установить, какие черты приписывают представители разных культур женщинам и мужчинам, а также определить нормы, регулирующие их гендерное поведение. **Феминность** и **маскулинность** – это динамичные, исторически изменяющиеся понятия. Они присутствуют в каждой культуре, им отводится значительное место в обрядах, фольклоре, мифологическом сознании, «наивной картине мира». При этом стереотипизация и аксиологическая шкала гендера различаются в разных культурах.

В таблице 1 приводятся славянские паремии, в которых отражены гендерные культурные стереотипы.

Таблица 1 – Гендерные культурные стереотипы в славянских паремиях

Тема	Русские паремии	Белорусские паремии	Украинские паремии
1	2	3	4
Мужчина – кормилец	*Мужик пашет – семья сыта.*	*Мужык працуе – сям'я жывуе.*	*Чоловік працює – сім'я не бідує.*
Мужчина – защитник	*Муж в доме – стена каменная.*	*Мужык у дома – сцяна каменная.*	*Чоловік у хаті – стіна кам'яна.*
Мужчина – сила и воля	*Мужчину узнают в беде.*	*Мужык у бядзе пазнаецца.*	*Чоловіка пізнають у біді.*

Окончание таблицы 1

1	2	3	4
Женщина – хранительница очага	*Не красна изба углами, а красна пирогами.*	*Дзе жанчына – там і агонь у печы.*	*Без жінки й хата глуха.*
Женщина – «слабый пол»	*Бабий ум – что дитячий сон.*	*Баба і слабы пол, ды моцны клопат.*	*Жіночий розум – до порога.*
Женщина – объект критики	*У бабы язык без костей.*	*Што ў бабы на розуме, тое ў мужыка на вушах.*	*У жінки язик без кісток.*
Мужчина и женщина	*Муж – голова, жена – шея.*	*Муж – галава ў хаце.*	*Чоловік – голова, а жінка – шия.*
Совместная работа и гармония	*Муж хату строит, жена порядок ведет.*	*Мужык хату будуе, жанчына лад тчэ.*	*Чоловік хату будує, жінка лад у ній наводить.*

Во всех трех культурах мужчина рассматривается как кормилец, защитник, символ мощи и решимости. В украинских поговорках сильнее выражена идея мужчины с силой в паре с женщиной, его функция по поддержанию семейной гармонии. В русском и белорусском фольклоре часто подчеркивается «слабый пол», применяется ирония или критика в сторону женщин; в украинских паремиях это выражено мягче, делается упор на согласие и поддержку семьи. Идея семейной гармонии «муж – голова, жена – душа» присутствует во всех трех традициях. Смысловые мотивы во многом совпадают – отражают общую славянскую концепцию семьи и ролей полов.

Как видно из сравниваемых пословиц и поговорок, заметно сильное сходство пословиц и поговорок в данных славянских языках, что указывает на их генетическое родство. Русский, белорусский и украинский народы по языковой культуре, культуре нравов и традиций жили на протяжении многих веков на одной территории. Это «свидетельствует об общности мышления, обусловленной общими условиями, общим уровнем культурного развития человека и общностью человеческих наблюдений» [7, с. 423].

Перейдем к анализу тюркских пословиц и поговорок. В таблице 2 приводятся тюркские паремии, в которых отражены гендерные культурные стереотипы, связанные с ролью мужчины.

Таблица 2 – Гендерные культурные стереотипы в тюркских паремиях (роль мужчины)

Роль мужчины	Узбекские пословицы	Перевод	Кыргызские пословицы	Перевод	Казахские пословицы	Перевод
1	2	3	4	5	6	7
Кормилец	*Эр киши уйнинг таоми учун меҳнат қилади. Ота хўжайин бўлса, хона бунёдкор.*	«Мужчина трудится ради пищи для дома» «Если отец – хозяин, дом процветает»	*Эркек үйдүн нанын таап келген адам. Ата нан тапса, бала бактылуу*	«Мужчина приносит хлеб в дом» «Если отец добывает хлеб, дети счастливы»	*Еркек нан тапса, отбасы бақытты* *Еркек үйдің тірегі, нанның іздеушісі.*	«Если мужчина приносит хлеб, семья счастлива» «Мужчина – опора дома, добытчик хлеба»

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7
Защитник	*Эр кишининг қўли – уйнинг ҳимоячиси.* *Жасур эр – оила учун қалъа.*	«Рука мужчины – защитник дома» «Смелый мужчина – крепость для семьи»	*Эр жүрөк коргойт, кордук көрбөйт.* *Эр киши колунан келсе, үйүнөн коргойт.*	«Смелый мужчина защищает и не терпит несправедливости» «Мужчина, если может, защитит свой дом»	*Ер жүрек болса, үйін қорғап қалады.* *Ерлікпен ел қорғалады.*	«Если мужчина смелый, он защитит дом» «Смелостью мужчина защищает народ»
Символ силы и воли	*Эр киши қўлида қудрат, сўзида ирода.* *Эрлик ўз уйингизни ҳимоя қилишда намоён бўлади.*	«Сила мужчины – в руках, воля – в слове» «Мужество проявляется в защите собственного дома»	*Эр бол, сөзүңдү аткар.* *Эр жүрөк – элге көч баштайт. Эрдин эрдиги – атка, колго сыйбас.*	«Будь мужчиной, держи слово» «Смелый мужчина ведет людей» «Мужество мужчины не подвластно ни лошади, ни рукам»	*Ер жігіттің сөзі – салмақты, ісі – күшті. Ерлік – ел үшін, отбасы үшін. Ердің қайраты – тау сияқты берік.*	«Слово мужчины весомо, дело его сильно» «Мужество ради народа и семьи» «Сила мужчины крепка, как гора»

Во всех трех культурах мужчина ассоциируется с кормильцем, защитником и мощной личностью. **В узбекской культуре** чувствуется акцент на трудолюбие и порядок в доме. **В кыргызской культуре** часто встречаются образы силы, защиты и независимости, метафорические образы дома и природы. **В казахской культуре** применяются образы силы, лидерства и решимости, часто посредством природных метафор (гора, степь).

Узбекские, кыргызские и казахские паремии, так же как и славянские, отражают образ женщины как хранительницы очага, «слабого пола» и иногда объекта критики. Эти выражения глубоко укоренены в традиционном мировоззрении и языке соответствующих народов. В таблице 3 приводятся тюркские паремии, в которых отражены гендерные культурные стереотипы, связанные с ролью женщины.

В традиционных пословицах тюркских народов отражены идеалы патриархального уклада, где мужчина выступает как лидер и защитник, а женщина – хранительница домашнего очага. Образы домашнего очага, света и гармонии используются как мощные метафоры, подчеркивающие культурное значение женщины в структуре семьи [8, с. 217].

Тюркские пословицы о женщине раскрывают ее двоякую роль: она одновременно является центральной фигурой семейной жизни и хранительницей гармонии, но остается зависимой и подчиненной мужчине, с четко установленными социальными ожиданиями.

Выводы данного сравнительного анализа гендерных стереотипов в паремиях славянских и тюркских народов показывают много общего.

Таблица 3 – Гендерные культурные стереотипы в тюркских паремиях (роль женщины)

Роль женщины	Узбекские пословицы	Перевод	Кыргызские пословицы	Перевод	Казахские пословицы	Перевод
Хранительница очага / заботливая жена	*Аёл уйнинг нури.* *Аёл уйда ҳамма ишни билса, хона бунёдкор бўлади.* *Аёл – уйнинг нури.*	«Женщина – свет дома» «Если женщина знает все дела в доме, дом процветает» «Женщина – свет дома»	*Аял үйдүн нуру.* *Эркектин күчү – сыртта, аялдын күчү – үйдө.* *Аялдын багыты үйдүн бактылуулугу.*	«Женщина – свет дома» «Сила мужчины снаружи, сила женщины в доме» «Счастье дома зависит от женщины»	*Әйел үйдің нұры.* *Әйел үйді жылытса, отбасында тыныштық.* *Әйел бақыты – үй бақыты.*	«Женщина – свет дома» «Если женщина согревает дом, в семье будет мир» «Счастье женщины – счастье дома»
«Слабый пол» / зависимая роль	*Аёл ақлли бўлса, эркек ишлайди.* *Аёлни ҳимоя қилиш – эркектин вазифаси.*	«Если женщина умна, мужчина будет работать» «Защищать женщину – обязанность мужчины»	*Аял көз карашы менен жумшак.* *Аял зирек болсо да, эркек жетекчи.*	«Женщина мягкая по характеру» «Женщина умна, но мужчина – лидер»	*Әйел нәзік, еркек мықты.* *Әйелдің күші – еркекке сүйену.*	«Женщина нежная, мужчина сильный» «Сила женщины – опора на мужчину»
Объект критики / упрёка	*Аёл айтади, уй бузилади.* *Аёл беқарор бўлса, уй тинч бўлмайди.*	«Если женщина говорит слишком много, в доме появляются ссоры» «Если женщина беспокойна, в доме не будет покоя»	*Аял көп сүйлөсө, көп көйгөй.* *Аял урушса, үй талканышы мүмкүн.*	«Если женщина много говорит, много проблем» «Если женщина ссорится, дом может разрушиться»	*Әйел сөйлесе, сөз ұзақ, үй тынышсыз.* *Әйелдің қылығынан үй сынып кетуі мүмкін.*	«Если женщина много говорит, дом неспокойный» «Поведение женщины может разрушить дом»

Мужская роль является основой стабильности семьи, но степень автономии и общественного влияния различается: **у тюрков** мужчина более центральная фигура, лидер не только в доме, но и в общине; **у славян** мужчина – лидер, но во взаимодействии с женой и семьей, чаще морально ориентирован.

Паремии о мужчинах отражают универсальные гендерные стереотипы: **мужчина** – добытчик, защитник, опора семьи. Но тюркские пословицы подчеркивают активное лидерство и силу, а славянские – гармонию, ответственность и внутреннюю надежность, с большим вниманием к совместной роли мужчины и женщины в семье.

Женщина в славянской традиции отличается большей равноправностью и мягкостью, акцентируется внимание на сотрудничестве и гармонии; критика женщин проявляется редко. Тюркская традиция носит более патриархальный характер, где женщина находится в подчиненной роли, а ее поступки оцениваются через призму семейных и социальных норм; критика встречается чаще.

У славян подчеркивается **духовная и моральная роль женщины**, стремление к гармонии и равноправию. У тюрков акцент сделан **на практическом аспекте заботы о доме, зависимости от мужчины и соблюдении традиционных патриархальных ценностей**.

Таким образом, можно утверждать, что сравнение пословиц позволяет выявить общие гендерные стереотипы в культурах народов. Это помогает понять культурные ожидания и ограничения, которые влияют на социальное поведение и воспитание. Перспективы дальнейшего изучения паремий в различных культурах тесно связаны с разработкой новых методологий, позволяющих исследовать как традиционные аспекты функционирования паремий, так и их роль в формировании новых коммуникативных практик в условиях глобального информационного общества.

Список использованных источников

1. Вежбицкая, А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке / А. Вежбицкая // Рус. язык в научном освещении. – 2002. – № 2. – С. 6–34.

2. Савенкова, Л. Б. Русские паремии как функционирующая система : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л. Б. Савенкова. – Ростов-на-Дону, 2012. – 46 с.

3. Никтовенко, Е. Ю. Структурное многообразие паремий и их лингвистический статус / Е. Ю. Никтовенко // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2013. № 1. – С. 22–26 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnoe-mnogoobrazie-paremiy-i-ihlingvisticheskiy-status. – Дата доступа : 21.03.2025.

4. Майтиева, Р. А. Паремии как особая система значащих единиц языка / Р. А. Майтиева, Л. М. Зайдиева // Мир науки, культуры, образования. – 2021. № 5 (90). – С. 371–373 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/paremii-kakosobaya-sistema-znachaschih-edinits-yazyka. – Дата доступа : 21.09.2025.

5. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В. А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

6. Холомеенко, О. М. Этнокультурные и языковые стереотипы: особенности взаимодействия / О. М. Холомеенко, А. С. Колычева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14. – № 6. – С. 1900–1905 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/
etnokulturnye-i-yazykovyestereotipy-osobennosti-vzaimodeystviya. – Дата доступа : 06.02.2025.

7. Богатырева, Ж. В. Концепты «Женщина» и «Мужчина» в белорусских и русских пословицах и поговорках / Ж. В. Богатырева, Н. Ю. Зимина, Р. А. Пахомов // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 3(70). – С. 423–425. – EDN XUNFNR.

8. Карабекова, Э. А. Отражение гендерного аспекта в паремиологии (на материале русского, английского и кыргызского языков) / Э. А. Карабекова, С. Р. Абдыкадырова // Эпоха науки. – 2024. – № 39. – С. 216–222. – EDN XHHXII.

Abstract. The relevance of this study is determined by the active development of intercultural communication in today's world, which promotes the study of the national and cultural specifics of different languages, in particular, the analysis of cultural stereotypes reflected in the paremiological corpus of a language. This work carries out a comparative analysis of gender stereotypes in the proverbs and sayings of Slavic and Turkic peoples, as these most vividly reveal the features of national worldview and the cultural values of a people. The aim of the study is to identify dominant gender stereotypes verbalized in Slavic paremiologies in comparison with paremiologies in Turkic culture. Based on the material of paremiologies, concepts such as cultural stereotypes and the way this notion is reflected in culture and language are examined.
Keywords: culture, language, gender, paremiologies, stereotypes, values.

Сабиралиева Замира Маметовна – кандидат филологических наук, доцент; Ошский государственный университет, Институт филологии и межкультурных коммуникаций.

Абдыкадырова Сюита Рысбаевна – кандидат филологических наук, доцент; Ошский государственный университет, Институт филологии и межкультурных коммуникаций (sabdykadyrova@oshsu.kg).

УДК 811.161.1'37:81'373:398.92:124.2-027.31

Е. И. Селиверстова

«ПРОВАЛ» И «НЕУДАЧА» В СВЕТЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ НЕОЛОГИКИ

Аннотация. Важность деятельности как формы и условия существования человека подтверждается на фразеологическом уровне активной и разнообразной вербализацией концепта «негативный результат, провал». Примеры, почерпнутые из Национального корпуса русского языка, сети Интернет и алфавитного словаря русской новой фразеологии, разработанного под редакцией проф. В. М. Мокиенко, свидетельствуют об актуальности «провальной» семантики для современного речевого употребления.
Ключевые слова: неологика, фразеологизм, нежелательный результат, семантический спектр.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00141 «Идеографический словарь русской фразеологической неологии: динамика языка и мышления», реализуемый в Санкт- Петербургском государственном университете).

Лексикон человека, выступающего как «творец культурных ценностей» (Ю. С. Степанов), частота и разнообразие способов выражения определенных понятий свидетельствуют о наиболее актуальных для говорящих вещах. Одним из «слоев» в структуре концепта – наряду с историческим – является его актуальный слой, приоткрывающий «способ мышления, деятельности и чувствования», существующий вне индивидуальных сознаний в настоящее время [1, с. 58]. В этом смысле вербализуемые в русском языке представления о неудачности действий (в широком смысле слова), заканчивающихся негативным результатом или вообще его отсутствием, демонстрируют одну из активно концептуализируемых областей. Объяснение этому вполне резонно: человеку свойственно полагаться на удачу – здесь уместно вспомнить «мелкое слово» *авось*, которое связывают с надеждой на благоприятное событие и возможностью «избежать крайне нежелательного последствия» [2, с. 369], – и сетовать, причем куда более активно, по поводу допущенного просчета и неожиданного стечения обстоятельств, обрекшего дело на провал.

В. И. Карасик пишет, что концепты «по-разному реальны для различных людей в различные эпохи и в своих различных модусах или ипостасях» [3, с. 121], и это делает актуальным обращение, во-первых, к языковым единицам разного уровня – в частности, к фразеологическим единицам (далее – ФЕ), и, во-вторых, к единицам, причисляемым

к «неологическим», интерпретация которых позволяет характеризовать современное мышление носителей языка и культуры. К таким единицам мы относим обороты, датировка появления которых затруднена в связи с отсутствием фиксаций в лексикографических источниках последних 40–50 лет.

Семантика невезения, неудачи, связываемых с различными поступками и действиями, достаточно широко представлена в русской и в славянской фразеологии и паремике, что говорит о важности оценки говорящими результатов деятельности (см. об этом, в частности: [4], [5], [6] и др.). В ходе работы над идеографическим словарем русской неологической фразеологии также выделяется несколько идеограмм («Зря», «Бесполезно», «Неудача» и др.), связанных с представлением об удаче и неудаче, объединивших немалое количество единиц. Обратимся к контекстам использования этих выражений, характеризующих неудачу, провал в каком-либо начинании, деятельности. Материалом служат преимущественно примеры из «Национального корпуса русского языка».

В общем списке оборотов отдельные единицы – а в некоторых случаях и их подгруппы – демонстрируют разные способы выражения семантики явной неудачи. В первую очередь это обороты, синонимичные лексемам *неудача*, *невезение* – такие, как *полный облом*. ФЕ обычно служит своеобразным резюме, итожащим в негативном ключе некоторый предшествующий ход развития событий: *Но вышел* ***полный облом****: собственники мне свои квартиры не доверили, обозвав мошенником.* Чат-Форум жителей Рязани, 2018 (НКРЯ). Еще пример: [На митинге в Воронеже] *интересным моментом стала песня, … выполненная с явной ориентацией на молодежь. «И пусть кто-то попробует встать на нашей дороге, его ждет* ***полный облом*** *и сломанные ноги», – говорится в словах песни.* «Того, кто встанет на нашей дороге, ждут сломанные ноги» // Время Воронежа, 07.04.2014 (НКРЯ). Текст песни пророчит неудачу любой попытке воспрепятствовать митингующим.

У этой ФЕ есть и другие варианты: *– А вы, случаем, не из ментовки будете, папик? – еще мягче спросил Дэн. – Был в ней до недавнего времени. –* ***Полный лом****, – признался Дэн, – а мы хотели вас полюбить, папик.* А. Степанов. Уснувший пассажир.

Игра с глаголом *обломаться*, от которого образовано существительное *облом*, продолжается в ФЕ *облом иваныч*: *Поплелась в офис Билайн, но бесплатного обещанного в СМС интернета мне не дали. К нам провод не провели на нашу прекрасную улицу. У офиса еще толпился народ в валенках. К ним на улицу тоже не провели, но взбаламутили СМС-кой.* ***Облом иваныч*** (livejournal, https://borminska.livejournal.com/4028171.html?es=1 (дата обращения – 09.10.2025)). У Д. И. Квеселевича шутливая ФЕ со значением ‘неудача, провал; чей-л. отказ’ приводится в несколько ином написании – *Облом Иваныч*; сравн.: *– Это уже так, огрызки, опивки, объедки – помои это, а не телки. А к передовой молодежи не сунься, там уже не проходишь – голяк, непруха, мало денег,* ***Облом Иваныч****...* И. Картушин. Гошенька. Неофразеологизм вправлен в ряд экспрессивных лексем, проясняющих его прочтение.

С компонентом *полный*, выполняющим интенсифицирующую функцию, ряд продолжается за счет единиц, прагматический спектр которых охватывает различные негативно оцениваемые ситуации, а семантическое содержание до некоторой степени размыто. Сравн. ФЕ *полное ку-ку*, *полный атас*, жарг., молод. *полный кобзон* (приводится в Интернет-источнике так: *Полный Кобзон* – разг., ‘полный провал’. *Узнала результаты экзаменов: полный Кобзон!* // Вокабула [сайт]; https://вокабула.рф/словари/молодежный-сленг/полный-кобзон; дата обращения – 09.10.2025), прост. *полная задница* (*С финансами по-прежнему полная задница. Да временами удавалось найти дополнительные источники дохода, но только временные*. Псевдоним den stranger. Жизнь в Воронеже, 2021 (НКРЯ); дата обращения – 09.10.2025), вульг. *полный пипец*, индивидуально-авторское *полный апофегей* (Ю. Поляков), характеризующие абсолютное непонимание ситуации (обстоятельств), безвыходность, отсутствие перспектив, неудачное завершение хода событий

и т. д. Активность включения компонента *полный* в состав новых оборотов подтверждает мысль, высказанную Н. Д. Игнатьевой и В. М. Мокиенко о новой фразеологии как «генераторе обогащения экспрессивных ресурсов современной языковой системы», который регулируется универсальными идеографическими ориентирами [4, с. 236]. Так, выражение *полный абзац*, содержащее в своей семантике ощутимую экспрессивно-негативную составляющую, развивает способность характеризовать широкий спектр ситуаций – в том числе «говорит» о чем-то, вызывающем недоверие, находящемся за гранью здравого смысла, воспринимаемом как крах, катастрофа, прискорбное стечение обстоятельств, безвыходность. Сравн. обыгрывание оборота в тексте о присуждении в 2002 г. литературной антипремии за самый неудачный перевод: *Вторая книга, «Гарри Поттер и тайная комната», получила в 2002 году премию «**Полный абзац**» в номинации «Худший перевод», а четвертая была по недосмотру выпущена в черновом варианте*. Гарри Поттер и трудности перевода (N + 1 [сайт]; https://nplus1.ru/material/2016/09/12/harrypotter; дата обращения – 09.10.2025).

Реализуют семантику неудачного исхода ФЕ *в провале, в обломе* и *в пролете*, построенные по одной модели (сравн. *в проигрыше*) и в основном выступающие в предложении в функции сказуемого, характеризующего как огорчительный финал некоторой ситуации, включая невостребованность, бесполезность, убыточность и т. д. чего-л., т. е. в конечном итоге – неудачу. Сравн.: *В твоих словах есть здоровая мысль, – задумчиво протянул он. И уже решительно, видно, отыскав какой-то выход, заговорил: – Нет, не годится. Здесь есть риск. Вдруг этот человек захочет поиграть в двойную игру, тогда мы **в провале***. Евгений Сухов. Делу конец – сроку начало, 2007 (НКРЯ).

Случай из жизни под названием «Мужик ***в обломе***» – это история неудачной встречи мужчины и женщины, познакомившихся ранее «по переписке» и испытавших сильное разочарование от увиденной реальности (Проза.ру [сайт]; https://proza.ru/2020/08/06/295; дата обращения – 09.10.2025).

Значение ‘невезение, неудача’ фразеологизма *в пролете* поддерживается в контекстах противопоставлением элементов «выигравшие» – «в пролете»: *Занятная получается цепочка, в которой нет ни одного выигравшего, все **в пролете**…* Е. Завершнева. Высотка, 2012 (НКРЯ). Сравн. также: *Что-то он начал злиться. Какой-то Армен процветает, а он пока **в пролете**. Надо ломать хребет обстоятельствам.* Алексей Грачев. Ярый против видеопиратов, 1999 (НКРЯ).

Интересная авторская версия этого выражения обнаруживается в следующем контексте: *Мне вот тоже поступать надо, с 16 июня у меня начинаются вступительные экзамены. Кто знает, как я их сдам, так что **в пролете, как птица в самолете**. А как у вас дела?* Письмо девушки из Перми сестре в Москву, 2001 (НКРЯ). На наш взгляд, это свидетельство востребованности у говорящих данного оборота.

Вряд ли можно оспаривать связь между неофразеологизмом *в пролете* и ФЕ *пролететь как фанера (фанерка, лист фанеры, фанерой) над Парижем* – хотя бы уже потому, что толковые словари пока еще не фиксируют для глагола *пролетать* значение, связанное с невезением, неудачей, проигрышем. Между тем глагольный оборот, включающий несколько вариантов сравнительной конструкции, является широко известным и весьма частотным, обретшим несколько вариантов.

В сравнении с приведенными выше эта ФЕ представляется более семантически конкретной: она включается в контекст, содержащий обычно четкое указание на некое желательное развитие событий или планируемое действие, которое по каким-либо причинам не состоится, не удается осуществить. Например: *Умеешь ты работать или нет, работодателя совершенно не интересует. Главное, чтобы была бумажка. Если ты ас в каком-нибудь деле, но у тебя нет диплома, **пролетаешь как фанера над Парижем**. А есть корочки – перед тобой все двери открыты*. МК в Питере, 18.12.2002 (НКРЯ).

При этом нулевой результат затраченных усилий может быть связан с различными действиями – например, с отсутствием у спортивной команды побед, на которые она рассчитывала (*Набрав возрастных игроков, и «Сибирь»* ***пролетела*** *мимо плей-офф,* ***как фанера над Парижем***. Г. Зырянов. Почему так бестолково проигрывает хоккейная «Сибирь»? // Комсомольская правда, 12.01.2010 (НКРЯ). Это достаточно типичная характеристика участников, проигрывающих другим в конкурсах, состязаниях, фестивалях: *Все наши участники на сей раз* ***пролетели фанерой над Монте-Карло****, поскольку даже среди четырех лауреатов Серебряного клоуна не оказалось россиян.* Изв. 25.01.2001.

Неоднократно характеризуются с использованием этой ФЕ кампании политиков, не набравших нужного количества голосов в ходе выборов: *«Продавливание» кандидатуры Черномырдина после августовского кризиса стоило около пяти тысяч долларов – на одного человека. <…> Тем не менее Виктор Степанович* ***пролетел как фанера над Парижем!*** Цена депутатства // Независимая газета («Фигуры и лица»), 16.03.2000 (НКРЯ). Журналист, подчеркивая особенно заметный проигрыш Буша во время выборов, воспользовался возможностью усилить его звучание за счет создания эффекта семантической двуплановости: *В промышленных, научных, богатых восточных штатах и Калифорнии он* ***пролетел, как фанера над Парижем****. Иногда* ***не просто как фанера, а с присвистом****. Где-то умудрился набрать всего семь процентов.* О. Бакушинская. Победа сельского над городским // Комсомольская правда, 05.11.2004 (НКРЯ). Не исключается, конечно, и использование ФЕ для оценки попыток решения более прозаических, житейских проблем – получения желанного рабочего места, устройства сына в детский сад и т. д.

О фатальном невезении, целом ряде неудач говорится с использованием ФЕ *жизнь бьет ключом [и всё] по голове*, используемой нередко в ответ на вопрос «Как жизнь?». Эта контаминация позитивного *жизнь бьет ключом* с негативным *бить по голове* рождает ироническую характеристику безрадостного состояния дел. *Здесь* ***жизнь бьет ключом, иногда по голове****. Если видишь, что кого-то прессуют, надо подойти и вникнуть*. lenta.ru, 20.09.2016 (НКРЯ). Однако это выражение выполняет функцию и своеобразного шутливого клише при нежелании или невозможности вдаваться в детали личной жизни, например: *Здравствуйте, Нелли, – с трудом узнал я подругу Маргариты в расплывшейся уже женщине. … Как поживает наш бравый моряк? – в том же духе продолжала она.* ***Жизнь бьёт ключом! И всё по голове****, – ответил ей в тон.* Ю. Топунов. Англичанка // «Ковчег», 2013. (НКРЯ).

Мотив непопадания в нужную точку, в цель, лишающего смысла осуществление действия, реализуется в ФЕ *мимо кассы*, используемой как с глаголом-сопроводителем, так и без него. В отличие от близкого по модели оборота *[пролететь] мимо денег*, связанного преимущественно с нежелательной потерей суммы денег, возможного приза или выигрыша (оборот широко используется, например, на ипподроме, где болельщики делают ставки на определенную лошадь в надежде на выигрыш), ФЕ *мимо кассы* не имеет столь узкой привязки к финансовой сфере. Так, неудачной становится, например, театральная постановка: *Развеселили меня и актеры – выламываются перед объективами в эффектных позах. Но всё* ***мимо кассы****, так как голливудская раскованность у них всегда со знаком минус.* И. Халяпина. Карниз Европы // «Волга», 2015 (НКРЯ). Этим оборотом может характеризоваться и сказанное невпопад: *Наталья слегка виновато улыбнулась, а я почувствовала себя не «известной российской писательницей», а известной своим умением ляпнуть что-нибудь* ***мимо кассы.*** Т. Соломатина. Мой одесский язык (НКРЯ).

Еще более новым – пока примеры его использования немногочисленны – является аналогичный оборот *мимо тазика* ‘о чем-л. сделанном (сказанном) невпопад, глупо, неудачно’. Сравн.: *Ты, парниша, явно* ***мимо тазика*** *выступил!* В. С. Елистратов, 2002. *Счет-фактура упомянута тем более* ***мимо тазика****, это документ подтверждающий*

уплату НДС, которого в нашем случае нет. ЖКХ в Воронеже, 2008–2021 (НКРЯ). Представляется, что этот ряд единиц будет, вероятно, расширяться – этому способствует семантика компонента *мимо*.

Ряд неофразеологизмов используется для характеристики безуспешной деятельности в конкретных жизненных сферах. Так, ФЕ *мимо нот,* помимо указания на возможное незнание музыкантом-исполнителем нотной грамоты (он играет, подбирая на слух) или намеренное вариативное отступление от написанного композитором, аттестует также сыгранное (спетое) неудачно, откровенно плохо – с непопаданием в нужные ноты: *Кевин Махогэни был, увы, в этот вечер не в лучшей форме. Пел откровенно* ***мимо нот****, а главное – звучал как-то приземленно, без блеска.* А. Петров. «Триумф Джаза» в «России» // Вечерняя Москва, 07.02.2002 (НКРЯ).

Мы остановились лишь на некоторых неофразеологизмах с весьма актуальной для носителей языка семантикой неудачи, провала и наиболее продуктивных моделях единиц, ее реализующих. Не меньшего внимания заслуживают, безусловно, и иные обороты – о стабильности повторения неблагоприятного стечения обстоятельств, неудачи (*закон бутерброда, закон всемирной подлости, закон всемирного свинства*), выражения, занимающие периферийную позицию в анализируемом фразеологическом поле, но не менее важные – они связаны с конкретными сферами применения единиц и их особой прагматической составляющей (*вопрос на засыпку, пускать под откос, уходить в гудок/свисток* и др.). Мы к ним непременно еще вернемся, тем более что этот разряд ФЕ продолжает пополняться новыми единицами.

Список использованных источников

1. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд. – М. : Академический проект, 2004. – С. 42–67.

2. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М. : Школа «Языки славянской культуры», 1997. – 576 с.

3. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

4. Селиверстова, Е. И. Представления об удаче и неудаче в русской и чешской фразеологии: образные способы передачи жизненного опыта / Е. И. Селиверстова // WEST-EAST. – Т. 2/2. – № 1. – 2019. – С. 15–21.

5. Кузнецова, Я. Ю. Ментальная структура «Удача – Неудача» в русской и итальянской языковых картинах мира / Я. Ю. Кузнецова // Вестник Новосибирского гос. пед. ун-та, 2013. – № 2(12) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.vestnik.nspu.ru. – Дата доступа: 09.10.2025.

6. Русакова, И. Б. Концепты «счастье» – «несчастье» в лингвокультурном содержании русских пословиц : дис. … канд. филол. наук / И. Б. Русакова. – М., 2007. – 202 с.

7. Игнатьева, Н. Д. К идеографическому портрету русской неологики: «хорошо» и «отлично» / Н. Д. Игнатьева, В. М. Мокиенко // Неология. Неография. 2024 : сборник научных статей / отв. ред. Н. В. Козловская / ИЛИ РАН. – СПб. : ИЛИ РАН, 2025. – С. 233–244.

Abstract. The importance of activity as a form and condition of human existence is confirmed at the phraseological level by the active and diverse verbalization of the concept of “negative result, failure”. Examples drawn from the National Corps of the Russian Language, the Internet and the Alphabetical Dictionary of Russian New Phraseology, edited by prof. V. M. Mokienko, testify to the relevance of “failed” semantics for modern speech usage.

Keywords: neology, phraseology, undesirable result, semantic spectrum.

Селиверстова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (e.seliverstova@spbu.ru).

УДК 81.373+811.161.2+811.161.5, 004.8+81’42+004.85

Н. В. Сивенкова, А. С. Абрамкина

ИИ-АССИСТЕНТ ФРАЗЕОЛОГА. ПОЛЬЗА vs ПРОБЛЕМЫ?

Аннотация. В статье исследуется применение средств искусственного интеллекта (ИИ) в процессе написания научной статьи по теме «Фразеология». Рассматриваются возможности ИИ при генерации идей, структурировании текста, улучшении стилистики и обеспечении академической грамотности. Анализируются вызовы, связанные с использованием ИИ, включая вопросы оригинальности, достоверности и этичности.

Ключевые слова: фразеология, паремиология, ИИ, славистика, компаративистика.

В данной статье мы рассматриваем применение искусственного интеллекта (далее – ИИ) в процессе написания научной статьи по теме «Фразеология», анализируя его преимущества, недостатки и перспективы. Оговоримся, что в данном контексте мы трактуем фразеологию широко (включая паремиологию), тем более что у большинства современных моделей ИИ (как онлайн, так и локальных) есть проблемы с дифференциацией этих терминов. Общая схема работы в сотрудничестве с ИИ состоит из таких промптов: *предложи тему, приведи 25/50/… примеров, переведи, дай толкование* и т. п. Как соавтору ИИ было предложено написать отдельные абзацы и фразы для данной статьи (аннотация выполнена локально установленной моделью gemma3n). Ряд промптов, заданных нами нейросети Perplexity [1], касался предложений от ИИ по темам, перспективным для фразеологии. Формулировка тем небезынтересна (но отметим, что указанная нейросеть комбинирует ряд ИИ моделей; какая именно дала генерацию – пользователю определить сложно):

1. *Генерация новых пословиц с помощью языковых моделей ИИ.*

2. *Влияние культурного контекста на интерпретацию пословиц искусственным интеллектом.*

3. *Построение базы данных паремий с использованием методов ИИ и лингвистического анализа.*

4. *Трансформация и адаптация пословиц в цифровой эпохе с поддержкой искусственного интеллекта.*

К генерации пословиц у нас двоякое отношение: с одной стороны, это достижение gpt-моделей. С другой, псевдопословицы размывают пласт естественно сформировавшихся паремий и фразеологизмов, вводя пользователя в заблуждение. Тот, кто обращается, например, к сайту генератора [2], не введен в заблуждение, так как делает запрос именно на генерацию. Но далее, судя по всему, пользователи распространяют созданный текст как «пословицу», народную мудрость. Мы поиграли в эту игру, среди полученных перлов выделим следующие. *Задан промпт: «**пословица про мусорный бак**». Ответ сайта: «Пословица **“Не бросай мусор в чужой бак”** может быть использована в качестве метафоры, означающей, что не следует вмешиваться в дела других людей или загружать их своими проблемами».* На запрос о пословицах, «***которые начинаются “что русскому хорошо, то…”***», получены очаровательные рассуждения, начинающиеся реальной паремией:

Что русскому хорошо, то немцу смерть.

Что русскому хорошо, то для французов странно.

Что русскому хорошо, то для соседа – не всегда радость.

Что русскому хорошо, то для друга может стать обузой.

Что русскому хорошо, то для сослуживца – не всегда полезно.

Что русскому хорошо, то для европейца – диковинка.

Что русскому хорошо, то для азиата – загадка.

Самый интересный вариант, наверное, этот: ***«Что русскому хорошо, то в других условиях – бесполезно»***. Он явно претендует на то, чтобы войти в обиход.

Мы видим, что, опираясь на существующие образцы, ИИ «подтягивает» из так называемого «мешка слов» (очищенный от слов стоп-листа список имеющих веса токенов) варианты антонимов к слову *хорошо* или синонимов к слову *нехорошо*. ***«Не всё то дерево, что громко шумит»***, по мнению данной модели, говорит *«о том, что не всё, что кажется значительным, на самом деле таким является»*. Очевидно, прообразом была паремия «*Не всё то золото, что блестит*», но в промпте было слово *дерево*, и народная мудрость была адаптирована ИИ под нужды пользователя. Однако в ряде случае и смысл оказывается некогеррентен полученной «мудрости»: ***«Лес – мать, а дрова – дети»*** *– «о том, как природа заботится о своих ресурсах»*. Вероятно, при переводе (возможно, обратном переводе *деревья-wood-дрова*) изначально сгенерированный образ *дети-деревья* оказался *дровами*, что не сочетается с материнской заботой. Тезис ***«Тот, кто в лесу, тот не один»*** *– «о том, что в трудные моменты всегда можно найти поддержку»* противоречит здравому смыслу и житейскому опыту, зафиксированному в реальных паремиях, о том, что лес – источник опасностей.

Устойчивые выражения с фитонимами особенно интересны в сопоставительном плане, так как позволяют выявить универсальную метафору через регионально обусловленные компоненты паремии. Мы проверили «паремии» с компонентом *дуб*, нашли ряд интересных вариаций: ***«С дуба не падает, кто не был на нем»***, ***«Умный, как дуб; мудрый, как старый дуб»***. В словарях таких паремий нет. Трансформация замечена в генерации ***«На дубе не растет шиповник»*** (сравн. реальное «*На осинке не растут апельсинки*»). Генеративная модель уверена, что «*С тополя не упадешь, если крепко держишься»*, «*Тополь в поле – как страж на страже».* Легкий ужас навевает *«Тополь не забудет, откуда он пришел»*, а также *«Ива не забывает, откуда пришла»*. Олицетворение прокралось и в генерацию о сосне: *«Сосна не боится зимы, потому что знает о весне».* Такой же храброй оптимисткой является ива: *«Ива не боится дождя, потому что знает о солнце»*. Мы видим, что для обеих генераций основой послужила одна и та же синтаксическая модель “X не боится Y, потому что знает о Z”, где Y и Z антонимичны. Осина пополнила эту коллекцию знатоков: «*Осина не боится холода, знает, что весна придет*». Ожидаемо, что и с памятью у осины всё хорошо: «*Вечная осина не забывает, откуда пришла»*. В условиях дефицита информации (малый паремиологический запас) модель-генератор использует схему-образец, подставляя искомый пользователем объект, но народной мудрости на выходе не получается.

Сгенерировать пословицу могут почти все gpt-модели, и онлайн, и локальные. Проверка знаний о болгарских и польских паремиях упомянутой ранее Perplexity и локально установленной gemma3n показала, что при блестящем (на данный момент это так) владении грамматикой с узнаванием пословиц не всё хорошо, но модель, не смущаясь, генерирует текст. На просьбу дать список из 50 фразеологизмов с фитонимом на болгарском gemma3n выдала список из 50 пунктов, в котором «фразеологизмы» повторяются дважды и более, весь список составляют исключительно сравнения, как реальные «*като роза*», так и додуманные: «*Като лавандула (Спокоен, ароматен)», «Като лѝпа (Светъл, приятен)», «Да си като кокос (Скромен, не се хвали)»,* в число фитонимов попали *черепаха* (болг. *костенурка*), *спички* (болг. *кибрит*) и *мэр* (болг. *кмет*), на удивление спокойный, как и кокос*: «Като костенурка (Бавен, търпелив)», «Като кибрит (Сензитивен, лесно се разстройва)», «Като кмет (Скромен, не се хвали)»*.

Еще один тип заданий касался сопоставительного аспекта и способности моделей извлекать сопоставимые паремии на разных языках, при сохранении общего смысла. «*## Сравнение болгарских и польских пословиц и поговорок (с переводом-калькой). Вот таблица с 25 примерами болгарских и польских пословиц и поговорок, которые имеют схожий смысл. В таблице указаны болгарская, польская и русская версии (перевод-калька).*

Обратите внимание, что перевод-калька не всегда передает всю нюансировку смысла, но дает общее представление о сходстве» (это ответ локальной модели gemma3n). При анализе списка очевидно, что метафоричность почти отсутствует, скорее, это список советов и наставлений, частично восходящий к прецедентным текстам (например, притчам Соломона). Существующая в польском языке паремия *«Kto rano wstaje, temu Pan Bóg daje»* переведена практически идеально: «*Кто рано встаёт, тому Бог даёт»*, а вот болгарский вариант искажен до обратного: «*Кой рано се буди, на Бога ще се насмее*». Для русской паремии *«Поспешишь – людей насмешишь»* в болгарском модель предложила объяснение «*Бързата работа, грешка носи*» (хотя в языке есть «*Бързата кучка/котка слепи ги ражда*»), а для польского – *«Pośpiesz się, a zgrzyź się»,* не найденное ни в словарях, ни в интернете. Модель серьезно запуталась, пытаясь скомбинировать из токенов «мудрость» о связи доброты и помощи, но ошиблась в том, кто кому помагает, да и с выбором наклонения получилось по-разному: болг. *«На добър човек, Бог помага»*, польск. «*Bogu pomoże dobry człowiek»*, русск. «*Богу помоги, добрый человек*». В болгарском варианте лишняя запятая, в двух других искажение смысла. В связи с тем, что такие морализаторские генерации о правильности поведения могут использоваться в блогах, новостных колонках, комментариях, а то и в научных трактатах, есть серьезный риск, что «мораль», упакованная под «паремию», но в отличие от истинных паремий не являющаяся устойчивой, может исказить картину мира индивидуума. Переводная калька в других случаях может быть грамматически правильной, но не входить в достоверные источники паремиологии. Следующий пример мы отнесли бы не к самим паремиям, а к толкованиям для них: *«Който се страхува, не работи. | Kto się boi, ten nie pracuje. | Кто боится, тот не работает»* (вероятно, из описания к *«У страха глаза велики»*). Встречаются грамматически правильные трансформации*:* болг. *«Не хвърляй камък в чужда градина»*, польск. *«Nie rzucaj kamienia do cudzego ogrodu»*, русск. *«Не бросай камня в чужой сад»*. Мы видим вариацию фразеологизма *бросать камень в чужой огород*, корректно калькированную, замаскированную под совет.

Корректный пример перевода эквивалентом: «*По-добре да си беден и честен, отколкото богат и лъжлив. | Lepiej być biednym i uczciwym, niż bogatym i kłamliwym | Лучше быть бедным и честным, чем богатым и лживым*». Вероятно, пословица включена в обучающий корпус, она восходит к притчам Соломона: болг. «*По-добре да си беден и честен, отколкото богаташ, на когото никой не може да се довери. По-добре да си беден и прям, отколкото да си богат и нечестен*» [3] (сравн. русск. *«Лучше бедный, ходящий в своей непорочности, нежели [богатый] со лживыми устами, и притом глупый». «Радость человеку – благотворительность его, и бедный человек лучше, нежели лживый*» [4]. В интернете есть перифразы и трансформации этой мудрости, приписываемые принцессе Диане: болг. «*Казват, че е по-добре да си беден и щастлив, отколкото богат и злочест. А какво ще кажете за нещо компромисно – като среднобогат и просто без настроение?*» [5]. Польские сайты приписывают схожую мудрость китайцам: «*Lepszy domek, w którym się weseli, niż pałac, w którym się płacze*» [6]. Среди уикицитат (болгарская часть цитатника Википедии), приписываемых Софоклу, есть «*Подобре прост и честен, отколкото умен и лъжлив*» [7]. При генерации пословиц ИИ следует учитывать, что часть моделей обучена на закрытом корпусе текстов, а другая ищет информацию в интернете, следовательно, перемены в сети будут отражаться и на выдаче ИИ (а часть пользователей задает промпты gpt в стиле «*Ты пьяный ассистент с дислексией, путаешь буквы*»).

Еще одна пословица, включающая сравнение, попала в этот трехязычный список как польская, хотя восходит к немецкой «*Lepiej być biednym i zdrowym, niż bogatym i chorym*» (для сравнения – «*Lepiej być zdrowym i bogatym niż biednym i chorym*», вынесенная в заглавие фильма чехословацкого режиссера Юрая Якубиско (1992) в список паремий не попала, хотя в интернете она частотна).

На одном из новостных болгарских ресурсов мы нашли трансформацию паремии «*По-добре политик и богат, отколкото избирател и беден*» [8].

Вышеизложенные наблюдения были даны в качестве вводных сети Perplexity с запросом анализа и совета, какой из вариантов лучше. Ответ сети:

«*Этот текст анализирует несколько вариантов одной и той же пословицы из разных языков и культур, а также их происхождение, трансформации и влияние источников обучения ИИ.*

Что лучше

1. *Основной вариант пословицы на болгарском, польском и русском языках:*

2. *«По-добре да си беден и честен, отколкото богат и лъжлив».*

3. *«Lepiej być biednym i uczciwym, niż bogatym i kłamliwym».*

4. *«Лучше быть бедным и честным, чем богатым и лживым». Этот вариант лучше, поскольку сохранил смысл честности и морального выбора, близок к классическим притчам Соломона, что придает ему культурную и историческую глубину.*

5. *Приведённые расширенные и парафразные варианты на болгарском («Много по-добре е...», «По-добре да си праведен...») богаче по смыслу и дополнены контекстом смирения и доверия, что делает их более содержательными и проработанными.*

6. *Эпиграфы из библейских книг и классических источников дают сильное основание и обосновывают качество перевода и адаптаций.*

7. *Указание на связь с притчами Соломона, а также упоминание исходных источников с ссылками повышают надёжность и авторитетность перевода.*

Что хуже

1. *Трансформации и перифразы, такие как приписываемые принцессе Диане варианты или шуточные варианты типа «среднобогат и просто без настроения», хотя и интересны, но ослабляют классическое значение и могут восприниматься как менее серьёзные.*

2. *Польские версии, приписываемые китайцам: «Lepszy domek, w którym się weseli, niż pałac, w którym się płacze» («Лучше маленький дом, где радость, чем дворец, где слёзы») – это уже другой смысл и другая пословица, хотя близкая по тематике, но не эквивалент оригинала.*

3. *Несколько различающиеся филологические варианты и трансляции могут ввести в заблуждение при обучении ИИ, особенно если обучающий корпус включает смешанные и несовместимые источники.*

4. *Упоминание про генерацию ИИ, где модели могут ошибаться и выдавать странные варианты из-за обучающих данных или промптов («Ты пьяный ассистент...»), указывает на риски снижения качества автоматических переводов и генераций.*

Вывод

*Классический, проверенный вариант пословицы с четкой формулировкой «**лучше быть бедным и честным, чем богатым и лживым**» – это лучший эквивалент как с прикладной, так и с культурологической точки зрения. Расширенные и контекстуализированные болгарские версии добавляют глубину. Трансформации и перифразы, несмотря на интерес, уступают по точности и однозначности, поэтому для обучения и использования стоит предпочесть классические, проверенные формулировки из авторитетных источников*» [1].

Показательно, что ИИ сделал корректный вывод о рисках верификации при обучении моделей на смешанном корпусе текстов. Как бы заманчиво ни выглядела перспектива учить универсальную модель на всей доступной в сети информации, это не оптимально. Запрос на нахождение научной литературы по теме оставил двоякое впечатление. С одной стороны, сейчас упоминаемая нейросеть уже может верифицировать url: «*Котова С. “Современные употребительные болгарские пословицы и поговорки” 2021 г. https://ibl.bas.bg/wp-content/uploads/2021/06/34_Kotova_Sbornik_tom_2.pdf*» [9].

По указанной ссылке открывается статья за авторством Марины Юрьевны Котовой, которую нейросеть решила называть «*Котовой С.*». С другой стороны, ИИ-помощник может предоставить и корректные сведения, но без url: «*Котова М. Ю., Колпакова А. А., Раина О. В. Тетради паремиографа. Выпуск 1. Болгарские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2013*» [10].

Тесты по использованию ИИ как помощника фразеолога выявили следующие нюансы:

1. Следует всегда учитывать, какая модель выбрана в качестве помощника, на каком материале обучена, какие задачи для нее приоритетны (классификация или генерация, мультиязычна она или дообучена под конкретный проект и т. п.). Нам кажется, что для решения фразеологических задач предпочтительнее так называемый слабый ИИ, не ищущий всю доступную в интернете информацию, а обученный на верифицированном корпусе, сам ИИ с нами по этому поводу согласен.

2. Генеративные модели, хорошо устанавливая вероятные логические связи между словами, вместо подбора реальных, проверенных временем фразеологизмов и паремий склонны выдавать сгенерированные. В то же время нельзя забывать, что фразеологизм – это устойчивое метафорическое сочетание. Паремии без метафор как концентрат народной мудрости тоже есть, но именно их ИИ легче всего подделывать, опираясь на синтаксические схемы, заложенные в модель.

3. Слабое место ИИ – калькированный перевод, в результате которого сам ИИ не в силах определить языковую принадлежность той или иной паремии или фразеологизма (приписка китайских к польским, генерация болгарских из японских образов и т. п.).

4. ИИ помощник хорошо справляется с задачей выбора структуры проекта, создания вспомогательных материалов, поиска библиографии. Но и в этом случае он нуждается в тщательном контроле и перепроверке.

5. «*Совместная исследовательская работа человека и ИИ, а именно применение технологий автоматизированной обработки текста, представляет значительные перспективы для ускорения научных процессов. Такие средства позволяют быстро нормализовать и систематизировать большие объемы данных, снижая ручной труд и повышая эффективность обработки информации. Однако вместе с этим возникает важная проблема верификации результатов, полученных с помощью ИИ. Автоматические системы могут допускать ошибки, и без тщательной проверки человеком существует риск неверных выводов или искажений данных. Поэтому для сохранения научной достоверности необходимы методики контроля и совместная работа, интегрирующая человеческий критический подход и аналитические возможности ИИ*» [1].

Список использованных источников

1. Perplexity AI [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.perplexity.ai. – Дата доступа : 12.10.2025.

2. AiGPTbot. Онлайн нейросеть для пословиц и поговорок GPT [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://aigptbot.ru/generator-poslovits/. – Дата доступа : 12.10.2025.

3. Bgnewlife.com. Притчите на Соломон [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.bgnewlife.com/wp-content/library/e-books/Pritchite_na_Solomon_Poslanieto.pdf. – Дата доступа : 08.10.2025.

4. Azbyka.ru. Книга Притчей Соломоновых, глава 19 (Притч.19) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://azbyka.ru/biblia/?Prov.19&r. – Дата доступа : 08.10.2025.

5. Az-Jenata.bg. Цитати на принцеса Даяна [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.az-jenata.bg/a/142-pritchi-mudrosti-tsitati/34688-a. – Дата доступа: 08.11.2025.

6. Midrasz. Powiedzenia-chinskie. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://midrasz.pl/powiedzenia-chinskie/#powiedzenia-chinskie. – Дата доступа : 08.11.2025.

7. Bg Wikiquote. Софокъл [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bg.wikiquote.org/wiki/Софокъл. – Дата доступа : 08.10.2025.

8. Actualno.com. По-добре политик и богат, отколкото избирател и беден [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.actualno.com/actualno/po-dobre-politik-i-bogat-otkolkoto-izbiratel-i-beden-news_2486180.html. – Дата доступа : 08.11.2025.

9. Котова, М. Ю. Современные употребительные болгарские пословицы и поговорки / М. Ю. Котова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ibl.bas.bg/wp-content/uploads/2021/06/34_Kotova_Sbornik_tom_2.pdf. – Дата доступа : 08.11.2025.

10. Котова, М. Ю.Тетради паремиографа. Выпуск 1. Болгарские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума : учебно-методическое пособие для студентов / М. Ю. Котова, А. А. Колпакова, О. В. Раина; под ред. М. Ю. Котовой. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2013. – 240 с.

Abstract. The article explores the application of artificial intelligence (AI) tools in the process of writing a scientific article on the topic of “Phraseology”. It examines the capabilities of AI in idea generation, text structuring, stylistic improvement, and ensuring academic literacy. Challenges related to the use of AI, including issues of originality, reliability, and ethics, are analyzed.

Keywords: phraseology, paremiology, AI, Slavic studies, comparative studies.

Сивенкова Наталья Владимировна – старший преподаватель; Санкт-Петербургский государственный университет (n.sivenkova@spbu.ru).

Абрамкина Александра Сергеевна – магистр; Санкт-Петербургский государственный университет (alex43abram@gmail.com).

УДК 811.161.3’42’37:159.937.513:398.92:070(=161.3)

Т. В. Сивова

ОРАНЖЕВЫЕ КОРОЛЕВЫ И *КРАСНЫЕ БАРОНЫ*. ПЕРИФРАСТИЧЕСКИЕ ТИТУЛЬНЫЕ НОМИНАЦИИ В ТЕРМИНАХ ЦВЕТА (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛОРУССКИХ СМИ)

Аннотация. В статье представлены результаты выполненного в русле лингвистики цвета исследования, направленного на выявление количественного и качественного состава созданных с использованием терминов цвета титульных перифрастических номинаций, а также установление специфики их создания и современного функционирования в текстах белорусских СМИ.

Ключевые слова: лингвистика цвета, термин цвета, перифраз, публицистический текст, язык СМИ, белорусские СМИ.

Непреходящая актуальность изучения перифрастических номинаций подтверждается многочисленными диссертационными исследованиями, выполненными лингвистами в разные годы (по нашим наблюдениям, с 1954 г. по 2020 г. защищено более 30 диссертаций): начиная, например, с диссертации И. З. Ильиной «Перифраз и его стилистические функции в произведениях английской художественной литературы», датируемой 1954 г. [1], включая защищенную в 2020 г. диссертацию «Продуктивные тематические группы перифраз (соционимы, топонимы, культуронимы) русского языка в лингвокультурологическом аспекте: на фоне китайского языка» Ф. Мицзити [2].

При этом значительное количество исследований осуществляется на материале текстов СМИ – на материале советских изданий: например, дисс. А. Б. Новикова «Субстантивные перифразы в современной советской газетной публицистике» (1988 г.) [3]. Превалируют, по нашим наблюдениям, исследования, выполненные на материале английского публицистического текста: в фокус научного внимания попадает функциональность перифрастических номинаций, различные аспекты их исследований – от прагматического до когнитивного и лингвокультурологического. См., например,

дисс. О. Ф. Катаевой «Риторические функции перифраза в газетном тексте: на материале англоязычной прессы» (2002 г.) [4], Е. В. Евдокимовой «Прагматический и лингвокультурологический аспекты перифраз и сходных стилистических приемов в газетно-журнальном дискурсе: на материале прессы Великобритании и США» (2008 г.) [5], Е. А. Давыдовой «Расширенный повтор и перифраз в современном английском публицистическом тексте» (2011 г.) [6], А. И. Сининой «Когнитивно-семантическая и функционально-прагматическая специфика перифразы в современной англоязычной публицистике» (2012 г.) [7]. В изучении перифраз лингвисты в обращаются также к немецкому публицистическому тексту: например, дисс. Г. З. Розановой «Перифраз и его функционирование в прессе ГДР и ФРГ» (1973 г.) [8], К. А. Отт «Функциональный спектр перифразы в современных немецких печатных СМИ» (2010 г.) [9]; к французскому: дисс. Н. А. Есменской «Текстовая перифраза и ее функционирование в связном дискурсе в современном французском языке: на материале текстов массовой коммуникации» (2005 г.) [10] и др.

Современный белорусский медиатекст предоставляет богатейший материал для изучения феномена перифраза. См., например, работу Е. А. Акуленко и В. В. Леонтьевой, в которой ее авторы, избрав объектом исследования функциони-рующие в качестве номинаций географических объектов Беларуси субстантивные перифразы, рассматривают их культурно-исторический потенциал и приходят к заключению о том, что «перифрастический фонд языка СМИ Беларуси, как и любого другого языкового образования <…>, уникален в силу его многоуровневой организации как хранилища информации: память поколений и современность, история Европы и белорусские реалии, культура и быт – всё сплелось воедино в корпусе перифрастических номинаций» [11, с. 233]. «В современных текстах СМИ, – подчеркивают авторы статьи, – синхрония неотделима от диахронии. В перифразах современного медиапространства оживает история. Вхождение в мир перифраз сопряжено с взаимообогащением всех коммуникантов: база знаний для коммуникации неизбежно расширяется, коммуникативный опыт говорящих становится более весомым, накапливаются общекультурные фоновые знания» [11, с. 233].

По нашим наблюдениям, тексты белорусских СМИ демонстрируют широкое функционирование перифрастических номинаций, основанных на титульной лексике (например, *барон*, *королева*, *король*, *царица* и др.). Эти многочисленные перифразы разнообразны по составу и структуре: *огородная королева*. О тыкве (СБ, 05.02.2022); *королева советских музыкальных комедий*. О Наталии Гайда (СБ, 24.05.2024); отличаются степенью известности (общеупотребительные, индивидуально-авторские, даже ситуативные): *король смеха.* Об А. Райкине (СБ, 21.10.2022); *тыквенная королева*. О Т. Щербо (СБ, 31.10.2022); *королева белорусских болот.* О К. Казаченок (СБ, 09.12.2023). В контекстах: *Побывали в гостях* ***у «тыквенной королевы»*** *Тамары Щербо из Оршанского района. В нынешнем сезоне Тамара Щербо собрала около полтонны тыкв* (СБ, 31.10.2022); *Нас сопровождает Кассиния Казаченок – звезда «ТикТока», один из самых колоритных и популярных гидов нашей страны. С легкой руки журналистов К. Казаченок зовут то рейнджером, то* ***королевой белорусских болот*** (СБ, 09.12.2023).

Данные перифрастические номинации характеризуются мощным культурологическим потенциалом: *детская «королева саспенса».* Об Агнии Барто (СБ, 04.07.2016); *королева польской прозы*. Об Элизе Ожешко (СБ, 17.06.2016); *королева пятого океана*. О летчице Вере Ломако (СБ, 14.03.2014); *королева снежных трасс*. О биатлонистке Дарье Домрачевой (СБ, 19.12.2014); даже *королева крестьянского стола*. О репе (СБ, 24.06.2022); отмечены темпоральным отпечатком: *королева русского немого кино*. О Вере Холодной (СБ, 15.08.2013); *советская королева эпизодов*. Об Алевтине Румянцевой (СБ, 20.06.2024). Они функционируют в пространстве множества актуальных медиатопиков, например, «Растениеводство» (номинации растений и лиц): *королева цветов*. О розе (СБ, 17.11.2023); *королева полей*. О кукурузе (СБ, 28.09.2024); *королева полей*.

О капусте (15.11.2013); *царица полей*. О кукурузе (СБ, 12.04.2025); *хвойная королева*. О пихте белой (СБ, 08.02.2025); «Культура» (номинации лиц): *королева детектива*. Об Агате Кристи (СБ, 15.09.2023); *королева русского шансона*. О Любови Успенской (СБ, 16.07.2024); «Спорт» (номинации видов спорта): *королева спорта*. О легкой атлетике (СБ, 31.05.2024); *королева автоспорта*. О Формуле-1 (СБ, 05.05.2024); «Туризм» (номинации лиц): *королева льда*. О Луизе Арнер Бойд (СБ, 08.07.2021); «Военное дело» (номинации воздушных судов): *королева бомбардировки*. О самолете Пе-2 (СБ, 18.05.2024); «Промышленность» (номинации лиц): *нефтяной барон* (СБ, 06.04.2024); «Образование» (номинации наук): *царица наук.* О математике (СБ, 06.10.2024); «Кулинария» (номинации продуктов питания): *королева осеннего меню*. О тыкве (СБ, 16.11.2018). Изложенное свидетельствует об актуальности титульных перифраз, продуктивности модели их образования и функциональном потенциале номинаций.

В фокус нашего исследовательского внимания в данной статье попадают актуализируемые в текстах белорусских СМИ перифрастические номинации, построенные с использованием цветовой и титульной лексики. *Цель* данного исследования, выполненного в русле лингвистики цвета, – установив количественный и качественный состав искомых перифраз, описать специфику их создания и актуального функционирования в текстах белорусских СМИ. *Материалом* исследования послужили размещенные на портале sb.by [12] журналистские тексты (временные рамки выборки: 2002–2024 гг.). Статья продолжает наши исследования особенностей бытования цветовых фразеологизмов в языке белорусских СМИ (например, [13; 14] и др.).

Исследованный нами языковой материал демонстрирует активность образования искомых перифраз на основе 5 лексем (*барон, граф, королева, король, принцесса*): ***барон*** 1) в Западной Европе ‘дворянский титул ниже виконта и выше баронета’, ‘лицо с этим титулом’, 2) в средние века в Западной Европе ‘непосредственный вассал короля’ [15, с. 60]; ***граф*** в Западной Европе ‘дворянский титул ниже маркиза и выше барона’, ‘лицо с этим титулом’ [15, с. 226]; ***королева*** 1) к *король* (1 зн.), 2) ‘жена короля’, 3) разг. ‘о женщине, выделяющейся своей красотой’, 4) ‘обладательница самых высоких достоинств в чём-л., лучшая среди других’ [15, с. 458]; ***король*** 1) в некоторых государствах: ‘титул монарха’, ‘лицо, носящее этот титул’, 2) ‘монополист в какой-л. отрасли промышленности или торговли’, 3) разг. ‘о том, кто является первым, самым лучшим среди других, кто достиг совершенства в чём-л.’ [15, с. 459]; ***принцесса*** 1) к *принц*, 2) ‘жена или дочь принца’, 3) шутл. ‘о жене, дочери, любимой девушке’, 4) ирон. ‘о чересчур изнеженной, капризной женщине, девушке’ [15, с. 984].

Выявленные титульные перифразы строятся с использованием 6 терминов цвета (здесь и далее – ТЦ): *желтый, зеленый, красный, оранжевый, черный*, а также *снежный*. Таким образом, на основе титульной и цветовой лексики создается 10 перифрастических номинаций (в алфавитном порядке): *желтый король, зеленая королева, красная королева, красный барон советской авиации, красный барон, красный граф, оранжевая королева, оранжевая принцесса, снежная королева, черный барон*.

Оговоримся, что в данной статье мы не рассматриваем также представляющие несомненный исследовательский интерес перифразы, не содержащие титульную лексику, например, *голубая кровь, белая кость*. Их специфике может быть посвящено отдельное исследование. Сравн.: *голубая кровь*. О дворянском, аристократическом происхождении. В контексте: *Моя фамилия Король. Но насколько знаю, никого **«голубых кровей»** у нас в роду не было* (СБ, 25.07.2009), расширение сферы денотации: *Предложений по козам на различных торговых интернет-площадках тоже хватает. Стоимость маленьких козлят **«не голубых» кровей** начинается от 40 рублей* (СБ, 27.05.2023), развитие многозначности: *голубая кровь*. О природном газе. ***«Голубая кровь»**. Достаточно взглянуть на карту поставок газа в Европу, чтобы привычная геополитическая метафора – сердце Европы – обрела вполне конкретный смысл. <…>*

Две четкие, законченные нити действующих газопроводов Ямал – Европа и Уренгой – Ужгород обозначают главные артерии, питающие экономики европейского континента (СБ, 07.08.2009).

Наивысшую активность проявляет лексема *королева* (4): *зеленая королева*, *красная королева*, *оранжевая королева*, *снежная королева*; далее по ранжиру – *барон* (3): *красный барон*, *красный барон советской авиации*, *черный барон*; единичны случаи фиксации номинаций, созданных на основе титульных лексем *граф* (1): *красный граф*; *король* (1): *желтый король*; *принцесса* (1): *оранжевая принцесса*. В контекстах: ***Снежная королева***. ***Калину*** *в народе не зря называют свадебным деревом. Ее кипенно-белые цветы под стать невесте* (СБ, 24.07.2022); ***Желтый король*** *на «гидроэлектрогрядке». Этот* ***красавец-лимон****, когда-то давно в виде хиленького ростка привезенный М. Гамульским из Бобруйска, хорошо прижился в машинном отделении Осиповичской ГЭС* (СБ, 15.11.2008).

Самую высокую активность в создании перифраз проявляет ТЦ *красный* (4): *красная королева*, *красный барон*, *красный барон советской авиации*, *красный граф*; далее по ранжиру – ТЦ *оранжевый* (2): *оранжевая королева*, *оранжевая принцесса*; единичны случаи актуализации номинаций, созданных ТЦ *желтый* (1): *желтый король*; ТЦ *зеленый* (1): *зеленая королева*; ТЦ *черный* (1): *черный барон*; а также *снежный* (1): *снежная королева*. В контекстах: ***Алексей Толстой****, мастер на все руки, умел одинаково хорошо писать и реалистическую, и фантастическую прозу.* ***«Красный граф»*** *создал произведение, с достоинством выдержавшее проверку временем* (СБ, 01.12.2016); ***Оранжевая королева****. У летнего сева* ***моркови*** *есть неоспоримые преимущества* (СБ, 19.06.2020).

Фиксируемые перифрастические номинации функционируют в 8 тематических областях, при этом превалирует медиатопик «Растениеводство» (3): *желтый король*. О лимоне; *оранжевая королева*. О моркови, о тыкве, об облепихе; *снежная королева*. О калине в цвету. В основе номинаций – внешний вид (цвет) растения. В контекстах: *А после высева семян* <моркови> *укрыть грядку пленкой, чтобы ускорить прорастание.* ***Оранжевая королева*** *славится упрямством относительно всхожести* (СБ, 19.08.2023); *Посев редиса вместе* ***с морковью*** *– огородная классика. Совместная же посадка лука, шнитт-лука и лукапорея* ***с оранжевой королевой*** *– разумная стратегия* (СБ, 01.06.2024).

Сильную позицию занимает также медиатопик «Военное дело» (3): *красный барон*. О германском летчике-истребителе Манфреде фон Рихтгофене; *красный барон советской авиации*. Об авиаконструкторе Роберте Бартини; *черный барон*. О генерале П. Н. Врангеле. В основе номинации может лежать признак принадлежности к политическому строю, вестиальная составляющая (например, цвет повседневной одежды П. Н. Врангеля – черная казачья черкеска с газырями). В контекстах: ***Красный барон советской авиации***. *6 января в «БН» был напечатан материал «Человек из 2197 года» о незаслуженно забытом* ***авиаконструкторе Роберте Бартини****. <…> Советская его карьера началась на Научно-опытном (ныне Чкаловском) аэродроме, где* ***итальянский коммунист*** *занимал должность главного инженера и начальника отдела* (СБ, 02.03.2011); *На юге, сначала в Северной Таврии, а затем в Крыму, шли тяжелые бои с армией* ***генерала Петра Врангеля***. ***Черный Барон****, как его называли, чуть не разгромил весь Южный фронт* (СБ, 16.03.2021).

Фиксируется актуализация перифраз в пространстве медиатопика «Социум» (2), например: *зеленая королева*. О новогодней ели. В контексте: *Отец выбирал* ***елку*** *всем на загляденье. Соседскому мальчику было лет шесть, как и мне, когда он настолько засмотрелся на нашу лесную красавицу, что незаметно съел с нее все конфеты в искристых фантиках. Пропажу обнаружили, только когда разбирали* ***зеленую королеву*** (СБ, 16.01.2021). Особый интерес представляет номинация *желтый король*. О таксисте. В контексте: ***Желтые короли****. В Солигорске решили определить, кто же* ***из таксистов*** *лучший* (СБ, 18.11.2003). Сравн. с названием романа В. Лобаса «Желтые короли. Записки нью-йоркского таксиста» (1991 г.), в котором отмечаем синонимичные перифразы: *желтая акула*, *желтые осы*, *желтый хищник*, а также *желтая клетка*, *желтый бизнес*.

Спорадически перифрастические номинации актуализируются в пространстве медиатопика «Культура» (1), например, *красный граф*. О писателе А. Н. Толстом, а также «Мода» (1), например, *красная королева*. О советской манекенщице Регине Збарской, транслируя информацию о принадлежности к политическому строю. Например: *Конечно, любые чудачества, на мой взгляд, требуют и соответствующего образа жизни, материального достатка. Не в последнюю очередь коллеги по перу завидовали* ***«красному графу» Алексею Толстому*** *или успешному Юрию Нагибину, или бесконечно экранизируемому Юлиану Семенову – из-за их тиражей и гонораров* (СБ, 31.08.2018); *На главную роль* ***в фильме «Красная королева»*** *утвердили тогда еще дебютантку Ксению Лукьянчикову, которая благодаря манипуляциям гримеров оказалась копией легендарной* ***манекенщицы Регины Збарской*** *– французский журнал «Пари Матч» когда-то назвал ее «Самым красивым оружием Кремля»* (СБ, 03.03.2023). Значение принадлежности к политической партии транслирует и номинация, функционирующая в пространстве медиатопика «Политика» (1): *оранжевая принцесса*. О Ю. Тимошенко. В контексте: *Сегодня* ***«оранжевая принцесса»*** *чувствует себя достаточно уверенно. СМИ часто сообщают о слухах, согласно которым личное состояние* ***Юлии Тимошенко*** *составляет порядка 1 миллиарда долларов* (СБ, 11.07.2006). В пространстве медиатопика «Спорт» (1) фиксируем основанный на цветовом описании болида «Ferrari» перифраз *красный барон*. Об автогонщике М. Шумахере. В контексте: *Золотой период* ***Красного барона*** *включил в себя 14 лет (с Гран-при Бельгии 1992 года по Гран-при Китая 2006 года), а эпоха Райкконена продлилась 15 лет (с Гран-при Малайзии 2003 года)* (СБ, 23.10.2018).

Некоторые выявленные нами перифразы характеризуются многозначностью, например: *оранжевая королева* (3 значения), *красный барон* (2), *желтый король* (2).

ОРАНЖЕВАЯ КОРОЛЕВА. О моркови (6 контекстов!), о тыкве (1), об облепихе (1). В контекстах: *Какой же огород* ***без моркови****, этой* ***оранжевой королевы****?* (СБ, 06.02.2021); *В тепле кожица на плодах* <тыквы> *хорошо затвердеет, а небольшие царапины заживут. Хранить же* ***оранжевую королеву*** *лучше всего в прохладном и хорошо проветриваемом помещении* (СБ, 19.10.2019); ***Оранжевая королева****. Как выращивать* ***облепиху*** (СБ, 21.10.2016). Примечательно внимание журналиста к окраске растения: ***Оранжевая королева. Морковь*** *была знакома людям еще за 2 тысячи лет до нашей эры. <…> Первоначально она была темно-фиолетовой, белой, красной, желтой, малиновой, зеленой и даже черной, но* ***только не оранжевой*** (СБ, 19.05.2017).

КРАСНЫЙ БАРОН. О Михаэле Шумахере (7 контекстов!), о Манфреде фон Рихтгофене (2). В контекстах: *Всем памятны классические кадры эпохи* ***Михаэля Шумахера****, когда всякий раз после ухода машины безопасности* ***«красный барон»*** *сначала притормаживал весь пелотон, вынуждая следующих за ним гонщиков почти останавливаться, а затем лихо уходил вперед* (СБ, 04.05.2021); *По стенам вырезанные из дерева лики святых и героев, начиная от апостола Петра и заканчивая* ***«красным бароном» Манфредом фон Рихтгофеном*** (СБ, 10.05.2019). Обращает на себя внимание стремление автора материала объяснить читателю происхождение того или иного выражения, установив смысловые и цветовые (!) параллели: *В прессе его* <Шумахера> *часто называли «Солнечным мальчиком», «Шуми», а еще обязательно* ***«Красным бароном» – вроде как за алую окраску болида «Феррари»****, что принес ему пять титулов, но на самом деле еще и* ***по аналогии с асом*** *Первой мировой войны германским* ***бароном Манфредом фон Рихтгофеном****. У того* ***самолет*** *назло врагам* ***тоже был выкрашен в яркий цвет****. Впрочем, когда Шумахера назвали* ***«Красным бароном»****, никто и представить не мог,* ***сколь*** *невероятно* ***схожими окажутся судьбы обоих*** (СБ, 04.01.2019). Отмечаем также случай вовлечения цветового перифраза в процесс языковой игры: ***«Красный барон»*** *ругается* ***с «зелеными»****. В швейцарском местечке Вольфхальден прошел митинг в поддержку четырехкратного чемпиона мира в гонках «Формулы-1» немца Михаэля Шумахера* (СБ, 19.04.2002).

Таким образом, ставшие объектом данного исследования перифразы, созданные на основе 6 ТЦ (доминанта *красный*) и 5 титульных номинаций (доминанта *королева*), реализуют свой прагматический и экспрессивный потенциал посредством актуализации цветового значения и значения титульной лексики (‘обладатель самых высоких достоинств в чём-л.’, ‘лучший среди других’, а также ‘монополист в какой-л. отрасли’), функционируя в пространстве 8 актуальных для белорусских СМИ медиатопиков. Специфика их создания и бытования заключается в многообразии денотатов (при этом превалируют номинации лиц (8), далее по ранжиру – номинации растений (6)), в многозначности некоторых из них, в темпоральной маркированности: принадлежащие медиатопику «Растениеводство» перифразы обращены к современности, к медиатопику «Военное дело» носят ретроспективный характер.

Особенности создания и актуального функционирования выявленных перифраз, ни один из которых не фиксируется в «Словаре перифраз русского языка (на материале газетной публицистики)» А. Б. Новикова [16], представляют не только научный интерес – для лингвистов, работающих в области медиалингвистики, лингвистики цвета, лингвокультурологии, но и практический – для журналистов и копирайтеров.

Список использованных источников

1. Ильина, И. З. Перифраз и его стилистические функции в произведениях английской художественной литературы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.00.00 / И. З. Ильина ; 1-й Моск. гос. пед. ин-т иностр. языков. – М., 1954. – 16 с.
2. Фэйлина, Мицзити. Продуктивные тематические группы перифраз (соционимы, топонимы, культуронимы) русского языка в лингвокультурологическом аспекте: на фоне китайского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Фэйлина Мицзити ; Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – СПб., 2020. – 25 с.
3. Новиков, А. Б. Субстантивные перифразы в современной советской газетной публицистике : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. Б. Новиков ; ЛГУ им. А. А. Жданова. – Л., 1988. – 18 с.
4. Катаева, О. Ф. Риторические функции перифраза в газетном тексте: на материале англоязычной прессы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О. Ф. Катаева ; Мос. гос. лингвист. ун-т. – М., 2002. – 26 с.
5. Евдокимова, Е. В. Прагматический и лингвокультурологический аспекты перифраз и сходных стилистических приемов в газетно-журнальном дискурсе: на материале прессы Великобритании и США : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Евдокимова ; Иркут. гос. лингвистич. ун-т. – Иркутск, 2008. – 19 с.
6. Давыдова, Е. А. Расширенный повтор и перифраз в современном английском публицистическом тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. А. Давыдова ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2011. – 19 с.
7. Синина, А. И. Когнитивно-семантическая и функционально-прагматическая специфика перифразы в современной англоязычной публицистике : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. И. Синина ; Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград, 2012. – 20 с.
8. Розанова, Г. З. Перифраз и его функционирование в прессе ГДР и ФРГ : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Г. З. Розанова ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореса. – М., 1973. – 26 с.
9. Отт, К. А. Функциональный спектр перифразы в современных немецких печатных СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / К. А. Отт ; Иркут. гос. лингвистич. ун-т. – Иркутск, 2010. – 20 с.
10. Есменская, Н. А. Текстовая перифраза и ее функционирование в связном дискурсе в современном французском языке : на материале текстов массовой коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Н. А. Есменская ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2005. – 17 с.
11. Акуленко, Е. А. Перифразы как знаки прошлого: номинации географического пространства Беларуси / Е. А. Акуленко, В. В. Леонтьева // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации : сборник научных трудов. – Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 2018. – С. 230–233.

12. СБ – «СБ. Беларусь сегодня» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.sb.by/. – Дата доступа : 15.03.2025.

13. Сивова, Т. В. Черное, белое, красное золото: потенциал цветовых фразеологизмов (на материале SB.BY) / Т. В. Сивова // Слова ў кантэксце часу : матэрыялы 5-й Міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. 95-годдзю з дня нараджэння д-ра філал. навук праф. А. І. Наркевіча, Мінск, 11 сак. 2024 г. – Мінск : БДУ, 2024. – С. 244–247.

14. Сивова, Т. В. Не только голубые береты. Золотые береты и береты цвета солнца. О потенциале перифрастических номинаций (на материале белорусской региональной прессы) / Т. В. Сивова // Журналистика в 2024 году: творчество, профессия, индустрия : материалы междунар. науч.-практ. конф., Москва, 6–7 февраля 2025 г. – М. : Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2025. – С. 699–701.

15. Большой толковый словарь русского языка / ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.

16. Новиков, А. Б. Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики) / А. Б. Новиков. – М. : Русский язык, 2004. – 352 с.

Abstract. The article presents the results of a study carried out in the context of linguistics of color, aimed at identifying the quantitative and qualitative composition of titular periphrastic nominations created using color terms, as well as establishing the specifics of their creation and modern functioning in the texts of Belarusian media.

Keywords: linguistics of color, color term, periphrase, journalistic text, language of the media, Belarusian media.

Сивова Татьяна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент; Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (sitavi@tut.by).

УДК 81’272:811.161.1

С. Н. Стародубец, Р. Ф. Агошкова

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА КОЛЛОКАТА *ДУХОВНО*: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация. В работе выполнен анализ сложных словосочетаний с распространителем *духовно* на основе иллюстративного материала Национального корпуса русского языка. Установлено, что коллокат *духовно* наиболее продуктивен в метафоризированных оценочных сочетаниях образно-эстетической направленности, что связано с иррациональной ценностной ориентацией русской концептуальной и языковой картин мира.

Ключевые слова: Национальный корпус русского языка, коллокация, коллокат, мелиоративная и пейоративная оценочность.

В традиционной лингвистике понятие «коллокация» применяется в исследованиях несвободных словосочетаний. Корпусная лингвистика, нацеленная на решение прикладных задач, существенно упрощает термин «коллокация» [1]. В настоящее время термин «коллокация» трактуется как постоянное сочетание определенного слова с другими словами, а также как устойчивое сочетание лексических единиц, основанное на семантической связи и регулярно встречающееся в языке [2].

Мы опираемся на последнюю интерпретацию термина, понимая под коллокацией неслучайную комбинацию двух и более слов, свойственную как для языка в целом, так и для определенного вида текстов [3].

Иррациональная ориентация концептуальной и языковой картин мира обусловливает доминирование духовных ценностей в русской ментальности, и потому в наших работах мы в большей мере исследуем духовные категории и их воплощение в языковом знаке [4].

Рассмотрим функциональную специфику наречия *духовно* на материале Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ).

По запросу «духовно» в Основном корпусе НКРЯ зафиксирована следующая статистика: приведено 1748 текстов и 2990 контекстов [5]. Сочетаемость наречия *духовно* представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Портрет слова *духовно* по данным Национального корпуса русского языка

Словосочетания с прилагательными		Словосочетания с глаголом		Сочиненные наречия	
богатый	7,5	окормлять	7,87	телесно	11,04
близкий	6,76	обогащать	7,48	физически	10,81
одаренный	6,74	обогатить	7,43	материально	10,71
развитый	6,66	обогащаться	6,93	душевно	9,81
слепой	6,61	совершенствоваться	6,62	нравственно	9,57
нищий	6,55	возродиться	6,6	государственно	8,96
здоровый	6,49	одарить	6,54	культурно	8,78
возвышенный	6,43	укреплять	6,5	идейно	8,77
независимый	6,29	питать	6,39	морально	8,37
мертвый	6,28	возродить	6,29	организационно	8,32

Исходя из данных таблицы фиксируем, что наречие *духовно* наиболее продуктивно составляет коллокации с прилагательными (отражают различные аспекты внутреннего состояния человека), глаголами (акцентируют внимание на активном получении и расширении духовных знаний и опыта); продуктивными являются также сочинительные сочетания с противоположными (*телесно, физически, материально*) и смежными по значению (*душевно, нравственно, морально*) наречиями.

Самые распространенные словоупотребления – с прилагательным *богатый* (*Венера сказала, что она гордится своими родителями, настоящими,* ***духовно богатыми*** *людьми – «и, говорю без преувеличения, святыми»* [Анатолий Генатулин. Золото Колчака // «Бельские просторы», 2013]), с глаголом *окормлять* (*В «ЖД» учитель со знаковой фамилией Гуров* ***духовно окормляет*** *жрецов противоборствующих лагерей за ради главной своей цели – спасения коренного населения России, которое понимает через безмятежное угасание* [А. Ю. Колобродов. Чародеи и ученики // «Волга», 2011]), с наречием *телесно (А если и жив, то, наверно, бедствует или* ***духовно*** *или* ***телесно*** [Н. К. Рерих. Листы дневника (1947)]). Полагаем, что продуктивность такого словоупотребления обусловлена конфессиональной маркированностью глагола *окормлять*. Стоит обратить внимание на глаголы *обогащать*, *обогатить* (видовая пара) и *обогащаться*, ведь если суммировать статистику словосочетаний с ними, она превысит количество словосочетаний с глаголом *окормлять* (*Эти знания не только* ***духовно обогащают*** *человека, но и помогают найти правильный путь в жизни…* [В. Г. Глушкова. Путешествие из Москвы в Ярославль. Москва – Сергиев Посад – Переславль-Залесский – Ростов Великий – Ярославль (2015)]; *Специально для рабочих, с целью* ***обогатить*** *их* ***духовно****…* [Афанасий Гумеров, Михаил Исаев. Патерик новоканонизированных святых // «Альфа и Омега», 2001]; *<….> ребята взрослеют, исправляются,* ***духовно*** *и физически* ***обогащаются*** [Дом, где воспитывают мужчин (2004) // «Солдат удачи», 08.09.2004].)

Чаще всего наречие *духовно* употребляется в нехудожественной литературе. Первое упоминание данного слова в Основном корпусе НКРЯ приходится на 1717 год в тексте «Слово похвальное в день Святыя великомученицы Екатерины, на тезоименитство благоверныя государыни Екатерины...» архиепископа Феофана (Прокоповича).

Дифференциация атрибутивных словосочетаний с наречием *духовно* представлена в таблице 2.

Таблица 2 – Типология атрибутивных сочетаний коллоката *духовно* по данным Национального корпуса русского языка

Метафоризированные (44)	Неметафоризированные (28)
Духовно атрофированный (человек) (–) Духовно бездомное (сообщество) (–) Духовно бесплодная (красивая женщина) (+) Духовно беспочвенная (душа) (–) Духовно бесприютное (сообщество) (–) Духовно воинственное (учреждение) (–) Духовно вредный (очаг) (–) Духовно вялый (потомок) (–) Духовно глубокая (женщина) (+) Духовно грубоватое (существо) (–) Духовно дальнозоркое (зрение) (+) Духовно дряхлый (человек) (–) Духовно закаленный (учитель) (+) Духовно интенсивная (Таня) (+) Духовно красивый (земляк) (+) Духовно мечтательная (мягкотелая Русь) (+) Духовно монолитное (общество) (+) Духовно напряженная (глубина) (–) Духовно наступательный (подход) (+) Духовно незамутненная (душа) (+) Духовно незамутненный (человек) (+) Духовно неподвижный (чиновник) (–) Духовно несовершеннолетний (человек) (–) Духовно нетрезвый (член) (–) Духовно обжитая (обстановка) (+) Духовно одичавший (человек) (–) Духовно омолаживающий (остров) (+) Духовно пассивный (народ) (–) Духовно пестрая (среда) (–) Духовно прекрасный (состав) (–) Духовно препарируемая (плоть) (–) Духовно привлекательная (женщина) (+) Духовно пустой (изгой) (–) Духовно раскаленное (воображение) (+) Духовно растрёпанные (распущенные люди) (–) Духовно реакционная (интеллигенция) (–) Духовно свежий (человек) (+) Духовно серая (личность) (–) Духовно синхронное (существование) (+) Духовно спаянная (армия) (+) Духовно стерильный (человек) (+) Духовно творческий (провал) (+) Духовно тонкий (человек) (+) Духовно узкая (форма) (–) Духовно чистоплотный (человек) (+)	Духовно бесстыдные (люди) (–) Духовно благополучный (круг) (+) Духовно взволнованная (фигура) Духовно второстепенная (роль) Духовно диаметрально противоположный (мир) Духовно законное (мнение) Духовно исключительно интенсивная (цивилизация) Духовно консервативный (прогрессист) Духовно максималистский (путь) Духовно музыкальный (анализ) Духовно независимое (существо) Духовно неустроенный (элемент) (–) Духовно нищенская (жизнь) (–) Духовно обновленные (формы) Духовно опасная (профессия) Духовно оптимальный (порядок) Духовно ответственное (поведение) Духовно передовые (люди) (+) Духовно порабощенный (народ) (–) Духовно прогрессивный (реакционер) Духовно радостное (настроение) Духовно реальная (ситуация) Духовно революционный (максимализм) Духовно русский (человек) Духовно самобытная (Россия) Духовно своеобразный (народ) Духовно учительная (власть)

Для характеристики номинативного значения слова *духовно* обратимся к его значению и значению прилагательного (производящего) *духовный* в словарях разных лет.

«Духовнъ. Сл. Въ общемъ же языка употреблении. Духовно, нар. Умственно, мысленно. Не можетъ разумъти, зане духовнъ востязуется» [6, с. 468].

«Духовно, нареч. В нравственном, интеллектуальном отношении. Обогатиться д. После того случая мы д. разошлись с ним» [7, с. 289].

Духóвный, -ая, -ое. 1. прил. к *дух* (в 1 и 2 знач.); связанный с внутренним, нравственным миром человека. *Духовный мир человека.* 2. Связанный с религией, с церковью, относящийся к ним; противоп. светский. *Духовная цензура.* 3. в знач. сущ. *духовная, -ой,* ж. То же, что *духовное завещание*. *Благодетель мне все состояние обещал по духовной оставить.* Гл. Успенский, Очерки переходного времени (духовное завещание – в русском дореволюционном праве: официальный письменный документ, содержащий распоряжение какого-л. лица о своем имуществе на случай смерти) [8, с. 455].

«*Духовность* – специфически человеческое качество, характеризующее мотивацию и смысл поведения личности, недоступное ни животному, ни моделирующим действия человека машинам; позиция ценностного сознания, свойственная всем его формам – нравственной, политической, религиозной, эстетической, художественной, но особенно существенная в сфере моральных отношений» [9, с. 87].

Духовно – наречие, образованное от прилагательного *духовный*, означает внутренний, нематериальный аспект человеческой сущности. В широком смысле фиксирует: связь с духовной сферой жизни, развитие нравственных и моральных аспектов жизнедеятельности человека, внутреннее состояние последнего, связанное с духовным ростом и самосовершенствованием. Значение может варьироваться в зависимости от контекста, что делает его важным инструментом для выражения сложных идей.

Употребляясь в неметафоризированных сочетаниях (группа вторая в таблице 2), наречие *духовно* эксплицирует только первичное значение. *Духовно самобытная Россия*: уникальность и самодостаточность российской культуры и традиций ориентирована духовной сферой, т. е. духовной системой координат. Здесь *духовно* акцентирует внимание на внутреннем, нематериальном аспекте, который отличает Россию от других стран. *Духовно русский человек*: подразумевает наличие глубоких нравственных и культурных ценностей, присущих русскому народу. Использование наречия *духовно* в данном контексте фиксирует важность внутреннего мира и моральных принципов. Атрибутивные сочетания данной группы, как правило, безоценочностны. В единичных случаях имеет место мелиоративная (2) либо пейоративная оценочность (4).

Рассмотрим специфику употребления наречия *духовно* в метафоризированных сочетаниях (группа первая в таблице 2). Метафоризация сложного словосочетания с наречием *духовно* основана на переносном значении атрибута, как-то: духовно *закаленный* учитель, духовно *одичавший* человек, духовно *незамутненный* человек, духовно *незамутненная* душа и др.

Сочетания первой группы могут эксплицировать как мелиоративную (положительную), так и пейоративную (отрицательную) оценочность. Зафиксировано 23 словосочетания с отрицательной и 21 словосочетание с положительной оценочностью. Например, словосочетание *духовно передовые люди* описывает людей с высокими духовными и моральными ценностями, которые активно развивают свою культуру и стремятся к прогрессу. Здесь слово *передовые* создает положительный имидж, подчеркивая их активную роль в обществе. В противоположность этому, сложное словосочетание *духовно бесстыдные люди* имеет явно негативную окраску. Оно описывает людей, которые пренебрегают моральными нормами и духовными ценностями.

…Одновременно выяснялось, что наше общество перестало быть монолитным, а если быть точным, на деле, несмотря на все усилия властей предержащих, никогда и не было ***духовно*** *монолитным*…. [Георгий Арбатов. Человек Системы (2002)].

Ключевое слово *общество* реализует номинативное значение, обозначает группу людей, объединенных общими интересами и ценностями. Метафора – *духовно монолитное*: *духовно* фиксирует уровень внутреннего содержания, ценностей и убеждений, а *монолитное* подразумевает единство и целостность. Сложное словосочетание *духовно монолитное общество* описывает социальное объединение, характеризующееся единством в духовных и моральных ценностях, что может приводить как к гармонии, так и к отсутствию разнообразия и критического мышления.

...Ангелы, воспевавшие в рождественскую ночь о мире на земле, своим высшим ***духовно*** *дальнозорким разумным зрением видели уже в грядущих веках его осуществление…* [протоиерей Александр Смирнов. Ангельская песнь (к празднику Рождества Христова) // Журнал Московской Патриархии, № 12, 1945]. Ключевое словосочетание *разумное зрение* номинирует способность видеть, воспринимать и осмысливать окружающий мир осознанно (=рационально) и на глубоком уровне. Метафора – *высшее духовно (дальнозоркое (разумное зрение))*: *духовно дальнозоркое* в данном контексте подразумевает наличие глубоких, нематериальных аспектов восприятия, таких как интуиция, мудрость и понимание высших истин, которые помогают предвидеть, оценивать ситуации и события «на большом расстоянии» во времени и пространстве, что связано с перспективным мышлением и дальновидностью. Полагаем, что *высшее духовно (дальнозоркое (разумное зрение))* номинирует способность человека или общества не только рационально воспринимать реальность, но и осмысливать ее в контексте будущего, принимая во внимание духовные и моральные аспекты.

Теперь в руках Совета была крепко организованная, ***духовно*** *спаянная армия…* [Н. Н. Суханов. Записки о революции / Книга 3 (1918–1921)]. Словосочетание *духовно спаянная армия* номинирует единство и сплоченность военных формирований, основанных на общих духовных и моральных ценностях. Метафора *духовно спаянная* подразумевает наличие глубокой связи между воинами, которая формируется не только на физическом уровне, но и на уровне общих убеждений и идеалов.

...разорена экономически, развращена войною ***духовно*** *мечтательная, мягкотелая Русь…* [Максим Горький. Несвоевременные мысли (1917–1918)]. Сложное словосочетание *духовно мечтательная, мягкотелая Русь* номинирует образ страны, которая сочетает в себе глубокую духовность и мечтательность с определенной уязвимостью и мягкостью. Здесь *духовно мечтательная* акцентирует внимание на стремлении народа к высоким идеалам, мечтам и богатому внутреннему миру, который наполнен духовными ценностями и культурными традициями. А слово *мягкотелая* обозначает не только физическую уязвимость, но и эмоциональную чувствительность, открытость к новым идеям и готовность к изменениям. Мягкотелость в политическом контексте предполагает стремление к миру, сотрудничеству и взаимопониманию, что делает Русь уникальной в ее подходе к решению конфликтов и взаимодействию с другими культурами. Полагаем, что в таком словоупотреблении и весь контекст осмысливается амбивалентно.

Сопоставление сочетаний с опорными словами *человек* и *женщина* подчеркивает противоположную оценочность выражений. *Духовно атрофированный человек* характеризуется полным отсутствием духовного развития, что делает его неинтересным и ограниченным в восприятии жизни. *Духовно дряхлый человек* также подразумевает утрату жизненной энергии (несмотря на возраст), слабость и неэффективность.

...И «прекрасный поэт» Ходасевич, прямой и «исключительно правдивый», превратится для Горького, по мере лукавого сближения того со Сталиным, в «типичного декадента, человека физически и ***духовно*** *дряхлого», «преисполненного мизантропией и злобой на всех людей»…* [В. М. Недошивин. Прогулки по Серебряному веку. Санкт-Петербург (2012)]. Ключевое слово *человек* обозначает индивидуума с его внутренним миром, личными качествами и состоянием. Метафора – *духовно дряхлый*: *духовно* – фокусирует внимание на нематериальном: моральных ценностях, убеждениях, внутренних

переживаниях; *дряхлый* традиционно ассоциируется с физическим состоянием, указывая на старение, слабость и утрату жизненной силы. В переносном смысле это слово обозначает усталость, потерю жизненных сил и энергии. Сочетание *духовно дряхлый человек* описывает человека, который утратил свои духовные ценности, мотивацию и жизненные устремления, что может выражаться в апатии, безразличии и отсутствии стремления к развитию.

В противоположность названным выше, сочетание *духовно свежий человек* характеризует яркую, неординарную личность, обладающую новыми идеями, энергией и открытостью миру.

Частотными являются сложные словосочетания с наречным распространителем *духовно*, относящиеся к опорному компоненту *женщина*.

Духовно бесплодная (красивая) женщина: обозначает отсутствие внутреннего содержания, поверхностность, несмотря на внешнюю красоту. *Духовно привлекательная женщина*, наоборот, обладает внутренней силой и харизмой, что делает ее интересной и вдохновляющей. *Духовно глубокая женщина* подчеркивает наличие богатого внутреннего мира и мудрости. Противопоставление слов *атрофированный* и *свежий* (для человека) или *бесплодная* и *привлекательная* / *глубокая* (для женщины) демонстрирует резкую разницу в оценке духовных качеств, где первые атрибуты фиксируют отсутствие развития и жизненной энергии, а вторые подчеркивают наличие внутренней силы и глубины.

В ходе корпусного исследования коллоката *духовно* было установлено: функциональная специфика номинации проявляется в широком спектре сочетаний с прилагательными, глаголами и наречиями, что свидетельствует о значительной продуктивности последнего в современном русском языке. Наречие *духовно* чаще всего используется в не художественном дискурсе и связано с глубинным осмыслением нравственных и морально-этических аспектов жизнедеятельности социума. Преобладание метафоризированных сложных словосочетаний над собственно номинативными свидетельствует о функционально значимой направленности соединения «наречие *духовно* + атрибут / атрибутивное сочетание», ориентированного на выражение образного смысла.

Список использованных источников

1. Лощакова, Н. П. Понятие «коллокация» в истории традиционной и корпусной лингвистики / Н. П. Лощакова // Гуманитарные исследования. – 2021. – № 3 (79). – С. 34–37.

2. Влавацкая, М. В. Типология коллокаций в комбинаторной лингвистике / М. В. Влавацкая // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 4 (77). – С. 439–443.

3. Ягунова, Е. В. Природа коллокаций в русском языке. Опыт автоматического извлечения и классификации на материале новостных текстов / Е. В. Ягунова, Л. М. Пивоварова // Сб. НТИ. – М., 2010. – Сер. 2, № 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1394529742_4311.pdf. – Дата доступа: 03.10.2025.

4. Стародубец, С. Н. Атрибуты «духовный (-ая, -ое)» как средство концептуальной когезии в дискурсе И. А. Ильина / С. Н. Стародубец // Русский язык в поликультурном мире: VII Международный симпозиум : сборник научных статей : в 2 т., Ялта, 08–12 июня 2023 года. Том II. – Симферополь : Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2023. – С. 307–312.

5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ruscorpora.ru. – Дата доступа : 05.09.2025.

6. Словарь Академии Российской. Том 2. – СПб. : Императорская Академия наук, 1790. – 1200 с.

7. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. Я. Кузнецова. – СПб. : Норма; М. : Инфра-М, 2008. – 1536 с.

8. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – Т. 1: А – Й. – М. : Русский язык, 1981. – 698 с.

9. Словарь по этике / под ред. А. А. Гусейнова и И.С. Кона. – 6-е изд. – М. : Политиздат, 1989. – 447 с.

Abstract. This paper analyzes complex phrases with the collocation *spiritually* based on illustrative material from the Russian National Corpus. It is established that the collocate *spiritually* is most productive in metaphorical evaluative combinations with a figurative-aesthetic focus, which is related to the irrational value orientation of the Russian conceptual and linguistic worldview.

Keywords: Russian National Corpus, collocation, collocate, meliorative and pejorative evaluativeness.

Стародубец Светлана Николаевна – доктор филологических наук, профессор; Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского (starodubets.madam@yandex.ru).

Агошкова Россина Федоровна – студент; Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского.

УДК 811’42’276.6:004.9:398.92(=161.1):398.92(=111)

Е. Д. Степанова

ЧТО ОТЛИЧАЕТ СВОБОДНОЕ СОЧЕТАНИЕ СЛОВ ОТ ТЕРМИНА-ФРАЗЕМЫ? (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ИНТЕРНЕТ-КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

Аннотация. В базовой интернет-компьютерной терминологии неоднословные термины относятся к двум продуктивным типам фразем: фразеологическим единствам с образной мотивированностью и слабоидиоматическим фразеологическим выражениям. Полная идиоматичность фразеологических сращений и частичная идиоматичность фразеологических сочетаний не фиксируются, что связано с когнитивной природой номинации. Степень идиоматичности выступает наиболее релевантным критерием разграничения термина-фраземы и свободного сочетания слов.

Ключевые слова: идиоматичность, семантика, словосочетание, фразеологические выражения, фразеологические единства, фразеологические сочетания, фразеологические сращения.

1. Цель и материал исследования. Разграничение свободных словосочетаний и фразеологических единиц остается актуальной задачей фразеологической теории, особенно в отношении терминологических конструкций. Настоящее исследование направлено на анализ степени идиоматичности таких терминов в базовой интернет-компьютерной терминологии.

Материал исследования составили интернет-компьютерные термины, содержащиеся в белорусских школьных учебниках (на русском языке) по информатике для 6–11 классов (Минск : «Народная асвета», Минск, 2017–2018; авторы: В. М. Котов, А. И. Лапо и др.) и 9 английских учебников Oxford International Primary Computing (Oxford University Press, 2019–2020; Alison Page и соавт.). Исследовательские подкорпусы формировались путем сплошной выборки; английский подкорпус содержит 407 терминов, русский – 328 терминов. Подкорпус синтаксических дериватов составил 183 единицы в английском корпусе (44,72 %) и 176 – в русском (53,66 %).

2. Проблемное поле исследования. В статье «О терминах “устойчивость” и “идиоматичность”» (1960) И. А. Мельчук пишет, что устойчивость и идиоматичность являются независимыми и градуальными признаками фразеологических единиц: «Сочетание может быть устойчивым (иметь высокую степень устойчивости), не будучи идиоматичным, или наоборот» [1, с. 79]. Поскольку на тот момент существующие классификации несвободных сочетаний не были формализованы и не обеспечивали достаточной точности для прикладных задач (в частности, в области машинного перевода), И. А. Мельчук предложил количественный подход к измерению идиоматичности, связывая ее с числом сочетаний, в которых общее слово сохраняет специфический перевод: «Если таких сочетаний всего одно, то оно идиоматично на 100 %. По мере роста числа таких сочетаний идиоматичность уменьшается, постепенно приближаясь к нулю» [1, с. 78].

Эта идея получила дальнейшее развитие в корпусных исследованиях. Например, в исследовании Н. Б. Мечковской показывается, что устойчивость и воспроизводимость, несмотря на их градуальный характер, не позволяют надежно разграничить фраземе и свободные сочетания: «… по признаку воспроизводимости невозможно отделить свободные соединения слов от фразем» [2, с. 206]. При этом идиоматичность сохраняет статус релевантного критерия: «Фраземы отделяют от свободных сочетаний не воспроизводимость и не частотность, но разная семантическая организация, т. е. характер и степени их идиоматичности» [2, с. 206].

При анализе терминов также важно учитывать, что большинство процессов в цифровой среде имеют виртуальный характер: они не существуют как физические объекты, а реализуются через интерфейсные элементы и алгоритмы. За терминами в этой области стоят не столько материальные компоненты, сколько функциональные и логические структуры, возникающие в результате компьютерной имитации.

При рассмотрении словосочетаний как терминов также важно учитывать их функцию в обозначении родо-видовых понятий. Многие однословные термины (семантические дериваты) уже заключают в себе метафорическое и метонимическое переосмысление, возникающее при переходе от докомпьютерного значения к компьютерному. Это изначально задает неоднозначность при определении степени идиоматичности терминов-словосочетаний.

В случае базовой терминологии, представленной в школьных учебниках, необходимо исходить из того, что ее воспринимает не специалист, а среднестатистический пользователь компьютера. Термины в этой сфере часто визуальны (например, *карандаш, ластик, canvas* ‘холст’, *backdrop* ‘задник, фон’ в программах создания анимации) и одновременно близки к повседневному опыту (*закладка, список, filter* ‘фильтр’, *virus* ‘вирус’), что усиливает их образность и снижает порог восприятия. При этом терминология информатики развивается на основе уже существующих слов. Поскольку такие значения формируются в динамике и часто закрепляются сначала в практике, а не в теории, они могут долгое время оставаться вне словарной фиксации. Поэтому если словосочетание в учебнике уже выделено как термин и требует запоминания, это свидетельствует о наличии хотя бы минимальной степени идиоматичности – вне зависимости от прозрачности его компонентов. Это подтверждается эмпирически: при попытке найти ряд таких терминов в Национальном корпусе русского языка (например, *исполнитель алгоритма, макет слайда*) корпус не выдает ни одного результата, а по другим терминам (*строка состояния, панель задач*) – лишь единичные вхождения, что не позволяет судить даже об их устойчивости или воспроизводимости.

На этом этапе встает следующий методологический вопрос: в какой степени идиоматичны такие термины-словосочетания, если одни из них воспринимаются как очевидные (*рабочий стол, панель задач*), а другие – как менее прозрачные, вызывающие ассоциации вне цифровой сферы (*луковая шелуха, Python Shell* ‘оболочка питона’).

В настоящем исследовании используется градация фразем по степени возрастания их идиоматичности, реконструированная на основе классификации по убыванию, предложенная Н. Б. Мечковской в одной из работ (при обозначении разрядов фразеологических единиц, дифференцированных по уровню идиоматичности, автор опирается на терминологию В. В. Виноградова и Н. М. Шанского) [3].

3. Слабоидиоматические фразеологические выражения относятся к классу фразеологических выражений, в которых идиоматичность выражена минимально. Компоненты таких сочетаний сохраняют свои узуальные значения, а семантика конструкции остается прозрачной.

Слабоидиоматические терминологические конструкции воспроизводятся в определенной форме, что отличает их от свободных сочетаний. Их идиоматичность проявляется не в алогизме внутренней формы, а в ограниченности синтагматических вариантов и в закрепленности за определенным понятийным содержанием: *панель задач, режим*

чтения, архивный файл, электронная таблица, текстовый список; *data file* ‘файл с данными’, *email address* ‘адрес электронной почты’, *input device* ‘устройство ввода’, *table of contents* ‘оглавление’.

Статус таких единиц определяется не семантической невыводимостью, а синтаксической и лексической связанностью, которая обеспечивает стабильность терминологического обозначения и ограничивает вариативность употребления.

4. Частичная идиоматичность (образная мотивированность) фразеологических единств представлена такими словосочетаниями, в которых значение всей конструкции формируется на основе образной мотивированности. В таких единицах оба компонента сохраняют лексическую узнаваемость, но их сочетание обозначает объект или действие, не совпадающее с прямой суммой значений. В интернет-компьютерной терминологии образная мотивированность реализуется преимущественно через визуальные, пространственные и функциональные ассоциации, позволяющие соотнести обозначаемый объект с его внешним видом, расположением или действием в цифровой среде.

Например, термин *рабочий стол* обозначает интерфейсную область, но мотивирован через аналогию с физическим рабочим пространством; *луковая шелуха* используется для обозначения послойной анимации и опирается на визуальное сходство с многослойной структурой; *line chart* ‘линейная диаграмма’ обозначает вид диаграммы, в которой данные представлены в виде линий; в *tablet computer* ‘планшетный компьютер’ образная мотивированность опирается на докомпьютерное значение слова *tablet* ‘дощечка, плитка’ – a pad of writing paper ‘блокнот с писчей бумагой’ [4]. Другие примеры включают *маркированный список, многоуровневые списки, строка состояния, сортировщик сайтов, система команд исполнителя*, *slide show* ‘слайд-шоу’, *bullet list* ‘маркированный список’, *forever loop* ‘бесконечный цикл’, *feedback loop* ‘петля обратной связи’, *smart device* ‘интеллектуальное устройство’.

Фразеологические единства с частичной идиоматичностью, основанные на образной мотивированности, представляют собой продуктивный тип терминов в интернет-компьютерной терминологии. Их формирование связано с визуальной и функциональной организацией цифровой среды, а их закрепление – с необходимостью снижения когнитивной нагрузки при восприятии.

5. Полная идиоматичность фразеологических сращений и частичная идиоматичность фразеологических сочетаний. В интернет-компьютерной терминологии не фиксируются случаи полной идиоматичности фразеологических сращений и частичной идиоматичности фразеологических сочетаний в том виде, в каком они описаны в традиционной фразеологической классификации. Это связано с когнитивными принципами номинации, лежащими в основе формирования терминов. Терминология формируется для обеспечения однозначной, воспроизводимой и функционально точной номинации объектов и процессов. Во всех предметных областях, включая информатику, биологию и другие сферы научного знания, номинация новых объектов и процессов в языке опирается на образную соотнесенность: при формировании термина активируется связь с уже известными формами, функциями или визуальными признаками.

6. Ограничения идиоматичности в базовой интернет-компьютерной терминологии. В условиях, когда корпусные данные не отражают специализированную лексику, методологически оправданным становится опора на факт лексикографической фиксации термина как признака уже минимальной идиоматичности. Степень идиоматичности позволяет отличить термин-фразему от свободного сочетания слов. Частичная идиоматичность (образная мотивированность) фразеологических единств и слабоидиоматические фразеологические выражения представляют собой два продуктивных типа терминологических словосочетаний, регулярно реализующихся в интернет-компьютерной терминологии. Полная идиоматичность фразеологических сращений и частичная идиоматичность фразеологических сочетаний в интернет-компьютерной терминологии не представлены, что связано с когнитивными механизмами образования терминов.

Список использованных источников

1. Мельчук, И. А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» / И. А. Мельчук // Вопросы языкознания. – 1960. – № 4. – С. 73–80.

2. Мечковская, Н. Б. Проблемное поле фразеологии в свете корпусных данных / Н. Б. Мечковская // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – 2025. – № 3 (45). – С. 205–215.

3. Мечковская, Н. Б. Номинативный и коммуникативный уровни языковой структуры: в какой мере им присущи свойства воспроизводимости и идиоматичности единиц? / Н. Б. Мечковская // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – 2019. – № 2 (20). – С. 147–159.

4. Collins English Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english. – Date of access : 06.07.2025.

Abstract. In basic internet computer terminology, multi-word terms are classified into two productive types of phrasemes: phraseological units with figurative motivation and weakly idiomatic phraseological expressions. The complete idiomaticity of phraseological collocations and partial idiomaticity of phraseological combinations are not recorded, which is due to the cognitive nature of the nomination. In the absence of corpus representation of specialized vocabulary, lexicographic fixation is considered a sign of minimal idiomaticity.

Keywords: idiomatics, semantics, word combinations, phraseological expressions, phraseological units, phraseological combinations, phraseological collocations.

Степанова Елизавета Дмитриевна – аспирант; Белорусский государственный университет (stsiapanava.ld@gmail.com).

УДК 811.161.1’373.7

А. Н. Столярова, Е. К. Ефименко

НЕОФРАЗЕМЫ С КОМПОНЕНТОМ *ПОКОЛЕНИЕ*

Аннотация. В статье анализируются новые фразеологические единицы, ключевым компонентом которых является лексема *поколение*. Описываются отраженные во фразеологии характеристики современной молодежи и доказывается обусловленность появления неофразем экстралингвистическими факторами. Обосновывается необходимость изучения неофразем с позиций социолингвистики.

Ключевые слова: неофразема, экстралингвистические факторы, социолингвистика, компонент фраземы, метафора.

Новая фразеология, несомненно, является отражением того времени, в котором она появилась; она неизбежно несет в себе отпечаток тех реалий и событий, которые влияют на языковое сознание человека. По мнению С. И. Алаторцевой, «слова несут на себе печать времени. Неологизмы демонстрируют это особенно очевидно. Даже недолго живущие номинации ярко характеризуют тот или иной период в истории языка и общества» [1, с. 32].

Кроме того, будучи семантически и экспрессивно насыщенными единицами, фразеологизмы наиболее активно возникают в сферах, вызывающих наибольший эмоциональный отклик у носителей в актуальной языковой среде. Изучение неофразеологического материала позволяет идентифицировать эти сферы и на этой основе проанализировать особенности отражения времени в языке, выделить как материальные, так и духовные приоритеты жизни общества на данном этапе его развития. Анализ сфер, в которых происходят наиболее активные фразообразовательные процессы, был произведен нами в [2]. Наблюдения над собранным материалом также позволяют сделать выводы о том,

что существуют компоненты неофразем, имеющие высокую употребительность. К ним, например, относятся лексемы *цифровой* (*цифровой детокс*, *цифровой абориген*), *зеленый* (*зеленые похороны*), *электронный* (*электронная очередь*). В рамках данной работы наша цель – рассмотреть неофраземы с компонентом *поколение*, который характеризуется повышенной частотностью и распространенностью.

Развитие технологий приводит не только к прогрессу, но и к изменениям в обществе. Человек меняется в ответ на изменяющиеся условия существования, причем трансформации проявляются не на уровне отдельных людей, а в масштабах социальных групп. Особенно отчетливой становится разница между поколениями, поскольку молодежь растет в среде, опосредованной цифровыми технологиями. Данный факт отражается и в языке – в картотеке неофразем, собранных нами, компонент *поколение* показывает высокую продуктивность.

Рассмотрим, какие особенности, присущие целым поколениям, актуализированы в новой фразеологии. Отметим здесь, что к неофраземам мы относим как полностью переосмысленные сочетания, так и коллокации, в которых хотя бы один из компонентов употребляется в непрямом значении.

О людях, которые не учатся и не работают, объясняя это поиском себя, говорит неофразема *поколение Ni-Ni* / *поколение «ни-ни»*:

Правда, сегодня в мире – наша страна не исключение – наметилась и такая тенденция: появилось целое поколение Ni-Ni. Термин испанский и означает los que ni estudian ni trabajan – «не учатся и не работают» (СБ, 13.04.2018).

Второе название этого же явления – *поколение NEET* (Not in Education, Employment or Training). Неумение решать бытовые проблемы, перекладывание ответственности на родителей, с которыми они продолжают жить уже будучи взрослыми, желание получить всё и сразу не прикладывая усилий – все это стало настолько распространенным, что нашло отражение в языке в виде устойчивой коллокации.

Другая заметная черта, нашедшая отражение во фразеологии, это стремление к подчеркиванию своей индивидуальности:

Излишне впечатлительную молодежь, озабоченную гендерным и расовым угнетением, сегодня называют «поколением снежинок». Создается впечатление, что рекламный регулятор собирается превратить в «снежинок» всех англичан от мала до велика (СБ, 26.07.2017).

Снежинки не только уникальны, но и крайне уязвимы – это же касается и представителей *поколения снежинок*. В результате метафорического переноса природное явление характеризует людей, причем ассоциации по сходству являются неожиданными, но потому и привлекательными.

Еще одна специфическая особенность современного поколения – это нежелание или неспособность решать проблемы, доводить начатое до конца, вместо чего человек предпочитает бросить начатое и начать заново (по аналогии с кнопкой Reset ‘сброс’):

Поколение RESET (Reset generation) – так окрестил это явление журнал «Esquire». Это одно из самых распространенных явлений на сегодня: молодые люди, попав в затруднительное положение, предпочитают не искать решения, а, как в компьютерной игре, нажать кнопку Reset («сброс») и начать всё сначала в новой жизни, после перерождения (library.by, 26.05.2021).

Метафора, основанная на компьютерных играх, где можно проходить уровень много раз, сбросив предыдущую попытку, описывает не только игроков, но и распространенность самих игр среди молодежи, их уход от реальности.

Повсеместное использование социальных сетей, переход общения в виртуальную сферу нашли отражение в неофраземе *поколение Social network* (*SN*) ‘люди, чья активная жизнь проходит в соцсетях’:

Поколение SN (Social Network) меняет жизнь лайками (СБ, 17.05.2019).

Это поколение отличается от предыдущих тем, что его образ жизни, способ взаимодействия с действительностью тесно связаны с цифровыми платформами, а общение онлайн стало для него такой же нормой, как личные встречи для представителей предыдущих поколений.

Для молодых людей онлайн среда привычна и знакома, они легко и быстро в ней ориентируются:

«Поколение быстрых кнопок» – так сегодня называют представителей клипового мышления. Под них, по сути, заточен весь видеомаркет: современные сериалы, художественные фильмы, комедийные и телешоу, даже мультфильмы создаются для клипового потребителя (СБ, 28.12.2020).

Поколение быстрых кнопок – молодые люди, для которых характерна способность быстро ориентироваться в информационных потоках, полагаясь на ключевые слова и яркие образы.

Что интересно, увеличение времени, проводимого с телефоном в руках, привело не только к поведенческим изменениям, но и к физическим. Новое поколение называют *поколением большого пальца* ‘люди, которые набирают текст на телефоне большим пальцем так, что он деформируется и становится более функциональным’:

Скажу больше, поколение “большого пальца” (название из-за большого количества сообщений, которые они набирают на смартфоне большим пальцем руки) просто не знает, с какой стороны подойти к процессу (СБ, 20.04.2018).

Данная неофразема – калька из японского языка – *ya yubi sedai < поколение большого пальца*. Поскольку в Японии запрещено разговаривать по мобильной связи в общественных местах, с появлением мессенджеров разговоры стали вестись в них, причем тексты набирались преимущественно с помощью одного большого пальца, который от постоянного использования становился сильнее остальных пальцев. Увлечение мессенджерами списывалось на молодость, и потому термин, которым назвали людей, пользующихся ими, изначально имел презрительный оттенок значения. Сейчас данное выражение стало стилистически нейтральным и распространилось за пределы Японии.

Единственная неофразема, которая относится не к молодому поколению, а скорее к их родителям – это *поколение сэндвич* / *сэндвич-поколение* / *поколение бутерброда*:

Что такое «сэндвич поколение»? Так называют людей, чьи дети пока не повзрослели и не стали самостоятельными, а родители уже требуют заботы. Они как бы оказываются зажаты между двумя поколениями, каждому из которых необходимо внимание. Вот и получается, что человек – словно «сэндвич» между юными и пожилыми (АиФ, 09.06.2019).

Метафора сэндвича в приложении к поколениям стала настолько востребованной, что послужила основой для дальнейшего фраземообразования: появились фраземы *поколение клаб сэндвича*, *сэндвич синдром*:

В последнее время говорят, что помимо «поколения сэндвича» появляется еще и «поколение клаб-сэндвича». В нем больше «ингредиентов»: мужчины и женщины помогают не только своим родителям и подросшим детям, но и заботятся о внуках – то есть занимаются тремя поколениями (или сразу четырьмя, если, например, помощь нужна и их собственному партнеру) (Вогазета, 16.08.2019).

Все проанализированные единицы – яркое свидетельство того, как экстралингвистические факторы влияют на обновления языка и его актуализацию. Именно внешние факторы являются стимулом, который приводит к изменениям сознания, мышления, образа жизни и, как следствие, используемых языковых средств.

Неофраземы с компонентом *поколение* – материал не только для фразеологических и неологических исследований, но и, по нашему мнению, объект исследований в области социолингвистики. Данные единицы являются результатом обобщения существующей социальной ситуации, «концентрированным» отражением реальности. Так,

в проанализированных неофраземах показаны такие характеристики современного молодого поколения, как стремление к индивидуальности и уникальности, уязвимость, поиск себя, зачастую зависимость от родителей, предпочтение онлайн коммуникации, способность быстро ориентироваться в цифровой среде и др.

Список использованных источников

1. Алаторцева, С. И. Проблемы неологии и русская неография : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / С. И. Алаторцева / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. – СПб., 1999. – 40 с.

2. Столярова, А. Н. Новая фразеология в двуязычном медийном пространстве Республики Беларусь : моногр. / А. Н. Столярова ; под ред. д-ра филол. наук С. Б. Кураша. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2024. – 107 с.

Abstract. This article analyzes new phraseological units whose key component is the lexeme *поколение* (*generation*). The characteristics of modern youth reflected in phraseology are described and the dependence of neophrasemes on extralinguistic factors is demonstrated. The need to study neophrasemes from a sociolinguistic perspective is substantiated.

Keywords: neophraseme, extralinguistic factors, sociolinguistics, phraseme component, metaphor.

Столярова Анастасия Николаевна – кандидат филологических наук; Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина (stolyarova_an@mail.ru).

Ефименко Егор Константинович – учитель; Гимназия №3 г. Бобруйска имени митрополита Филарета (Вахромеева).

УДК 811.161.1’42’367:398.91(=161.1)

Е. И. Тимошенко

СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ УСЛОВНО-РЕЗУЛЬТАТИВНОЙ СЕМАНТИКИ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Аннотация. В статье рассмотрены способы представления условно-результативной семантики в русских пословицах (с результативными модальными значениями возможности/невозможности и неизбежности): сложные синтаксические конструкции с разными видами связи; простые предложения с полупредикативными условными компонентами; грамматические формы косвенных падежей; лексические единицы с оценочной семантикой, проявляющие условное значение контекстуально.

Ключевые слова: пословица, семантическая модель «порождающее – порождаемое», условно-результативные отношения, модальность возможности/невозможности, модальность неизбежности, синтаксическая конструкция.

Исследование взаимоотношения формы и содержания языковых единиц, способов представления определенного типа семантики в том или ином языке относится к «вечным» проблемам лингвистики. К таким же «вечным» проблемам относится и изучение разного рода зависимостей между языковыми единицами и их компонентами внутри единиц, представляющими план выражения и план содержания. Отношения смысловой обусловленности, в частности условно-результативные (или условно-следственные), являют собой один из наиболее существенных для познания объективной действительности типов смысловых отношений, который находит отражение и в паремийном фонде любого языка («… характер отношения между вещами и составляет основной смысл всякой пословицы и поговорки» [1, с. 17]).

Одним из основных признаков пословицы как фольклорного микрожанра является ее назидательность, которая может быть выражена как в виде непосредственной

рекомендации, так и косвенно – с помощью оценочного суждения. Опосредованное выражение поучительно-назидательного содержания обнаруживает и еще один способ – посредством суждений или умозаключений модального характера, в которых представлена информация о возможности, невозможности или неизбежности какого-либо положения дел (действия, состояния и т. п.), зависящего от наличия или отсутствия определенных условий. В подобных случаях модальная семантика возможности/невозможности или неизбежности той или иной ситуации также подпадает под категорию оценки и может рассматриваться как ее разновидность.

В лингвистической литературе пословица рассматривается и как знак определенных инвариантных ситуаций или определенных отношений между явлениями действительности, и как модель подобных отношений [1, с. 29; 2, с. 21]. Пословицы с условно-результативным содержанием могут рассматриваться в качестве одной из таких моделей (по классификации Г. Л. Пермякова, модели «порождающее – порождаемое»). Наблюдения над паремийным фондом русского языка, проведенные на материале сборника «Пословицы русского народа» В. И. Даля [3], позволяют представить следующие способы выражения условно-следственных отношений в русских паремиях.

Семантическая структура модели «условие > следствие (или результат)» предполагает в качестве своего естественного выражения полипредикативную конструкцию, что и наблюдается в исследуемом языковом материале. Сложные предложения, реализующие данный тип отношений, представлены бессоюзными, сложноподчиненными и сложносочиненными конструкциями: *Подальше положишь – поближе возьмешь*; *В суд пойдешь – правды не найдешь*; *Маленька добычка да большой бережь – век проживешь*; *На людей глядя жить* (т. е. не по достатку) *– на себя плакаться*; *Горьким быть – расплюют, сладким – проглонут*; *Не ищи правды в других,* ***коли*** *в тебе ее нет*; *Поневоле конь гужи рвёт,* ***коли*** *мочь не берёт*; *Щеголять смолоду,* ***а*** *под старость умирать с голоду*; *Было бы хлёбово,* ***а*** *хлебалку (ложку) найдём* и под. Разумеется, условная семантика может осложняться значениями времени, уступки (*Дай вору золотую гору – он и ту промотает*), а также совмещаться со значением причины.

Условно-следственная семантика как сопутствующая обнаруживается в сложноподчиненных предложениях местоименно-соотносительной структуры, в которых основным типом смысловых отношений являются отношения определительные. Сравн.: *Худо тому, кто добра не делает никому* (≈ *Если человек не делает никому добра, ему плохо*); *Кто завидлив, тот и обидлив* (≈ *Если человек завистливый, то он и обидчивый*); *Кто гнев свой одолевает, крепок бывает* (≈ *Если человек способен одолеть свой гнев, он силён духом*); *Кто зла отлучится, тот никого не боится* (≈ *Если кто-то откажется от неправедной жизни, ему нечего бояться*) и мн. др.

Рассматриваемая модель смысловых отношений может быть представлена простыми предложениями, которые в таком случае оказываются полипропозитивными и обнаруживают асимметричность содержания и формы. Отмечено несколько структурно-семантических вариантов простых предложений, в которых наблюдается выражение рассматриваемой семантической модели.

Во-первых, это предложения с полупредикативным обособленным компонентом (чаще обособленным обстоятельством, выраженным деепричастием или деепричастным оборотом, а также обособленным определением), который можно развернуть в предикативную конструкцию, сравн.: *Сделав худо, не жди добра* (= *Если сделал худо, не жди добра*); *Не радуйся, нашедши, не плачь, потеряв* (= *Если нашёл (найдешь), не радуйся; если потерял (потеряешь), не плачь*); *Не вспоя, не вскормя, ворога не увидишь* (= *Если человека не кормил, не поил (если не делал ему добра), трудно сказать, что это за человек*); *Голодный, и архимандрит украдёт* (= *Если будет голоден, то и архимандрит украдёт*) и под.

Во-вторых, условно-следственные отношения в простом предложении могут быть выражены с помощью различных грамматических форм существительных, которые

обнаруживают скрытую предикативность и, соответственно, могут быть развернуты в полноценную предикативную конструкцию. (В целом подобные простые предложения также отказываются полипропозитивными.) К наиболее регулярным из них относятся:

а) словоформа родительного падежа с предлогом *без*, которая квалифицируется как «осложнитель <…>, обозначающий отсутствие признака как условие осуществления предицируемого признака» [4, с. 38]: ***Без труда*** *не вынешь и рыбки из пруда* (*Если не потрудишься, не получишь желаемого результата*); ***Без соли, без хлеба*** *худая беседа* (*Если нет застолья, и беседа не ладится*); *Доброта* ***без разума*** *пуста* и под.;

б) словоформа беспредложного творительного падежа, формально занимающая позицию компонента со значением орудия действия (инструментатива), а реально выражающая семантику обусловленности. Способность к выполнению подобной семантической функции такими компонентами связана со спецификой их лексического значения: в этой роли выступают существительные с абстрактным значением действия или состояния, например: ***Дракою*** *прав не будешь* (*= Если будешь драться, правоту не докажешь*); ***Сердцем*** *ничего не возьмёшь (*или: *не сделаешь)* (*= Если будешь сердиться, не добьешься желаемого*); ***Кручиной*** *моря не переедешь* (*= Если будешь только печалиться, моря не переедешь*); ***Сердцем*** *копья у недруга не переломишь* (*= Если будешь только ненавидеть врага или гневаться на него, его не победишь*). Существительное *сердце* в подобных случаях употребляется как переносное в значении ‘гнев, раздражение’ (разговорное) [5, с. 80];

в) словоформа творительного падежа с предлогом *с*, имеющая комитативное значение (участника совместного действия), которая «в качестве распространителя предложения может приобретать условный оттенок» [4, с. 284], например: ***С богом*** *хоть за море* (прибавка: *а без бога ни до порога*) (*= Если с богом, так хоть за море*); ***С дураком*** *и найдёшь, да не разделишь*; *Лучше* ***с умным*** *потерять, чем* ***с дураком*** *найти*; ***С добрым*** *жить хорошо* (*= Если человек добрый, то с ним жить хорошо*).

Условно-результативные отношения обнаруживаются в простых полипропозитивных предложениях, содержащих оценочную лексику. Так, форма беспредложного дательного падежа в одном из возможных употреблений квалифицируется в «Синтаксическом словаре» Г. А. Золотовой как «авторизатор», «с точки зрения которого соотносятся, оцениваются явления и понятия: *Трусливому зайцу и пенёк – волк* [4, с. 126]». Однако именно наличие оценочно-характеризующего определения при таком существительном или субстантивация определительного слова делает конструкцию полипропозитивной, содержащей условно-следственную семантику: ***Доброму человеку*** *что день, то и праздник* (*= Если человек добрый, то он рад каждому дню*); ***Доброму человеку*** *и чужая болезнь к сердцу*; ***Милостивому человеку*** *и бог подаёт*; ***Немилостивому*** *мил не будешь*; ***Доброму*** *и сухарь на здоровье, а* ***злому*** *и мясное не впрок*. Подобный распространитель выступает как неприсловный, в позиции детерминанта и характеризует всю ситуацию в целом. Подобное явление наблюдается и в случае с формой дательного падежа неодушевленного существительного с предлогом *к*, при котором есть квалификативное определение: ***К пустой избе*** *и замка не надо* (*= Если изба пуста, то к ней и замка не надо*).

Наблюдения показывают, что неявное выражение условно-следственных отношений в простых по структуре предложениях возможно и с помощью других словоформ, которые способствуют формированию этих отношений благодаря своей оценочной лексической семантике. Сравним: ***Промеж худых*** *и хорошему плохо* (*= Если хороший человек окажется между злых людей, ему будет плохо*); ***Лихости*** *не уймёшь благостью* (*= Если кто-то зол, его не уймёшь добрым отношением*); ***У злой Натальи*** *все люди канальи* (*= Если человек зол, то и все окружающие для него плохи*); ***На ласковое слово*** *не кидайся,* ***на грубое*** *не гневайся* (*= Если услышишь ласковое слово, не поддавайся, а если грубое – не гневайся*); ***Бессчастного*** (или: ***Бесталанного***) *дитю не наделить*

(= *Если родился неудачником, счастьем не наделишь*); ***В умной беседе*** *ума набраться,* ***в глупой*** *– свой растерять* (= *Если будешь беседовать с умным человеком, ума наберёшься, а с глупым – последний потеряешь*); ***В беде*** *не унывай, на бога уповай* (= *Если оказался (окажешься) в беде, не унывай, на бога уповай*); ***В мутной воде*** *хорошо рыбу ловить* (= *Если действовать в сомнительных условиях, можно быстро получить выгоду*) и т. п. Условная семантика в таких случаях может сопровождать причинную: ***От доброго житья*** *толстеют,* ***от дурного*** *худеют* (= *Если хорошая жизнь, толстеют; если плохая – худеют* и *Толстеют, потому что хорошо живут, а худеют – потому что плохо*); ***С печали*** *не мрут, а сохнут* (= *Если живут в печали, сохнут* и *Сохнут, потому что живут в печали*).

Даже в предложениях, не содержащих форм косвенных падежей, грамматическая семантика которых в той или иной степени может способствовать формированию условных отношений, эти отношения могут быть представлены. Например, в следующих предложениях формы именительного падежа занимают позицию грамматического субъекта: ***Терпение*** *и* ***труд*** *всё перетрут;* ***Бережливость*** *лучше богатства*, а семантически могут быть развернуты в конструкции с условным значением: *Если есть терпение и труд, можно достичь любой цели*; *Если будешь бережлив, то это лучше, чем если будешь богат*.

Условно-следственные отношения свойственны как пословицам, которые принято рассматривать как афоризмы, то есть употребляющимися в прямых значениях (*Сделав худо, не жди добра*), так и метафорическим выражениям (*В мутной воде хорошо рыбу ловить*); они наблюдаются в пословицах различной тематики, отражая наблюдения носителей языка над логическими связями между предлагаемыми обстоятельствами и возможными или неизбежными последствиями, которые из этих обстоятельств вытекают.

Таким образом, одна из активных семантических моделей пословичных выражений «порождающее – порождаемое», представленная модальным вариантом условно-результативных отношений между абстрактными понятиями и между явлениями действительности (с результатом, мыслимым как возможный/невозможный или неизбежный), обнаруживает ряд конструктивно-лексических способов выражения. К ним относятся сложные синтаксические конструкции с разными видами связи (бессоюзные, сложноподчиненные и сложносочиненные предложения); простые предложения с полупредикативными обособленными компонентами, прямо или косвенно выражающими значение условия; грамматические формы, которые обладают скрытой предикативностью и могут быть развернуты в самостоятельные предикативные части сложного предложения; оценочные лексические единицы, обнаруживающие косвенное условие в контексте, которое может быть выявлено благодаря семантическим преобразованиям.

Список использованных источников

1. Пермяков, Г. Л. Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов / Г. Л. Пермяков. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. – 671 с.

2. Пермяков, Г. Л. Основы структурной паремиологии / Г. Л. Пермяков. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – 232 с.

3. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : Эксмо, 2008. – 616 с.

4. Золотова, Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1988. – 440 с.

5. Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981–1984. – Т. 4. С–Я. – 1984. – 794 с.

Abstract. The article discusses the ways of representing conditional-resultative semantics in Russian proverbs (with resultative modal meanings of possibility/impossibility and inevitability):

complex syntactic constructions with different types of connection; simple sentences with semi-predicative conditional components; grammatical forms of indirect cases; lexical units with evaluative semantics that manifest conditional meaning contextually.

Keywords: proverb, semantic model “generating – generated”, conditional-resultative relations, modality of possibility/impossibility, modality of inevitability, syntactic construction.

Тимошенко Елена Ивановна – кандидат филологических наук, доцент; Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины (elena_skorina2@mail.ru).

УДК 811.161; 811.162; 811.163

М. С. Хмелевский, И. В. Кузнецова, А. В. Савченко

МЕЖДОМЕТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ *БОГ* В СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье дается краткий обзор фразеологизированных междометных выражений с общеславянской лексемой *Бог*, выражающих различные эмоционально-экспрессивные оттенки значений и отражающих отношение говорящего к окружающей действительности в определенных коммуникативных ситуациях. Предлагаемая статья представляет собой описание наиболее частотных выражений, используемых в славянских языках, причем акцент делается именно на современной обиходно-разговорной речи. Актуальность исследования заключается в том, что подобные междометные фразеологизированные единицы не всегда паспортизируются в лексикографических трудах, а их значения зачастую могут быть выявлены лишь исходя из контекста или интонационной конструкции их реализации. Целью настоящей работы является анализ семантики данных устойчивых междометных единиц не только на лексическом и стилистическом уровне, но и в первую очередь в аспекте межславянской компаративистики.

Ключевые слова: славянские языки, фразеология, междометие, стилистика, экспрессивность, эмоциональность.

Анализ, систематизация и привлечение к описанию обиходно-разговорной, спонтанной речи носителей разных современных славянских языков является одной из целей сопоставительных исследований и наблюдений за узуальной коммуникативной действительностью. Языковой фонд для выражения эмоций, экспрессии является настоящим «плавильным котлом» (в чисто лингвистическом понимании данного выражения), в котором происходят различные лексические процессы, имеющие, как правило, спорадический характер. В частности, речь идет о метафоризации, различных семантических трансформациях и иных преобразованиях (стилистических, лексических, синтаксических и т. п.) в результате перехода отдельных семантических единиц и фразеологизмов в полностью междометные сочетания, где фактически уже нивелируется сам сокрытый в них первоначальный образ, например, рус. *с ума сойти!*; чеш. *úžasně!* (в значении «прекрасно»), серб. *strašno!* и польск. *świetnie!* (в значении ‘отлично, потрясающе’) и т. п. [1, с. 210].

Предметом нашего лингвистического интереса являются устойчивые междометные сочетания с компонентом *Бог* в различных славянских языках, перешедшие в разряд междометий и, как было сказано выше, почти полностью утратившие ассоциативную связь со своим прямым значением и исконным значением их составляющих, превратившись в разговорной речи в чисто экспрессивно-эмоциональный «штамп» для интенсификации, подчеркивания или усиления выражения чувств, эмоций. В самом широком смысле они выступают в живой коммуникации в качестве вербальных единиц реализации эмотивности и оценочности в языке, что в целом характерно для междометия.

Данная часть речи зачастую остается на периферии научных изысканий лексикологов и фразеологов, тогда как помимо явных звукоподражательных «первообразных»

междометных форм (рус. *ой!, ух!, ах!, ого!*, серб. *jao!, ih!, avaj!*, чешск. *fuj!, jej!*, словацк. *jaj!, joj!* и бесконечное множество им подобных) в живой речи мы встречаем бесчисленное количество «застывших» и перешедших в разряд междометий языковых устойчивых единиц и фразеологизмов, в том числе – с компонентом *Бог*, как, например: рус. *Боже мой!; Бог с тобой!; Боженьки / божечки мои!; Слава тебе Боже!; Боже упаси!; Боже сохрани! / Сохрани меня боже!*; укр. *Бог на (у)поміч!; Боже допоможи!; Боже, врятуй мою душу!;* серб. *Za Boga miloga!; Boga mi!*; чешск. *Bože!; Zaplať pánbůh!; PozdrávPánbůh!; Dejž to pánbůh!* и т. п. Такого рода лексемы и сращения представляют собой застывшие формы древних фразеологических единиц с компонентом *бог*. Нефилолог, т. е. обычный носитель языка, редко задумывается об их исконном семантико-фразеологическом происхождении и их синтаксической функции, как, например: рус. *здравствуйте!, привет!, пока!, извини!,* серб. *zdravo!, zdravo bili!, dobrodošli!, hvala!, živeli!,* чешск. *ahoj!, dík!,* словацк. *ahoj, ahojko, ahojte!*, укр. *вітаю!, здоровеньки були!, бувай!, на все добре!, ласкаво просимо!,* польск. *cześć!, dzięki!, przepraszam!,* бел. *калі ласка!* и т. п. В языке повседневного общения они в основном используются как шаблонные этикетные единицы и реализуются как готовые речевые формулы.

В этом аспекте обратимся к славянским фразеологическим сращениям с компонентом *бог*, функционирующим в качестве экспрессивно-оценочных междометий в живой речи с учетом частотности употребления в разговорной речи и их стилистико-прагматических функций. Еще раз подчеркнем, что при таком употреблении характерным является фактически полное стирание буквального этимологического (иными словами – прямого) значения данной лексической (фразео)единицы; она выступает уже исключительно в качестве интенсификатора для языкового выражения экспрессии: эмоций, чувств, оценочности. Полная утрата связи и ассоциативной соотнесенности с внутренней, глубинной семантикой данного слова как нельзя ярко наблюдается именно в междометных конструкциях. Вслед за А. А. Купцовой отметим, что лексема *Бог*, а также многие устойчивые образования, в состав которых она входит, содержат в своем значении особую эмоциональную окраску, определяющую степень их эмоционального потенциала, что является следствием их перехода в разряд междометий [2, с. 3].

Итак, самое распространенное междометное слово, о котором стоит упомянуть в рамках рассматриваемой темы, – это рус. *спасибо* и укр. *спасибі* (возникшее скорее всего под влиянием русского языка), восходящее приблизительно к XVI в. Как известно, оно представляет собой сокращение древнего молитвенного устойчивого сочетания *Спаси, Бог!* Трансформации данной лексемы особенно четко прослеживаются уже в более поздний период, а именно в XIX–XX вв. вследствие десакрализации ее первоначального значения, в результате чего слово начинает употребляться в качестве междометной формы для выражения благодарности, обрастая такими дополнительными эпитетами для интенсификации значения, как *большое / огромное / сердечное / громадное спасибо!* и т. д. [3, с. 11]. Утратив свою сущностную отнесенность к молитвенному заклинанию, это слово стало грамматически восприниматься как лексема среднего рода и полностью перешло в разряд междометий. Мотивировкой для такого сращения может послужить также устаревшая русская идиома *Бог в помощь!*, а также укр. *Боже поможи!; Подай тобі Боже*; польск. *Bóg w pomoc!*; серб. *neka ti Bog na pomoći! / Bog ti bio na pomoći!* и т. п., которая с течением времени стала выражать значение благодарения и употребляться в качестве междометия.

Полным аналогом русской и украинской лексемы, выражающей благодарность, может послужить сербское *Hvala!*, которое является усеченным устойчивым сочетанием *Hvala Bogu!*, что по своей конструкции сопоставимо с рус. *Слава Богу!*; укр. *Слава Богові!; Богу дяка!*; болг. *Слава богу!; Слава на бога!*; польск. *Dzięki Bogu!*; чешск. *Chvála Bohu!*. В современных славянских языках она используется исключительно в значении междометного восклицания, выражающего облегчение или благодарность

за то, что случилось что-то хорошее или, наоборот, если удалось избежать чего-то плохого. Данная модель восхваления Бога в знак благодарности как в русском, так и в других славянских языках восходит еще со времен язычества к древнеславянскому восхвалению солнца, света, тепла и плодородия, олицетворением чего являлось божество Даждьбог, т. е. «бог, подающий блага». Сравним современное частотное украинское выражение *Дасть Бог (милосердний)!*, в функции междометия употребляемое для выражения чувства удивления или для выражения отказа: укр. *Ви дасте менi грошей? – Бог дасть!* (т. е. «нет» [4, с. 41]. В этой связи сравним рус. *Бог подаст / даст!*, а также – *Бог простит!* (в качестве застывшей формулы ответа на день Вербного воскресения); сравн. также выражение *Бог (к-л.) судья!*, также ставшее «застывшей», клишированной оценочной фразой-суждением междометного характера.

В рамках рассматриваемой темы нельзя не упомянуть и хорватское междометие *Bog!*, употребляемое для выражения приветствия и прощания (букв. рус. *Привет! / Пока!*). Со звонким согласным на конце употребляется в основном в приморской части Хорватии (Далмации) и является усеченным сочетанием *Pomozi Bog!, Bog s tobom!, Bog daj (zdravlje)!* Это междометие широко используется также и в кайкавском диалекте хорватского языка, в том числе в загребском городском койне, но уже с глухим согласным *Bok!*. Однако в действительности оно имеет совершенно иное происхождение, являясь омонимичной с далматинской усеченной калькой немецкого приветствия *Grüß (dich) Gott* (букв. «Приветствует (тебя) Бог!»), которое широко употреблялось в Австро-Венгерской империи, частью которой в прошлом являлась территория современной западной Хорватии, включая Загреб с хорватско-немецким билингвальным составом населения города [5, с. 81]. В настоящее время это архаическое происхождение утратило связь с исконным немецким фразеологизмом (что поддерживается фонетическим сходством с южнохорватским вариантом) и уже давно стало соотноситься и ассоциироваться с его славянской мотивировкой [5, с. 89].

Одними из наиболее частотных междометий с компонентом *Бог* являются речения фразеологического характера, представляющие собой (экспрессивно повышенное) эмоциональное выражение удивления, восторга, радости, а также, наоборот – неожиданности, досады, страха и испуга, сочувствия и т. п. (в зависимости от контекста и интонационной конструкции): рус. *О боже!*; укр. *Боже мiй!; Боже милостивий! / милосердний!; Боже, врятуй мою душу!*; серб. *Вože sačuvaj!; Boga mi!* и т. п. Выражение с помощью подобной оценочности вышеперечисленных совершенно различных по своему характеру эмоций можно объяснить древним общим балто-славянским представлением о высших силах и древним метафорическим переносом для их наименования. Так, современный литовский и латышский языковой материал может вскрыть глубину данного концепта, например, в литовском языке *Dievas*, латышском *Dievs* – ‘бог’ этимологически по одной из этимологических версий, которую авторы статьи логично разделяют, коррелирует со славянским однокоренным словом *диво* [6, с. 95; 7, с. 1294] (сравн. рус. *диву даюсь!; диво дивное!*).

Междометия с компонентом *бог* выступают в речи в целом ряде значений, что в значительной степени обусловливается контекстуальным и, что зачастую играет ключевую роль, – интонационным характером их произнесения.

Среди наиболее частотных функционально-прагматических значений таких междометных единиц перечислим следующие основные:

1) предостережение, предупреждение; боязнь чего-л. нежелательного, недопустимого, страшного: рус. *Побойся Бога!; Боже упаси!; Боже сохрани!; Не дай Бог!*; укр. *Побiйся Бога!; Боже борони!; Хай Бог милує!*; чешск. *Pánbůh / bůh uchovej!*; серб. *Вože sačuvaj!*; болг. *боже опази!; не дай (си) боже!*; болг., макед. *пази боже!*; в.-луж. *bóh zwarnuj!*;

2) удовлетворение, восхищение, восторг, успокоение, облегчение, выражаемое посредством застывшей конструкции восхваления Бога: рус. *Слава Богу!* (здесь же вспомним

фразу из романа М. А. Булгакова: «*Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля!*»); укр. *Дякую Богу!*; серб. *Hvala Bogu!*; польск. *Dzięki Bogu!*; чешск. *Chvála bohu!; Zaplať pánbůh!*; в.-луж. *Dźakowano bohu*, причем последнее, помимо выражения благодарности, употребляется также для выражения неуверенности и смиренности перед судьбой (сравним аналогичные рус. *На всё воля Божья!*; серб. *Ako Bog da!).* Для сопоставления приведем также чешское междометие *nazdařbůh*, т. е. «наугад, наудачу, без цели», внутренний смысл можно представить как «по желанию, велению Бога; куда Бог направит»;

3) заклятие, клятва, что-либо само собой разумеющееся: рус. *Богом клянусь!; Убей Бог!; Разрази меня бог!; Как бог свят!; Бог свидетель!; ей-богу!; Бог судья!*; укр. *Богом клянуся / присягаю!; Бог свідок!; Йй-Богу;* серб. *Boga mi!; Za Boga živoga!; Bogom ti se kunem!*; болг. *бога ми!; бог да (ме) убие!; вярвай бога!*;

4) этикетные формулы, например, при приветствии, прощании, а также при пожелании успеха, удачи в каком-либо деле, причем рус. *С Богом!*; укр. *Із Богом!* и серб. *Zbogom!*; чешск. *Zdař bůh!; Pozdrav pánbůh!; Zbohem!*. Однако в своем употреблении они различаются стилистически, при этом сербское междометие в своем значении относится к нейтральному и даже разговорному стилю употребления;

5) выражение усиления просьбы: рус. *Ради Бога!; Богом прошу!*; чешск. *Pro Boha (živého)!*;

6) в качестве интенсификатора: серб: *do Boga!*, т. е. «очень».

Итак, нами был приведен лишь краткий обзор основных языковых единиц, широко используемых в современных славянских языках, в первую очередь – в повседневной разговорной речи. Носители языка сегодня фактически не задумываются над исконным значением и внутренней формой таких единиц вследствие того, что все они с течением времени и в результате частотности и функциональной «стереотипности» своего употребления в разговорной речи семантически нивелировались, утратили в сознании свое прямое значение и перешли в разряд междометий экспрессивно-оценочного характера, неся в себе заряд эмоциональности.

В заключение отметим еще одну любопытную деталь: по нашим наблюдениям, в современной разговорной речи подобные экспрессивно-выразительные междометные выражения с компонентом *Бог* более частотны в узусе славян мира Slavia Orthodoxa, т. е. в русском, украинском и сербском, в то время как для Slavia Catholica, т. е. в речи носителей западнославянских языков они встречаются гораздо реже. Вместе с тем подчеркнем также, что для правильного понимания и интерпретации значения таких лексических единиц важно четкое представление о характере (и характеристиках) данной коммуникативной ситуации, равно как и интонационное оформление фразы междометного фразеологизированного сочетания.

Список использованных источников

1. Хмелевский, М. С. От качества к оценке (модели формирования класса наречий-интенсификаторов в славянских языках) / М. С. Хмелевский // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2018. – С. 208–228.

2. Купцова, А. А. Междометные образования с компонентом «Бог»: структурно-семантический и когнитивный аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 – русский язык / А. А. Купцова. – Улан-Удэ, 2010. – 24 с.

3. Григорьева, Т. М. Русское *спасибо*: лексико-грамматические наблюдения / Т. М. Григорьева // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Т. 18. – № 2. Филология. – Новосибирск : НГУ, 2019. – С. 9–14.

4. Ветрова, Э. С. Эмотивная семантика междометных высказываний с компонентом *Бог / Аллах* в речи украинцев и лезгин / Э. С. Ветрова // Научный диалог. – Вып. № 12(48). – Екатеринбург : ООО «ЦНиОП», 2015. – С. 38–48.

5. Lončarić, M. i dr. Zagrebački KAJ – govor grada i prigradskih naselja / M. Lončarić. – Zagreb : Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 1998. – 217 s.

6. Smoczyński, W. Lietuvių kalbos etimologinis žodynas: lietuviškų žodžių rodyklė / W. Smoczyński. – Vilnius : VU, 2007. – 308 p.
7. Хмелевский, М. С. Актуальность балто-славянских лексико-фразеологических параллелей для славистики / М. С. Хмелевский, И. В. Кузнецова // LI Международная научная филологическая конференция им. Л. А. Вербицкой. – СПб. : Изд-во СПБГУ, 2003. – С. 1294–1295.

Abstract. The article provides a brief overview of phraseologized interjective expressions with the common Slavic lexeme *Бог* (*god*), expressing various emotional and expressive shades of meanings reflecting the speaker's attitude to the surrounding reality in certain communicative situations. The proposed article is a brief description of the most frequent expressions used in Slavic languages, with an emphasis on modern everyday colloquial speech. The relevance of the study lies in the fact that such interjective phraseological units are not always certified in lexicographical works, and their meanings can often be identified only based on the context in which they are used. The purpose of this study is to analyze the meanings of such stable interjective units not only at the lexical and stylistic level, but also in the aspect of inter-Slavic comparative parallels.
Keywords: Slavic languages, phraseology, interjection, stylistics, expressivity, emotionality.

Хмелевский Михаил Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет (chmelevskij@mail.ru).
Кузнецова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент; Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева (irinak47@yandex.ru).
Савченко Александр Викторович – кандидат филологических наук, доцент; Государственный университет Чжэнчджи (savchenko75@mail.ru).

УДК 811.161.1’42’27:398.92:070(=161.1):929*Н.Михалков

Хуан Чжоюэ

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ТЕЛЕВЕДУЩЕГО (НА МАТЕРИАЛЕ АВТОРСКОЙ ТЕЛЕПЕРЕДАЧИ Н. МИХАЛКОВА «БЕСОГОН TV»)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности использования фразеологизмов телеведущим Никитой Михалковым в его авторской телепередаче «Бесогон TV». Выявляются функциональные особенности фразеологизмов, мотивация их использования ведущим. В работе фразеологизмы рассматриваются как компонент языковой картины мира ведущего, как выражение его языковой личности; анализ проводится на фоне лингвокультурного контекста.
Ключевые слова: фразеологизм, фразеологическая картина мира, медийная личность, языковая личность, авторская телепередача.

Фразеологизмы – важный компонент лексической системы языка, через призму которого выражается не только смысловое наполнение, но и лингвокультурная составляющая языка. Фразеологизмы делают речь человека более образной и выразительной, позволяют ему отчетливее донести до читателя и слушателя свою позицию, обозначить отношение к ситуации, дать оценку, выразить эмоции; кроме того, они сами по себе дают аудитории представление о тех или иных компонентах национальной культуры. Присутствие фразеологизмов в речи человека отражает особенности его языковой личности и является средством выражения субъективного мнения, что делает изучение особенностей фразеологизмов в картине мира человека значимой и ценной исследовательской задачей.

Как отмечает А. В. Кунин, под фразеологизмом следует понимать «сочетание лексических единиц, которое характеризуется осложнением семантики, так как она не образуется суммой значений таких единиц, а порождается структурно-семантическими моделями словосочетаний, с возможностью переосмысления значения отдельных

единиц» [1, с. 11]. Рассмотрение фразеологизмов в речи человека позволяет глубже понять его коммуникативные интенции, а также выявить его ценностные ориентиры и другие составляющие языковой картины мира. Речь идет о том, что внутренняя форма фразеологизма отражает следы культуры, так как присущая ему образность сопряжена с архетипами, стереотипами, традициями и обычаями, в них содержится также информация об исторических событиях, о значимых предметах материальной культуры [2, с. 61]. В. М. Мокиенко делает смысловой акцент на том, что в основе семантики фразеологизмов лежат национальные образы и ассоциации, что формирует специфику фразеологической картины мира [3, с. 217]. Ценность изучения фразеологизмов как компонента языковой картины мира народа и отдельного человека состоит и в том, что эти языковые единицы выражают феномены материальной культуры, отражают исторический опыт и стереотипы, подчеркивают ассоциации, которые есть в языке и языковой картине мира, выражают оценки тех или иных ситуаций, показывают «эталонное» поведение человека [4, с. 31].

При этом языковая картина мира человека и собственно лингвистические и лингвокультурно-маркированные средства ее воплощения для исследователей являются также средством воплощения языковой личности человека. Ю. Н. Караулов трактует языковую личность как исследовательский объект следующим образом: «совокупность (и результат реализации) способностей индивида к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью» [5, с. 245]. При этом собственно лингвистическое воплощение языковой личности представляет интерес как для филологов, так и для лингвокультурологов, специалистов по коммуникации. Для К. Ф. Седова этот аспект приобретает дополнительную значимость в силу того, что при изучении языковой личности учитывается также языковая компетенция говорящего, что позволяет охарактеризовать его речевой портрет именно с учетом специфики используемых языковых единиц [6, с. 305]. Использование в речи фразеологизмов как средства воплощения языковой личности является продуктивным источником для определения их содержательно-функциональной составляющей, прагматической цели употребления, связей с лингвокультурным контекстом языка.

Научное осмысление особенностей медийной языковой личности соотносится со спецификой медиадискурса и значимого для него потенциала в информативно-манипулятивном воздействии на аудиторию. В то время как информативная составляющая медиа свойственна СМИ в целом, манипулятивный характер высказываний свойствен тем видам медиа, в которых сильна авторская позиция и субъективный взгляд на описываемую проблему [7, с. 144]. А. А. Каширин указывает, что особенности авторского телевидения, его смысловое и прагматическое наполнение напрямую связано с репутацией автора телепередачи, его взглядами. При интерпретации особенностей авторского телевидения важно также учитывать тот контекст, в рамках которого создается конкретная передача, поскольку этот фактор также характеризует и форматирует информационное поле телеведущего [8, с. 124].

Авторская телепередача Никиты Михалкова «Бесогон TV» является отражением политической позиции ведущего: его консерватизм, патриотизм и стремление обеспечить информационную независимость России от западной новостной и общественно-политической повестки дня формируют его авторскую позицию по отношению к происходящим событиям. Форма подачи информации в телепередаче – комментирование текущей ситуации в России и мире с акцентом на критическое отношение к западным ценностям. Н. Михалков использует языковые средства, которые характеризуются эмоциональностью и выразительностью, что обеспечивает более эффективное донесение информации до аудитории и формирование у нее желаемого автором взгляда на ситуацию. Ярким примером подобных языковых средств являются фразеологизмы.

Для проведения исследования было рассмотрено 20 выпусков телепередачи «Бесогон TV» за 2023–2025 гг. Лингвосемантический и лингвопрагматический анализ показали, что наиболее часто фразеологизмы применяются телеведущим для выражения субъективной оценки событий, для выражения эмоций. Фразеологизмы в телепередаче служат также средством повышения образности речи ведущего.

В первую очередь обращает на себя внимание использование фразеологизмов в телепередаче как средства выражения оценки ситуации:

Следовательно, и к вам, дорогие мои зрители, это внимание означает, что то, что мы говорим, то, что нас волнует, то, как мы думаем, раздражает этих людей, раздражает, и я очень рад, что это их раздражает. Значит, мы ***идем правильной дорогой*** («С легким паром, или Кто видел Бастрыкина в бане» 19.07.2024). Фразеологическая единица (далее – ФЕ) *идти правильной дорогой* применяется для указания на верность принятых решений, которые обеспечивают правильность прилагаемых усилий и выполняемых действий. В основе значения фразеологизма лежит метафорический перенос: компонент *дорога* обозначает жизненный путь и вектор развития. С прагматической точки зрения, фразеологизм используется как средство выражения положительной оценки политики России на внутренней и международной арене.

Этот ***божий одуванчик*** *дважды была осуждена за разжигание межнациональной розни по статье 282 УК РФ* («Лень как двигатель прогресса» 01.08.2025). Фразеологизм *божий одуванчик* применяется для обозначения пожилого человека, который обладает приятной внешностью и отличается доброжелательностью к окружающим. Однако в данном контексте Н. Михалков использует эту ФЕ с трансформацией оценочного потенциала фразеологизма, так как с его помощью ведущий выражает неприязненное отношение к немолодой женщине, осуществляющей предосудительные действия, наказуемые по УК РФ. Здесь фразеологизм представляет собой средство выражения субъективного негативного отношения к некой персоне, которое строится на акцентировании внимания на ее «двуличности»: обманно безопасной и располагающей к себе внешности, за которой скрывается человек, совершающий уголовные преступления.

Есть то, что должно оставаться незыблемым и ***впитываться с молоком матери:*** *такие вещи, как Великая Отечественная война и ее герои* («Жить по лжи» 26.05.2023). Для того чтобы сделать акцент на важности сохранения памяти о Великой Отечественной войне, Н. Михалков употребляет фразеологизм *впитывать с молоком матери*. В семантике ФЕ преобладает метафоричность значения, подчеркивающая необходимость прививания детям трепетного отношения к героям войны с самых малых лет. Использование этого фразеологизма отражает также особенности картины мира и ценностные ориентиры ведущего: память о героях войны, о павших в боях за освобождение Родины от фашизма имеет для него первостепенное значение.

Фразеологизмы позволяют автору телепередачи повысить эмоциональность своих высказываний.

Согласитесь, я понимаю, что кто-то с лёгкостью необыкновенной меня может обвинить в том, что я против ислама, против мусульман. ***Чушь собачья****, неправда, ложь. Я доказал это* («Лень как двигатель прогресса» 01.08.2025). В процитированном высказывании употреблен фразеологизм *чушь собачья* (‘полная чепуха, вздор, глупости’), который характеризуется экспрессивностью семантики и является средством выражения эмоций. За счет данного фразеологизма высказывание телеведущего становится более эмоциональным, так как в семантике данной ФЕ прослеживается характеристика описываемой ситуации с негативной стороны за счет существительного *чушь* в сочетании с прилагательным *собачья*, которое усиливает коннотацию компонента *чушь* в составе фразеологизма.

Значит, есть люди, кому он это говорит, и если после этого он не ***получает леща,*** *то значит, согласны кто-то с ним* («Сколько будет 2+2» 10.03.2023). Н. Михалков

использует фразеологизм *получить леща*, имеющий значение ‘удар в лицо, пощечина, оплеуха’, как выражение негативного отношения к ситуации и действиям, их осуждения. Данный фразеологизм обладает стилистической выразительностью, он относится к пласту разговорной речи и употребляется в приведенном контексте как средство проявления эмоций. Компонент *лещ* не связан с названием рыбы, происходит от глагола *лескать* ‘хлестать’ и делает высказывание более экспрессивным. С прагматической точки зрения, данная ФЕ является средством выражения ведущим личных эмоций.

Были выявлены и примеры использования фразеологических единиц для повышения образности речи ведущего.

Теперь ***сложите*** *вот* ***дважды два*** *и подумайте: а какое количество денег из этой суммы было отправлено в помощь украинской хунте*? («Что имеем, не храним, потерявши – плачем» 11.10.2024). Фразеологизм *сложить дважды два* подразумевает, что человеку не требуется прилагать чрезмерные усилия, чтобы сделать из чего-то выводы, так как все условия для понимания этого лежат на поверхности. В основе образности фразеологизма лежит элементарный арифметический пример.

И что такое ***нести свой крест,*** *как правило, понимают люди, которые столкнулись в своей жизни с тем, что очень трудно пережить без веры, без того, на что можно опереться* («Как кучеру понять Чехова?» 18.04.2025). В приведенном высказывании ведущим употребляется фразеологизм *нести свой крест*, который связан с библейским контекстом и является аллюзией на эпизод из жизни Христа – несением креста на Голгофу. Таким образом, значение этого фразеологизма – указание на судьбу человека, понимание того, что важно терпеливо переносить трудности и идти навстречу испытаниям, если они суждены человеку в течение жизни. Использование этого устойчивого выражения как средства повышения экспрессивности речи в изложении информации отражает тот факт, что Н. Михалков погружен в контекст христианской культуры. Этот аспект отражает особенности языковой картины мира ведущего.

И поэтому ***хоть тушкой, хоть чучелкой*** *эта карта будет разыгрываться всё время* («Время – сестра правды» 23.11.2024). Для повышения выразительности реплики телеведущий использует фразеологизм *хоть тушкой, хоть чучелкой*, значение которого – ‘осуществить действие любым доступным для этого способом’. Данная ФЕ характеризуется стилистической яркостью и придает речи Михалкова динамизм, а также обеспечивает точную передачу информации аудитории с желаемой автором расстановкой смысловых акцентов.

Таким образом, проведенное исследование доказало, что фразеологизмы являются важным компонентом языковой личности Никиты Михалкова. В созданной этим известным режиссером, актером и телеведущим передаче «Бесогон TV» они позволяют автору выражать свою позицию и оценки, эмоции относительно происходящего, а также обеспечивают образность речи, что позволяет ему воздействовать на аудиторию. Активное использование фразеологизмов в речи Н. Михалкова позволяет сделать вывод о встроенности его картины мира в широкий контекст русской лингвокультуры, которая охватывает как народную мудрость и ценности, так и христианские образы. Проведенное исследование доказывает, что в авторской телепередаче «Бесогон TV» проявляется фразеологическая картина мира Н. Михалкова, которая обеспечивает выражение его авторской позиции и мировоззрения для широкой телевизионной аудитории.

Список использованных источников

1. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – М. : Высшая школа, 1996. – 381 с.

2. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М. : Academia, 2001. – 202 с.

3. Мокиенко, В. М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии / В. М. Мокиенко. – М. : Флинта: Наука, 2009. – 461 с.

4. Хайруллина, Р. Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию / Р. Х. Хайруллина. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2000. – 285 с.

5. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 2003. – 261 с.

6. Седов, К. Ф. Речевое поведение и типы языковой личности / К. Ф. Седов // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург : Аэтерна, 2000. – С. 298–312.

7. Хочунская, Л. В. Феномен медиаобраза: социально-психологический аспект / Л. В. Хочунская // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2013. – №2. – С. 141–146.

8. Каширин, А. А. Индивидуальный медиадискурс информационно-медийной языковой личности ведущего авторской телепрограммы как форма репрезентации его информационного поля / А. А. Каширин // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2017. – №4 (216). – С. 121–125.

Abstract. The article examines the use of phraseological units by the TV host Nikita Mikhalkov in his program, “Besogon TV”. The functional characteristics of phraseological units and the motivations for their use are identified. The paper examines phraseological units as the component of the presenter’s linguistic worldview, as well as the expression of his linguistic personality, and takes into account the broader Russian linguistic and cultural context.

Keywords: phraseological unit, phraseological worldview, media personality, linguistic personality, author's television program.

Хуан Чжоюэ – аспирант; Санкт-Петербургский государственный университет (st091210@student.spbu.ru).

УДК 811.161.1’42’286(470.317)

Е. В. Цветкова

СЕРЫЙ ЦВЕТ В КОСТРОМСКОЙ МИКРОТОПОНИМИИ

Аннотация. В статье рассматриваются микротопонимы Костромской области, образованные на основе слова *серый* и его производных. Обращается внимание на их связь с апеллятивной лексикой, их семантику, структуру, функционирование в народной речи, отражение в них некоторых особенностей говоров. Выявляется значимость таких наименований, немногочисленных, но содержащих ценную информацию.

Ключевые слова: топонимы, микротопонимы, костромская микротопонимия, цвет в топонимии, серый цвет, костромские говоры.

Цветообозначениям в языке посвящено много исследований, среди которых есть и связанные с топонимией (см. об этом, например, [1]). Обращается внимание на структурные и семантические особенности «цветовых»/«цветных» топонимов, их функции в речи, пространственную привязку, роль в этнолингвистической интерпретации национального мировидения и мировосприятия, особенности в разных языках, на определяющие роль цветообозначения факторы, отличие цветовых представлений в топонимии и т. д., утверждается, что лексика с семантикой цветообозначения обладает высокой склонностью к онимизации.

В костромской так называемой цветовой микротопонимии, как показывают наши исследования, лидируют, как и практически повсеместно, топонимы, образованные от слов *чёрный*, *белый*, *красный*, многочисленны топонимы от слова *зелёный*, что показывает преобладающую характеристику объектов, связанную с цветом, их восприятие народом, отношение к ним. Однако и другие цвета имеют немаловажное значение в топонимообразовании. И каждый из них, как по отдельности, так и в совокупности, во взаимосвязи, по-своему интересен, загадочен и заслуживает внимания. Выбор цвета для образования топонимов не является случайным, и в них, через них он может шире раскрываться, показывать свои особенности, возможности и т. д.

В данной статье мы обращаем внимание на некоторые особенности серого цвета, имеющего много разных оттенков, особенно в народной речи (см., например, [2, с. 381]), который скромно, как бы в соответствии со своими характеристиками, но все-таки заметно, значимо, участвует в создании топонимов. Количество «серых» микротопонимов в костромском топонимиконе, по имеющимся у нас материалам, невелико, но они выделяются некоторым своеобразием, содержат важную информацию, различную по своему содержанию, в том числе, что очень ценно, об особенностях говоров Костромской области.

Слово *серый*, навевающее разные размышления, кроме значений ‘цвета пепла, дыма, асфальта, мыши; средний между чёрным и белым’, ‘пасмурный, тусклый’, ‘ничем не примечательный; бесцветный, безликий’, ‘бледный’ и др. [3, с. 1180], в говорах Костромской области, как и во многих говорах других территорий, имеет и иные значения, в ряде случаев высвечивающие связь с другими цветами, вызывает различного рода образы, входит в состав и устойчивых выражений. Например: *серый* ‘заяц-русак’, ‘гриб серого цвета’, ‘гриб подберёзовик’, *серая* ‘серая утка’, *се́рик, сери́к* ‘гриб подберёзовик’, ‘почва серого цвета’, ‘серый песок’, *серы́ш, се́рыш* ‘гриб подберёзовик’, ‘гриб подосиновик’, *серу́ха* ‘серая кусачая муха’, ‘серый гриб’, *серяки́* ‘серые грибы, похожие на подберёзовики’, *серу́шка* ‘животное серой масти’, ‘гриб серого цвета’, *серый камень* ‘камень серого цвета’, *серая земля* ‘земля серого цвета’ ‘супесчаная почва’, ‘подзолистая почва’, *серая шляпка* ‘гриб подберёзовик’, *серое сукно* ‘некрашеное сукно’, а также *се́ро* / *серо́* ‘плохо, неряшливо, некрасиво, бедно, скудно’, *серое вино* ‘водка’, *серый сарафан* ‘будничный сарафан’, *серый лист* ‘верхний зелёный лист капусты’ (этот лист может быть также серо-зелёного или серого цвета), *серая се́чка* ‘квашеная капуста из верхних зелёных листьев, используемая обычно для приготовления щей’, *серые щи* ‘щи из квашеных верхних зелёных листьев капусты’, *серь* – ‘глухое место, медвежий угол’ – подобно серому цвету (часть из них дается с пометой *костром.* в СРНГ, многие лексемы, по сведениям данного и других лексикографических трудов, имеют широкие ареалы распространения [4, с. 214–225]). Из народной речи: *А иной год серых шляпок в лесу всё лето полно* (Вакорино Буйск.); *За серым грибам ходили* (Княжево Солиг.); *Серые грибы появились* (Буйск.); *На серой земле ничего не родилось!* (Хомутово Остров.); *Серушка – так подзывают овец* (Парфеньево Парфен.), *Серушкам овец зовут, потому как серые. И кличку такую давали им. И других серых животных тоже* (Здемирово Красн.); *На свадьбу-то серого вина будете покупать али самогонки нагоните?* (Сенцово Красн.); *Ничего не было, серо мы жили, девоньки!* (Гнездниково Солиг.); *Нарядов-то не было, серо одевались* (Ножкино Чухлом.); *Сегодня щей из серой капусты вам наварю* (Ковалёво Нерехт.).

В микротопонимии Костромского края нашло отражение далеко не всё многообразие семантики слова *серый*. Микротопонимы, как тесно связанные со ставшими основой для их образования словами, обычно свидетельствуют о цвете именуемых объектов – цвете, находящемся в промежуточном положении между белым и чёрным (комбинации этих цветов). Например: *Серый камень* (Костр., Сусан., Нерехт., Красн., Кадыйск., Нейск., Вохом.), *Серый пруд* (Костр.), *Серый омут* (Красн.), омут *Серу́ха* (Парф.), *Серенький лесок* (Судисл.), *Серый дом* (Красн., Сусан.). Серый цвет в данном случае явился тем внешним признаком географических объектов, выделенным при зрительном восприятии, который при номинации был положен в основу наименования.

Такие микротопонимы свидетельствуют о том, чем объекты выделяются в окружающем их мире, что стало основным в их восприятии народом и вызвало желание именно так их назвать, отметить, сохранить сведения о них. Это подтверждается и объяснением семантики микротопонимов жителями костромских селений, например: *За клюквой-то раньче всё на Серой камень ездили. Болото это назвали по серому камню, который там находится* / *Большой камень серого цвета там лежит, приметной, вот и назвали болото так по ему* (Кадый Кадыйск.); *Реденькой, серенькой такой, казался*

серым, вот и Серенькой лесок потому (Калинки Судисл.); *Серый пруд – пруд с серым грунтом. Вступая на ил, вода становится мутной, серой, с коричневым оттенком* / *Пойдём сегодня на Серый карасей ловить* (Сухоногово Костр.); *Место коло реки Покрайки есть Серый камень. Серый камень там* (Абросимово Нейск.); *Дом-то этот так и звали раньше Серый дом. Серого цвета он был* (Сусанино Сусан.).

Однако не всё так просто, как кажется на первый взгляд. Микротопонимы, мотивированные серым цветом, вызывают различного рода ассоциации, которые могли быть и первоначально – при создании таких наименований, и в дальнейшем при их употреблении в речи, восприятии, объяснении народом причин их появления. Так, микротопоним *Серый камень*, наиболее частотный среди других «серых» микротопонимов, – это не только название обычного камня серого цвета, это эпитет камня. Он может быть символичным, связанным, например, с фольклорными образами (сравн.: *Серый камень, серый камень… / С милкой здесь встречалися. / Серый камень, серый камень. / Здесь и расставалися* – Лаврово Нерехт.; *Вот и дошёл Иванушка до серого камня, а куда дальше идти, не знает…* – Екатеринкино Кадыйск.; *Серый камень – болото, по которому проходила Лесная Марьинская дорога, где по легенде захоронены сокровища Марьи-Паньи. Да много легенд с этим болотом, но клюква здесь всегда хорошая* / *У Селого камня, рассказывали, будто бы похоронена разбойница Марья-Панья, и там же зарыто её сокровище* – Кадый Кадыйск.), восприятием жизни (*Серый-то камень – это и не чёрное, и не белое. Не плохое и не прекрасное. Это как жизнь наша* – Калинки Судисл.), верой в магическое воздействие (*А я на этом Сером камне стоять очень любила. Верила, что он меня слышит, мне помогает, силы даёт* – Екатеринкино Кадыйск.) и т. д. С одной стороны, серый камень – неяркий, неброский, казалось бы, неприметный (по сравнению с камнями другого цвета или иными объектами) и т. д. (по характеристике серого цвета – неприметного, спокойного и т. п.), а с другой – выделяющийся в окружающем пространстве, раз его все-таки приметили и назвали, по нему дали название и месту его расположения (значит, *серый* не такой уж и серый-незаметный, не безликий). Правда, следует отметить, что микротопоним *Белый камень* в костромской топонимии встречается чаще, чем микротопоним *Серый камень*.

«Серым» называют объект по тому серому, что в нем находится: *се́рик* ‘гриб подберёзовик’ (‘гриб серого цвета’) → место в лесу *Се́рики*. «Серое» название получает и объект серого цвета (апеллятив превращается в микротопоним), и место, на котором он находится: серый камень → камень *Серый камень* → болото *Серый камень*; серый камень → камень *Серый камень* → место у реки *Серый камень*.

Кроме самого слова *серый*, серый или сходный с ним цвет передается в костромской народной речи словами *седой, пепельный, дымчатый, серебристый, сивый, сизый, блёклый, бледный, мышиный, льняной, мглистый, землистый, свинцовый, стальной, смурый, тусклый, полутёмный, грязный* и т. п. Это в определенной степени отражено и в микротопонимах, например: камень, место *Седой камень* (*Седой камень – место на берегу реки Пичуги, притока Шачи. Находится за деревней Трофимово* / *Седой камень там, вот и прозвали так* – Елегино Буйск.); пруды *Седые пруды* (*Седы́е пруды – пруды в лесу* / *Седые, серые пруды-то эти* – Трифон Антроп.); низина *Сивкин лог* / *Сивый лог* (*Сивкин лог – низина, мокрое место. И Сивый лог зовут. Названа так потому, что там раньше пасли лошадей. Сивыми коней, лошадей называют* / *Сивый – животное серой масти* – Большой Завраг Павин.); *Серебристый ручеёк* (*Был Серебристый ручеёк там раньше. Серенькой такой, красивой, серебрился* – Никольское Костр.). Со словом *сивый*, возможно, связано название болотистого места *Си́вни́ха* / *Си́ве́ниха* (*Сивениха – топкое, заросшее болотистое место, соединяющее посадку и коси. Лет пять назад, помню, на Сивенихе заблудилась* – Сандогора Костр.): сивуном в костромских говорах называют плохую траву, высохшую прошлогоднюю траву, скошенное на низких местах сено.

Отнесение перечисленных нами микротопонимов к числу связанных с цветом наименований, в отличие от многочисленных не имеющих прямого отношения к цветовым

признакам топонимов, не вызывает сомнения, поскольку имеются реальные свидетельства истории их возникновения, это подтверждается примерами употребления их в народной речи. Но, разумеется, не все микротопонимы с корнем *сер*-, можно отнести к «цветовым». Как известно, названия цвета в топонимах не всегда обозначают цвет, принятая за цветовую основа топонима может обозначать другой признак [5, с. 33–42; 6, с. 56–57]. Некоторые микротопонимы связаны с серым цветом не напрямую, принадлежность ряда микротопонимов к «цветовым» можно только предполагать.

Связанная с цветом семантика реализуется как в простых, так и в составных наименованиях (наиболее продуктивно). Чаще используется прилагательное *серый*. По входящим в состав определениям, географическим терминам с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*Серенький лесок, ручеёк*), по иллюстрациям из живой народной речи (например, с характеристикой *красивый*) можно сделать вывод о том, что серый цвет воспринимается не только отрицательно или нейтрально, но и положительно, способен воздействовать. Особый интерес представляют названия, содержащие диалектную лексику, которые подтверждают и дополняют сведения о ней и способствуют ее сохранению, могут быть использованы в ее исследовании.

«Серые» микротопонимы, наименования не такие уж и простые, содержат информацию о называемых ими объектах и окружающем их пространстве, о лексической, в том числе топонимической, системе, в которую они входят, отражают особенности речи, мировидение, мировосприятие их создателей.

Список использованных источников

1. Мызников, С. А. Цвет как топооснова в зонах этноязыковых контактов / С. А. Мызников // Ономастика Поволжья : материалы XXII Международной научной конференции. Саратов, 26–29 сентября 2024 года / ред. кол.: Н. И. Данилина, В. И. Супрун; Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. – Саратов : Сарат. гос. мед. ун-т, 2024. – С. 168–175.

2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – Т. 4. – СПб. : ООО «Диамант», ООО «Золотой век», 1999. – 688 с.

3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.

4. Словарь русских народных говоров. – Вып. 37 / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. – СПб. : Наука, 2003. – 467 с.

5. Агеева, Р. А. Как появились названия рек и озёр: Популярная гидронимика / Р. А. Агеева. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. – 288 с.

6. Никонов, В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов. – М. : Наука, 1965. – 180 с.

Сокращения названий районов Костромской области

Антроп. – Антроповский, Буйск. – Буйский, Вохом. – Вохомский, Кадыйск. – Кадыйский, Костр. – Костромской, Красн. – Красносельский, Нейск. – Нейский, Нерехт. – Нерехтский, Остров. – Островский, Павин. – Павинский, Парфен. – Парфеньевский, Солиг. – Солигаличский, Судисл. – Судиславский, Сусан. – Сусанинский, Чухлом. – Чухломский.

Abstract. Micro-toponyms of Kostroma Region, derived from the word “gray” and its derivatives, are discussed in the article. Attention is paid to their connection with appellative vocabulary, to their semantics, structure, and function in vernacular speech, to their reflection of certain patois features. Significance of these names, few in number but containing valuable information, is revealed.

Keywords: toponyms, micro-toponyms, Kostroma micro-toponymy, colour in toponymy, gray, Kostroma patois.

Цветкова Елена Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент; Костромской государственный университет (elv15@list.ru).

УДК 811.16’374:398.92

С. Г. Шулежкова

«БОЛЬШОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА» И ЕГО МЕСТО В СОВРЕМЕННОЙ ФРАЗЕОГРАФИИ

Аннотация. Собственно старославянскими до недавнего времени можно было признать лишь три словаря. Один из них опубликован в 1955 г. в Гейдельберге, второй – в 1994 г. в Москве, третий – в 1999–2009 гг. – в Софии. Создание 5-томного «Большого фразеологического словаря старославянского языка» (БФССЯ) стало возможным благодаря успехам современной славистики и фразеологии. Опора на все известные старославянские памятники и лингвокультурологический подход при структурировании словарных статей обеспечивают данному словарю вполне определенное место в современной фразеографии как первому толковому энциклопедическому труду, в котором описана система сверхсловных языковых единиц общеславянского литературного языка Средневековья.

Ключевые слова: словарь, старославянский язык, устойчивый словесный комплекс, фразеология, языковой статус.

Путь к созданию «Большого фразеологического словаря старославянского языка» для коллектива авторов был непростым. Во многом это можно объяснить вполне объективными причинами. Подробно они анализируются во введении к пробному «Фразеологическому словарю старославянского языка» (ФССЯ), опубликованному в 2011 г. (см. [1, с. 3–25]) и во вступительной статье к первому тому БФССЯ (см. [2, с. 3–19]). Назовем лишь самые существенные из этих причин. Во-первых, очень сложно было собрать копии всех известных современной славистике старославянских памятников из-за того, что подлинные рукописные тексты X–XI столетий хранятся в музеях и библиотеках разных стран, а цифровые снимки далеко не каждого из них доступны специалистам. Во-вторых, сам термин «старославянский язык» неоднозначно понимается учеными как в России, так и за рубежом. В-третьих, собственно фразеологические словари появились в России лишь в 1960-е годы, и поначалу попадали в них, как правило, только идиомы или сращения. Поначалу сферой описания старославянских сверхсловных единиц были по преимуществу церковнославянская лексикография (наиболее плодотворным результатом которой можно признать состоящий из 5 частей «Церковнославянский словарь» П. Алексеева, где нескольким десяткам устойчивых словесных комплексов (далее – УСК) были даже выделены отдельные словарные статьи [3]); крылатография, начало которой в России положил под впечатлением работы Г. Бюхмана гимназический учитель И. Редников, посвятивший крылатым выражениям из Священного Писания целый раздел своей книги (см. [4, с. 1–18]); «словарная библеистика», развитие которой вылилось в целое направление (см., например, «Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов» К. Н. Дубровиной [5] и «Толковый словарь библейских выражений и слов» В. М. Мокиенко, Г. А. Лилич и О. И. Трофимкиной [6]. Нельзя не учитывать значительного вклада в описание старославянских УСК активно развивающейся в России исторической лексикографии. Составители словарей разных эпох включают в словарные статьи старославянские УСК как источники формирования русских фразеологических единиц. См., например, 3-томник «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского [7]; 32 выпуска «Словаря русского языка XI–XVII веков», издающегося с 1975 г. [8]; 22 выпуска «Словаря русского языка XVIII века» [9]; 13 томов «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)» [10].

Что же касается специальных словарей, признанных *старославянскими*, их составители опирались на разительно отличающиеся по времени написания, по месту происхождения и количеству памятники. Так, состоящий из 22 выпусков «Slovnik jazyka

staroslověnského», который создавался учеными Чехословацкой (потом Чешской) Академии наук с 1958 по 1997 гг., а затем в 2006 г. был переиздан под названием «Словарь старославянского языка» в Санкт-Петербурге [11], основан на широчайшем объеме разножанровых церковнославянских источников XI–XVI вв. При этом параллельно с этим масштабным проектом на основе выборочного привлечения (из той же картотеки!) данных лишь так называемых *классических* 18 памятников был написан «Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)» [12]. Авторы этого высочайшего по уровню исполнения труда ограничились при отборе источников только рукописями, выполненными болгарскими писцами на болгарской и македонской территориях, исключив из числа «классических» старославянских все памятники X–XI вв., возникшие на восточнославянских землях, даже датированное Остромирово евангелие, которое еще А. Х. Востоков признавал ближайшим по языку к кирилло-мефодиевским переводам, что убедительно было подтверждено Е. М. Верещагиным в работе «Кирилло-Мефодиевское книжное наследие». В главе «*Остр* на фоне памятников старославянского канона» автор пришел к выводу: «… если говорить об относительной хронологии, то *Остр* в аспекте лексики на самом деле архаичнее “канонических рукописей”» [13, с. 53]. Фундаментальный «Старобългарски речник» [14] опирается только на те старославянские памятники X–XI в., которые были созданы болгарскими писцами. В перечень собственно старославянских словарей мы включаем также уникальную учебную книгу Л. Садник и Р. Айтцетмюллера, адресованную немецким студентам. Если буквально перевести заголовок этой книги с немецкого на русский, то он звучит как «Древний церковнославянский словарь». Все старославянские языковые единицы представлены в данном словаре латиницей, а их значения описаны по-немецки (см. [15]). Применительно же к теме нашего исследования важно то, что источниками для данного издания послужили 20 старославянских рукописей, среди которых почетное место занимает и Остромирово евангелие. Ни в одном из названных выше старославянских словарей богатейший фразеологический корпус общеславянского литературного языка Средневековья не представлен как системное явление. Нигде он не рассматривается и как фундаментальная основа формирования фразеологических систем славянских литературных языков. Эту масштабную задачу взялся решить коллектив научно-исследовательской словарной лаборатории МГТУ имени Г. И. Носова.

Сегодня можно сказать, что работа над 5-томником БФССЯ завершена, и он может занять свое скромное место в не таком уж многочисленном ряду собственно старославянских словарей. Однако по целому ряду параметров БФССЯ кардинально отличается от всех перечисленных выше лексикографических трудов, так или иначе характеризующих общеславянский литературный язык Средневековья.

В отличие от «Slovnik(a) jazyka staroslověnského» [11], БФССЯ [16] опирается на источники только X–XI вв.; в сравнении со «Старославянским словарем (по рукописям X–XI веков)» [12] и СБР [14], которые ограничиваются наследием древнеболгарских писцов, авторы БФССЯ используют и южно-, и западно-, и восточнославянские памятники (впрочем, так же поступили и Л. Садник с Р. Айтцемюллером, правда, резко сократившие количество источников для своего словаря [15]).

Но дело не только в объеме и полноценности исходного языкового материала (к анализу в БФССЯ привлечено 32 рукописи, не считая надписей, в которых содержатся полноценные предложения, позволяющие языковой единице реализовать свое значение). Всем своим содержанием БФССЯ доказывает реальное существование единого для всей Славии, общего для всех славян, принявших крещение, литературного языка. Объектом исследования впервые в истории старославянского словарного дела стала фразеологическая система общеславянского литературного языка Средневековья. К отбору этих единиц, названных устойчивыми словесными комплексами (УСК), применены единые критерии: это «сверхсловные языковые единицы, обладающие

устойчивостью компонентного состава и грамматической структуры, не исключающей вариантности; воспроизводимостью в качестве готовых единиц языкового общения; постоянным, закрепленным за данным словесным комплексом значением» [16, т. 1, с. 11]. Как признает один из рецензентов словаря, «БФССЯ является многофункциональным и многопрофильным словарем, совмещающим в себе признаки как энциклопедических, так и лингвистических словарей» [17, с. 290]. Мы, как авторы Словаря, определили его жанр как *толково-энциклопедический*, хотя, естественно, это одновременно и специализированный лингвистический словарь, в котором всесторонне описываются сверхсловные единицы, получившие в общении средневековых славян языковой статус.

Каждая словарная статья содержит развернутую информацию об УСК. Он характеризуется и с точки зрения семантической, и с точки зрения грамматической; сопровождается данными о его происхождении, о его месте в языковой системе, о его вариантах, антонимо-синонимических и гиперо-гипонимических связях и (через информацию, почерпнутую из словарей, названных в хронологическом порядке, отражает судьбу УСК в истории русского языка). Эти сведения строго систематизированы и помещаются в отведенных им зонах: инициальной, грамматической, семантической и (или) этимологической, иллюстративной, синонимо-антонимической и справочно-лексикографической. Приведем для подтверждения одну из словарных статей, включенных в 5-й том:

Слава мирьскаѧ (мира) *Предм.* (*редк.*)

Слава земная, светская, противоположная высокой, духовной, связанной с христианским мировоззрением.

► Подчинённый компонент **мирьскаѧ** вносит в семантическую структуру оборота свои переносные значения: ‘человеческая’, ‘относящаяся к людям, свойственная человеку и людям’ (см. [СРЯ XI–XVII, вып. 9: 176]; ‘противоположная религиозному, христианскому’. Составители «Старославянского словаря (по рукописям X–XI веков)» характеризуют значение лексемы **мирьскъ** как ‘светский’, ‘мирской’, ‘мира’ [СтСл 1994: 329]. Оборот **слава мирьскаѧ (мира)** обрёл популярность в католической ветви христианства, использующей в богослужении не родные языки христиан, а латынь. У средневекового философа Фомы Кемпийского (1379–1471) в книге «Подражание Христу» (1441) есть фраза: «О, как быстро проходит *слава мира!*» К моменту 1-го издания этой книги уже более трёх десятилетий аналогичная фраза использовалась как ритуальная формула, произносившаяся (естественно, по-латыни) при возведения в сан вновь избранного папы в Риме. Будущего папу в кресле торжественно вносили в собор Св. Петра, а по пути к аналою троекратно сжигали пучки пакли с возгласом: “*Святой отец, так проходит* ***слава мира!”»*** [Займовский 1930: 344; Ашукины 1966: 652; Бирих, Мокиенко, Степанова 1998: 528]. И сам римско-католический ритуал, и почти две тысячи раз издававшийся трактат Фомы Кемпийского способствовали популяризации оборота, превращению его в крылатое выражение. Латинская фраза «Sic transit gloria mundi» попала в русский язык через французское посредство. Она была отмечена в словаре «Русская мысль и речь: Своё и чужое: Опыт русской фразеологии» (1902–1903) в разделе «Латинские слова» (см. переиздание [Михельсон, т. 2, 1994: 112]). Источником же этой знаменитой фразы был библейский УСК **слава мира (мирьскаѧ)**.

ѥдинъ же нѣкъıи въ санѣ и славѣ мирьстѣи съı рече• не кличи пıшниѥ• пıшнии рече не ноуди нъ крадж рождъзи и сами вь н’ж вьлѣземъ• терентии же к’то отъ народа въскричи• вѣстє ꙗко си ї инѣхъ поваждаєт’ да не жьржтъ• да оуже оубо• вѣньца възл°жишѧ на ня• она же растръзавъша отъмѣта’ста• Супр 138: 16.

Синонимы: **слава зем(л)ьнаѧ, людьскаѧ, слава човѣча / човѣчьскаѧ.**

Антонимы: **слава небесьнаѧ, слава въ въıшьнихъ.**

◊ Sic transit gloria mundi – такъ проходитъ **слава мира сего**! Начало латинского церковного пѣснопѣнія, которое поётся при торжествѣ коронованія Папы въ то время,

какъ его несутъ на креслѣ къ алтарю… [Рѣдниковъ 1883: 78]; Так проходит слава мирская. Или: **слава на свете**. Цитируется чаще всего в латинской форме Sic transit gloria mundi [Займовский 1930: 344]; Так проходит слава мира. Выражение из ритуала избрания папы в римско-католической церкви [Ашукины 1966: 652];1 **СЛАВА.** ТАК ПРОХОДИТ СЛАВА МИРА. *Книжн*. О чём-л. мимолётном, быстро проходящем [Бирих, Мокиенко, Степанова 1998: 529]; **ТАК ПРОХОДИТ СЛАВА ЗЕМНАЯ <МИРСКАЯ, МИРА>** Цитируется также по-латыни: Sic transit gloria mundi. Выражение из ритуала избрания папы римского. О преходящем характере земной славы [БСКС 2000: 489]; **ТАК ПРОХОДИТ СЛАВА ЗЕМНАЯ <МИРСКАЯ, МИРА**>. О преходящем характере земной славы [Берков, Мокиенко, Шулежкова, т. 2, 2009: 430–431].

БФССЯ открывает широкие перспективы для педагогов, преподающих старославянский язык, для ученых, занимающихся диахроническими исследованиями в области славистики, для тех, кто изучает процессы становления фразеологических систем не только русского литературного языка, но и других славянских языков. Словарь содержит уникальные данные о трансформации менталитета славян после принятия христианства, о становлении этических норм в славянском мире, об общих ценностях славянских народов.

Список использованных источников

1. Шулежкова, С. Г. От редактора / С. Г. ,Шулежкова // *ФССЯ 2011*: Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 ед. / отв. ред. С. Г. Шулежкова, члены редколл.: М. А. Коротенко, Л. Н. Мишина, А. А. Осипова. – М. : «ФЛИНТА», 2011. – С. 3–25.

2. Шулежкова, С. Г. Большой фразеологический словарь старославянского языка в контексте современной славистики / С. Г. Шулежкова // *БФССЯ 2020–2025*: Большой фразеологический словарь старославянского языка : в 5 т. – Т. 1. Науч.-исслед. словарная лаб. МГТУ им. Г. И. Носова; гл. ред. С. Г. Шулежкова. – М. : «ФЛИНТА», 2020. – С. 3–19.

3. Алексеев, П. Церковный словарь : в 5 ч. / П. Алексеев. – СПб. : Типография Ивана Глазунова, 1817–1819.

4. Рѣдниковъ, И. Сборникъ замѣчательныхъ изреченій, цитатъ, поговорокъ и т. п. различныхъ временъ и народовъ съ историческимъ и сравнительнымъ объясненіемъ / сост. И. Рѣдниковъ. – Вятка : Типогр. Куклина (бывшая Красовскаго), 1883. – 151 с.

5. Дубровина, К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К. Н. Дубровина. – М. : Флинта: Наука, 2010. – 808 с.

6. Мокиенко, В. М. Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2 000 ед. / В. М. Мокиенко, Г. А. Лилич, О. И. Трофимкина. – М. : АСТ: Астрель, 2010. – 639 с.

7. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1893–1903.

8. Словарь русского языка XI–XVII веков, вып. 1–32. – М. : Наука – Ин-т им. В. В. Виноградова,1975–2023 (издание продолжается).

9. Словарь русского языка XVIII века. – Л.–СПб. : Наука – Издательский дом ЯСК, 1984–2024 (издание продолжается).

10. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. – Т. 1–13. – М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1988–2023.

11. *SJS 1958–1997*: Slovnik jazyka staroslověnského / hl. red. Joz. Kurz: t. 1–4. – Praha : Nakladetelstvi Československé Akademie Věd – Akademie Věd České Republiki, 1958–1997; 2-е изд. репр. : Словарь старославянского языка : в 4 т. – СПб. : СПбГУ, 2006.

12. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) : ок. 10 000 слов / Э. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес и др. ; под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М. : Рус. яз., 1994. – 842 с.

13. Верещагин, Е. М. Кирилло-Мефодиевское книжное наследие. Межъязыковые, межкультурные, межвременные и междисциплинарные разыскания. С двумя приложениями / Е. М. Верещагин. – М. : Индрик, 2012. – 520 с.

14. *СБР, т. 1–2, 1999–2009:* Старобългарски речник : в 2 т. / Българска академия на науките; отг. ред. Д. Иванова-Мирчева. – София : Изд-во «Валентин Траянов». – Т. 1. А – Н. 1999. – 1028 с.; Т. 2. О – V. 2009. – 1326 с.

15. Sadnik, L. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten / L. Sadnik und R. Aitzetmüller. – Heidelberg : Carl Winter-Universitätsverlag, 1955. – XX + 341 S.

16. *БФССЯ 2020–2025*: Большой фразеологический словарь старославянского языка : в 5 т. (тт. 1–4). Науч.-исслед. словарная лаб. МГТУ им. Г. И. Носова; гл. ред. С. Г. Шулежкова. – М. : «ФЛИНТА», 2020–2025.

17. Андреева, С. Л. «Сокровищница старославянского языка». Рецензия на «Большой фразеологический словарь старославянского языка: в 5 т. /Научно-исследовательская словарная лаборатория МГТУ им. Г. И. Носова; авторы-составители: С.Г. Шулежкова [и др.]; редколлегия: С. А. Анохина [и др.]. – М. : ФЛИНТА, 2020. Т. 1. 552 с.; Т. 2. 2022. 560 с.; Т. 3. 2023. 608 с.; Т. 4. 2024. 680 с.» / С. Л. Андреева // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. – № 96. –С. 285–301.

Abstract. Until recently, only three dictionaries could be recognized as Old Church Slavonic. One of them was published in 1955 in Heidelberg, the second one in 1994 in Moscow, and the third dictionary was published in 1999–2009 in Sofia. The creation of the 5-volume "BIG PHRASEOLOGICAL DICTIONARY OF THE OLD CHURCH SLAVONIC LANGUAGE" became possible thanks to the successes of modern Slavic studies and phraseology. Reliance on all known Old Church Slavonic manuscripts and the linguoculturological approach in structuring the dictionary entries provided the dictionary with a well-defined place in modern phraseography as the first work in which the system of set language units of the Common Slavic literary language of the Middle Ages was described.

Keywords: dictionary, Old Church Slavonic language, set unit, phraseology, language status.

Шулежкова Светлана Григорьевна – доктор филологических наук, профессор; Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова, Институт гуманитарного образования (shukezkova@gmail.com).

УДК 811.512.141'42'27:398.92

Г. Н. Ягафарова

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ *ҡАРА* 'ЧЕРНЫЙ' В БАШКИРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Аннотация. Черный цвет обычно ассоциируется с негативными, мрачными эмоциями из-за его физического восприятия как темного. Однако в лингвокультурных традициях обнаруживается немало других, не менее интересных и информативных значений прилагательного. В статье дается характеристика семантики черного цвета в башкирском языке и анализируется ее своеобразное отражение во фразеологизмах.

Ключевые слова: лингвокультурные особенности цвета, башкирские фразеологизмы, цвет во фразеологизмах, семантика черного, фразеологическая номинация.

Видимый окружающий мир воспринимается человеком через зрение, поэтому цвет как составная часть зримого пространства становится основой именования различных реалий. Цветообозначения неравномерно участвуют в процессах номинации, однако базовые цвета представлены во многих лексико-семантических группах.

Слово *ҡара* 'черный' – полисемантичное прилагательное. В «Академическом словаре башкирского языка» фиксируется 10 его омонимичных вариантов: 1) черный (с 20 значениями); 2) темнота; 3) земля, почва; 4) чернила; 5) кара (единица измерения при тканье); 6) крупный скот (кроме лошади); 7) человек; 8) название одного из родовых подразделений башкир; 9) существительное со значением собирательности в структуре парного слова; 10) междометие в значении 'смотри-ка' [1, с. 228–232]; глагольный корень *ҡара-* выражает значение 'смотреть', может быть использовано в функции наречия. При этом к каждому из этих омонимичных вариантов можно подобрать синоним.

Лишь в обозначении черного цвета слово *ҡара* остается единственным, в отличие от других тюркских языков, например, турецкого языка, в котором имеется слово *siyah* в том же значении. В статье дается характеристика семантических особенностей черного цвета в башкирском языке, который находит своеобразное отражение во фразеологизмах.

Слово *ҡара* имеет параллели во всех без исключения тюркских языках. Встречается в орхонских, древнеуйгурских рунических, енисейских надписях, в современных тюркских языках фиксируется в 31 значении [2, с. 593], включая предметные значения ‘большой, обильный’, ‘многочисленный’, ‘физическая (сила)’, ‘крепкий’ и др., объединенные семой множественности [2, с. 593].

На базе каждого из значений цветообозначения *ҡара* образуются многочисленные фразеологизмы с этим компонентом. В словаре фразеологизмов З. Г. Ураксина [3] из 4 000 фразеологизмов 54 устойчивых сочетания – с изучаемым словом. Рассмотрим их подробнее, расположив в соответствии с исходным значением.

1. *Кара* – это черный цвет. Используется во фразеологизмах: *аҡты ҡара тиеү* (соотв. рус. *выдавать белое за черное*) ‘выдавать плохое, ложное за хорошее, истинное’, *аҡ эттең бәләһе ҡара эткә* (досл. ‘беда белой собаки на черную’) ‘с больной головы на здоровую’, *күҙгә аҡ-ҡара күренмәү* ‘не видеть белого-черного от злости, страха, гнева’. В башкирской языковой картине мира противопоставление ‘белое – черное’ для описания противоположностей встречается очень часто, особенно в паремиях, например, *йөҙө аҡ тип алданма, эсе ҡара булмаһын* (досл. ‘не обманись белым лицом, как бы изнутри не оказался черным’); *ҡара тауыҡ та аҡ күкәй һала* ‘и черная курица несет белые яйца’.

2. Черный цвет характерен для земли, почвы, поэтому эти значения представлены во фразеологизмах *ҡара ергә баҫыу, ҡараға аяҡ баҫыу* (досл. ‘ступить на землю’) ‘дожить до весны’. Фразеологические сочетания *ҡара ергә инеү* (досл. ‘войти в черную землю’), *ҡара гүргә инеү* (досл. ‘войти в черную могилу’), *ҡара ер аҫтына инеү* (досл. ‘войти под черную землю’) обозначают ‘умереть’.

3. Черный может символизировать траур, используется во фразеологизмах *ҡара кайғы* (досл. ‘черное горе’) ‘большое горе, траур’, *ҡара ҡағыҙ* (досл. ‘черная бумага’) ‘похоронка’ (в годы войны обычно приходила похоронка черного цвета), *ҡара көн* ‘черный день’ (о сильном голоде).

4. Сажа, уголь – предметы черного цвета, поэтому сделанные из сажи чернила закрепляют за собой номинацию *ҡара,* которая далее переходит в переносное ‘письменность’: *ҡара таныу* (досл. ‘распознавать черное / чернила’), *аҡты-караны айырыу таныу* (досл. ‘распознавать белое-черное’), *аҡты ҡаранан айырыу* (досл. ‘отличить белое от черного’) – ‘уметь читать и писать’, *аҡҡа ҡара менән яҙылған* ‘писать черным по белому’, также *ҡара* – ‘черный косметический карандаш’: *ҡара тартыу* ‘подводить краской глаза, брови’.

5. Значения ‘хула, клевета, позор’ развиваются как переносные через понятия ‘черный’ – ‘грязь’ во фразеологизмах *йөҙгә ҡара яғыу, биткә ҡара яғыу* (букв. ‘обмазать лицо черным’) ‘очернить, оклеветать’, *йөҙ ҡараһы* (букв. ‘чернота лица’) ‘позор, стыд’, *ҡара мөһөр* (букв. ‘черная печать’) ‘запятнанная репутация’, *ҡара тап* (букв. ‘черное пятно’) ‘позор’, что дальше находит отражение в сочетании *ҡара таҡта* (букв. ‘черная доска’) ‘доска позора’.

6. Нечто темное, черное пятно, силуэт, тень – данное значение появляется «за счет восприятия, когда масса предметов видится как нечто неопределенное, сливающееся в темное пятно» [2, с. 593]: *ҡара урман (ҡарурман)* (досл. ‘черный лес’) ‘дремучий лес’.

7. Черный цвет является ахроматическим цветом, т. е. в нем нет оттенков. Подобное значение ‘без примесей’ фиксируется во фразеологизмах *ҡара ит* (досл. ‘черное мясо’) ‘нежирная мякоть’; *ҡара саңы әйләнеп ятыу* (досл. ‘вывернуться (о черной пыли без зеленых трав)’) ‘подняться (о пыли)’. О таком топосочетании, как *Каракум,*

И. В. Кормушин пишет: «Широко известное топосочетание *qara qum* не означает, как часто переводят, ‘черные пески’.., но передает понятие ‘сплошные, без какой-либо растительности’» [2, с. 594].

8. Черный также ассоциируется с чем-то сильным, крепким, поэтому имеются фразеологизмы *ҡара һыуыҡ* (досл. ‘черный холод’) ‘сильный холод без заморозков’, *ҡара буран* (досл. ‘черный буран’) ‘вихрь’, *ҡара ел* (досл. ‘черный ветер’) ‘резкий осенний ветер’; сюда же можно отнести сочетание *ҡара йәштән* (досл. ‘с черных лет’) ‘с ранних лет’, *ҡара таңдан* (досл. ‘с черной зари’) ‘очень рано’.

9. Сема ‘множественности’ развивается до абстрактно-наречного значения ‘очень’ [2, с. 593]: *ҡара тиргә төшөү (батыу) ҡара тир түгеү* ‘до седьмого пота (работать)’, *ҡара һыуға батыу* ‘вспотеть’, *ҡара бай* ‘очень скупой’, *ҡара тырыш* ‘очень усердный; очень упрямый’, *ҡара буран сығыу* (досл. ‘поднялся сильный буран’) ‘о возникновении ссоры’. В этом значении слово *ҡара* используется в ряде названий тяжелых болезней: *ҡара һырҡау* ‘сыпной тиф’, *ҡара әҫпе* ‘тяжелая форма скарлатины; тяжелая форма гепатита’, *ҡара киҙеү* ‘холера’, *ҡара йүтәл* ‘сухой кашель’.

10. Значение ‘простой, обыкновенный’ может передаваться через цветообозначение *ҡара,* так как черный – один из самых часто встречающихся в местах обитания башкир цвет, который ассоциируется с широко распространенными предметами и явлениями окружающего мира: *ҡара мал* (досл. ‘черный скот’) ‘крупный скот типа коров, верблюдов и др., кроме лошадей’, *ҡара өй* ‘зимний домик для содержания новорожденных ягнят и козлят’, *ҡара мунса* ‘баня по-черному’, *ҡара ҡорһаҡ* (досл. ‘черный желудок’) ‘неприхотливый в пище’. Через изучаемое понятие также передаются обыкновенность: *ҡара халыҡ* ‘простолюдин, простой народ’, *ҡара яға* (досл. ‘черный воротник’) ‘бедняки’; мудрость: *ҡара аҡыл* (досл. ‘черный ум’) ‘житейская мудрость’; необразованность: *ҡара һарыҡ* ‘невежда’ (*Кара халыҡ – ҡара һарыҡ, айырым булһа, көнө арыҡ* ‘простой народ – черная овца, если отделится, дни будут сочтены’), неквалифицированность труда: *ҡара эш* ‘черная работа’.

11. Физическая сила представляется грубой силой, поэтому во фразеологизмах *ҡара көс* ‘физическая сила’, *ҡара иҫәп* ‘грубый, приблизительный подсчет’ применено слово *ҡара*.

12. Черный цвет воспринимается как темный, мрачный, суровый, что становится основой для образования значений ‘злой’, ‘коварный’ во фразеологизмах: *ҡара уй* ‘злое намерение’, *ҡара йөҙлө* (букв. ‘с черным лицом’) ‘злой’, *ҡара йөрәкле* (букв. ‘с черным сердцем’) ‘злой, коварный’, *ҡара күкрәк* (букв. ‘черная грудь’) ‘злой, коварный’, *ҡара эсле* (букв. ‘с черным нутром’) ‘коварный’, *ҡара бауыр* (букв. ‘черная печень’) ‘коварный’, *ҡара йылан* (букв. ‘черная змея’) ‘коварный’ (сравн. в пословице: *Был да балам балаһы – балдан татлы анаһы, был да балам балаһы – ҡара йылан анаһы* ‘И это дитя моего дитя – мать слаще меда, и это дитя моего дитя – мать – черная змея’). Как видим, в представлениях башкир злость, будучи эмоцией, в большинстве случаев сосредоточивается во внутренних органах человека. Мрачное выражение лица, появляющееся при злобе, при переживаниях, трактуется как *ҡара көйөү* (досл. ‘обгореть и стать черным’) ‘рассердиться, обозлиться’, *йөҙө ҡара ҡойолоу* ‘почернеть от злости’, *ҡаралай көйөү, ҡаралай яныу, ҡара яныу* ‘почернеть от переживаний, потемнеть’, *кан ҡарайыу, йән ҡарайыу* ‘почернеть от злобы’.

13. Мифические представления башкир связывали обитателей потустороннего мира с силами зла, поэтому злой дух получил название *ҡара көстәр* ‘черные силы’. Магическая чернота действий вредоносных сущностей может привести к определенным трудностям в жизни человека. Поэтому словесные формулы, которые построены на пожелании зла в чей-либо адрес, типа *йөҙөң ҡара* ‘черное твое лицо’, содержат цветообозначение *ҡара* ‘черный’. Вместе с тем наблюдается как положительная, так и отрицательная коннотация некоторых выражений, в частности, вышеприведенное *йөҙөң ҡара* ‘черное твое лицо’ используется в двух значениях: 1) презренный, проклятый; 2) говорится с восхищением.

Второе значение основано на вере в магическую силу слова: чтобы защитить человека от сглаза, при восхищении или изумлении им используют это сочетание. Следует признать, что в башкирской лингвокультуре довольно сильно сохранены суеверные представления и верования [4].

14. Переносное значение ‘несчастливый, злосчастный’ обычно приписывается черной кошке, что используется в сочетании *аранан ҡара бесәй үтеү* (досл. ‘между ними прошла черная кошка’) ‘об испорченных отношениях’.

15. В башкирской лингвокультуре одинокий человек без семьи считается достойным жалости, поэтому его именуют *ҡара баш* (досл. ‘черная голова’) ‘одинокий, несчастливый’, а женщину без детей называют *ҡара биҙәү* (досл. ‘черное украшение / бесплодная’) ‘бесплодная женщина’ (сравн. *аҡ биҙәү* (досл. ‘белое украшение’) ‘женщина, не рожавшая после первого ребенка’).

Немаловажным является тот факт, что часть фразеологизмов ныне заимствуется из русского языка, чаще всего калькированием. Например, *ҡара биҙәктәр менән һүрәтләү* ‘обрисовать черными красками, показать в черных тонах’, *ҡара йәшник* ‘черный ящик’, *ҡара исемлек* ‘черный список’, *ҡара алтын* ‘нефть’.

Таким образом, в башкирском языке цветообозначение *ҡара* ‘черный’ представлено рядом значений, которые получают дальнейшее развитие в структуре фразеологизмов. Анализ семантики фразеологических единиц позволил выявить как типичные для всех языков, так и специфичные для башкирского языка фразеообозначения с компонентом *ҡара*.

Список использованных источников

1. Академический словарь башкирского языка : в 10 т. – Т. 5 / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. – Уфа : Китап, 2013. – 888 с.

2. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – 2-е изд., доп. / отв. ред. Э. Р. Тенишев. – М. : Наука, 2001. – 822 с.

3. Ураҡсин, З. Ғ. Башҡорт теленең фразеологик һүҙлеге / З. Ғ. Ураҡсин. – Яңыртылған, 2-се баҫма. – Өфө : Китап, 2006. – 344 бит.

4. Алчинова, Г. Р. Суеверные приметы как микрожанр башкирского фольклора / Г. Р. Алчинова, Г. Р. Хусаинова, Г. Н. Ягафарова // Oriental Studies. – 2019; 45(5). – С. 1034–1042 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-45-5-1034-1042. – Дата доступа : 02.10.2025.

Abstract. Black is typically associated with negative, gloomy emotions due to its physical perception as dark. However, in linguocultural traditions, many other, no less interesting and informative meanings of the adjective are found. This article characterizes the semantics of black in the Bashkir language, which are uniquely reflected in phraseological units.

Keywords: linguistic and cultural characteristics of color, Bashkir phraseological units, color in phraseological units, meanings of black, phraseological nomination.

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна – доктор филологических наук; Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (rishrinat@mail.ru).

СОДЕРЖАНИЕ

Авдевнина О. Ю. Фразеология и афористика в развитии языковой компетенции студентов-юристов 3
Авдеева О. И. Семантическая синтагматика устойчивого сочетания *Тихий Дон* 8
Адамович М. Б. Формулы посольского этикета в дипломатических памятниках русского языка XVI–XVII веков 14
Бакина А. Д. Оценка адекватности перевода фразеологических единиц с компонентом-антропонимом 18
Васильев А. И. Лексико-фразеологические наименования военных соединений древнерусского государства 24
Воронцова И. И. Лингвокультурные коды и метафорическая семантика цвета в области финансов 29
Генералова Е. В. Идеографирование современной русской фразеологии: лексикографический аспект 34
Данич О. В. Фразеологизмы и паремии как материал для формирования духовной культуры младших школьников 38
Дубровская Е. М. Паремиологические единицы с топонимическими компонентами как потенциальные лингвокультурные типажи 42
Иванова Е. В. Моделирование вариативности концептуализации врага в русской и английской паремиологии 44
Кандыбина А. В. Чешские фразеологизмы о глупости с компонентами-наименованиями одежды 48
Капшай Н. П., Данченко А. В. Роль паремиологической аксиологии в декодировании текста эпохи модернизма (на примере сказки О. Уайльда «Преданный друг»).. 52
Коваль В. И. К вопросу о десакрализации фразеологизмов библейского происхождения 57
Колесникова Е. В. Диалектная вариантность общерусских фразеологизмов в говорах старообрядцев Южной Америки 62
Конюшкевич М. И. Функционально-грамматическое поле и парадигматика идиомы *Дело в том, что* 67
Косых Е. А., Краева В. Ю. Цветовой компонент в устойчивых сочетаниях говоров Алтая 72
Котова М. Ю. К вопросу об общеславянском паремиологическом ядре 76
Кравчук М. И. Тематическая классификация фразеологических единиц с этнонимами и производными от них 80
Красовская Я. И. Инсектонимы в составе белорусских фразеологизмов и устойчивых сравнений 84
Кулинская С. В., Кунина М. Н. Паремиология в юридическом дискурсе: преимущества и ограничения 87
Лавицкий А. А., Дединкин А. Л. Универсальное и национально-специфическое во фразеологических образах, репрезентующих человека 93
Лаптева М. Л. Фразеологические средства реализации коммуникативной стратегии несогласия 97
Ляшчынская В. А. Актуальнасць пытанняў фразеалогіі ў граматыцы 100
Майзина А. Н. Цветовые хрононимы в алтайском языке 106
Маслова В. А. В. Н. Телия как первая скрипка в оркестре русской фразеологии 112
Мещерякова О. А. Оценочная семантика цветообозначения в русской пословице и поговорке 115
Мокиенко В. М. О новизне фразеологических неологизмов: практика относительности 120

Муратова Е. Ю. Своеобразие фразеологизмов с точки зрения их происхождения.. 126
Николаева М. Н. Фразеологизмы с колоронимом «зеленый» в итальянском и английском языках..... 130
Ничипорчик Е. В., Гомонова И. Г. Пространственная категоризация безысходности в белорусских паремиях..... 135
Ойноткинова Н. Р. Цвет как способ вербализации концепта в алтайском языке..... 140
Перфилова М. Н. Паремии с цветовым компонентом в рукописном сборнике XVII века «Повѣсти или пословицы всенароднѣйшыя по алфавитѹ»..... 144
Протасеня Н. С. Архетипическая оппозиция «свой – чужой» в архитектурном коде культуры (на материале русского, белорусского и китайского языков)..... 149
Реинер А. И. Процессы развития идиоматичности сочетаний, образованных по модели «*в* + n6 (anim, pl)»..... 154
Рогалёва Е. И., Никитина Т. Г. Коврижки, калачи и гурьевская каша: забытый вкус во фразеографической репрезентации..... 158
Русина Ю. Н. Фразеологические единицы с темпоральным компонентом: структура, семантика, перевод (на материале русского и английского языков). 162
Сабиралиева З. М., Абдыкадырова С. Р. Гендерные стереотипы в пословицах и поговорках славянских и тюркских народов..... 167
Селиверстова Е. И. «Провал» и «неудача» в свете фразеологической неологики.. 173
Сивенкова Н. В., Абрамкина А. С. ИИ-ассистент фразеолога. Польза vs проблемы? 178
Сивова Т. В. Оранжевые королевы и *красные бароны*. Перифрастические титульные номинации в терминах цвета (на материале белорусских СМИ)..... 183
Стародубец С. Н., Агошкова Р. Ф. Функциональная специфика коллоката *духовно*: корпусное исследование 189
Степанова Е. Д. Что отличает свободное сочетание слов от термина-фраземы? (на материале русской и английской интернет-компьютерной терминологии).. 195
Столярова А. Н., Ефименко Е. К. Неофраземы с компонентом *поколение*..... 198
Тимошенко Е. И. Способы представления условно-результативной семантики в русских пословицах 201
Хмелевский М. С., Кузнецова И. В., Савченко А. В. Междометные фразеологические единицы с компонентом *Бог* в современных славянских языках..... 205
Хуан Чжоюэ Фразеологизмы в формировании языковой картины мира телеведущего (на материале авторской телепередачи Н. Михалкова «Бесогон TV»)..... 209
Цветкова Е. В. Серый цвет в костромской микротопонимии..... 213
Шулежкова С. Г. «Большой фразеологический словарь старославянского языка» и его место в современной фразеографии..... 217
Ягафарова Г. Н. Фразеологизмы с компонентом *ҡара* ‘черный’ в башкирской лингвокультуре..... 221

Научное издание

СЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИОЛОГИЯ

Сборник научных статей

Основан в 2020 году

Выпуск 6

Подписано в печать 12.11.2025. Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 26,27. Уч.-изд. л. 22,88.
Тираж 12 экз. Заказ 640.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013 г.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий в качестве:
издателя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013 г.;
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017 г.
Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.